

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

3(45)'2013

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2013

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед.наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

кандидат филологических наук, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2013. – Вып. 3(45). – 234 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш107

Благодарим Министерство образования и науки РФ за материальную поддержку проекта в рамках госзадания № 6.2985.2011 — «Политическая метафорология».

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 3 (45)

Подписано в печать 09.09.2013. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. — 24. Тираж 500 экз. Заказ 4169.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2013

© Политическая лингвистика, 2013

ISSN 1999-2629

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

3(45)'2013

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)
Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)
Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Васильев А. Д. Красноярск, Россия	Заграничные истины: <i>свободный мир vs тюрьма народов</i>	12
Гридина Т. А. Ваулина И. А. Екатеринбург, Россия	<i>ОбъЕГЭрить</i> : новые феномены сознания современного российского социума	22
Иванова С. В. Артемова О. Е. Уфа, Россия	Маршрутизация восприятия и воздействующий потенциал политического интернет-медиатекста	28
Иссерс О. С. Ганеева Д. А. Омск, Россия	«Новое русское слово» в контексте политического дискурса: <i>диалог, оппозиция, креативный класс</i>	37
Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен	48
Орлова Н. В. Омск, Россия	Права человека как концепт компьютерного сетевого дискурса.....	57
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	«Чужие» и «свои» в биполярной и многополярной политической картине мира (оценка в политических комментариях Ивана Яковины)	63
Сипко Й. Прешов, Словакия	Фрагменты языковой картины И. В. Сталина в Словакии	71
Стексова Т. И. Новосибирск, Россия	Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности.....	77

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Андрющенко О. К. Павлодар, Казахстан	Типология интенциональных значений ведущей интенции обещания в современной политической картине мира казахстанских политиков	82
Казаков А. А. Саратов, Россия	Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации	87
Козловская Н. В. Санкт-Петербург, Россия	К проблеме значения лексем <i>византизм</i> и <i>византинизм</i>	91
Коряковцев А. А. Екатеринбург, Россия	Политический анекдот как способ выражения социального протеста (на примере позднесоветской эпохи)	98
Краснова Т. И. Санкт-Петербург, Россия	Образ России: способ репрезентации в падежном фрейме	102

Култышева И. В. Нижний Тагил, Россия	Использование коммуникационных стратегий во время теледебатов избирательной кампании в Государственную думу 2011 года.....	106
Маклашова Е. Г. Якутск, Россия	Дискурс этничности в социально-политических публикациях (на материалах Республики Саха (Якутия)).....	114
Михайлова Т. В. Михайлов А. В. Красноярск, Россия	Опора на «старину» в решениях Стоглавого собора: прошлое в конструировании будущего	121
Стернин И. А. Маклакова Е. А. Воронеж, Россия	Социально-нормативный компонент в структуре значения слова	127
Тагильцева Ю. Р. Екатеринбург, Россия	Война и мир: основные способы выхода из информационно-психологической войны	133
Томова Ю. С. Москва, Россия	Судительные аргументы как способ формирования образа государства	139
Чумакова Е. В. Волгоград, Россия	Прецедентные ситуации как политические эмблемы.....	144
Шапиева Д. З. Москва, Россия	Оценка Ч. Клоувером взаимоотношений США и России в конце 2012 г.....	149

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Барковская Н. В. Екатеринбург, Россия	Книга стихов «Командировочное предписание» Ю. Гуголева: лирическое освоение жанра «делового документа»	154
Горбачева О. Н. Каменева В. А. Кемерово, Россия	Конвергенция вербальных и визуальных стилистических средств в социальной интернет-рекламе как эффективный способ воздействия.....	161
Гутрина Л. Д. Екатеринбург, Россия	«Это наша родина, разрез...»: драматизм истории в лирической книге М. Ватутиной «На той территории».....	166
Орлова О. Г. Кемерово, Россия	Составление словаря стереотипов о русских: содержание и форма	175
Смирнова Т. П. Нижний Новгород, Россия	Современная языковая политика Европейского союза и Российской Федерации: сравнительный анализ	183
Сурина В. Н. Кемерово, Россия	Поликодовое маркирование гиперссылок сайтовых гипертекстов как средство воздействия на глобального реципиента	187
Чувильская Е. А. Шестакова К. С. Логинова Н. А. Насырова Р. Р. Тюмень, Россия	Образ русского туриста глазами немцев	194

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Балукова Н. А. Веснина Л. Е. Екатеринбург, Россия	Коммуникативные стратегии и тактики в текстах религиозной организации «Великое Белое Братство „Юсмалос“».....	199
Барабаш О. В. Пенза, Россия	К проблеме толкования правовых документов: антикоррупционный аспект	209
Злоказов К. В. Екатеринбург, Россия	Экстремистский текст и свойства личности	215

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Мазон А. Страсбург, Франция <i>Пер. с фр. К. Л. Филатовой, Д. В. Спиридонова</i>	Лексика войны и революции в России (1914—1918). Именная деривация	226
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		232

CONTENTS

Editorial principles of the journal "Political Linguistics"	10
---	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Vasiliev A. D. Krasnoyarsk, Russia	The foreign truths: <i>free world vs prison of peoples</i>	12
Gridina T. A. Vaulina I. A. Ekaterinburg, Russia	<i>ObJEGErit</i> : new phenomena of the consciousness of modern Russian society.....	22
Ivanova S. V. Artyomova O. E. Ufa, Russia	Perception routing and persuasion potential of the political Internet media text.....	28
Issers O. S. Ganeeva D. A. Omsk, Russia	"New Russian word" in the context of political discourse: <i>dialogue, opposition, creative class</i>	37
Nakhimova E. A. Ekaterinburg, Russia	The use of corpus methodology in comparative study of precedent names	48
Orlova N. V. Omsk, Russia	Human rights as a concept of a computer network discourse	
Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia	«Friend» and «Alien» in bipolar and multipolar political picture of the world (evaluation in political comments by Ivan Yakovina).....	63
Sipko J. Prešov, Slovakia	Fragments of the language picture of I. V. Stalin in Slovakia.....	71
Steksova T. I. Novosibirsk, Russia	Verbal aggression in Internet comments as manifestation of social tension.....	77

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Andryushchenko O. K. Pavlodar, Kazakhstan	Typology of intentional meanings of the leading intention of promise in the current political world picture of Kazakhstan politicians.....	82
Kazakov A. A. Saratov, Russia	Methods of language manipulation in political media discourse: attempt of systematization	87
Kozlovskaya N. V. St. Petersburg, Russia	The problem of "Byzantinism" and "Byzantism" tokens' meanings.....	91
Koryakovtsev A. A. Ekaterinburg, Russia	Political joke as a means of social protest (on the example of Late-Soviet epoch).....	98
Krasnova T. I. St. Petersburg, Russia	Image of Russia: a way of representation in a case frame	102

Kultysheva I. V. Nizhny Tagil, Russia	The use of communicative strategies in TV debates of election campaign of 2011	106
Maklashova E. G. Yakutsk, Russia	Discourse of ethnicity in socio-political publications (on the materials of the Republic of Sakha (Yakutia))	114
Mikhaylova T. V. Mikhaylov A. V. Krasnoyarsk, Russia	Reliance on the «Old days» in decisions of Stoglavyj Sobor: the past to design the future.....	121
Sternin I. A. Maklakova E.A. Voronezh, Russia	Social-normative component in the structure of word's meaning.....	127
Tagiltseva Yu. R. Ekaterinburg, Russia	War and peace: the main ways out of the informational-psychological war.....	133
Tomova Y. S. Moscow, Russia	Judicial rhetoric as a way to outline the image of the state.....	139
Chumakova E. V. Volgograd, Russia	Precedent situations as political emblems	144
Shapieva D. Z. Moscow, Russia	Ch. Clover's view on relationship of the USA and Russia in late 2012.....	149

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Barkovskaya N. V. Ekaterinburg, Russia	A book of poetry «Travelling instruction» by Yu. Gugolev: lyric learning of a new genre of «Business document».....	154
Gorbacheva O. N. Kameneva V. A. Kemerovo, Russia	Convergence of verbal and visual stylistic means in social Internet advertising as a way of effective influence	
Gutrina L. D. Ekaterinburg, Russia	“This is our homeland, a cut set...”: drama of the history in lyrical book by M. Vatutina “On that territory”	166
Orlova O. G. Kemerovo, Russia	Russia stereotypes glossary: manner and matter	175
Smirnova T. P. Nizhny Novgorod, Russia	Contemporary language policy of the European Union and Russian Federation: comparative analysis	183
Surina V. N. Kemerovo, Russia	Polycode marking of hyperlinks of website hypertext as a means of influence on a global recipient.....	187
Chuvilskaya E. A. Shestakova K. S. Loginova N. A. Nasyrova R. R. Tyumen, Russia	Image of the Russian tourist through the eyes of the Germans	194

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Balukova N. A.	Communicative strategies and tactics	
Vesnina L. E.	in the texts of religious group	
Ekaterinburg, Russia	«Great White Fraternity “Usmalos”»	199
Barabash O. V.	To the problem of interpretation of legal documents:	
Penza, Russia	anticorruption aspect.....	209
Zlokazov K. V.	Extremist text and traits of personality	215
Ekaterinburg, Russia		

PART 5. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Mazon A.	Lexis of war and revolution in Russia (1914—1918).	
Strasbourg, France	Name derivation.....	226
<i>Translated from French</i>		
<i>by K. L. Filatova, D. V. Spiridonov</i>		
Manuscripts requirements		232

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: Кодекс этики научных публикаций (<http://publicet.org/code/>), Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Из истории политической лингвистики», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Из истории политической лингвистики»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры,

с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неформальные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную

в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением

и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'373.612.2
ББК Ш141.2-33

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.49

Код ВАК 10.02.01

А. Д. Васильев **A. D. Vasiliev**

Красноярск, Россия Krasnoyarsk, Russia

ЗАГРАНИЧНЫЕ ИСТИНЫ:

СВОБОДНЫЙ МИР VS ТЮРЬМА НАРОДОВ

Аннотация. На примере фразеологизмов «свободный мир» и «тюрьма народов» рассматриваются технологии политической метафорики.

Ключевые слова: политическая метафорика; «свободный мир»; «тюрьма народов».

Сведения об авторе: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания.

Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

Контактная информация: 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.

e-mail: vasileva@kspu.ru.

THE FOREIGN TRUTHS:

FREE WORLD VS PRISON OF PEOPLES

Abstract. On the basis of phraseological units «free world» and «prison of peoples» the article reveals the technologies of political metaphorsics.

Key words: political metaphorsics; «free world»; «prison of peoples».

About the author: Vasiliev Aleksander Dmitrievich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General Linguistics.

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University n. a. V. P. Astafiev.

Под видом заграничной истины мы беспомощно получаем от своих поставщиков-производителей чистую ложь или озорство совершенно домашнего кустарного изделия.

В. О. Ключевский

Любит русский человек побранить собственное отечество. И то ему, видите ли, в России плохо, и это не нравится. А вот, дескать, в Европе всё здорово. А что здорово — он и сам не знает.

М. М. Зоценко

Политический язык может быть разноаспектно определен как «особая подсистема национального языка, предназначенная для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям, для выработки консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2003: 11]. В иной системе научных координат (при понимании дискурса как одной из составляющих семиотического процесса) политический дискурс считают разновидностью идеологического дискурса [Базылев 2005: 13]. И в том, и в другом случае реализация языковых ресурсов целенаправленна: она подчинена распространению и утверждению в общественном сознании неких идей, идеологических систем, базирующихся на определенных стереотипах. Несомненно, что усилия их создателей и распространителей достигают большего пропагандистского (манипулятивного) эффекта при условии привлекательной сло-

весной упаковки их продукции, т. е. при надлежащем вербальном оформлении, в котором, естественно, используются образные средства языка — тропы, позволяющие не только воздействовать на интеллект объекта (аудитории), но и, что, может быть, еще важнее, стимулировать динамику его эмоций (а следовательно, и моделировать поведение) в направлении, необходимом манипулятору. Среди таких тропов особое место издавна принадлежит метафоре; полагают, что «метафоричность — один из важнейших признаков современной агитационно-политической речи» [Чудинов 2003: 7].

Это связано с тем, что «метафоры — это готовые штампы мышления, но штампы эстетически привлекательные. Это — выраженные художественно стереотипы» [Карамурза 2002: 135]. Ср. определение последнего понятия в одном из недавних исследований: «Стереотип — это упрощенный и эмоционально окрашенный шаблон, используемый человеком в случаях нехватки феноменологического опыта взаимодействия с каким-либо объектом или явлением

и приобретаемый им посредством языка» [Косяков 2009: 3]. Иначе говоря, навязанный вербально выраженный стереотип представляет собой некий суррогат результата подлинного, непосредственного познания действительности, да и ее самой — тоже.

«...Метафора обладает мощным коннотативным ореолом: семы эмотивности, яркая внутренняя форма, образность — всё это дает разнообразные дополнительные приращения смысла и влияет на восприятие текста адресатом» [Чудинов 2003: 48].

Жесткое идеологическое противостояние двух систем может быть представлено воплощением универсальной семиотической оппозиции *свое/чужое* = *хорошее/плохое*, причем всё, понимаемое как *свое*, оценивается безусловно положительно, а квалифицируемое как *чужое* — столь же безусловно отрицательно.

Абсолютизация же достоинств «своего» и ущербности «чужого» получала в ходе «борьбы миров» различные метафорические экспликации. Механизмы их воздействия на сознание могут быть описаны, например, следующим образом: манипулятивная «функция метафоры реализуется в создании некоего представления о действительности, которое нужно политику-оратору и которое, чаще всего, кардинально отличается от реального положения вещей в мире. Таким образом, оратор „манипулирует“ представлениями реципиента, как бы „переконцептуализируя“ политическую реальность. Метафора в данном случае позволяет выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым, либо, наоборот, отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий и пр. ...Метафора предстает не только средством познания социальной реальности, но и сильным социальным орудием навязывания идеологии» [Керимов 2007: 66].

Подобные феномены могут быть наглядно проиллюстрированы на примере внедрения в сознание советско-российского социума двух антонимичных (и при этом комплементарных) импортных метафор: *свободный мир* и *тюрьма народов*.

***

Понятие «свобода» — одно из тех, которые неизменно актуальны на протяжении всей истории человеческого общества и в силу этого столь же неизменно притягательны для разноаспектного осмысления и изучения представителями различных гуманитарных наук.

Приведем в качестве примера данные одного из недавних исследований, посвя-

щенного раскрытию национальной специфики бытования концепта *свободная страна* в русском, немецком и американском когнитивном сознании [Онищенко 2009]: автор исходит из того, что «в отличие от многих идиом *свободная страна* явно имеет смысл, который можно объективировать, а следовательно, извлечь» [Там же: 91] (хотя насколько это словосочетание идиоматично — уже другой вопрос: вернее было бы, наверное, говорить о фразеологизированном идеологическом стереотипе). В результате тщательного анализа с применением взаимодополняющих методик получены довольно интересные результаты: «Для русского языка наиболее частотными лексическими объективациями концепта являются: *независимая, суверенность, демократия, богатая, сильная, счастливая, благополучная, справедливая, забота о гражданах, США, Россия...* Для американского концепта — это: *the USA, Canada, England, democracy, republic, liberty, freedom...* Для немецкого концепта: *Demokratie, Deutschland, Schweden, Meiningsfreiheit...*» [Там же: 92—93]. В русском же национальном сознании „свободная страна — это США“ — прежде всего — и только потом (для значительно меньшего числа людей) Россия» [Там же: 101]; «США позиционируют себя как страна (равных) возможностей» [Там же] и «в отдельных государствах (выходит, и в России тоже! — А. В.) складывается мнение о России как о несвободной стране» [Там же: 102].

Было бы совершенно нелишним попытаться выяснить хотя бы наиболее вероятные причины, обусловившие такие представления о степени свободы/несвободы собственной страны, которые прочно сложились в сознании «уважаемых россиян».

Говоря о предпосылках, позволивших осуществить в 1980—1990-х гг. в СССР «революцию сверху» и ее перестроечный этап без насилия (точнее, *почти* без вооруженного насилия) и без явного столкновения крупных социальных сил, называют отрыв сознания советских граждан от здравого смысла и житейской мудрости. «Поколения, создавшие советский строй, определили главный критерий выбора — *сокращение страданий* ... Ради этого были понесены большие жертвы, но уже с 60-х годов возникло стабильное и нарастающее благополучие ... В ходе перестройки ее идеологи убедили политически активную часть общества изменить выбор — пойти по пути *увеличения наслаждений* и пренебречь опасностью массовых страданий ... Как пример успешного продвижения по пути *увеличения наслаждений* идеологи перестройки дали

советским людям Запад, представленный **светлым мифом** (выделение полужирным курсивом здесь и далее наше. — А. В.)» [Кара-Мурза 2002: 327—330]. Таким образом на совершенно конкретном примере можно наблюдать реальные последствия взаимной замены компонентов универсальной семиотической оппозиции 'свое'/ 'чужое' (в других модификациях также 'хорошее'/ 'плохое', 'сакральное'/ 'профанное' и т. д.): 'свое' стало восприниматься как 'плохое' и, напротив, 'чужое' — как 'хорошее'.

Такое стало возможным в том числе и потому, что *архитекторы и прорабы перестройки*, взяв на вооружение «светлый миф о Западе», растиражировали и внушили его послушной и не в меру доверчивой аудитории. Им даже не пришлось что-либо изобретать: этот миф задолго до перестройки был сконструирован их старшими зарубежными партнерами и активно транслировался всеми доступными способами в форме представления о Западе как о *свободном мире*.

По свидетельству американского социолога С. Ниринга, «термин *свободный мир* выбрали, завизировали и пустили в обиход люди, утверждавшие, что свобода — не просто благо, а высшее, главное благо. В поисках лозунга, который стал бы аксиомой и саморекламой, современные западные лидеры перебрали целый ряд эпитетов, как-то: *цивилизованный* (ср. постоянные пропагандистские рассказы о «цивилизованных государствах» — А. В.), *христианский, западный*, отвергнув их по причине неэффективности и неубедительности. Они остановились на слове *свободный*, услышав в его звучании самый вдохновенный, всеобъемлющий и убедительный панегирик западному образу жизни» [Ниринг 1966: 75—76]. Действительно, «концепция свободы играет главную теоретическую и политическую роль в формировании взглядов, в пропаганде той или иной политики ... Свобода — это возможность осуществить выбор, принять решение и воплотить его в жизнь без принуждения и самостоятельно...» [Там же: 15]. Однако «свобода осуществления личных стремлений за счет общественных способна подорвать общественное благополучие и составить угрозу самой его основе. Осуществление личных целей, доведенное до крайнего противоречия с целями общественными, ослабляет, раскалывает и, возможно, даже приводит коллектив к гибели... Свобода хозяина эксплуатировать подчиненных по-прежнему составляет основу внутренних взаимоотношений в любом обществе частной инициативы... Свобода — сама по себе несовершенное понятие, оно

нуждается в конкретизации...» [Там же: 18, 34, 37]. Конечно, об этих прелестях *свободного мира* — как оборотной стороне свободы и ее неперемennых условиях — советской аудитории ее перестройщиками благоразумно не сообщалось (как и сегодня — российской, которая, впрочем, уже смогла наслаждаться некоторой сопричастностью к «свободному миру»). Очевидно, потому так живучи внесенные до и во время перестройки стереотипы, обнаруживающиеся подчас и в научных трудах лингвистов, у которых Америка ассоциируется не только прежде всего с материальным благополучием, но и со свободой, возможностью реализации творческого потенциала личности [Мазнева 2002: 96]; по мнению другого ученого, «в США ... на первое место ставится отношение к человеческой личности как к высшей ценности» [Шляхтина 2008: 94], да и вообще «для формирования взрослой культурной среды в стране (России) ... нужно административное принуждение ... Необходимо внедрять этикет внешнего вида и поведения на службе, ставить контролеров в офисах, как в Америке» [Стернин 2000: 165] (ср. пресловутые *дресс-код, фейсконтроль* и т. п.). Таковы плоды идеологического просвещения.

Конечно, успех предприятия перестройщиков был обеспечен в том числе и тем, что Советский Союз представлял собой четко централизованное государство, населенное в основном дисциплинированными подданными, и тем, что его правители сумели использовать это при «перестройке». Закономерно, что впоследствии один из главных ее исполнителей (уже будучи в отставке за ненужностью), объясняя задним числом свою деструктивную политику (впрочем, для благодарной зарубежной аудитории), тоже оперировал понятием «свобода» как символом-концептом: «Целью **всей** моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми <...>. Путь народов к **действительной свободе** труден и долг, но он обязательно будет успешным. Только для этого весь мир должен **освободиться** от коммунизма» [Горбачёв: «Целью моей жизни было уничтожение коммунизма»].

Понятие «свобода» концептуально весьма содержательно, а потому его вербальные воплощения усердно и успешно применяются в спекулятивно-пропагандистских операциях. В частности, «в демократическую эпоху кому-то в целях манипуляции сознанием плохо думающей публики потребовалось выдвинуть тезис о свободе слова. Но сегодня-то всякому человеку хорошо известно, что нынешний тоталитаризм СМИ похлеще советского» [Аннушкин 2009: 177].

Ведь априорно понятно, что «с точки зрения семантики „свобода слова“ — это оксюморон, сочетание того, что изначально не сочетается. Идеологическое слово по природе своей не может быть свободным» [Коньков 2009: 89]. Так и слово *демократия*, зачастую как бы подверстываемое к слову *свобода*, что может основываться в том числе и на некоторой общности семантических компонентов (ср.: «*демократия* — 1) форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и *свобод*» ◇ «*буржуазная демократия* — форма государственной организации, при которой формальное равенство политических прав и *свобод* всех граждан прикрывает собой господство буржуазии над трудящимися» [МАС₂, 1: 385]), тоже является традиционно востребованным в словесном обеспечении политических затей — как в глобальном масштабе, когда агрессия в целях овладения природными ресурсами ведется под предлогом осчастливить кого-нибудь демократией, так и во внутрисударственном применении (и действительно, «демократия куда лучше, чем диктатура, если только парламентское большинство на нашей стороне» [Бёлль 1990, 2: 632]).

Итак, эталон *свободной страны* обнаружен: он присутствует, как и следовало ожидать, в *свободном мире*. Оказывается, однако, что «когнитивный образ концепта (*свободная страна*) в русском, американском и немецком национальном сознании имеет общий признак — *свободная страна не похожа на тюрьму*» [Онищенко 2009: 98]. Такая антитеза вовсе не случайна.

***

Вполне возможно, что определенный новейшими идеологами статус нашего многострадального и долготерпеливого Отечества имеет довольно солидную биографию и тоже оказался выражен метафорически, а именно определением *тюрьма народов*.

Наиболее вероятный исторический источник этой метафоры — сочинение француза А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (эту книгу А. И. Герцен назвал «самой занимательной и умной книгой, написанной о России иностранцем» — цит. по: [Ашукин, Ашукина 1986: 643]). Там говорится, в частности: «Империя эта при всей своей необъятности — не что иное, как *тюрьма*, ключ от которой в руках у императора... Жизнь *тюремщика* всегда представлялась мне столь похожей на жизнь узника... Обратите внима-

ние на то, что в русском языке слово „*тюрьма*“ означает нечто большее, чем в других языках (то ли дело — Бастилия или Тауэр! — А. В.). Дрожь пробирает, как подумаешь обо всех тех жутких подземельях, которые в стране этой, где всякий с рождения учится не болтать лишнего, скрыты от нашего сочувствия за стеной вымуштрованного молчания» [Кюстин 1996, 1: 251]; «...Я вынес наконец суждение о Николае I ... Это человек с твердым характером и непреклонной волей, — без этих качеств невозможно стать *тюремщиком* третьей части земного шара...» [Кюстин 1996, 2: 23].

Позднейший комментатор справедливо замечает, что А. де Кюстин говорил не о межнациональных отношениях, не об угнетении метрополией *нерусских* народов, но о равно незавидном положении *всех* народов, находившихся под властью императора, «об отсутствии в России гражданского общества (и просто независимого общественного мнения), способного противостоять воле монарха, который по своей необъятной власти почти равен азиатскому владыке ... Позже это выражение переосмыслил В. И. Ленин, который сделал упор на угнетении *нерусских* народов в России. Например: „Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной ... мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя... После этой меры миллионы... „обывателей“ стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть „*тюрьма народов*“ (статья „К вопросу о национальной политике“)» [Серов 2005].

Действительно, В. И. Ленин немало способствовал тому, чтобы «окрылить» инвективную (у него — именно по отношению к русским) метафору: «Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую *справедливо* называют „*тюрьмой народов*“» [Ленин 1976: 145] (кстати, цитируемый автор повод для «национальной гордости» находит прежде всего в том, что «великорусская нация *тоже* создала революционный класс» [там же: 146]). Отношение вождя мирового пролетариата к русским совершенно недвусмысленно в контексте этой хрестоматийно-знаменитой статьи: «А экономическое процветание и быстрое развитие Великороссии требует освобождения страны от *насилия великороссов над другими народами*» [там же: 147]. — «...Необходимо длительное воспи-

тание масс в смысле самого решительного, последовательного, смелого революционно-отстаивания полного равноправия и права самоопределения **всех угнетенных великороссами наций**» [Там же: 148]. Ср.: «Среди **угнетенных народов России** вспыхнуло освободительное национальное движение... Например, **мусульмане**, составляющие десятки миллионов населения России, с изумительной быстротой организовали тогда — это была вообще эпоха колоссального роста различных организаций — мусульманский союз... **Евреи** доставляли особенно высокий процент (по сравнению с общей численностью еврейского населения) вождей революционного движения. **И теперь** евреи имеют, кстати сказать, ту заслугу, что они дают относительно высокий процент представителей интернационалистского течения по сравнению с другими народами» [Ленин 1976: 174—175]. Таким образом, **всем** — без исключения — великороссам, т. е. русским, отведена роль тюремщиков («угнетателей»), остальные же являются заключенными («угнетенными»). Неудивительно, что зачастую само авторство крылатой метафоры ошибочно приписывается В. И. Ленину, а также и то, что она якобы характеризует «царскую Россию с ее политикой **угнетения нерусских народностей**» [Ашукин, Ашукина 1986: 643].

Следует сказать, что среди радикальных (а может быть, и не только радикальных?) российских революционеров не одни лишь большевики-ленинцы охотно тиражировали пропагандистский штамп «Россия — **тюрьма** (нерусских) **народов**» (иногда — с некоторыми вариациями в словесном оформлении). Когда-то временные союзники большевиков, а затем их противники, социалисты-революционеры (эсеры) тоже не упускали случая использовать эту, с их точки зрения, неубиенную карту (точнее, может быть, идеологическую дубину, оглушившую очень многих). Так, один из бывших основателей, предводителей и идеологов эсеров В. М. Чернов даже спустя многие годы после революции, находясь в эмиграции, в своих мемуарах продолжал утверждать: «Россия была при старом режиме „**темницею народов**“, и революция разбудила ее **узников** — т. н. „негосударственные национальности“» [Чернов 1991: 353]. Впрочем, такая позиция тоже не удивительна, если принять во внимание высокоинтернациональный состав этой партии, особенно ее верхушки (см.: [Чернов 1991: 337—339, 340, 343 и др.]).

Стоит заметить, что книга «Россия в 1839 году» издавалась на русском языке — в Москве — по крайней мере трижды: в 1930 г.,

а также в 1990 и 1996 гг. Очевидно, творцы идеологических стереотипов в каждый из указанных периодов были уверены в сугубой целесообразности широкой публикации этого сочинения как аргументированного оправдания своего отношения к России и русским, а следовательно — и теоретического обоснования соответствующей политики, в том числе кадровой.

В то же время чрезвычайно широкому тиражированию метафоры **тюрьма народов** несомненно способствовало преподавание в советских вузах одной из так называемых общественных наук, которая сначала именовалась «Историей Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» («История ВКП (б)»), затем — «Историей Коммунистической партии Советского Союза» («История КПСС»). Обязательность прочного усвоения этой во многих отношениях интересной учебной дисциплины подразумевала, между прочим, и неперенное знакомство (в том числе в форме тщательного конспектирования) с трудами основоположников марксизма-ленинизма, компартийными документами и, естественно, с текстами соответствующих учебников. Обратимся к исходным позициям хотя бы двух из них.

«Царская Россия была **тюрьмой народов**. Многочисленные **нерусские народности** царской России **были совершенно бесправны**, беспрестанно подвергались всяческому унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на **коренные народности** национальных областей как на низшую расу, называло их официально „инородцами“, воспитывало презрение и ненависть к ним. Царское правительство сознательно разжигало национальную рознь, натравливало один народ на другой, организовывало еврейские погромы, татаро-армянскую резню в Закавказье. В национальных областях все или почти все государственные должности занимали русские чиновники. ... Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов» [История ВКП (б) 1953: 6]. — «Царская Россия была **тюрьмой народов**. **Нерусские народы**, составлявшие 57 процентов населения, **были совершенно бесправны**, подвергались хищнической эксплуатации, терпели унижения и оскорбления. Царские чиновники творили над ними суд и расправу. Национальная культура нерусских народов подверглась гонению... Правительство официально называло нерусские народы „инородцами“, старалось привить русским презрение к ним. Царские власти натравливали одну нацию на другую, организовывали еврейские погромы, резню

между армянами и азербайджанцами» [История КПСС 1970: 12].

Как видим, сколько-нибудь принципиальные текстуальные различия обнаружить трудно. На протяжении нескольких десятилетий в сознание советского студенчества — будущей интеллигенции — внедрялась (вбивалась) сугубо отрицательная оценка роли русских в истории дореволюционной (т. е. до октября 1917 г.) России как народа — тюремщика других ее народов.

Кстати, подобный подход широко практиковался в вузовском преподавании и лингвистических дисциплин. Ср.: «Историко-филологическое отделение Академии наук выдвигало И. А. (Яна Игнацы Нецислава) Бодуэна де Куртенэ в действительные члены Академии, но его кандидатура была отклонена по политическим соображениям как слишком большого радикала для тех времен. Радикализм этот заключался в том, что Бодуэн <...> выступил в защиту **малых национальностей, угнетавшихся царским правительством**. В 1913 г. он издал написанную еще в 1905 г. брошюру „Национальный и территориальный признак в автономии“, в которой обвинял **царское правительство в закабалении и угнетении малых народностей** („инородцев“) в России» [Березин 1976: 174].

По мере творческих сил старались не дать забыть о такой трактовке роли русских в отечественной истории и мастера художественного слова. Уже в 1987 г. популярный тогда советский писатель призывал (причем не ссылаясь на первоисточник, в те времена хрестоматийно известный): «Не надо равнять Россию, бывшую „*тюрьмой народов*“, с братством нашего социалистического Союза республик, которым наш великий русский народ дал свободу и будущее!» [Семенов 1991: 515] (вероятно, упоминание о „*тюрьме*“ здесь предопределено некоторыми обстоятельствами личной биографии автора, а суждение насчет русского народа приведено для некоего баланса-реверанса. Впрочем, цитируемое произведение написано очевидно на том этапе перестройки — 1987 г., — когда уже модно было проклинать Сталина, но при этом еще следовало публично сокрушаться об утрате чистоты ленинского наследия).

Закономерна популяризация выражения „*тюрьма* (нерусских) *народов*“ как идеологической доминанты разноплеменными большевиками-ленинцами, ведь такая оценка одновременно подчеркивала **их** статус как **самых** угнетенных, униженных и оскорбленных и по-своему логично обосновывала **их** особые, приоритетные права на главенство не только в революционном движении, но и

в послереволюционное время — например, при распределении руководящих партийных, правительственных и прочих командных постов. Это позволяет лучше осмыслить векторы политических деклараций и следовавших за ними организационно-практических мероприятий. Так, в 1921 г. X съезд РКП (б) «направил главный свой удар против великодержавности как главной опасности, т. е. против остатков и пережитков такого отношения к национальностям, какое проявляли к нерусским народам великорусские шовинисты при царизме» [История ВКП (б) 1953: 246]. — «Что же понималось под «великодержавным шовинизмом» и что означала борьба с ним? Бухарин разъяснял: „...**Мы** в качестве бывшей великодержавной нации должны <...> поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям“. Он требовал поставить русских „в положение более низкое по сравнению с другими...“» [Шафаревич 1990: 20]. Не случайной в 1930—1931 гг. следует считать и, казалось бы, не самую главную, но очевидно привычную для современников деталь так называемой «общественной жизни» советского учреждения, когда перечисляются стандартно-обязательные «ячейки добровольных обществ, имевшие своей целью спешествовать развитию авиации, химических знаний, автомобилизма, конного спорта, дорожного дела, а также скорейшему уничтожению великодержавного шовинизма» [Ильф, Петров 1957: 501]. В отличие от некоторых других масштабных замыслов большевиков (вроде мировой революции и пр.), этот был успешно реализован; причем, судя по некоторым симптомам, утрата коммунистической идеологией статуса официально доминирующей в России вовсе не означает прекращения ее дерусификации, выражающейся в том числе и в упоминаниях пресловутой *тюрьмы народов*. О живучести стереотипа можно судить и по относительно недавним лингвистическим публикациям; например: «Царская Россия **прослыла** *тюрьмой народов*. Дети разных народов отбывали срок в „исправительных лагерях“ и „трудовых колониях“ СССР» [Таирбеков 1998: 97] (весьма показателен здесь знак равенства между царской Россией и СССР — как *тюрьмами* для «разных народов», в число которых русские по известной инерции не включаются).

***

Метафорически воплощаемая позиция Запада по отношению к России остается константной многие годы. Например, Федеральный канцлер ФРГ Х. Шмидт даже во времена так называемой разрядки междуна-

родной напряженности начала 1980-х гг. высокомерно-пренебрежительно трактовал Советский Союз как «Верхнюю Вольту с ракетами» (вариант: «Верхняя Вольта с баллистическими (или: атомными) ракетами») [Душенко 2006: 536]; такое метафорическое определение может быть интерпретировано по-разному: и как оценка низкого культурного уровня населения и/или его материального благосостояния, и как суждение о несопоставимости военной мощи страны и ее отставания во всех других областях, и еще каким-то образом, но в любом случае сугубо отрицательно. Следует полагать, что и здесь идеологические и политические критерии совершенно ни при чем: речь идет опять же о «варварской России» и «русских дикарях», которые ни в малейшей степени не заслуживают — в глазах просвещенного европейца и главы цивилизованного государства — уважения к себе как «равноправному партнеру», а потому к ним применимы какие угодно меры воздействия: от экономических санкций до военной агрессии.

Совершенно логичными продолжениями метафоры *свободный мир* стали *цивилизованные государства* и *мировое сообщество* (до сих пор циркулирующие в российском официозе, транслируемом через СМИ), а метафору *тюрьма народов* сменила *империя зла* («...В 1983 г. президент США Рональд Рейган заявил, что вожди коммунистического тоталитаризма „олицетворяют зло в современном мире“, и осудил „агрессивные устремления *империи зла*“, т. е. СССР» [Душенко 2006: 273]). Да и сегодня «на Западе вовсе не считают Россию частью Европы. Главная идея Европы в отношении России — идея не партнерства, а сдерживания» [Рар 2006]. Даже отреформированную по зарубежным лекалам Россию охотно обвиняют в чем угодно, например в том, что... «она помешала мирному решению иракского конфликта, а ее действия привели к вооруженному вторжению в Ирак <...>. Выступая <...> перед депутатами британского парламента, Джон Соз <глава британской разведки> заявил, что именно Россия ответственна за провал попыток ввести в 2001 г. против режима Саддама Хусейна так называемые разумные санкции, которые позволили бы избежать вооруженного столкновения» [Советская Россия. 2009. 12 дек. С. 3].

Конечно, можно сказать, что в книге «Россия в 1839 году» и в других подобных заграничных опусах дана характеристика России извне, с точки зрения стороннего и весьма пристрастного наблюдателя. Но вот по существу пример скрытой манипуляции метафорой-штампом «Россия — *тюрьма*

народов» уже применительно к недавней *внутриполитической* ситуации: «Первую работу, чтобы направить мысли и чувства чеченцев к мести, произвели демократы из Москвы — старовойтовы и бурбулисы, нуйкины и приставкины. Вместо „народа, отбывшего наказание“ чеченцы вдруг были превращены в „репрессированный народ“. Кто же их „репрессировал“? Россия! Так ведь ставили вопрос наши демократы... Вина на политиках, но с помощью пропаганды ее нетрудно переложить на Россию в целом, на русских. Этим активно занимался С. Ковалев» [Кара-Мурза 2002: 177—178].

Несколько ранее и другие граждане СССР, вероятно, всерьез считали себя узниками *тюрьмы народов* (из которой некоторым удавалось бежать с помощью угона самолетов; правда, при этом случались человеческие жертвы, но ведь несчастные беглецы спасались из темницы!), где были обречены на пожизненное тяжкое томление, например: «После 85-го он <Марк Рудинштейн> выбился из стаи (т. е. благодаря «перестройке». — А. В.), а мог бы превратиться в *обычного затравленного* советского еврея, отказника...» [Ближний круг. RenTV. 2001. 16 дек.] («отказник — ‘в советское время: тот, кому отказано в праве выезда за границу’» [ТССРЯ 2001: 541]).

Возможны и иные оценки рассматриваемой здесь политической метафоры. Например, выдающийся отечественный славист академик О. Н. Трубачёв считал, что «образцом национального образования государства была и остается Российская империя. В ней нехудо жилось не только титульной нации, но и доброй сотне других народов. Запущенный в свое время миф „Россия — тюрьма народов“ живуч, по-прежнему кому-то нужен, но оттого не менее гнусен (проверка показала, что даже оплакиваемая всеми прогрессистами русская Польша и после ряда своих восстаний в XIX веке в сущности продолжала культурно процветать, оставляя в этом отношении, например в школьном образовании на родном языке, далеко позади славян такой европейской державы, как Австро-Венгрия. Не всем дано понять (точнее, вероятно, кто-то очень хочет, чтобы этого не понимали, экстраполируя метафору «*тюрьма народов*» на СССР, а заодно уж и на РФ! — А. В.), что в сущности и Советский Союз является преемником русского национального государствообразования. По крайней мере, у нас избегают об этом распространяться...» [Трубачёв 2004: 185]. Избегают об этом говорить и по сей день.

О культивировании традиционного вектора политики зарубежных государств сви-

детельствуют и данные недавних исследований. «Так, в отдельных государствах складывается <!> мнение о России как о несвободной стране... В 2004 году международная организация Freedom House впервые <!> назвала Россию „целиком несвободной страной“. В глазах мирового сообщества (обычно под так называемым *мировым сообществом* подразумеваются одно-два государства, иногда — чуть более. — А. В.). Россия вернулась во времена СССР и „холодной войны“» [Онищенко 2009: 102]. Хотя уж сегодня-то любой может выехать из РФ (за исключением лишь недобросовестных плательщиков) либо въехать в нее совершенно беспрепятственно, аналогия страны с неким местом лишения свободы продолжает сохраняться. Кстати, при упоминании об оценках России (или какой-либо иной страны), подобных цитированной выше, почему-то не задаются поиском ответов на, казалось бы, вполне естественные вопросы: какая квалификационная шкала при этом применяется; каково эталона придерживаются эксперты, кто они и на каком основании выступают в этой роли; что представляют из себя свободолюбивые организации, кем они управляются и на чьи средства финансируются и т. п. Весьма возможно, что если бы на подобные детали обращали больше внимания, то у многих «уважаемых россиян» было бы гораздо меньше поводов не только заниматься самоуничтожением, но и — хотя бы молча — соглашаться с якобы объективными выводами исторических недругов России. Впрочем, созвучные им мнения «изнутри» также имеют свои традиции, описанные в частности Ф. М. Достоевским; философствующий лакей Смердяков заявлял: «Я всю Россию ненавижу... В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона..., и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе» [Достоевский 1958, 9: 282]. Другой персонаж того же автора замечает: «...от лакейства мысли все это ... Ненависть тут тоже есть..., они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться! Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм ввевшаяся...» [Достоевский 1957, 7: 146—147].

***

Рассмотренные нами политические метафоры образуют, в силу своей направлен-

ности, тандем, но при этом — антонимическую пару, или смысловую оппозицию, выстроенную по образцу универсального семантического противопоставления ‘сакральный’/‘профанный’ (‘хороший’/‘плохой’), конкретные лексические воплощения компонентов которого могут, как и во многих других случаях, варьироваться; ср.: *свободный мир* (*свободная страна, цивилизованные государства, мировое сообщество, демократические государства, западные демократии* и т. д.) / *тюрьма народов* (*тоталитарное государство, империя зла, Верхняя Волта с ракетами* и т. д.). При этом противопоставление не обязательно имеет выраженный характер: возможно, более частотными оказываются именно случаи не эксплицитированной вербально, но в то же время несомненной антитезы, второй (не называемый) компонент которой заранее присутствует в сознании адресата и становится автоматической реакцией на первый как стимул. Другими словами, если есть (а агитпроп, в любом его облики, успел внушить, что безусловно есть) *свободный мир* (или другие варианты), то обязательно должен быть и некий *несвободный мир* (также в разных словесных воплощениях вроде *империи зла*). И наоборот: поскольку реальна *тюрьма народов* (*тоталитарное государство*), постольку существует *свободный мир*, и т. д. Такое молчаливое соподраживание весьма эффективно, в том числе и потому, что, являясь стереотипным, не подлежит попыткам аналитического осмысления речедееателем: гораздо проще и удобнее воспринять аксиому, нежели искать доказательства теоремы. Кроме того, самые фантастичные инвективные мифогены, будучи используемыми в отрыве от своих антонимических пар, наверняка более выигрышны; ведь «глупость осуждения не столь заметна, как глупая похвала» [Пушкин 1978, 8: 64]. Конечно, упомянутая интеллектуальная составляющая также весьма значима в суггестивном отношении; ср. суждение запоздало прозревшего либерала по поводу «беззаконных бумажек» — революционных прокламаций: «вся тайна их эффекта — в их глупости!... Будь это хоть каплю умнее высказано, и всяк увидел бы тот час всю нищету этой коротенькой глупости. Но ... никто не верит, чтоб это было так первоначально глупо» [Достоевский 1957, 7: 505].

Потому в информационно-психологической войне кардинально важно, **кто** из противников для привлечения на свою сторону так называемого общественного мнения сделает выпад первым (один из многих поучительных и печальных примеров — него-

товность российских политтехнологов к пропагандистскому обеспечению позиции РФ в грузинско-югоосетинском конфликте 2008 г.). Именно активно проявляемая инициатива зачастую оказывается решающей. Скажем, зарубежные «правозащитные» организации исходят из того, что в их цивилизованных отечествах права любого человека и гражданина защищены самим государством абсолютно надежно, а потому есть неоспоримые основания насаждать такую же модель социально-политического устройства по всему земному шару — это, конечно же, не войны, а мирные инициативы (миротворческие операции) и не интервенция и оккупация, а гуманитарные акции и т. п. Последовательность логических построений примерно такова, как в этических умозаключениях джефферсонцев: «...дурное одурчит лишь дурную женщину... Но добродетельную женщину оно не проведет, ибо если она добродетельная, значит, ей уже нет нужды до своей или чужой добродетели, и потому она в избытке располагает временем, чтобы учуять грех» [Фолкнер 1985, 2: 48] (применительно к политической сфере «грех» — это якобы нарушения прав человека в других странах и недостаток там демократии, обычно при изобилии природных ресурсов, дешевой рабочей силы, стратегически выгодного географического положения и т. п.).

Если вообще «выбор метафорической модели навязывает, формирует набор альтернатив разрешения проблемной ситуации» [Баранов 2003: 134—135], то клишированное употребление рассмотренных метафор, выступающих в двуединстве (даже, как уже сказано, при экспликации лишь одного из компонентов антитезы), собственно, и предлагает внешне логичную (а в действительности — сугубо ложную) альтернативу. Прочно усвоивший ее индивидуум вряд ли будет обременять себя поисками каких-то аргументов, которые могли бы подтвердить (или опровергнуть) справедливость штампованной символической оценки.

Примеры использования явно эффективных идеолого-политических метафор *свободный мир / тюрьма народов* как оппозиции абсолютной свободы / абсолютной несвободы, порождающего желаемые манипуляторами ассоциации, — это примеры умелого жонглирования пропагандистскими мифогенами, которые иницируют и внедряют в массовое сознание программируемые стереотипы: ложный сигнал к самоубийственному действию — инструмент информационной войны [Кара-Мурза 2002: 393].

В заключение следует отметить ту роль, которую играют в тиражировании рассмот-

ренных концептуальных стереотипов — в тех или иных вербальных модификациях — российские СМИ. Они в абсолютном большинстве своем поражены тем, что было определено как «патологическая западофилия», замешенная, в свою очередь, на «маниакальной западофилии российских либералов» [Поляков 2005: 306, 380] (позднее журналист М. Леонтьев квалифицировал те же настроения как «клиническую американофилию»). Либо прямо, либо косвенно Россия и русские обвиняются в некоей «ущербности», т. е. несоответствии стандартам западной ментальности, которые, в свою очередь, объявляются идеальными, но для наших соотечественников по большей части недостижимыми. Однако подобные подходы и оценки вряд ли могут способствовать хоть какому-то улучшению ситуации в стране в силу их несомненной деструктивности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннушкин В. И. Язык и духовное состояние общества // Речевое общение: специализированный вестн. — Красноярск : СФУ, 2009. Вып. 10—11 (18—19). С. 172—180.
2. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. — М., 1986.
3. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Известия УрГПУ. Лингвистика. — Екатеринбург, 2005. Вып. 15. С. 5—32.
4. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М., 2003. С. 134—140.
5. Бёль Г. Столичный дневник // Бёль Г. Собр. соч. : в 5 т. Т. 2. — М., 1990. С. 629—638.
6. Березин Ф. М. Хрестоматия по истории русского языкознания. — М., 1973. 504 с.
7. Горбачёв: «Целью моей жизни было уничтожение коммунизма» // Отечественные записки. 2010. № 15. 19 авг. С. 16. Цит. по: USVIT : газ. (Словакия). 1999. № 24.
8. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 10 т. Т. 7. — М., 1957.
9. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы Ч. 1—3 // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 10 т. Т. 9. — М., 1958.
10. Душенко К. В. Словарь современных цитат. 4-е изд. — М., 2006.
11. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. — Новосибирск, 1957.
12. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). — М., 1953.
13. История Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1970.
14. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 2002.
15. Керимов Р. Д. Манипуляция массовым сознанием в политическом дискурсе // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь

адаптации мигрантов к проживанию в России. — Екатеринбург, 2007. С. 65—66.

16. *Коньков В. И.* Воздействующая речь в печатных средствах массовой информации // Речевое общение. — Красноярск, 2009. Вып. 10—11 (18—19). С. 83—89.

17. *Косяков В. А.* Стереотип как когнитивно-языковой феномен (на материале СМИ, посвященных войне в Ираке) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2009.

18. *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году : в 2 т. — М., 1996.

19. *Ленин В. И.* Сборник произведений. — М., 1976.

20. *Мазнева Е. В.* Категория оценочности в СМИ в свете проблемы толерантности // Русский язык: история и современность. — Челябинск, 2002. Ч. 1.

21. *Нириг С.* Свобода: обещание и угроза. — М., 1966.

22. *Онищенко М. С.* Национальная специфика концепта свободная страна в русском, немецком и американском языковом сознании // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 91—102.

23. *Поляков Ю. М.* Порнократия. — М., 2005.

24. *Пушкин А. С.* Table-talk // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. — Л., 1978. Т. 8. С. 64—83.

25. *Пушкин А. С.* Борис Годунов // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. — Л., 1978. Т. 5. С. 187—280.

26. *Рар А.* Вести // РТР. 2006. 7 сент.

27. *Семенов Ю. С.* Репортер // Семенов Ю. С. Бриллианты для диктатуры пролетариата. Репортер. — М., 1991. С. 301—559.

28. *Серов В.* Энциклопедический словарь слов и выражений. 2-е изд. — М. : Локид-Пресс, 2005.

29. *Словарь русского языка* : в 4 т. Изд. 2-е. = МАС2. — М., 1981—1983.

30. *Стернин И. А.* Можно ли культурно формировать культуру в России? // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. — Екатеринбург, 2000. С. 161—165.

31. *Таирбеков Б. Г.* О номинации валюты в криминальной криптологии // Язык и социум. — Минск, 1998. Ч. 1. С. 95—99.

32. *Толковый словарь современного русского языка.* Языковые изменения конца XX столетия = ТСССРЯ / под ред. Г. Н. Складневской. — М., 2001.

33. *Трубачёв О. Н.* Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового единства славян. — М., 2004.

34. *Фолкнер У.* Свет в августе // Фолкнер У. Собр. соч. : в 6 т. — М., 1985. Т. 2. С. 5—342.

35. *Чернов В. М.* 1917 год: народ и революция // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. — М., 1991. С. 337—360.

36. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). 2-е изд. — Екатеринбург, 2003.

37. *Шафаревич И.* Из статьи «Русофобия» // Русский вестник. — Л., 1990. С. 17—20.

38. *Шляхтина Е. В.* Употребление термина политкорректность в российских СМИ // Русский язык и ментальность : материалы 37-й Междунар. филолог. конф. — СПб., 2008. С. 94—99.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Т. А. Гридина Т. A. Gridina

И. А. Ваулина I. A. Vaulina

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ОБЪЕГЭРИТЬ:
НОВЫЕ ФЕНОМЕНЫ СОЗНАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО СОЦИУМА**

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования новообразования «объЕГЭрить» в современном социокультурном пространстве. Экспериментально выявляются экспрессивно-оценочные векторы актуализации значения данного слова, обусловленные его игровой природой и выражаемым отношением социума к обозначаемому феномену современной действительности.

Ключевые слова: языковая игра; экспрессивность игрового слова; языковое сознание; психолингвистический эксперимент.

Сведения об авторе: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и русского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, к. 281.
e-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Сведения об авторе: Ваулина Ирина Александровна, аспирант кафедры общего языкознания и русского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, к. 281.
e-mail: kafyazykoznanija@mail.ru.

**OBJEGERIT:
NEW PHENOMENA
OF THE CONSCIOUSNESS
OF MODERN RUSSIAN SOCIETY**

Abstract. Peculiarities of functioning of the new word "objEGERit" in modern socio-cultural space is studied. Expressive-evaluative vectors of the meaning of the words, based on its joking nature and attitude of the society towards the phenomenon of reality indicated by this word, are found experimentally.

Key words: language game; expressiveness of a game-word; language consciousness; psycholinguistic experiment.

About the author: Gridina Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of General Linguistics and the Russian Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

About the author: Vaulina Irina Alexandrovna, Post-graduate Student of the Chair of General Linguistics and the Russian Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Современная языковая ситуация характеризуется активным функционированием оценочного «новояза»: игровых слов, содержащих экспрессивную характеристику актуальных реалий общественно-политической жизни. Ср., например, «ходячие остроты», транслирующие новые феномены сознания современного российского социума: **обманитизация льгот** (монетизация льгот, воспринимаемая обществом как обман), **правоохранительные органы** (правоохранительные органы, которые не могут защитить население), **голодообразующее предприятие** (градообразующее предприятие, не дающее дохода горожанам и не обеспечивающее их работой), **брехлама** (реклама, которой нельзя доверять), **трепортаж** (репортаж, не имеющий содержательной ценности, пустой треп), **жилищно-криминальное хозяйство** (жилищно-коммунальное хозяйство, осуществляющее незаконную деятельность; находящееся под властью криминальных структур) и др. Таким словам присущ «повышен-

ный градус экспрессивности» (выразительность, связанная с эффектом новизны и дискредитирующей оценкой обозначаемого).

Подобные номинации эксплуатируют механизмы языковой игры, основанные «на одновременной актуализации и переключении (ломке) ассоциативных стереотипов восприятия и порождения словесного знака при помощи специальных лингвистических приемов» [Гридина 1996].

Одной из самых заметных экспресsem такого рода в современном социокультурном пространстве стало слово **объЕГЭрить**.

Данная игровая трансформация (играма^[1]) представляет собой частичную модификацию формы просторечного **объегорить** по сближению с аббревиатурой **ЕГЭ** (единый государственный экзамен). Преобразование происходит по ложноэтимологическому принципу — путем произвольного введения нового «корня» в модельную сетку готового слова (объегорить — объЕГЭрить). В создании глагольной инновации задействованы

разные коды языковой игры: фонетический (созвучие подменяемых сегментов сближаемых слов), графический (шрифтовое акцентирование части слова, совпадающей с аббревиатурой ЕГЭ) и мотивационный (выводимость значения трансформированного *объегорить* с учетом его «производности» от ЕГЭ). Ср. значение слова-прототипа: «Объегорить, прост. Обмануть, провести» [МАС, т. 2: 578]. Экспрессивность этой лексемы связана с особой выразительностью стилистического регистра, в котором она функционирует, и с отрицательно-оценочным модусом ее семантики. Этимологически *объегорить* восходит к выражению *Юрьев (Егорьев) день*; в этот день, 26 ноября по старому стилю (после окончания сельскохозяйственных работ), хозяева рассчитывались с наемными рабочими, обычно обсчитывая их [Бирих и др. 2005: 39]. Развитие у глагола значения «обмануть, облапошить» коррелирует с переносным употреблением выражения *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*^[2] В современном русском языке глагол *объегорить* уже не соотносится со своей этимологической пропозицией и в содержательном плане входит в синонимический ряд *обмануть, провести, надуть, облапошить, обморочить, обхитрить, околпачить, обдурить, одурачить, обштопать, обмишурить, обмишулить* [Горбачевич 2001: 292].

Актуализация оценочно-смысловых векторов сближаемых лексем (*объегорить* и *ЕГЭ*) порождает эффект их ассоциативного наложения^[3] в игровой трансформе *объЕГЭрить* (см.: [Гридина 1996]). Обобщение закрепленных за этим новообразованием значений дано А. Архангельским: *Среди жаргонизмов после зомбоящика лидирует объЕГЭрить — в двойном значении: „навязать ЕГЭ населению“ и „обмануть при сдаче ЕГЭ“. Государство объегэривает народ, а народ в ответ — государство* (Огонёк. 2009. № 31 (5109), 14 дек.).

Приведем в подтверждение в хронологической последовательности заголовки некоторых газетных публикаций, отражающих внимание общества к достоинствам и недостаткам ЕГЭ как форме оценки знаний школьников.

Начальный этап введения ЕГЭ породил в СМИ, помимо новообразования *объЕГЭрить*, дериват *объЕГЭривание*, который выражает резко отрицательную оценку «безынтеллектуальности» данной формы тестирования: **«Школьников хотят объЕГЭрить»** — статья о введении ЕГЭ в Москве. В самой статье написано: *Предложение поддержали. Но когда оно реализуется — неизвестно. Зато московские школьники будут экспери-*

*ментально сдавать ЕГЭ уже летом. А участники круглого стола назвали его „объЕГЭриванием“, „дебилизацией всей страны“ и „морденизацией образования“. И написали петиции Путину и в Генпрокуратуру с призывом признать ЕГЭ вне закона. <...> В Москве процесс объЕГЭривания тоже уже пошел: 20 тысяч московских школьников согласились добровольно сдать ЕГЭ в этом году по пяти предметам. А объЕГЭривание всей Руси планируется завершить ударными темпами к 2006 году (Московский комсомолец. 2004. 27 марта). Последнее выражение соединяет в себе подчеркнутую стилистическим контрастом иронию. Дискредитация идеи «модернизации образования» с помощью ЕГЭ достигается формально-смысловым сближением прототипического клише с ассоциатами *морда* и *дебил*. **«Как школьники хотят „объегэрить“»** — интервью с заместителем начальника управления образования администрации Ростова-на-Дону А. П. Уваровским, учителем математики, в прошлом завучем гимназии. В материале написано: *Единый госэкзамен называли и провальным, и непродуманным. Появился даже такой глагол: „объегэрить“.* Тем не менее, время показало, что ЕГЭ — это вовсе не плохо. А может, даже и очень хорошо (Ростов официальный : электронная версия газеты. 2004. № 14 (488) от 7 апр.). **«ПодГИАть и объЕГЭрить»** — статья, в которой ЕГЭ характеризуется как *показушный соревновательный процесс между школами, который приводит не к улучшению учебных показателей, а к их ухудшению из-за временного „вычеркивания“ маловажных, по мнению директоров и завучей школ, предметов из расписания занятий* (О чем-то общем и обо всем в деталях : форум. 2011. 18 нояб.). В приведенном заголовочном контексте, наряду с *объЕГЭрить*, представлен окказионализм *подГИАть*, который отзеркаливает структуру и семантику глагола-прототипа *подкузьмить* (при актуализации связи с аббревиатурой ГИА — итоговый государственный экзамен). **«ОбъЕГЭрить не получишь»** — комментарий С. Миронова, лидера партии «Справедливая Россия»: *Двое выпускников в Ленинске-Кузнецком и Попысаеве при сдаче ЕГЭ по истории (предмет по выбору) попались на списывании. Ученики стремятся всяческими способами „объЕГЭрить“ экзаменаторов, учителя и директора школ — проверяющих и контролеров, местные чиновники — чиновников из центра и т. д. На самом верху — то же самое. Минобрнауки убеждает всех нас, что от ЕГЭ — сплошная польза, что он год от года все совершенствуется. На деле же мы видим, что,**

чем дальше, тем более тяжкие последствия приносит это бюрократическое порождение нашей школе и всей системе образования. Уровень знаний выпускников падает, коррупция не только не побеждена, но и усугублена, рынок репетиторства процветает и т. д. Ни одной цели из тех, которые провозглашались при введении ЕГЭ, не достигнуто. В общем, сплошное „объЕГЭривание“ общества. Даже Дмитрий Медведев признал, хотя и только после того, как его собственный сын прошел через ЕГЭ, что надо бы пересмотреть систему. Общество остро чувствует все это, вот потому и рождаются такие неологизмы (сайт партии «Справедливая Россия». URL: <http://spravedlivo-online.ru>). Ср.: **«ОбъЕГЭривать не удастся»** (Краснодарские известия. 2009. № 83) — речь идет о пресечении попыток подтасовки результатов ЕГЭ; **«Как объЕГЭривать государство»** (Московский комсомолец. 2009. № 25051, май) — в статье описывается 10 способов обмана при сдаче ЕГЭ, а также способы подтасовки результатов ЕГЭ при проверке.

Рефлексия над формой и содержанием рассматриваемой игровой трансформы выражена в следующем комментарии, зафиксированном в сети Интернет: ...занятный неологизм — *объЕГЭривать*. Это сказано по поводу пресловутого ЕГЭ. Тут, конечно, явственно слышится переклик с хлестким просторечным словечком *объегорить*, то есть „обмануть, обхитрить, надуть, облапошить“. Одно слово, а сразу выражена вся суть явления. Ведь ЕГЭ, в том виде, в котором ныне его навязывают обществу чиновники от образования, по сути весь зиждется на лжи, показухе, подтасовках, стремлении выдать желаемое за действительное.

Ситуация замены устного экзамена на ЕГЭ — пожалуй, одна из самых животрепещущих и обсуждаемых тем в современном обществе. Оценка ЕГЭ идет как сверху, так и снизу. В свете этого представляется интересным рассмотреть, как считывается семантика неологизма *объЕГЭривать* «вчерашними» школьниками, которые только-только прошли процедуру сдачи ЕГЭ, испытали на себе все плюсы и минусы введения данной образовательной реформы. С этой целью нами был проведен психолингвистический эксперимент, ориентированный на данные обыденного языкового сознания молодежи, поступившей в вузы по результатам ЕГЭ. Респондентами выступили студенты 1 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации УрГПУ, девушки и юноши в количестве 20 человек.

Эксперимент проходил в три этапа: на первом этапе от испытуемых требовалось

привести (записать) несколько любых ассоциаций на стимульное слово *объЕГЭривать* (в соответствии с методикой проведения свободного ассоциативного эксперимента)^[4]; на втором этапе эксперимента испытуемым предлагалось описать значение слова-стимула (в любой форме: в виде словарной дефиниции, мотивационного перифраза, предъявления синонима или введения стимула в состав словосочетания) и указать способ его образования; на третьем этапе респонденты должны были составить со словом-стимулом небольшой текст.

В качестве *гипотезы* выдвигалось предположение о том, что восприятие игрового неологизма *объЕГЭривать* связано с рефлексией над механизмом его образования с учетом актуальных для респондентов смыслов мотиватора и слова-прототипа.

На первом этапе эксперимента были получены реакции, количественная обработка которых позволяет выделить довольно четко обозначенную ядерную зону: *ЕГЭ* (5), *обман* (4), *обмануть* (3) — и зону периферии, состоящую из единичных реакций: *егерь*, *хитрость*, *подло*, *улитка Гэри*, *домашнее животное*, *объедать*, *облапошить*, *бланки к экзаменам*, *бумажки*, *объезд*, *обдурить*, *решить*, *ужас*, *игра*, *бланк ЕГЭ*, *бумаги*, *волнения*, *тесты*. Как видно из приведенного распределения реакций, ассоциативный стереотип *ЕГЭ* — *обман* составляет базовую оценочную пропозицию осмысления слова-стимула *объЕГЭривать*.

Качественная обработка данных свободного ассоциативного эксперимента обнаруживает приведенные ниже связи стимула и реакций, среди которых можно выделить семантические и формальные. К первому типу реакций (на основании устанавливаемых смысловых отношений между словом-стимулом и ассоциатами) отнесем:

- парадигматические ассоциации, актуализирующие синонимичные связи слова-стимула *объЕГЭривать*: *обмануть* (3), *обдурить*, *облапошить*. Характерно, что все полученные реакции-синонимы принадлежат к разговорно-просторечному регистру, что свидетельствует о сниженно-стилистической маркированности стимула, осознаваемой респондентами;

- тематические ассоциации, воссоздающие ситуативный контекст стимула: *бланки к экзаменам*, *бумажки*, *решить*, *бланк ЕГЭ*, *бумаги*, *волнение*, *тесты*, *хитрость*;

- экспрессивно-оценочные ассоциаты-идентификаторы: наречие *подло*, которое отождествляет процедуру *объЕГЭривания* с ситуацией обмана (изощренного, обдуманного, подлого), и аффектив *ужас*, в общем

виде выражающий негативное экспрессивно-эмоциональное отношение к ЕГЭ.

К формальному типу ассоциирования (по ведущему фактору сближения — фонетическому сходству или сходству морфемной структуры) можно отнести следующие реакции:

- ассоциации, созвучные мотивирующему («корневому») компоненту слова-стимула *объЕГЭрить* (всего две реакции).

Первый ассоциат (*егерь*), вероятно, обусловлен лишь случайным звуковым подобием стимульному слову.

Второй, также основанный на созвучии со стимулом ассоциат (*улитка Гэри*), ввиду его прецедентности, возможно, отражает осмысление стимула в игровом ключе. Ср. интернет-игру «Улитка Спанч Боба» (улитка Гэри — питомец Спанч Боба) и версию «Месть улитки Гэри» (*В этой игре Вы — Гэри, который уничтожает постройки Спанч Боба и таким образом мстит Спанч Бобу, который ему чем-то не угодил*). Применительно к ситуации ЕГЭ ассоциат *улитка Гэри* аллегорически транслирует тему мести (учеников — учителям и наоборот, учеников — учредителям ЕГЭ и наоборот); данный пример доказывает, что интерпретация ассоциативных реакций как формальных или семантических должна осуществляться с учетом их потенциальной «взаимопереходности»;

- формальные реакции, частично «отзеркаливающие» структуру стимульного слова: *объедавать*, *объезд* (в данных ассоциатах присутствует та же приставка, что и в словестимуле). Прямой семантической связи с *объЕГЭрить* в значениях приведенных реакций нет, хотя обе лексемы могут передавать отрицательный смысл, связанный с ситуацией несправедливого ущемления чьих-либо интересов (*объедавать* кого-л.) и обмана (ср., например, выражение *на кривой кобыле не объедешь*, употребляющееся по отношению к тому, кого трудно обмануть).

Таким образом, присутствие в зоне ядра и периферии ассоциатов *ЕГЭ*, *обман*, *обмануть*, а также тематического и оценочного спектра актуализаций данной пропозиции свидетельствует о считываемости респондентами семантики слова-стимула. Особого внимания в этом плане заслуживает единичная реакция *игра*, которая, возможно, отражает рефлексии над самим механизмом образования инновации *объЕГЭрить* (осознание респондентом реализованного в данном слове эффекта языковой игры).

Двумя основными стратегиями толкования, выявленными на втором этапе эксперимента (при объяснении испытуемыми значения и способа образования слова), оказались *развернутое определение по прин-*

ципу словарной дефиниции и предъявление *мотивационного перифраза* (в данном случае это объяснение значения игровой трансформы через отсылку к мотиватору и слову-прототипу). И та, и другая стратегия обнаруживают некоторые сходные ассоциативные константы восприятия слова, выявляющие следующие тенденции его семантизации:

1. Осмысление *объЕГЭрить* как синонима слова-прототипа в значении «обмануть» (обвести вокруг пальца — «обхитрить») и конкретизация этого значения применительно к ситуации сдачи ЕГЭ. Ср. полученные от респондентов толкования:

- *это действие, связанное с обманом человека; совершить действие с целью кого-нибудь обмануть;*

- *обмануть на ЕГЭ (обмануть ученика подсчетом баллов); неверно подсчитать баллы ребенка после экзамена, сделать это умышленно; подтасовать результаты;*

- *это действие, когда школьники пишут ЕГЭ и пытаются схитрить, обмануть (речь идет о попытках воспользоваться «вспомогательными» средствами при выполнении заданий ЕГЭ); ЕГЭ сдать, но при помощи шпор; обхитрить на ЕГЭ, воспользоваться шпаргалками;*

- *обман в сфере образования; провести ЕГЭ (пробное), при этом сказав ученикам, что оно настоящее, тем самым объЕГЭрить их.*

При объяснении способа образования предъявленного стимульного слова большинство респондентов указывали на его гибридный характер, выводя значение окказионального глагола с опорой на прототип *объегорить* и мотивирующую аббревиатуру *ЕГЭ*. Ср., например: *объЕГЭрить от объегорить путем подмены корневой гласной; образовано „слиянием“ двух слов — объегорить и ЕГЭ*. При этом в ситуации сдачи ЕГЭ респондентами выделяются не содержательные, а в основном процедурные моменты, связанные с контролем за сдачей экзамена и подсчетом полученных баллов.

2. Осмысление глагола *объЕГЭрить* как официально введенной обязательной процедуры сдачи ЕГЭ школьниками-выпускниками и как процесса подготовки к аттестационным испытаниям, подчиненного одной задаче, — «натаскиванию» учащихся на выполнение тех заданий, которые входят в программу ЕГЭ. Ср. толкования респондентов:

- *со всех сторон окружить ЕГЭ, создавая дискомфорт, проводя ЕГЭ много раз и долго готовя к нему;*

- *это о действии, которое совершают учителя в течение года, пугая учени-*

ков ЕГЭ, настраивают на экзамен, объЕГЭ-ривают.

В приведенных толкованиях глагола актуализировано значение узуальной словообразовательной модели «окружить или покрыть со всех сторон тем, что названо мотивирующим существительным» [Русская грамматика 1980]. Отметим в связи с этим, что некоторыми участниками эксперимента способ образования окказионального слова был определен как приставочно-суффиксальный (конфиксальный): от *ЕГЭ* + *объ...и(ть)*.

3. Осмысление *объЕГЭривать* как результата действия, связанного со стремлением превзойти в итогах других сдающих ЕГЭ или найти способ достичь успеха наименьшими усилиями (с помощью хитрости). Ср. узуальные глаголы типа *обыграть*, *обстрелять* со значением «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, превзойти другого исполнителя данного действия» [Русская грамматика 1980]. В случае с *объЕГЭривать* на месте мотивирующего слова оказывается не глагол, а существительное, но семантическая аналогия окказиональной и узуальной словообразовательной модели очевидна.

Приведем полученные от респондентов толкования:

– *вести в заблуждение и „обскакать“ противника* (например, подсказать кому-л. неправильный ответ);

– *превзойти человека в чем-л., связанном с ЕГЭ* (получить более высокий балл);

– *действие, при котором выпускнику 11 класса удалось обмануть экзаменационную комиссию и сдать ЕГЭ на 100 баллов.*

4. Яркое выражение доминанта экспрессивно-оценочного осмысления глагола, отражающего личностный опыт респондентов, уже прошедших процедуру сдачи ЕГЭ. Ср. следующие толкования:

– *глагол, обозначающий огромный обман, который государство обеспечивает всем выпускниками. Заставляют **знуть** два года **спины** за подготовкой, учителя вечно **моют мозг**, что мы **беспросветные идиоты** и ничего не сдадим; наши результаты зависят от того, как часто зависает компьютер при проверке бланков и настроения женщин, которые проверяют творческую часть. А затем в универе приходит осознание того, что ничего из ЕГЭ нам не надо при учебе. **ОбъЕГЭрили**;*

– *процесс становления процедуры ЕГЭ, сопровождающийся придумыванием новых **глупых** правил; при этом **пугают** школьников, тем самым снижая результаты. Также это процесс завышения баллов*

за счет нечестных способов и необоснованного занижения баллов у участников ЕГЭ.

На третьем этапе эксперимента испытуемым нужно было составить со словом-стимулом небольшой текст. Очевидно, ощущение игровой природы глагола *объЕГЭривать* способствовало раскрепощению творческой активности респондентов, что отразилось в выборе жанра и иронико-стилистической тональности созданных текстовых миниатюр. Приведем лишь два показательных примера.

1. *ОбъЕГЭрили* (частушка)

Мы ЕГЭ сдавать учились,

Пальцем в тесты тыкали.

Все равно не угадаешь,

Что в итоге выпадет.

Мы учились, мы старались,

В свой успех мы верили,

Тесты нам не те раздали,

*Ловко *объЕГЭрили*.*

Актуализируется идея напрасных стараний при подготовке к ЕГЭ, непредсказуемости его результатов. Формальный характер знаний, имеющих рамочный (запрограммированный тестами) характер, осознается самими учащимися.

2. *Стобалльники *объЕГЭрили**

(рассуждение-миниатюра)

„Стобалльник“... Сегодня так называют выпускника, который, не обладая высокими знаниями, получает за ЕГЭ сто баллов, при этом не ударив палец о палец... хотя нет, ударив, причем „крупненькой“ суммой денег по счетам „верхушки“ Минобразования. А те дети, которые усиленно готовятся, предвкушают высокие баллы, получают ничтожные циферки, с которыми на бюджет поступить не получится. Обидно, что так происходит сегодня.

В данном тексте происходит ситуативная конкретизация значения глагола *объЕГЭривать* применительно к явлению коррупции в образовательной сфере (ср. получившие широкую огласку разоблачения махинаций с предварительной сдачей ЕГЭ или подтасовкой его результатов за деньги). Интересно то, что слово *стобалльник*, имеющее оценку со знаком «плюс» (тот, кто получил высший балл за ЕГЭ), обнаруживает тенденцию к приобретению отрицательной коннотации в связи с указанными причинами.

Таким образом, представленный аналитический срез функционирования лексической инновации *объЕГЭривать* в современных СМИ, а также полученные экспериментальные данные показывают, что данное слово не только отражает представления носителей языка об актуальном феномене социальной жизни, но воспринимается как игро-

вой маркер экспрессивно-оценочных смыслов, стимулирующий порождение новых тематически связанных «дериватов» (ср. *объезживание, подГИАть, стобалльник*). Сказанное еще раз свидетельствует о дискурсивном характере языковой игры, которая выступает своеобразным индикатором сознания современного социума.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Термины «игрема» и «игровая трансформация» для обозначения результата, полученного от реализации определенного конструктивного принципа и приема языковой игры, введены в следующей работе: [Гридина 1996].

[2]. Последнее выражение возникло в связи с отменой права перехода крестьян от одного помещика к другому раз в году после окончания сельскохозяйственных работ в день святого Георгия (Юрия). Это право было закреплено и законом..., где оговаривалось, что такой переход возможен лишь по окончании всех сельскохозяйственных работ, и определялись его сроки: за неделю или спустя неделю после осеннего Юрия..., когда празднуется день святого великомученика Георгия, покровителя земледельцев. В течение семи дней до Юрьева дня законом предусматривались льготы для сделки и предварительного объявления помещику о переходе, для сборов и уплаты денег за *пожилое*, т. е. за прослуженное у помещика время. По народному преданию, помещики к Юрьеву дню варили крепкое вино и в этот праздник подпивали своих крестьян-наемщиков. Проведя этот праздник в попойке, простодушные крестьяне не следующий день после Юрьева дня с сожалением вспоминали,

что не успели воспользоваться своим правом [Бирх и др. 2005: 38].

[3]. Ассоциативное наложение — один из конструктивных принципов, моделирующих ассоциативный контекст игры (наряду с такими, как ассоциативная интеграция, ассоциативная выводимость, ассоциативная провокация, имитация). Данные принципы выделены здесь: [Гридина 1996].

[4]. Данная экспериментальная процедура описывает ассоциативный контекст слова как психологическую реальность представлений говорящих о его значении, позволяет выявить ядро и периферию содержания заданного вербального стимула, стереотипные (частотные) и личностные векторы его осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1996.

2. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте : моногр. — Екатеринбург, 2012.

3. Русская грамматика : в 2 т. — М. : Наука, 1980.

СЛОВАРИ

4. Бирх А. К., Мокиенко В. М., Ларина Б. А., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов. — М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005.

5. Горбачевич К. С. Краткий словарь синонимов русского языка / отв. ред. С. А. Кузнецов. — М. : Астрель : АСТ, 2001.

6. МАС = Словарь русского языка : в 4 т. — М., 1981.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

С. В. Иванова S. V. Ivanova
О. Е. Артемова O. E. Artyomova
Уфа, Россия Ufa, Russia

**МАРШРУТИЗАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ
И ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНЕТ-МЕДИАТЕКСТА**

Аннотация. Рассматривается интернет-медиа-текст с точки зрения его воздействующего потенциала. В фокусе внимания находятся конвергентная структура и содержание интернет-медиа-текста в рамках трансмедийной журналистики. Используя технологические возможности сети Интернет, подкрепляя содержание «традиционного текста» возможностями других медиа, авторы онлайн-изданий направляют внимание читателя, предоставляя ему иллюзорную свободу выбора точки зрения. На самом деле имеет место интенсивное воздействие, многократно усиленное всеми возможными конвергентными медиа.

Ключевые слова: интернет-медиа-текст; воздействие; маршрутизация; навигационно-ассоциативная сеть; ре-медиация; трансмедийность; гипертекст.

Сведения об авторе: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, ведущий кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Коммунистическая, 19, к. 8.
e-mail: svet_victoria@mail.ru.

Сведения об авторе: Артемова Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики иноязычного образования и второго иностранного языка.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 19, к. 25.
e-mail: artemovaoe@gmail.com.

**PERCEPTION ROUTING
AND PERSUASION POTENTIAL
OF THE POLITICAL
INTERNET MEDIA TEXT**

Abstract. The article is devoted to the Internet media text and its persuasion potential. The authors focus on the convergent structure and content of the Internet media text as a sample of transmedia journalism. Using technological possibilities of the Internet, supporting the content of a regular text by the other media, the authors of online editions route the reader's attention, granting them illusory freedom of opinion. In reality, it leads to overwhelming persuasion, intensified by all possible convergent media.

Key words: Internet media text; persuasion; routing; associative navigation net; remediation; transmediation; hypertext.

About the author: Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Intercultural Communication and Translation Chair, Professor and Head of the Chair.

Place of employment: Bashkir State University.

About the author: Artyomova Olga Evgenyevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Methodology of Foreign Language Education and the Second Foreign Language.

Place of employment: Bashkir State University.

Не вызывает сомнения тот факт, что в современную эпоху Интернет становится всемогущим средством доставки информации. Именно в эту среду уже перешли все средства массовой информации, там разворачиваются процессы, касающиеся формирования нового облика массмедийной коммуникации — трансмедийной журналистики. Характерно, что Всемирная паутина, обладая огромным арсеналом мультимедийных возможностей, позволяет СМИ значительно увеличивать каналы «доставки» информации читателю, что, как представляется, влечет за собой особую эффективность интер-

нет-медиа-текста, т. е. размещенного в онлайн-изданиях текста СМИ. Естественно, что в этих сравнительно новых условиях медиа-текст неизбежно претерпевает изменения, которые должны быть связаны с воздействующим потенциалом интернет-медиакоммуникации как таковой. Цель данного исследования состоит в соотнесении особенностей информационного развертывания текста массмедиа, помещенного в интернет-пространство, с воздействующим потенциалом интернет-медиа-текста.

Постановка данной цели напрямую соотносится с определением особенностей

восприятия текста, помещенного в характеризующуюся новыми технологическими возможностями дигитальную среду. Соответственно интерес вызывает то, каким образом эти технологические возможности, вкуче с особенностями политической коммуникации, влияют на передачу воздействующего потенциала медиатекста. Вопрос восприятия интернет-текста возникает в связи с точкой зрения некоторых исследователей, которые полагают, что при работе с интернет-текстом читатель получает самостоятельность: он независимо движется в информационном пространстве текста, что, соответственно, ведет к бóльшей объективности информации, возможности, благодаря которой читатель может сам делать выводы по той или иной проблеме.

Представляется, что вопрос об объективности интернет-медиатекста, возникающей в результате привлечения различных медиа с кажущимся отсутствием жесткой маршрутизации читательского восприятия, напрямую связан с онтологическими характеристиками бытования медиатекста в рамках интернет-коммуникации. В первую очередь необходимо отметить явление расширения границ медиатекста, которое реализуется в нескольких направлениях. Прежде всего меняется структурирование текста — самой яркой характеристикой в этом отношении становится потеря линейной структуры. Как известно, на бумажном носителе текст имеет строгую одновекторную направленность: информационное развертывание носит линейный характер, текст имеет начало (точка Н) и завершение (точка З), информация развертывается от точки Н к точке З. Эти две точки отвечают за маршрутизацию читательского восприятия текста, т. е. читатель движется от начала к концу текста по заданному направлению. Даже если читатель хочет нарушить эту последовательность — остановиться и перечитать тот или иной отрывок, — он все равно останется ограничен материальными рамками текста.

Другую картину можно наблюдать в электронных СМИ. Авторы интернет-медиатекстов пользуются богатыми возможностями цифровой среды, соответственно текст обрастает многочисленными ссылками. Возможность нарушения читателем однонаправленного линейного маршрута, который и задает восприятие интернет-медиатекста, заложена в электронном тексте. Читатель может уйти от изначального текста по любой из предложенных ссылок. Искусение перехода по приведенным ссылкам с неизбежностью приводит к тому, что адресат расширяет поле чтения. В результате ин-

тернет-медиатекст приобретает характер навигационно-ассоциативной сети, по которой и движется читатель. Таким образом, после получения свойства нелинейности развертывания информации медиатекст, если не превращается в гипертекст полностью, то в значительной степени приобретает его черты. Как известно, гипертекст, представляя собой «нелинейно организованный объем политематических комментариев, интегрирующих непересекающиеся информационные ресурсы, между которыми при необходимости могут быть установлены перекрестные ссылки», интегрирует фрагментарное знание о социальной, психологической, дискурсивной действительности, которая отражена в линейном тексте [Большакова 2008: 50]. Таким образом, медиатекст помещается в гиперсреду (гипермедиа) — пространство, в котором информация представлена дискретно и соединяется при помощи внутренних и внешних ссылок, что позволяет читателю получить объемное представление об анализируемой проблеме.

Гипертекстуальность медиатекста в рамках интернет-коммуникации характеризуется не только расширением информационного поля посредством многочисленных ссылок на другие тексты данной тематики (тексты СМИ «представляют собой совокупность фраз бесконечных гипертекстов, где все является ссылкой друг на друга и бесконечным цитированием» [Артамонова, Кузнецов 2008]), но и наличием визуального компонента. Это еще одно направление расширения границ интернет-медиатекста. Воздействие визуального образа в сочетании с текстом уже давно является объектом многочисленных и разнообразных исследований. Так, социолог Элизабет Чаплин утверждает, что такое сочетание является более эффективным по сравнению с исключительно вербальным. Кроме того, визуальный образ не только отображает содержание письменного текста, но и может корректировать его («they do not merely reflect the reality referred to in the written text, but refashion their sources according to pictorial codes» [Chaplin 1994: 3]). Интегрированность знаковых образований, в том числе и изобразительных средств, в текстуальное пространство как печатных, так и электронных СМИ растет и является уже неременным условием массовой коммуникации [Березин 2003].

Изображение дает возможность автору завуалировано выразить свою мысль, а читателю предоставляет относительную свободу интерпретации, что делает наличие невербального компонента неотъемлемым атрибутом медиатекста, ориентированного

на объективность информации. Как и вся современная культура, глобальная Сеть пронизана визуальными знаками. Вполне понятно, что интернет-коммуникация не ограничивается вербальным общением и разнообразие и функции визуальных кодов постоянно расширяются. Анализ онлайн-изданий, которые с достаточным основанием можно рассматривать как сложную «автономную знаковую систему», в которых (так же, как в кино, телевидении и рекламе) используется «разнородный знаковый материал», показывает, что «возникновение смыслов зависит от взаимодействия изображения, звука и начертания знаков» [Барт 1975: 124].

Таким образом, семиотически смешанный, или поликодовый характер интернет-дискурса проявляется в том, что в организации текстов подобного типа принимают участие элементы разных семиотических систем, при этом вербальный текст, как правило, сопровождается невербальными компонентами. В этом состоит смысл понятия «ре-медиация» [Рязанцева 2010]. В процессе восприятия в сознании читателя декодируются как вербальная, так и невербальная части текста, в результате чего происходит создание единого объемного образа (смысла).

Подобные тексты некоторые исследователи называют креолизованными. В их структурировании, наряду с вербальными, применяются иконические средства, а также средства других семиотических кодов (цвет, шрифт и др.) [Анисимова 2003: 3]. Кроме того, мультимедийный характер интернет-коммуникации позволяет представить данные в виде звуко- и видеозаписей, мультипликации, изобразительного ряда. Элементы креолизованного медиатекста — вербальная часть текста плюс невербальная его составляющая — связаны между собой, так как семиотически осложненный текст может быть охарактеризован типичными текстовыми категориями (связность, модальность, образность и др.) [Анисимова 2003]. Что касается термина, то для обозначения подобных текстов некоторые исследователи, апеллируя к их семиотической организации, настаивают на наименовании «поликодовый». Так, В. Е. Чернявская определяет «многоуровневый полимедиальный продукт коммуникативной деятельности, вербальное и невербальное — пара- и экстравербальное знаковое множество» как поликодовый текст [Чернявская 2009: 89—90]. Использование этого термина, подчеркивает автор, «отражает многомерный взгляд на текст» и является «следствием и отражением поликодового характера человеческой коммуникации на современном этапе» [Там же: 90].

Интернет-коммуникация создает особые возможности для порождения и функционирования поликодовых текстов. В условиях глобальной Сети их гипертекстуальность с эффектом «дрейфа целей» может практически до бесконечности расширять любую тему в киберпространстве [Щурина 2010: 83]. Принимая во внимание все вышесказанное, можно заключить, что в настоящее время медиатекст, размещенный в сети Интернет, представляет собой нелинейное «когерентное целое, слагаемое из нескольких семантических» [Чернявская 2009: 90] и семиотических кодов и характеризующееся несколькими фокусами внимания, которые обеспечивают читателю знакомство не только с данным исходным текстом, но и выход в большее, гипертекстовое пространство.

Для измерения воздействующего потенциала интернет-медиатекста можно воспользоваться разработанным Е. Е. Анисимовой перечнем функций, которые выполняются невербальным компонентом. Если экстраполировать на материал данной статьи этот перечень функций, предложенный для анализа интернет-рекламы, можно говорить об универсальных функциях для невербального компонента текста *per se*: *аттрактивной, информативной, экспрессивной и эстетической* [Анисимова 2003]. Выполнение всех этих функций и составляет воздействующий потенциал интернет-медиатекста, так как его информационная составляющая многократно усиливается привлечением трех других функций, которые и отвечают за воздействие — экспрессии, аттрактивности, эстетики.

Поскольку электронный медиатекст, как уже было отмечено, обладает такой текстовой характеристикой, как связность, то в первую очередь следует обратить внимание на ссылку — вербальный компонент газетной статьи. Ссылки, представляя собой один из способов углубления в информационное пространство, с одной стороны, позволяют читателю лучше понять смысл анализируемых событий, самостоятельно интерпретировать факты, изложенные автором, с другой стороны, несмотря на то что объективность является одним из основных требований новостных статей, даже тех, которые принадлежат к разряду «soft news», автор вольно или невольно представляет свою субъективную точку зрения на анализируемое событие. Одним из способов направить читателя в близкое автору русло интерпретации события являются ссылки, сопровождающие практически каждую аналитическую либо событийно-аналитическую статью. Ссылки содержат информацию, по-

звляющую читателю получить расширенное представление об истории анализируемого вопроса. Эта информация может быть отнесена как к отношениям дополнения, так и к интегративному типу корреляции^[1]. Все зависит от степени заинтересованности (отношения дополнения) и компетентности (отношения интегративности) читателя. Что касается композиционных особенностей, то ссылки подобного рода, как правило, располагаются справа от текста в виде дополнительной колонки. Информация статей, к которым отправляют ссылки, имеет разъяснительный для исходного интернет-медиа-текста (текста, с которого читатель начал знакомство с материалами онлайн-издания) характер. Такие ссылки часто «дрейфуют», «мигрируют» от статьи к статье одной и той же тематики, что дает читателю возможность проследить за ходом развития освещаемых событий, на каком бы этапе он к ним ни обратился. Так, справа от первого абзаца в статье «Syria conflict: Fighting rages at Syria air» размещается группа ссылок, которые направляют читателя к истокам и подробностям военного конфликта:

- Syria conflict
- The story of the conflict
- Alawites stand firm
- Syria's tug-of-war bases [Syria Conflict... 2012].

Ссылки на статьи, которые тематически связаны с основным текстом, но имеют более разнообразную проблематику, могут быть размещены в конце статьи либо справа от текста, под рубрикой «MORE ON THIS STORY/ MORE FROM + название издания / MORE FROM THE WEB». Подобная расширенная ссылка дает возможность читателю, выйдя за пределы интернет-страницы или даже всего издания, получить всеобъемлющее представление об интересующем его событии.

Фотография, рисунок, фотоколлаж или карикатура представляют собой невербальный элемент поликодового текста. Это, пожалуй, самый популярный способ кодирования информации, который широко используется всеми электронными СМИ, поскольку изображение (иллюстрация), как утверждает Э. Чаплин, может выступать не только как способ фиксации данных, но и как средство для передачи и создания нового знания [Chaplin 1994: 13]. И это новое знание очень часто связывается для читателя с переработкой визуального компонента, который за счет экспрессивности разрушает мнимую объективность вербального компонента и добавляет тексту значительный воздействующий потенциал. Даже если читатель будет «бродить по просторам интернет-

пространства», предоставляющего возможность самостоятельных выводов, необходимо помнить, что эти выводы будут сделаны на основе сознательно подобранного и отобранного материала. В этом плане надо уделить особое внимание именно медиа-компоненту, трансмедийности, переходу от одной медиа к другой.

В свете этого заслуживают рассмотрения иллюстрации, многофункциональность которых в рамках интернет-медиа-текста несомненна. Они привлекают внимание, несут определенный информативный и экспрессивный заряд и часто являются эстетическим дополнением к тексту. С точки зрения корреляции с текстом так называемая «картинка» может выступать как дополнение к нему либо быть интегрированной в него. Так, фотография из вышеупомянутой статьи о военном конфликте в Сирии не просто иллюстрирует событие, но, несомненно, добавляет тексту экспрессивности, так как является ярким свидетельством разрушительности авианалетов одной из противоборствующих сторон (см. рис. 1; здесь и далее подписи к изображениям взяты из журналистских материалов).

Рис. 1. Smoke rises after a Syrian warplane launches missiles in Aleppo

Очевидно, что автор акцентирует внимание читателя на трагичности ситуации: силуэт древнейшего города зятанут гарью пожаров вследствие авианалетов. В результате читатель подвергается «объективному» воздействию, цель которого — убедить его в неправомерности позиции одной из сторон, которая эти авианалеты осуществляет. Содержание видео выполняет функции, свойственные элементам креолизованных текстов: информативную (подкрепление вербальной составляющей), аттрактивную (привлечение внимания читателя за счет подачи визуальной информации с места со-

бытия и объективизации информации), экспрессивную (экспрессивность связана с передачей трагичности ситуации) и эстетическую (любое изображение в той или иной мере выполняет эстетическую функцию).

Иллюстрация к статье «The many faces of Vladimir Putin» [Lukyanov 2012] представляет наглядный пример взаимной интеграции вербального и визуального компонентов текста. В статье личность президента России представлена как многогранный и противоречивый образ. Изображение в этой ситуации в отрыве от текста могло бы быть неоднозначно и некорректно интерпретировано. Текст статьи в сочетании с иллюстрацией исключает возможность смысловой незавершенности. Другими словами, картинка помогает сформировать концепт восприятия текста — по сути, она является его образом (см. рис. 2).

Рис. 2

Vladimir Putin's 60 birthday was in October [picture by Natalia Mikhayenko]. Vladimir Putin is one of the most influential politicians on the planet, idolised as much as he is demonised. Both in Russia and abroad the president is gradually turning into a brand, a concept or a political product that means different things to different people [Lukyanov 2012].

Если попробовать определить функцию данного рисунка с точки зрения информативности, аттрактивности, экспрессивности и эстетизации вербальной составляющей, то необходимо подчеркнуть, что все они задействованы в данном коллаже.

Электронные СМИ, безусловно, обладают гораздо более разнообразным набором средств для того, чтобы, «зацепив» читателя, дать ему возможность выйти за рамки линейного текста в поисках дополнительной информации. Этому служат видеоролики, цитаты, таблицы, диаграммы.

Так, основной иллюстрацией к статье «Taliban fighters changing sides in Herat» [Loyn 2012] является видеоролик (его первый кадр показан на рис. 3).

Рис. 3. «Me, or the Taliban»: Fighter leaves for love

Видеоряд воздействует эффективнее фотографии, так как значение зрительного образа подкрепляется озвученным языковым сообщением. Тема статьи — сложности попыток восстановления мирной жизни в израненной длительными военными действиями стране, раздираемой политическими, религиозными и культурными противоречиями, проблемы амнистии и интеграции бывших боевиков. Борьба с правительственными войсками на стороне талибов, вольное или невольное участие в боевых действиях — все это делает процесс разрушения и возвращения к семьям отнюдь не простым. Желание афганцев вернуться к мирной жизни с ее простыми ценностями прочитывается в видеоролике, центральное место в котором занимает человек, который сидит у себя дома и поет песню о том, как сложно получить прощение у правительства и у Всевышнего. Сделать это необходимо, потому что будущая молодая жена, которая сидит рядом, поставила ему условие — «я или Талибан» (эти же слова повторяются и в комментарии к видеоряду: «Me, or the Taliban»: *Fighter leaves for love*). Содержание видео выполняет функции, свойственные элементам креолизованных текстов: информативную (речь участников ролика), аттрактивную (содержание нетипично для новостей из раздираемого войной Афганистана), экспрессивную и эстетическую (определенное воздействие на читателя производит и сюжет, и песня, исполненная в специфической восточной манере).

Справа от первых абзацев статьи расположена группа ссылок под рубрикой «TALIBAN CONFLICT»:

- Insider attacks: Causes
- Who are the Taliban?
- Militant nexus
- Q&A: Foreign forces [Loyn 2012].

Информативный канал, которым в данном случае являются ссылки, расширяет содержание статьи, переводит читателя в гиперпространство и дает ему возможность узнать о причинах конфликта в стране, о движении «Талибан», т. е. получить более объемную информацию по данной проблематике. Однако ссылками маршрут восприятия интернет-медiateкста не ограничен.

Следующим невербальным элементом, сопровождающим текст, является фото человека, который свидетельствует против бывшего главаря группировки талибов. Боевик, в свою очередь, желает реабилитироваться и перейти на сторону правительства и утверждает, что не делал ничего противозаконного, а воевал на стороне талибов только по причине самосохранения:

Now he wants to join the government formally and rolled out a long sheet of paper marked with hundreds of thumbprints and signatures of local elders who back his bid to be the police chief for a large part of the city of Herat and the border with Iran.

"I haven't done anything against the law. I went to the mountains with the Taliban because of security problems," he said [Loyn 2012].

Рис. 4. Red Cross worker Abdul Karim says he was tortured by Abdullah's men

Абзац с речью боевика и фото его жертвы расположены друг напротив друга и выступают в композиционном и содержательном плане как аргумент и контраргумент. Такое расположение текста, визуального элемента и комментария к нему углубляет содержание анализируемого отрывка — читателю становится понятно, что раскаяние бывшего командира может быть неискренним, а преступления его — более серьезными, чем он хотел бы их представить. Вербальный и невербальный компоненты, интегрируясь, создают новое информационное целое.

Далее в тексте идет более подробное описание преступлений группировки и отчет генерала британских войск Дэвида Хука о сложностях амнистии и процесса интеграции бывших боевиков:

The process of "reintegration" — persuading those allied to the Taliban to hand in their weapons and come over to the government side — is led by a British general, David Hook.

He said that to encourage the switch, fighters are given a general amnesty, but not for serious crimes: "If you have committed crimes against humanity, or crimes like torture, then you will be held accountable by the legal system of Afghanistan" [Loyn 2012].

Рис. 5. "If you have committed crimes against humanity, or crimes like torture, then you will be held accountable". Gen David Hook

Фотография генерала и цитата из статьи накладываются на содержание текстового отрывка, усиливая таким образом воздействие на читателя. Кроме того, фотография официального лица и цитирование его высказывания создает впечатление объективности и справедливости информации, изложенной автором.

Далее автор говорит о том, что существует группа людей, которые не совершали серьезных преступлений и действительно попали к талибам не по убеждениям, а в силу обстоятельств. Им тоже сложно вернуться к мирной жизни, но стимул может быть серьезным:

One tribal leader near Herat has left the Taliban for an unusual reason. The girl he wanted to marry gave him a simple message: "Choose me or the Taliban." Basir Ahmed is not a typical Taliban fighter, being easily persuaded to pick up his harmonium, and sing a love song.

Рис. 6. Parveen persuaded her husband Basir Ahmad to leave the Taliban

Фотография афганца с будущей женой, которая поставила его перед серьезным выбором ("Choose me or the Taliban", рис. 6), дублирует видео, размещенное в начале статьи, и усиливает тем самым степень воздействия на читателя: автор как будто настаивает на своей точке зрения. Кроме того, само содержание изображения и на фотографии, и в видеоформате подводит к мысли, что ситуация действительно очень серьезна, если даже восточная женщина выдвигает ультиматум будущему супругу.

Традиционная рубрика «More on This Story», следующая за статьей, сигнализирует читателю о том, что существуют и другие статьи с тематической доминантой «Taliban Conflict»:

- Afghan peace hopes
- Security after NATO
- NATO's exit strategy [Loyn 2012].

Таким образом, анализ статьи показывает, что компоненты поликодового текста являются своеобразными каналами, посредством которых информация, заложенная в линейном (аналоге бумажного) тексте, может быть развернута за пределы интернет-страницы и даже интернет-издания. Эти элементы выполняют характерные для них функции: аттрактивную, информативную, экспрессивную и эстетическую. Кроме того, вербальные и невербальные компоненты поликодового текста тесно связаны друг с другом, причем как на содержательном, так и на композиционном уровнях. Коррелируя друг с другом, они усиливают воздействие на адресата и в своей совокупности создают объемное информационное поле, к которому читатель имеет доступ в условиях глобальной Сети. Вместе с тем данное информационное поле не является объективно-безликим, оно субъективизировано, причем субъективизация подкреплена трансмедийно, т. е. ее заряд многократно усиливается, что вызывает эффект детонации [Иванова 2011].

Еще одним красноречивым примером маршрутизации читательского восприятия в соответствии с замыслом создателя онлайн-издания является статья «Gun control: President Obama's biggest loss» [Thrush, Epstein 2013]. Тема статьи — итоги голосования в сенате конгресса США. Сенат отклонил поддерживаемый президентом страны Бараком Обамой законопроект, направленный на ужесточение контроля за оборотом оружия. Глава государства и политики из числа его сторонников считают итоги голосования позором для Вашингтона и намерены продолжать борьбу. Тем не менее журналисты — авторы статьи называют это событие крупнейшим политическим поражением Обамы, о чем прямо заявляют в заголовке: *President Obama's biggest loss*. Через всю статью проводится идея антагонизма: существуют две партии, две позиции, президент выступает против конституции (в его собственной трактовке ситуация выглядит иначе: сенат выступает против народа).

Авторы задают вопросы: «Насколько искренни участники противостояния? Чьи интересы лоббируются, и не являются ли семьи погибших в Коннектикуте разменной монетой в противостоянии сторон?» — и вовлекают читателя в дискуссию. Фотография президента, размещенная сразу под заголовком (рис. 7), — это изображение человека, который, потерпев неудачу, не собирает-

ся сдаваться, так как считает свою позицию единственно правильной. Представляя собой невербальный компонент текста, изображение интегрируется в него, добавляя экспрессивности словам авторов. Журналисты акцентируют внимание читателя на двух нетипичных для президента США моментах. Во-первых, он нарушил свое негласное «правило Обамы» (*his own informal "Obama Rule"*) — не братья за дело, не будучи уверенным в его успешном завершении. Во-вторых, президент никогда раньше не проигрывал, предварительно вложив столько усилий в то или иное дело (*put the moral force and political muscle of his presidency behind an issue quite this big — and lost quite this badly*).

Рис. 7

Далее идет видеоблок, состоящий из двух роликов. В первом из них вниманию читателя представлено специальное заявление президента США, сделанное после голосования в сенате. Стоя у Белого дома в окружении семей, чьи дети оказались жертвами стрельки в школе Ньютауна, президент заявляет, что отказ сената принять поправки об ужесточении контроля за оборотом оружия противоречит воле избирателей. Ситуация с продажей оружия, утверждает Обама, должна быть и будет изменена, эскалацию агрессии в стране необходимо остановить — во имя погибших детей и во имя предотвращения будущих жертв. Слова и образ президента, как представляется с первого взгляда, противоречат словам авторов статьи об ослаблении его позиций как политического лидера. Барак Обама сосредоточен, его фразы лаконичны, тон уверенный. Однако слишком затянутые паузы между предложениями могут свидетельствовать о том, что президент, больше привыкший побеждать, эмоционально потрясен и ему требуется более обычного времени для того, чтобы найти правильные слова и убедительно сформулировать фразу.

Во втором ролике представлен короткий отрывок дискуссии за круглым столом студии «Politico». Аналитики считают, что противостояние партий в вопросе контроля над продажей оружия — это уже давно продол-

жающаяся история, и нужны серьезные усилия не только со стороны президента, но и со стороны всего правительства, чтобы этот вопрос был окончательно решен. Однако, по мнению участников обсуждения, президенту следует принимать во внимание, что перед сенатом стоят проблемы не менее важные — обсуждение поправок к закону об иммиграции и об однополых браках.

Вербальными и невербальными средствами авторы статьи подводят читателя к следующему выводу: не является ли поражение выдвинутого президентом законопроекта в сенате признаком «кризиса второго президентского рока» (*second-term downer*), свойственного многим предшественникам Барака Обамы?

Группа ссылок, которые следуют непосредственно за видео, отправляет читателя к статьям, объединенным тематикой политической борьбы и нарастающей волны насилия в стране:

Latest on POLITICO

- Jon Stewart slams CNN
- Right blogs on guns: “We win”
- Pols line TIME’s 100 list
- Pols tweet prayers after Texas blast
- Phillies pitcher: Obama out for guns
- Manchin: Don’t give up on gun plan [Thrush, Epstein 2013].

Статьи отражают разнообразные точки зрения на обсуждаемый вопрос и являются, таким образом, своеобразным информативным каналом для проникновения читателя в «гипермедиапространство». Расширяя содержание статьи посредством ссылок, авторы дают возможность получить более объемную информацию по данной проблематике. Так, бейсболист, принимавший участие в Бостонском марафоне (статья «Phillies pitcher: Obama out for guns»), заявляет журналисту, что не понимает, как в такое опасное время можно лишить граждан возможности свободно купить оружие, чтобы защитить себя. Блогер-консерватор («Right blogs on guns: “We win”») рад победе и говорит, что его партия боролась за соблюдение принципа — конституционного права граждан на ношение оружия (вторая поправка). Статья «Pols line TIME’s 100 list» позволяет читателю узнать больше о принимающих участие в обсуждении проекта политиках, многие из которых входят в сотню самых влиятельных политических деятелей США. И только статья «Manchin: Don’t give up on gun plan» звучит в унисон с выступлением президента. Далее авторы материала несколько раз прерывают повествование и предлагают читателю обратиться к статьям аналогичной тематики («Gun bill hits brick

wall in Senate»; «Senate gun control roll call vote: Senators who bucked their party»; «Obama laments “shameful day”» и др.). Каждая из статей дает возможность читателю «углубиться» в информационный поток, например ознакомиться подробнее со списком демократов, проголосовавших против поправок, а также персоналий, имеющих особое отношение к данному вопросу.

Таким образом, очевидно, что первая часть статьи является наиболее информативной в вербальном и невербальном отношении. Представляется, что цель авторов заключается в воздействии на вектор читательского внимания: реципиенту позволяют погрузиться в проблему, причем, как показывает даже поверхностный анализ, погрузиться в «нужном» направлении. Несмотря на то что весь текст далее выстроен на высказываниях тех, кто надеется на дальнейшую победу законопроекта союзников Барака Обамы, образ президента-воина, рассерженного, решительно настроенного на продолжение борьбы, тем не менее становится менее четким (после прочтения статей, предложенных авторами в ссылках). Насколько искренним является возмущение лидера, и не использует ли он скорбящие семьи в своих политических целях, пытаясь оправдать неудачу в продвижении популистского, с точки зрения противников, закона? В то же время авторы не упоминают о роли одной из самых влиятельных групп — Национальной стрелковой ассоциации (NRA). Эта организация занимается защитой прав владельцев оружия в США и активно лоббирует в сенате конгресса США свою позицию по оружейной проблеме. А можно ли доверять защиту конституции политикам, которые, возможно, заинтересованы в росте продажи оружия?

Таким образом, авторы, безусловно, предоставляют возможность читателю погрузиться в информационный поток, но «путешествие» по ссылкам представляется ограниченным авторским навигатором, удерживающим читателя в русле, которое, умышленно или нет, но очерчено автором.

Казалось бы, имеет место определенное противоречие: кажущаяся полифония голосов, доставляющих информацию и передающих «множественность равноправных сознаний с их мирами», при этом сохраняющая «свою неслиянность, в единство некоторого события» [Бахтин 1972: 6], должна бы приводить к созданию некоей объективной картины, когда читатель действительно сам делает вывод по результатам прочитанного. Однако на самом деле вместо полифонии с ее «многомирностью» (М. М. Бахтин) и

многоголосием создается новый виртуальный мир, который реализует совершенно другой принцип. Этот мир трансмедийной журналистики характеризуется совершенно определенной идеологической направленностью — той, которая избирается и тонко проводится создателями интернет-медиа-изданий. Более того, за счет ре-медиаии, т. е. перехода от одних медиа к другим, эффект воздействия усиливается (реализуется принцип детонации), поскольку наряду с информативной функцией в медиа заложены возможности передачи экспрессивности, эстетического потенциала и аттрактивности. Таким образом, даже в случае «рваного чтения», если читатель не захочет читать всю статью, что совершенно естественно, а пожелает познакомиться с нею выборочно, он все равно испытает на себе субъективное воздействие, на передачу которого и направлены размещенные казалось бы для создания полноты картины разнообразные полимедийные материалы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Способы корреляции между вербальным и невербальным компонентами Е. Е. Чернявская определяет как отношения дополнительности и интегративности. Отношения дополнительности возникают между вербальной и визуальной составляющей, когда изображение «служит своего рода двойным кодированием для усиления информационного веса», а интегративные отношения характеризуют ситуацию, когда невозможно отделить вербальную и иконическую составляющую друг от друга без ущерба для понимания содержания текста [Чернявская 2009: 92—93].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. ф-тов иностр. яз. вузов. — М. : Академия, 2003.
2. *Артамонова Ю. Д., Кузнецов В. Г.* Герменевтический аспект языка СМИ // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов. — М., 2008. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/04.htm> (дата обращения: 07.04.2013).
3. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. — М. : Художественная литература, 1972. URL:

<http://www.biblioclub.ru/book/36049/> (дата обращения: 27.04.2013).

4. *Березин В. М.* Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. — М., 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text7/62.htm> (дата обращения: 05.04.2013).

5. *Большакова Л. С.* О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестн. НовГУ. 2008. № 49. С. 48—51.

6. *Валгина Н. С.* Теория текста : учеб. пособие. — М. : Логос, 2003.

7. *Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против» : сб. статей / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. — М. : Прогресс, 1975. URL: http://tlf.narod.ru/school/structuralism_pro_et_contrf.htm (дата обращения: 02.04.2013).

8. *Иванова С. В.* Политический дискурс и культурное кодирование: детонирование культурных кодов (на материале политического дискурса США) // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 2 (36). С. 24—30.

9. *Рязанцева Т. И.* Гипертекст и электронная коммуникация. — М. : Изд-во ЛКИ, 2010.

10. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. — М. : Либроком, 2009.

11. *Щурина Ю. В.* Комические креолизованные тексты в интернет-коммуникации // Вестн. НовГУ. 2010. № 57. С. 82—86.

12. *Chaplin E.* Sociology and Visual Representation. — L. : Routledge, 1994.

ИСТОЧНИКИ

13. *Loyn David.* Taliban fighters changing sides in Herat // BBC News : сайт. 2012. 31 Aug. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-19153734> (дата обращения: 08.07.2013).

14. *Lukyanov Fyodor.* The many faces of Vladimir Putin. 2012. 5 Nov. URL: <http://www.telegraph.co.uk/sponsored/russianow/opinion/9655556/vladimir-putin-political-brand.html> (дата обращения: 15.11.2012).

15. *Syria conflict: Fighting rages at Syria air* // BBC News : сайт. 2012. 1 Sept. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-19448107> (дата обращения: 12.04.2013).

16. *Thrush Glenn, Epstein Reid J.* Gun control: President Obama's biggest loss // Politico : сайт. 2013. 17 Apr. URL: <http://www.politico.com/story/2013/04/gun-control-vote-obamas-biggest-loss-90244.html> (дата обращения: 18.04.2013).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

УДК 81'276:1
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 10.02.19

О. С. Иссерс О. S. Issers
Д. А. Ганеева D. A. Ganeeva
Омск, Россия Omsk, Russia

**«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО» В КОНТЕКСТЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ДИАЛОГ, ОППОЗИЦИЯ,
КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС**

**“NEW RUSSIAN WORD” IN THE CONTEXT
OF POLITICAL DISCOURSE:
DIALOGUE, OPPOSITION,
CREATIVE CLASS**

Аннотация. Статья посвящена анализу современного дискурса о гражданском обществе в России. Рассматриваются «ключевые слова текущего момента»: **диалог, оппозиция, креативный класс**. Автор приходит к выводу, что выбор номинации и обсуждение этого выбора являются показателями конкурирующих интерпретаций, или «борьбы дискурсов».

Abstract. The article focuses on discourse analysis of the modern Russian civic society. “Key words of the current moment”: **dialogue, opposition, creative class** are discussed. The author concludes that the choice of nomination and its discussion are the indicators of interpretation competition or “the fight of discourses”.

Ключевые слова: гражданское общество; дискурс-анализ; политическая лингвистика; номинация.

Key words: civic society; discourse analysis; political linguistics; nomination.

Сведения об авторе: Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики.

About the author: Issers Oxana Sergeevna, Doctor of Philology, Professor, Dean of The Department of Philology and Media, Head of Theoretical and Applied Linguistics Chair.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.
e-mail: isserso@mail.ru.

Сведения об авторе: Ганеева Динара Анваровна, магистрант факультета филологии и медиакоммуникаций.

About the author: Ganeeva Dinara Anvarovna, Master Student of the Faculty of Philology and Medicommunication.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Контактная информация: Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.

e-mail: filfak@omsu.ru.

На фоне кардинальных изменений в экономической и социально-политической жизни общества человек является не только «главным действующим лицом» в языке, но и активно рефлексирующим субъектом. Усиливается его лингвокреативная деятельность и метаязыковая рефлексия по поводу употребляемых языковых единиц, происходит поиск наиболее точного слова, выражения, которые нередко становятся маркерами идеологической позиции, социальных ролей и статусов [Вепрева 2002; Карасик 2002; Шмелева 2009 и др.]. Это, в свою очередь, влияет на модификацию функционирующих в языке значений, формирование ключевых смыслов, определяющих зоны пристального общественного внимания.

Изучение когнитивных и коммуникационных процессов в различных социокультур-

ных и политических средах немыслимо без учета «человека говорящего» во всей совокупности его личностных и социальных характеристик. В связи с этим интерес представляют современные дискурсивные практики, которые в явной форме обнаруживают так называемую «борьбу дискурсов» (термин Н. Фэркло). Она проявляется в том, что определенный дискурс всегда находится в конфликте с другими дискурсами, претендующими на то, чтобы по-иному описывать реальность и устанавливать другие принципы социальной практики. Там, где сталкиваются дискурсы, могут возникать «конфликты интересов», вплоть до антагонизма. Как правило, они разрешаются через «артикуляцию с помощью силы»: один дискурс удаляет через интервенцию другой [Йоргенсен, Филиппс 2008: 90—94]. При этом важно учи-

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-14-55001 «Лингвистика на службе гражданского общества: инновационные подходы в лингвистических исследованиях социальных процессов в Омской области».

© Иссерс О. С., Ганеева Д. А., 2013

тывать, что носители языка могут принимать или отвергать какие-либо значения даже тогда, когда они не осознают идеологической сущности своей практики. Как отмечал Н. Фэркло, «субъекты позиционированы идеологически, но они также способны действовать креативно, создавая свои собственные связи между разнообразными практиками и идеологиями, действию которых они подвергаются, а также преобразовывать эти практики и структуры» [Fairclough 1992: 9].

Борьба дискурсов разворачивается вокруг идей, которые становятся своеобразными символами Добра и Зла, фокусирующими наиболее актуальные для общественной жизни проблемы. Вокруг них формируются не только дискуссионные, проблемные, но и дискурсивные поля. Меняющиеся на наших глазах речевые практики (или «способы говорения»), в свою очередь, отражают процессы индивидуального и массового сознания.

В этом смысле показательным представляется анализ конкурирующих в общественно-политической жизни России дискурсов — власти и оппозиции. Поскольку критическая лингвистика ставит своей целью объяснить причины выбора и создания конкретной «вербальной упаковки» для конкретного содержания, лингвистический инструментарий дает возможность глубинного анализа процессов развития гражданского общества в России. Это вызвано тем, что формирование общественного сознания осуществляется преимущественно с помощью языковых средств, что обусловлено спецификой доминирующих каналов коммуникации в современном обществе.

Непременным условием существования гражданского общества является учет мнения оппозиционной власти меньшинства [Якобсон 2008; Филина 2013]. «Голос оппозиции» демонстрирует иную — по сравнению с официальной — систему значений и смыслов, иную интерпретацию событий и фактов и, следовательно, обнаруживает попытки построения общественного диалога. Наша задача — проследить, какие дискурсивные элементы «артикулируются» по-новому, как в современном русскоязычном дискурсе идет борьба относительно их значения, какие лексические новообразования отражают «текущий момент».

В рамках данной работы представлены наблюдения за функционированием лексики *диалог*, вариантами определения *оппозиции* (*системная vs. несистемная — внесистемная — бессистемная*) и обозначениями субъектов протестного движения (*креативный класс*). На наш взгляд, эти

языковые единицы достаточно показательны в плане «борьбы дискурсов».

Материал исследования взят из двух источников. Первый — публикации в СМИ, связанные с митинговой активностью конца 2011 — первой половины 2012 г. Митинги протестного электората Москвы и крупных городов, проходившие в 2011—2012 гг. в период думской и президентской выборных кампаний, сформировали не только основные информационные поводы, но и своеобразный способ говорения — «дискурс оппозиции», а также «разговоры об оппозиции». В качестве источника для наблюдения были выбраны статьи за указанный период журнала «Огонек» (ИД «Коммерсант»), занимающего в спектре современных российских СМИ умеренно либеральную позицию.

Другим источником для анализа стали сообщения в блогах, поскольку в «новых» медиа нередко рождаются и шлифуются современные социальные и языковые феномены. Недаром в конце 2009 г. в ряде программных выступлений госсекретарь США Х. Клинтон провозгласила эру «Гражданского общества версии 2.0» (Civil Society 2.0), в котором неисчислимые дезинтегрированные, выстроенные по сетевым принципам автономные сообщества солидарных членов, вооруженные цифровыми технологиями, эффективно устанавливают собственные правила жизни, **разрушая государственную монополию на власть, информацию и воспитание граждан** (выделено нами. — О. И., Д. Г.) [Тукмаков 2013: 3].

В источниковую базу вошли примеры из современной российской блогосферы (портал радиостанции «Эхо Москвы», социальная сеть «Макспарк» (<http://maxpark.com>) и «Живой журнал» — «LiveJournal»). Источники примеров с порталов «Эхо Москвы» и «Maxpark» авторизованы. Поскольку многие авторы «Живого журнала» выступают анонимно (под никами), примеры в таких случаях атрибутируются с помощью аббревиатуры «ЖЖ». Выбор блогов радиостанции «Эхо Москвы» и «Maxpark» объясняется тем, что проблематика гражданского общества является в них одной из ключевых и, следовательно, частотность языковых единиц, связанных с данным понятием, там достаточно высока.

Исходной методологической посылкой исследования является концепция «ключевых слов». Суть ее заключается в том, что некоторые лексические единицы можно рассматривать в качестве индикаторов социальных изменений, поскольку они являются «вершинами» концептов, маркерами мировоззрения, системы ценностей (*власть, на-*

род, оппозиция, социальная справедливость, общественный диалог, компромисс, общественный контроль и др.). Применительно к общественно-политическому дискурсу Т. В. Шмелева в начале 1990-х гг. назвала их **ключевыми словами текущего момента** [Шмелева 1993]. Господствуя в понятийно-лексическом поле текстов СМИ, они выполняют роль ключа для целой группы связанных с ними идей и понятий. Признаки данной группы слов: 1) высокая частотность, в том числе использование в заголовочных комплексах и рубриках; 2) словообразовательный потенциал (активное использование для образования новых слов); 3) языковая рефлексия; 4) текстогенность [Шмелева 2009]. Совокупность ключевых слов создает своеобразный портрет эпохи: так, к ключевым словам текущего момента конца первого десятилетия XXI в. можно отнести слова *инновационное развитие, модернизация, мировой кризис, нацпроекты, материнский капитал, нанотехнологии, тандем* и др.

Для целей нашего исследования важно учитывать, что использование ключевых слов в дискурсе задает рамку интерпретации идеологической, этической, гражданской позиции. Динамика ключевых слов (включая конкуренцию их значений в различных текстах), с одной стороны, значимая дискурсивная характеристика, с другой — существенный показатель социальных сдвигов.

В поисках диалога

В общественных дискуссиях последних лет к ключевым словам, на наш взгляд, можно отнести лексему **диалог**, которая регулярно встречается в контексте с другими ключевыми единицами — *власть, оппозиция, общество, компромисс*.

Сравнение ее контекстного употребления со словарными дефинициями позволяет обнаружить актуализированные семы и новые коннотации.

Диалог — 1) разговор между двумя или несколькими лицами; 2) часть литературного произведения, представляющая собой разговор двух лиц; **3) переговоры, контакты между двумя партиями**; 4) о технически грамотной постановке человеком заданий для компьютера и получении от нее нужных результатов [Большой толковый словарь 2009].

Диалог — 1) разговор между двумя или несколькими лицами; **2) переговоры, свободный обмен мнениями между двумя сторонами, странами** [Современный словарь иностранных слов 1993].

Как показывают лексикографические источники, значение 'переговоры, обмен мнени-

ниями' не является новым, однако современное словоупотребление демонстрирует усиление идеологического смысла указанной лексемы. Так, на запрос «*общественный диалог*» Google в июле 2013 г. выдает почти 5 млн ссылок. «*Постоянный диалог с обществом*» приобретает значение ключевого символа в риторике государственной власти:

Власть, на практике убедившись, что московских хомяков добром в нору не загонишь, стоит на развилке: ужесточать ситуацию либо нащупывать компромисс. Прямых репрессий никто не хочет (желающих сидеть в одном вольере с Лукашенко под табличкой „последний диктатор Европы“ нет). Значит, скорее всего, политика будет двуслойной. С одной стороны, будут рассказывать о „безусловной ценности эволюционного и поступательного развития“, „накопленном потенциале стабильности“, „постоянном диалоге с обществом“. С другой, в индивидуальном порядке **разбираться с оппозиционерами.** Потому что есть еще и Страсбургский суд. <...> Массовые митинги и **массовый контроль** волонтеров вынуждают **власть** аккуратно вести себя по двум направлениям... [Орешкин 2012: 11].

Частотные коллокации лексем (в приведенном выше фрагменте — *диалог, компромисс и власть, оппозиционеры*) отражают новые общественно-политические реалии: власть не может игнорировать наличие иного мнения и вынуждена реально, а не на словах выстраивать **общественный диалог**.

Диалог с обществом предполагает учет мнения меньшинства. В этом аспекте интересно интервью историка и социолога Олега Будницкого (журналист «Огонька» Ольга Филина обозначена буквой «Ж», интервьюируемый — инициалами «О. Б.»):

Ж.: *То есть договорной традиции, традиции компромисса ни в обществе, ни во власти нет?*

О. Б.: *Были люди в нашей истории, которые понимали демократию не так прямолинейно, доказывая, что она стоит на страже интересов меньшинства, а не только большинства. <...>*

Ж.: *Сегодня, когда все силы брошены на то, чтобы сплотить общество, а меньшинства продолжают восприниматься как нечто „раскачивающее лодку“, подобные идеи кому-то нужны?*

О. Б.: *<...> Если у оппозиции нет шанса быть услышанной, у общества нет механизма самоконтроля — и лодка рискует опрокинуться [Филина 2013: 15].*

Как показывает материал, проблемы полноценной коммуникации и четкой «артикуляции» своей позиции являются едва ли не главными во взаимоотношениях власти и оппозиции. Именно поэтому обсуждение различных аспектов диалогического взаимодействия находится в фокусе политических дискуссий.

Власть не хочет диалога под тем предлогом, что разговаривать не с кем и не о чем. Но это ошибка. Да, в отличие от власти, у оппозиции нет единого лидера. Но оппозиция все равно так или иначе представляет недовольство огромной группы населения. Эти настроения могут быть скрыты до поры до времени. Возможно, сами люди не могут их сформулировать. Возможно, даже лидеры оппозиции не могут достаточно четко их сформулировать. Но если их отодвинуть локтем в сторону, то можно дождаться ситуации, когда вся эта масса, так ничего и не сформулировав, выйдет на поверхность и поперет клином. И вот с ними разговаривать уже будет действительно сложно [Сванидзе 2012].

В дискурсе о гражданском обществе обращает на себя внимание частотность глаголов и субстантивов со значением речи (*разговаривать, говорить, слышать, собеседник*) — яркий показатель актуальности полноценной, не односторонней, а двусторонней общественной коммуникации, **диалога**: *Новость прошедшего года, как мне кажется, состоит в том, что все больше сограждан начинают понимать, что говорить все-таки есть о чем. В том числе с далеко не идеальными политиками оппозиции. <...> Не факт, что у оппозиционного пустого места скелетов в шкафу больше, чем у противоположной стороны, которая сначала выжигает „пустое место“, а потом сетует на отсутствие достойного собеседника* [Орешкин 2012: 14].

Публичный **диалог** предполагает возможность конкурирующих интерпретаций, **поиск наиболее точной дефиниции** общественно значимых понятий. Показателем конкуренции являются эксплицированные вопросы метакоммуникативного характера, смысл которых касается выбора слова («Почему вы это так называете?»; «Почему вы выбрали именно это слово для обозначения данного содержания?»): *Партия власти цинично заявляет, что она открыта к диалогу. Но в чем заключается эта открытость? Разве властные чиновники всерьез обсуждают обозначенные проблемы? Разве проводятся какие-то действия, свидетельствующие, что власть готова*

идти на необходимые реформы? Я не вижу. Что они называют диалогом? Что время от времени какого-нибудь наиболее мягкого представителя оппозиции приглашают в какую-нибудь телепередачу и выставляют против пятерых участников, отстаивающих позицию Кремля? [Сванидзе 2012].

Наблюдения за функционированием лексемы **диалог** в общественной дискуссии явно свидетельствуют о смещении одного из зафиксированных в словарях значений («переговоры, обмен мнениями») в сторону актуализации «политического» компонента его семантики, связанного с признанием самой возможности и необходимости разговора власти с оппонентом, восприятия его в качестве «достойного собеседника».

КАКАЯ БЫВАЕТ ОППОЗИЦИЯ?

К проявлениям публичной дискуссии следует отнести и **спор о номинациях**. Известное высказывание Р. Блакара о том, что, «произнося одно-единственное слово, говорящий вынужден занять позицию», имеет непосредственное отношение к идеологизированному дискурсу [Блакар 1987]. Проблема формирования гражданского общества в России тесно связана с конкуренцией разных моделей устройства социальной жизни и государственной власти. Поэтому выбор номинации и обсуждение этого выбора являются яркими показателями конкурирующих интерпретаций. Т. В. Шмелева отмечает, что «ключевые слова текущего момента» становятся объектом активной и массовой **языковой рефлексии**, появляется масса дефиниций — высказываний типа *X — это...* или *X — это не...* [Шмелева 2009: 63].

Примером может быть обсуждение такого обозначения российской модели общественного устройства, как **суверенная демократия** (авторство номинации приписывают В. Суркову, экс-главе кремлевской администрации). Это яркий пример борьбы за «правильное» обозначение.

Собственно так и развивается реальная, а не суверенная демократия. <...> Бесценный опыт суверенной демократии. Если ведешь себя правильно, занимаешь активную жизненную позицию на ТВ-экране, то давай, гребь со своих корпоративных мальчишников столько экономического суверенитета, сколько сможешь унести. А вот если дуришь и позиция твоя неправильная, то, прости уж, dura lex... [Орешкин 2012: 12].

С точки зрения «борьбы дискурсов» значимым является употребление номинаций «системная» vs. «внесистемная» оппози-

ция, а также варьирование характеристик оппозиции: *антисистемная, внесистемная, несистемная, бессистемная* (см., в частности: [Болдырев 2013; Большаков 2011; Становая 2012; Филина 2012]). Как видно из этого отнюдь не синонимического ряда, в языке отражается стремление отойти от терминологического обозначения политических феноменов и заменить его оценочными номинациями (об экспрессивности как существенной дискурсивной характеристике политической коммуникации см., в частности: [Чудинов 2012]). В этом легко убедиться, сравнив научное понятие «антисистемной оппозиции», теоретически обоснованное в работе социолога Дж. Сартори, с трактовками, распространенными в блогосфере: *Антисистемные партии имеют ценности и идеологию, диаметрально противоположные ценностям и идеологии, господствующим в политической системе. Главное отличие антисистемной оппозиции от иных ее типов — не в радикальности методов политической борьбы, а в наличии максимальной идеологической дистанции. Примеры антисистемной оппозиции в демократической системе — коммунистические и фашистские партии* [Цит. по: Большаков 2011: 110].

В современной политической коммуникации, говоря о *вне- и несистемной оппозиции* в России, имеют в виду то, что она оппонирована некой системе, но в качестве таковой называют что угодно: «систему власти», «государственную систему», «систему общественных отношений», «систему Ельцина/Путина/Медведева» и т. д. При этом обозначение оппозиции как «системной» обретает в риторике власти, а вслед за ней и в массовом сознании положительные коннотации — в противовес «несистемной».

Надо быть не просто буйным, надо быть еще и системным. У оппозиционеров вроде Навального нет ни идеологии, ни концепции развития страны, есть только желание разрушить существующее. <...> К бессистемной оппозиции нельзя относиться серьезно [ЖЖ].

Блогеры обращают внимание на сходство политических стратегий *системной и несистемной оппозиции*, снимая актуальные семантические противопоставления той и другой: *В связи с этим и „несистемная оппозиция“ использует те же приемы политических манипуляций. Она вместо того, что создавать нормальную партию, с нормальной политической программой, пытается создать некую „широкую общественную коалицию“, куда включить всех недовольных, от Лимонова с Удальцовым,*

до Немцова с Касьяновым. Громко и не переставая кричит „Путин — уходи“, потому что, если перестать кричать это, становится очевидно, что договориться Касьянову с Лимоновым — просто невозможно. Выдвигает на первые роли писателей, телеведущих, журналистов, артистов, клоунов, певцов — кого угодно, пытаясь играть в „гражданское общество“, и старательно избегая честной политической роли, понимая, что это сразу же приведет к падению популярности [Калинов 2013].

Крайне отрицательные коннотации в обозначении *оппозиции* как «внесистемной» в некоторых текстах обнаруживают развернутую мотивацию.

Болотная трагикомедия

Внесистемная оппозиция, которая и раньше напоминала Ноев ковчег, забитый до отказа политическими карликами, троллями и сумасшедшими, теперь стала принимать очертания Атлантиды, уходящей под воду. Вся романтика протеста, еще совсем недавно продувавшая неокрепшие мозги креативного класса, была цинично размыта и слита в нечистоты маргинального дискурса [ЖЖ].

Критика *системной оппозиции* крайне редка: исключения лишь подтверждают правило.

Просто удивительно, как мало людей понимает, что системная оппозиция есть часть самой системы. И что она совершенно необходима для сохранения системы. И что слабая системная оппозиция даже вредна системе, поскольку не дает нужного сопротивления, чтобы, преодолевая его, система крепла [ЖЖ].

Таким образом, атрибуция *оппозиции* как «несистемной», «внесистемной» и «бессистемной» в политической риторике современной России носит не терминологический, а идеологизированный характер, определяемый как борьбой идей, так и борьбой дискурсов.

КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС: КТО ВСЕ ЭТИ ЛЮДИ?

Еще одним маркером конкуренции в борьбе за влияние на массовое сознание является словосочетание *креативный класс*. Оно заимствовано из английского относительно недавно, где «creative class» имеет значение «люди творческих профессий», «творческая интеллигенция». Его терминологическое употребление связано с работой американского экономиста Ричарда Флорида «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» [Флорида 2005]. По мысли автора, креативный класс выступает *преобразователем капитализма*. «Ядро креатив-

ного класса составляют люди, занятые в научной сфере и технической сфере, архитектуре, дизайне, образовании, искусстве и индустрии развлечений, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий и нового креативного содержания» [Флорида 2005: 5]. Как следует из определения, креативный класс — это не столько профессиональная характеристика, сколько характеристика роли, осуществляемой в обществе. Помимо ядра, **креативный класс** включает также обширную группу креативных специалистов, работающих в бизнесе и финансах, праве, здравоохранении и смежных областях деятельности.

Российские провластные СМИ, записавшие новое понятие в свой словарь, в основном приписывают к **креативному классу** «офисных хомячков», «офисный планктон», что существенно искажает смысл понятия. В целом в обществе формируется иное отношение к креативному классу, не совпадающее с идентификацией его членов как «людей творческих профессий».

Активным «пользователем» данного термина стала Тина Канделаки — журналист, продюсер, участник протестных движений. В феврале 2012 г. на встрече со студентами МГУ она так характеризовала роль **креативного класса**: *Сегодня мы стоим на пороге перемен. В России сформировался новый креативный класс. Он появился благодаря экономическому росту, стабильности, информационной открытости и свободным границам. Именно благодаря ему родилась Болотная и начало формироваться гражданское общество, готовое отстаивать свои интересы* (выделено нами. — О. И., Д. Г.). *Впервые за полтора века люди вышли на улицы не из-за голода, а за уважение к себе и чувство собственного достоинства. Общественное пространство вновь наполнилось дискуссиями и острой полемикой* [Канделаки 2013].

Российский журналист, шеф-редактор объединенной компании «Рамблер-Афиша» Юрий Сапрыкин предлагает относить к **креативному классу** работников «креативных индустрий». Последние включают рекламу, маркетинг, дизайн, фотографию, современное искусство — все индустрии, способные «ярко и интересно упаковать» товар, услугу или территорию, которые сложно продать «обычным способом». На открытой встрече, организованной ресурсом «Open Space», он заметил: *Если понимать термин таким образом, то никакого креативного класса в России, конечно, нет* [Сапрыкин, Мальцев и др. 2012]. По мнению оратора, причиной тому являются запросы

рынка, объективное состояние экономики. Ю. Сапрыкин объясняет, почему в силу ряда факторов **наклейка «креативный класс» на участников протестного движения удобна правительству**. С одной стороны, данное понятие комплиментарно, оно словно говорит о новой интеллигенции, образованных горожанах. С другой стороны, этот термин имплицитно предъявляет участникам протестного движения некоторые требования, соответствовать которым они не могут: *Назвав вышедших на митинги горожан „креативным классом“, мы сформировали пакет ожиданий. Но этого класса не существует в России. У горожан, только начавших выражать свою политическую позицию, нет ресурса, чтобы „накреативить“ программу спасения России. Более того, насмешливое понятие „креативный класс“ провело черту между „асоциальными элементами с Болотной“ и основной массой населения страны* [Там же].

Однако, несмотря на то что термин **креативный класс**, по мнению многих, «надуманный и абсолютно пропагандистский», он продолжает активно использоваться для обозначения тех, кто вышел на улицы или в блоги именно на волне протестных настроений. На материале блогосферы можно проследить, как изменилось восприятие понятия «креативный класс» с весны 2012 г. до сегодняшнего момента.

Блоги на сайте «Эхо Москвы» отражают широкий спектр политических воззрений: среди их авторов встречаются провластные журналисты, радикальные оппозиционеры, представители либеральной оппозиции; площадка предоставляет возможность размещения различным людям от профессиональных политиков до слушателей «Эха» с далекими от политики профессиями. Таким образом, площадка блогов на сайте позволяет осуществить обзор разнообразнейших мнений об актуальных событиях.

Выборка текстов проводилась по ключевым словам — значениям концептуальной переменной. Анализировались материалы, опубликованные весной 2012 г. (1.03.12. — 1.06.12) и весной 2013 г. (1.03.13. — 19.05.13). Интерес к первому периоду связан с тем, что это время всплесков протестной активности в 2012 г. («белые» митинги 5 и 10 марта, несостоявшийся митинг на Большой Якиманке и Болотной площади 6 мая, серия акций «Оккупай», «Прогулка с писателями» 13 мая). С целью отметить изменения в отношении к **креативному классу**, произошедшие за год, выбраны весенние месяцы 2013 г. («Марш за права москвичей» 2 марта, митинг в защиту политзаключенных по «Болотному делу» 6 мая).

Концептуальной переменной нашего анализа выступает категория **креативный класс**, которая в текстах имеет следующие репрезентанты: *креативный класс, творческий класс*. Было проанализировано более 50 записей в блогах за март — май 2012 г. и март — май 2013 г. (приблизительно в равных пропорциях). (Документация примеров включает фамилию и некоторые социально-профессиональные характеристики как релевантные для анализа. Ссылки на соответствующие блоги приводятся в списке источников.) Анализ актуальных контекстов позволяет определить основные семантические поля дискурса о креативном классе.

В 2012 г. с **креативным классом** связаны *ожидания*. Понятие охватывает разрозненных участников протестного движения, формируя к ним отношение как к уже существующему классу, способному на организованные действия: *Конечно же, креативный класс, хоть и дурацкое название — общность, от которой мы ждем модернизации, перестройки, нововведений, изобретений, нестандартных решений. Иногда эти решения таковы, что лучше бы их и не было, но в них — перспектива. Креативный класс по определению не может быть приверженцем стабильности ... тем более той, что близка к стагнации* (Влад Фельдман, философ).

Противостояние **креативного класса** власти определяет возможность насильственных действий над «рассерженными горожанами».

Я очень не хочу гражданской войны. Я не хочу крови и того, что тех самых „рассерженных горожан“ и „креативный средний класс“, тех людей, с кем я себя ассоциирую, первыми же прижмут и начнут выдавливать ультралевой политикой из нашей страны. После вчерашнего марша мне стало очевидно, что единственный способ избежать нарастания радикализации — это перестройка (Ксения Собчак, журналист, телеведущая).

В посте экскурсовода из Москвы, участника протестных движений, мы видим взгляд на **креативный класс** человека, который и сам себя к нему относит. По его мнению, это **интеллигентные люди, не подверженные радикализму**, пользователи социальной сети «Facebook», объединенные стремлением к сознательной гражданской позиции: *Там уже была пара человек. Автобус набили быстро, до 16 человек, после чего он отъехал на сотню метров, на площадь Революции. Оттуда мы поехали в ОВД. Народ в автобусе оказался отборный — наблюдатели, интеллигенция, люди*

с Болотной и Сахарова. Ни одного экстремиста, нацбола или националиста, всё сплошь либеральный „креативный класс“ с белыми лентами. Мы тут же создали в facebook группу „Белый автозак“, обменялись контактами, и договорились действовать сообща и держаться вместе. Так образовалась еще одна ячейка гражданского общества (Александр Мысленков, экскурсовод).

Мирный характер протеста, отсутствие революционных требований — яркая примета **креативного класса**: *Русский народ по своей сути радикален. Именно он был на митингах, а не пресловутый креативный класс (выражение, которое в контексте митингов впервые употребила Тина Канделаки). Попытка объединить народ во имя отвлеченных и далеко идущих целей, на мой взгляд, приведет к окончательному спаду протестной активности граждан* (Андрей Акцынов, общественный деятель).

Для уяснения сущности понятия, ставшего ключевым в период митинговой активности 2011—2012 гг., важна атрибуция действий, приписываемых креативному классу. Способность его решать практические задачи — лакмусовая бумажка, определяющая отношение к данному актору политической сцены: *Однако уже после митинга на Сахарова у меня было стойкое ощущение, что мы теряем время и занимаемся не тем. Что митинги — это прекрасно, но должна быть какая-то практическая задача. Говорят, что на улицы выходит креативный класс. Креативный, понимаете. В большинстве своем это люди, которые привыкли действовать. Которые потому и добились чего-то в жизни, что не сидели сложа руки и не ограничивались болтовней* (Антон Орех, обозреватель).

Как можно видеть, уже весной 2012 г. наблюдается некоторое разочарование в действиях протестующих, однако сохраняется позитивное восприятие **креативного класса**: *«это люди, которые <...> не сидели сложа руки и не ограничивались болтовней»*.

В марте — мае 2013 г. идентификация **креативного класса** несколько меняется: наиболее значимыми в этом плане становятся его характеристики как субъекта гражданского общества. В частности, его рассматривают как наиболее ценный сегмент протестного электората, заинтересованный в инновационном развитии страны: *...именно вокруг него мог бы сплотиться „протестный“ электорат, причем, не какой-то „маргинальный“, уличный, а самый „ценный“ — так называемые „недовольные горожане“*,

„креативный класс“ и т. п., заинтересованные в „инновациях“ и современных рабочих местах (Юрий Болдырев, политик).

В политической палитре **креативный класс** обозначен как одна из двух сил, противостоящих «путинскому режиму»: С обобщенной точки зрения, наиболее, кстати говоря, востребованной оппозицией, **в конфликте с путинским режимом противостоят две силы: автократия (феодализм, продажные чиновники, депутаты и олигархи) и демократия (либеральный здравый смысл и так называемый креативный класс)**. Предполагается, как любит повторять, например, Андрей Пионтковский: *мы не против Путина как царя, мы против того, чтобы существовал сам царский трон* (Михаил Берг, писатель).

Показательно, что «либеральный здравый смысл» и **креативный класс** рассматриваются как две стороны одной — «демократической» — медали.

По параметру зависимости от власти **креативный класс** противопоставлен представителям судебной-правовой сферы. Подразумевается, что, в отличие от последних, это люди независимые, способные принимать самостоятельные решения, готовые лишиться «теплого места» в борьбе за свою правду: *Полагаю, что они (судьи и прокуроры. — О. И., Д. Г.) люди подневольные, зависимые, не имеющие права на самостоятельные, „независимые“ решения. У них есть дети, семья, карьера. Им не хочется в отставку или на пенсию. Мы „креативный класс“, они — нет. Будьте милосердны к судьбе и прокурору!* (Борис Спасенников, профессор).

Алексей Венедиктов, главный редактор «Эха Москвы», на встрече со студентами Поволжского института управления им. П. А. Столыпина предлагает актуальную дефиницию категории в аспекте социальной активности по улучшению городской среды обитания, отказывая **креативному классу** в способности сформулировать «альтернативную повестку дня»: *Когда в декабре 2012 года у людей украли голоса, они потребовали свое обратно и „долой воров“. После этого креативный, самостоятельный, городской класс потребовал уважения к себе и выполнения обязательств: искоренить пробки, починить дороги, разобраться с налогами. Но проблема в том, что нет альтернативной повестки дня — ни у правительства, ни у оппозиции.*

«Урбанистическая» привязка понятия подтверждается во многих текстах блогеров: *Разнообразие города — социокультурное, архитектурное, природное — крайне важ-*

ный аспект городской жизни и как раз то, что ищет тот самый „креативный класс“, за который всеми силами и даже самыми радикальными решениями (отчасти и тем же сносом трущоб) борются города (Александра Симонова, блог передачи «Город от ума»).

Особенностью политического дискурса 2013 г. являются поиски более точного определения понятия — как в идеологическом, социологическом аспекте, так и в собственно лингвистическом. В частности, формируется новая семантическая оппозиция: ведомый **креативный класс** — лидеры протестного движения.

Граждане не хотели „лезть в политику“, они просто выражали свою гражданскую позицию, кто там выступает на митинге — их не особо волновало. Куда, как и с чем идти, за них решал некий самозванный кружок из либеральных журналистов, блогеров и несмелых общественных деятелей, а не демократически сформированный орган или смелые протестные лидеры. Они сами себя навязали в качестве главных людей, будучи совершенно не готовыми к этой роли. „Креативный класс“ много говорил о самоорганизации, о демократии в протесте, но добровольно и с радостью доверился людям, заведшим поезд протеста в тупик, не родив ничего стоящего и долговечного (Юрий Староверов, журналист).

При этом интересно отметить, что либеральные журналисты и блогеры, которые обычно представляются частью **креативного класса**, здесь ему противопоставлены как «самозванный кружок общественных деятелей», заведших протестное движение в тупик.

Другое наполнение понятия встречаем в риторике национал-большевиков и их лидера Эдуарда Лимонова. Там **креативный класс** рассматривается как представляющий общую с российской властью стратегию «либеральной диктатуры»: *Иного не дано, только левое восстание против неравенства, за справедливое распределение национальных богатств может привлечь массы. Нашей программе противостоит старый грабительский миф о рыночной экономике, общий для либеральной диктатуры Путина и для реущихся сменить его белоленточников. Разница лишь в том, что креативный класс добавляет в свои визги немалую толику морализаторской демагогии. Обещают то же социальное неравенство с олигархами, но якобы не будет произвола и коррупции* (Эдуард Лимонов, писатель, политик).

В полемически заостренном высказывании Эдуарда Лимонова обращает на себя

внимание характеристика **креативного класса** как склонного к «морализаторской демагогии», но не способного к действию.

Еще один существенный сдвиг в интерпретации понятия наблюдаем в блоге А. Хоменко, в котором автор отвечает на агрессивные комментарии представителей патриотического движения «Наши» (по поводу так называемых **белоленточников** — участников протестных акций). «**Креативный класс белоленточных хомяков**» рассматривается здесь как находящийся по одну сторону баррикад с налогоплательщиками и рабочим классом. По другую сторону находятся «ленточные комментаторы», занимающиеся оплаченным «патриотизмом по Интернету». Автор не называет тех, кто платит за это, но имплицитный смысл такой фигуры умолчания легко угадывается: *Первое: За чей счет банкет? „Комментаторы“, вашу „бурную деятельность“ оплачивают законопослушные налогоплательщики, в том числе и креативный класс „белоленточных хомяков“.* При этом их обычно не спрашивают, хотят ли они платить бездельникам или нет. В природе это называется паразитизм. Так что в следующий раз, поливая грязью рабочий класс и „белоленточников“, вспоминайте, за чей счет был куплен ваш iPhone. Не стоит так желать устранения „белоленточных“, так как при гибели хозяина, как правило, гибнут и паразиты. При контроле бюджета все „ленточные комментаторы“ канут в лету, потому как никто из них „патриотизмом по интернету“ бесплатно не занимается (Антон Хоменко, блогер).

Оппозиция **«креативный класс и рабочие vs. нацисты** и другие провластные движения» выглядит достаточно ново.

Показательно, что в 2013 г. активизируется метаязыковая рефлексия по поводу рассматриваемой номинации: *В последнее время получило распространение выражение „креативный класс“.* Так, вслед за американским экономистом Ричардом Флоридой называют **продвинутой частью рабоботников постиндустриальной экономики.** Именно они **творят и выдумывают, модернизируют, инновизируют, толкают и продвигают.** У нас почему-то часто понятие **креативного класса путают с так называемой либеральной оппозицией, или даже, извините за выражение, с хипстерами.** Это далеко от действительности. **На самом деле самый креативный класс современной России — это чиновники в широком понимании этого слова.** Именно от них исходит в последнее время наибольшее количество замечательных идей на вечную тему

„как нам обустроить Россию?“ (Алексей Саватюгин, профессор ВШЭ).

Саркастическое обсуждение обоснованности референции — свидетельство размышления понятия **креативного класса**, в частности его оппозиционной сущности.

Подтверждает это мнение эколога и активного участника гражданских акций Е. Васильевой, акцентирующей внимание на нравственном аспекте протеста и гражданской активности представителей **креативного класса: При этом в России всё-таки сформировались зачатки гражданского общества — это люди неравнодушные, научившиеся взаимодействовать. Это интеллигенция, или так называемый „креативный класс“ (который на самом деле, конечно, никакой не „креативный“ и не „класс“).** Их протест происходит от самоуважения и носит преимущественно нравственный характер. Они пришли на „Марш против подлецов“, но их мало заинтересовал марш социальный. В этих условиях, на мой взгляд, было бы разумней заниматься самоорганизацией и объединением именно этой части общества, избегая идеологических противоречий. Тогда, поверьте, именно гражданское общество встанет в авангарде российского протеста и будет готово к любому развитию событий (Елена Васильева, политик, эксперт-эколог).

Анализ ключевых слов позволяет обнаружить лексико-семантические поля дискурса о **креативном классе.** Основными в 2012 г. являются поля «протест» и «перспектива». Они имеют следующие лексические маркеры:

- семантическое поле «протест»: *рассерженные горожане, радикализация, автозак, протест, протестный, протестовать, митинговать, негодование, злость, оппозиционный, несогласованный, митинг, выдвигать, прижать, выразить (отношение), протестная активность, Болотная, Сахарова, белая лента, белоленточники;*

- семантическое поле «перспектива»: *модернизация, перестройка, нововведения, решения, задачи, движение, план, лидер, выдвигать, планировать, действовать, гражданское общество, перспективный, видеть перспективу.*

За год основные лексико-семантические поля несколько изменились, тексты весны 2013 г. демонстрируют следующее:

- семантическое поле «альтернатива режиму Путина»: *альтернатива, альтернативная повестка дня, оппозиция, самоуважение, независимый, свободный, добровольный, либеральный, противостоять,*

сменить, достигать, гражданская позиция, независимые решения;

- семантическое поле «бессмысленность оппозиции»: *малоосуществимый, бесполезный, морализаторская демагогия, хипстер, хомяк, белоленточный хомяк;*

- семантическое поле «гражданские инициативы»: *самоорганизация, взаимодействие, городские активисты, налогоплательщики.*

На основе анализа текстов блогов на площадке «Эхо Москвы» за весенние месяцы 2012 и 2013 гг. мы можем сделать следующие выводы.

В апреле — мае 2012 г., несмотря на снижение протестной активности, понятие «креативный класс» все еще широко использовалось как синоним для обозначения участников протестного движения. Вряд ли журналист, пишущий о политической ситуации в стране, мог обойтись в своем тексте без упоминания **креативного класса**. В блогах предлагаются варианты определения, осуществляются попытки анализа, встречаются иронические замечания и полные веры лозунги. С одной стороны, к новому обозначению для протестующих добродетельно относятся либеральные общественные деятели, блогеры. Кажется, комплиментарный термин может объединить тех самых равнодушных *рассерженных горожан*. С другой стороны, понятие активно используется провластными СМИ, так называемой сурковской пропагандой. Словосочетание **креативный класс** употребляется в ироническом контексте, звучат вопросы: «Если вы такие креативные, то почему до сих пор лишь болтаете в интернетах да ходите по улицам без смысла?» Однако наиболее частотные модели сочетаемости ключевого слова в контекстах демонстрируют связь **креативного класса** с протестом, движением части россиян к осознанной гражданской позиции и надеждой на возможность решения социально-политического конфликта в стране. Спустя год, не принесший каких-либо значимых достижений на этом поле, представление о **креативном классе** несколько изменяется. Во-первых, мы находим достаточно устоявшееся определение: **креативный класс** — это люди, проживающие в городах, осознанно выражающие гражданскую позицию, требующие соблюдения прав, обладающие определенным уровнем образования и материальным положением. Во-вторых, понятие чаще звучит в негативном контексте. **Креативный класс** предстает сообществом, не оправдавшим ожиданий, не воспользовавшимся благоприятной ситуацией для реальных дел,

в образе «морализатора с чистыми руками». В то же время в текстах актуализируется семантическое поле «альтернатива режиму Путина»: **креативный класс** представляется единственной на данный момент альтернативой политическим деятелям — либо уже бывшим у власти (Немцов, Чубайс), либо сейчас находящимся у нее.

***

Протестное движение 2011—2013 гг. получило широкий общественный резонанс. «Идея о том, что наше — мое и твое — повседневное использование языка... предполагает осуществление господства, то есть влияние на восприятие мира и его структурирование собеседником — эта идея может показаться одновременно неожиданной и многообещающей», — писал Р. Блакар почти четверть века назад [Блакар 1987]. Пишущий в Интернете имеет в качестве собеседника не сотни, а сотни тысяч людей. Набирая тексты в блогах, подчас непреднамеренно выражая скрытые помыслы и оценки, участники, сторонники и противники протестного движения формируют восприятие современной истории России и гражданского общества у тех, кто находится далеко от эпицентра событий. За один год у понятия **«креативный класс»** расширился спектр интерпретаций, включающих коннотации от «перспективный, протестный» до «бесплезный». Сегодня блогосфера говорит нам о спаде активности **креативного класса**: формирование гражданского общества не определяется по расписанию.

«Борьба дискурсов», проявляющаяся в конкуренции обозначений реалий политической жизни, подтверждает, что речевые практики не пассивно реагируют на социальные сдвиги, а активно формируют новые способы коммуникативного взаимодействия в обществе. Они способствуют тому, чтобы на смену доминированию одного дискурса пришло понимание права всех членов общества участвовать в формировании новых смыслов и идентичностей. В обществе вряд ли может быть достигнут окончательный консенсус относительно значения. На основе наблюдений за развитием новых прагматических значений, выбором номинаций из возможного ряда, освоением терминологических единиц политического словаря можно диагностировать попытки построения двустороннего и равноправного публичного диалога. Это дает надежду, что возможности социальной и языковой системы к развитию и совершенствованию послужат основой для построения общественного диалога и — как его следствие — социального согласия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блакар Р.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М. : Прогресс, 1987. С. 88—125.
2. *Большаков И.* Несистемная оппозиция: терминологическая ошибка или политическая реальность // Свободная мысль. 2011. № 3. С. 109—118.
3. *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. — 2009.
4. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002.
5. *Йоргансен М. В., Филипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков, 2008.
6. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. — М., 1992.
7. *Современный словарь иностранных слов.* — М. : Рус. яз., 1993.
8. *Становая Т.* Партийное — значит системное. URL: <http://www.politcom.ru / 4365.html> (дата обращения: 20.04.2012).
9. *Тукмаков Д.* Восстание блогов, часть II: «Гражданское общество 2.0» вместо «Томагавков». URL: <http://file-rf.ru/analytics/54> (дата обращения: 03.03.2013).
10. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. — М. : Классика-XXI, 2005.
11. *Чудинов А. П.* Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 2 (40). С. 53—59.
12. *Шмелева Т. В.* Ключевые слова текущего момента. // *Colleqium*. 1993. № 1. С. 33—41.
13. *Шмелева Т. В.* Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. Вып. 2 (28). С. 63—67.

14. *Якобсон Л. И.* Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. — М. : Вершина, 2008.
15. *Fairclough N.* Discourse and Social Change. — Cambridge : Polity Press, 1992.

ИСТОЧНИКИ

16. *Болдырев Ю.* Выборы в Москве — это о чем? URL: <http://maxpark.com/user/17729/content/2116177> (дата обращения: 29.07.2013).
17. *Калинов А.* Первый нормальный политический ход Навального. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/alex040112/1046828-echo/> (дата обращения: 09.03.2013).
18. *Канделаки Т.* Образовательная революция // ЭХО Москвы : блоги. 2012. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/kandelaki/858394-echo/> (дата обращения: 21.05.2013).
19. *Орешкин Д.* Полезная площадь // Огонек. № 11. С. 11—13.
20. *Сапрыкин Ю., Мальцев И. и др.* Креативный класс в России: кто все эти люди? : стеногр. круглого стола // Colta.ru : сетевой журн. 2012. URL: <http://www.colta.ru/docs/4829> (дата обращения: 21.05.2013).
21. *Сванидзе Н.* 2012 — Кому нужен диалог с оппозицией. URL: <http://www.maxpark.com/user/3294380395> (дата обращения: 06.12.2012).
22. *Филина О.* «Мы самые демократичные в мире» // Огонек. 2013. № 14. С. 13—14.
23. *Филина О.* Бессистемная оппозиция // Огонек. 2012. № 11. С. 15—16.
24. *Шлыков В.* 2013 — Кто вы, либералы — истинные и мнимые. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/shlykovvladimir/1045828-echo/> (дата обращения: 04.05.2013).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Е. А. Нахимова Е. А. Nakhimova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСНОЙ
МЕТОДОЛОГИИ
ПРИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН**

**THE USE OF CORPUS
METHODOLOGY
IN COMPARATIVE STUDY
OF PRECEDENT NAMES**

Аннотация. Использование корпусной методологии при исследовании прецедентных имен имеет существенную специфику, которая связана со значительной исторической изменчивостью их арсенала и тенденцией к низкой частотности. Соответствующий корпус должен позволять обнаруживать разнообразные контексты, в которых использованы соответствующие имена, и быть максимально объемным. Опыт показывает, что в качестве такого оппортунистического (приспособленного) корпуса могут выступать интернет-архивы СМИ.

Abstract. The use of corpus methodology in the study of precedent names has its specific features, which are connected with their serious historical changeability and the tendency to low frequency of occurrence. The corpus should make it possible to single out different contexts where certain precedent names were used, and it should be as large as possible. The experience shows that Internet archives of Mass Media may serve as opportunistic (adapted) corpus.

Ключевые слова: лингвистический корпус; корпусная методология; прецедентность; имя собственное; оппортунистический корпус.

Key words: linguistic corpus; corpus methodology; precedence; proper name; opportunistic corpus.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью.

About the author: Nakhimova Elena Anatolievna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Chair of Advertising and PR.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

К числу прецедентных относятся имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб [Гудков 2003: 108]. Ведущие признаки прецедентности имени — это его широкая известность и распространенность метафорического использования без специального пояснения истоков метафоричности [Нахимова 2011]. С учетом общекогнитивного принципа «фамильного сходства» в качестве дополнительных признаков прецедентности целесообразно учитывать также иные показатели, в том числе графические (написание со строчной буквы), пунктуационные (использование кавычек), морфологические (образование форм множественного числа), сочетаемостные, деривационные.

В самых различных лингвокультурных сообществах английский король *Ричард Львиное Сердце* символизирует воинскую доблесть, *Генрих VIII Синяя Борода* — жес-

токость к возлюбленным, а французские *Людовики* — абсолютное самовластие. Полководческие таланты символизируют *Гай Юлий Цезарь* и *Наполеон Бонапарт*, безмерную жестокость — римские императоры *Нерон* и *Калигула*. Для русского национального сознания многое значат прецедентные имена *Дмитрий Донской*, *Иван Грозный*, *Петр Великий*, *Екатерина Великая*, *Александр I*, *Николай II*, которого одни называют *Кровавым*, а другие — *Святым*. В последние годы количество прецедентных концептов, используемых в средствах массовой коммуникации, заметно расширяется, растет и частотность их использования, что связано, в частности, с особенностями постмодернистской парадигмы, характерной для современной коммуникативной ситуации.

Прецедентные имена — это важная часть национальной культуры и языковой картины мира, яркий показатель специфики народного самосознания, рефлексии нации по поводу собственной истории и культуры. Одновременно это эффективное средство этической, эстетической, утилитарной, нор-

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»).

© Нахимова Е. А., 2013

мативной, эмоциональной, интеллектуальной оценки современников путем их сопоставления с людьми, которые жили в иных исторических условиях, или с героями художественных произведений.

Изучение активно используемых прецедентных имен может предоставить интересный материал для оценки ментально-вербальной базы, эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора. Подобное исследование позволяет лучше понять представления создателя текста о его адресате. Рассмотрение арсенала прецедентных имен предоставляет интересный материал для постижения специфики национальной ментальности на соответствующем этапе развития общества [Нахимова 2011]. Как известно, каждая историческая эпоха выстраивает свой вариант исторического развития общества и рождает свои представления о качествах той или иной личности [Слышкин 2007]. Очевидно, что образы Ивана Грозного, Николая I или Александра II Освободителя неодинаково воспринимались в начале прошлого века, в его середине и в современную эпоху. В зависимости от политической ситуации на том или ином этапе развития общества оказываются востребованными различные прецедентные имена, при использовании которых акцентируются то одни, то другие смысловые компоненты. В частности, Александр II может быть представлен и как освободитель крестьян, и как реформатор судебной системы, и как жертва террора, и как сторонник политического либерализма.

Использование корпусной методологии при исследовании прецедентных имен имеет существенную специфику, которая связана со значительной исторической изменчивостью их арсенала и тенденцией к низкой частотности.

Корпусная лингвистика базируется на постулате, в соответствии с которым языковедческие исследования должны основываться на данных больших массивов естественного языка, а не на отдельных (часто придуманных лингвистами) примерах (как это было принято, например, в генеративистике, акцентирующей внимание на интроспекции). В соответствии со сложившейся научной традицией лингвистическим (текстовым) корпусом называется совокупность текстов, которые прошли необходимую компьютерную обработку: размечены по определенной схеме и обеспечены поисковой системой, позволяющей легко выявлять те или иные лингвистические феномены [Баранов 2001; Национальный корпус русского

языка 2005; Плунгян 2005; Corpus Linguistics 2005 и др.]. При рассмотрении прецедентных имен корпус должен позволять обнаруживать разнообразные контексты, в которых использованы соответствующие имена, и быть максимально объемным.

Если ориентироваться именно на компьютерную методику создания и обработки корпуса, то следует согласиться с тем, что корпусная лингвистика как научное направление родилась в шестидесятых годах прошлого века под воздействием развития информационно-компьютерных технологий. Однако сама по себе идея создания больших корпусов текстов, на основе которых можно проводить лингвистические исследования, возникла значительно раньше. По существу одним из видов таких корпусов могут считаться словарные картотеки, на основе которых создаются толковые и иные словари, а также проводятся другие исследования.

Подробный анализ разнонаправленной эволюции корпусной лингвистики во второй половине XX — начале XXI в. представлен в ряде специальных работ [Баранов 2001; Национальный корпус русского языка 2005; Charteris-Black 2004; Corpus Linguistics 2005; Dipper 2008; Heid 2008; Leech 1991; Rissanen 2008 и др.]. В указанных обзорах показано, что в современной лингвистике корпусы при типизации противопоставляются по нескольким признакам:

- **специализированные** корпусы, в которых представлены только тексты, принадлежащие к определенному стилю, сфере коммуникации, автору (группе авторов), дискурсу, и **сбалансированные** корпусы, где представлены источники, относящиеся к различным функциональным стилям, жанрам, дискурсам, которые используются для получения выводов о языке в целом;

- **полнотекстовые, включающие полные тексты, и неполнотекстовые (отрывочные)** корпусы, включающие только определенное количество слов из текста и тем самым обеспечивающие количественное равенство долей из разных текстов;

- **открытые (пополняемые)** корпусы и **закрытые (неполняемые)** корпусы.

С точки зрения корпусной лингвистики, создание и использование корпуса представляет собой новую стратегию не только в качестве «метода, подчеркивающего значимость реальных фактов языка, но и в качестве теории, позволяющей по-новому взглянуть на природу ранее сформулированных положений» [Гвишиани, Герви 2001 : 49]. Использование корпуса позволяет, с одной стороны, привлечь для исследования максимально объемный материал, а с другой —

статистически точно описать особенности тех или иных феноменов в составе корпуса, четко разграничить типичное и единичное, малочастотное и, возможно, случайное.

Выбор для конкретного исследования типа корпуса зависит от целого ряда факторов, среди которых можно выделить организационные (поставленные задачи, существование возможности пользоваться соответствующим корпусом, наличие соответствующей компьютерной базы, потребность в специализированном или сбалансированном корпусе и др.) и лингвистические (высокая, средняя или низкая частотность слов, которые будут анализироваться, вероятность омонимии и степень многозначности и др.).

Современные русскоязычные корпусные исследования обычно базируются на материалах «Национального корпуса русского языка» (далее НКРЯ), объем которого составляет около 150 миллионов словоупотреблений (по данным на конец 2010 г.) и который доступен любому пользователю в Интернете по адресу ruscorpora.ru.

Следует, однако, отметить, что поскольку имена собственные часто относятся к числу относительно малочастотных слов, материалы указанного корпуса иногда не позволяют сделать достаточно обоснованные выводы. В связи с этим возникает необходимость использовать дополнительные источники, которыми могут стать в том числе интернет-архивы ряда российских СМИ. В специальных исследованиях подобные корпуса называются *оппортунистическими* (приспособленными), тогда как специально созданные лингвистические корпуса именуется *представительскими*.

Рассмотрим несколько примеров, свидетельствующих о том, что использование данных интернет-архивов СМИ (оппортунистических корпусов) при анализе имен собственных позволяет проанализировать контексты, которые не представлены в Национальном корпусе.

В публицистическом подкорпусе НКРЯ по запросу *Наполеон* с учетом всех словоформ обнаруживается 1433 документа. По аналогичному запросу в интернет-архивах газеты «Завтра» обнаруживается 134 употребления, «Комсомольской правды» — 278, «Известий» — 426, «Московского комсомольца» — 501 словоупотребление (итого 1339 словоупотреблений). Таким образом, оказывается, что при использовании четырех оппортунистических корпусов количество словоупотреблений возрастает почти вдвое.

Показательно, что данные НКРЯ и материалы указанных интернет-архивов не вполне совпадают: многие словоупотребления,

представленные в интернет-архивах, отсутствуют в Национальном корпусе. Это вполне закономерно, поскольку интернет-архивы являются полными, а Национальный корпус — представительским, не обязательно отражающим полные тексты возможных источников. Например, в интернет-архиве газеты «Комсомольская правда» зафиксирован такой контекст из статьи В. Устюжанина (29.11.2001): *Наш президент — Евгений Онегин сегодня*. Поиск данного контекста по прецедентному имени *Евгений Онегин* в НКРЯ не приносит результатов.

В нашем исследовании прецедентных имен отечественных и зарубежных политических лидеров использован специализированный (массмедийный) оппортунистический (приспособленный) полнотекстовый закрытый корпус, включающий тексты из 228 федеральных и региональных российских периодических изданий за 8 лет (2000—2007 гг.) общим числом 2 138 959 статей с 879 687 056 словоупотреблениями. Индексирование корпуса и работа с конкордансами осуществлялись с помощью программы «Archivarius 3000 v. 4.21». Указанный корпус и методика его использования были созданы Э. В. Будаевым в процессе изучения исторической динамики метафорических моделей [Будаев 2010; 2011].

По материалам этого корпуса, частотность использования прецедентных имен наиболее известных политических лидеров России в современной массовой коммуникации характеризуют следующие показатели: Рюрик — 359 словоупотреблений, (Вещий) Олег — 124, Игорь — 441, Владимир (Святой) — 1028, Ярослав Мудрый — 468, Владимир Мономах — 53, Александр Невский — 972, Дмитрий Донской — 1189, Иван Калита — 194, Иван Грозный — 2845, Федор Иоаннович — 212, Борис Годунов — 872, Василий Шуйский — 41, Лжедмитрий — 258, Михаил Федорович — 199, Алексей Михайлович — 687, Софья Алексеевна — 141, Петр I — 2850, Екатерина I — 68, Петр II — 58, Анна Иоанновна — 348, Иоанн Антонович — 17, Елизавета Петровна — 551, Петр III — 110, Екатерина II — 973, Павел I — 913, Александр I — 647, Николай I — 1685, Александр II — 673, Александр III — 487, Николай II — 3436, Ленин — 6910, Сталин — 16 409, Хрущев — 2965, Брежнев — 2363.

В перечень рассматриваемых прецедентных имен включены только наиболее известные древнерусские князья. Опущены имена руководителей, которые возглавляли страну в постсоветскую эпоху, поскольку они воспринимаются как принадлежащие, скорее, к современному этапу развития страны.

При использовании данных материалов необходимо учитывать, что они основаны на неспециальном (адаптированном) корпусе, который не был размечен, т. е. включает прецедентные имена как в метафорическом, так и в стандартном употреблении. Следует принимать во внимание и то, что в данном корпусе в полной мере учтены прецедентные имена, использованные в художественных произведениях. Например, в рамках описываемого корпуса *Борис Годунов* — это не только реальный царь, но и герой трагедии А. С. Пушкина и одноименной оперы. Исследование показало, что при рассмотрении прецедентного имени *Борис Годунов* во многих случаях невозможно определить, кого имел в виду автор — героя художественного произведения или его исторический прототип.

В целом ряде случаев прецедентное имя послужило основой для наименования артефактов: крейсер «Владимир Мономах», автомобиль «князь Владимир», теплоход «Дмитрий Донской», охранное предприятие «Александр Невский» и др. Подобные словопотребления также учитываются в адаптированном корпусе.

Отмеченные выше особенности использованного корпуса, на наш взгляд, не могут существенно исказить общую картину. Представленные данные ярко свидетельствуют о том, что «лидерами прецедентности» оказываются политические руководители советской эпохи: Сталин (16 409), Ленин (6910), Хрущев (2965). Среди русских царей «лидируют» Николай II (3436), Петр I (2850), Иван Грозный (2845), Николай I (1685). Наиболее известные древнерусские князья — Владимир Святой (1028), Дмитрий Донской (1189), Александр Невский (972). Разумеется, по этим цифрам нельзя объективно судить о роли соответствующих правителей в истории нашей страны, но эти данные определенным образом отражают значимость соответствующих прецедентных имен для современного национального сознания.

Приведенные ниже результаты качественного анализа прецедентных имен властителей России детальнее характеризуют то, как представлены соответствующие прецедентные имена в современной массовой коммуникации.

Легендарный основоположник российской государственности — предводитель варягов князь Рюрик, от которого ведут родословную древнейшие российские княжеские фамилии. В современных текстах Рюрик чаще всего упоминается не только как основоположник династии властителей России, но и в контексте приглашения руководителя «со стороны». Ср.: *Ситуация в Бурятии напоминает кро-*

вопролитные уособицы славянских кланов накануне прихода варяжских князей. И лишь пришедшая с Севера династия Рюрика на несколько веков сплотила русов в могучую и сильную державу. Вот и современная Бурятия отчаянно нуждается в независимо мыслящем опытном „варяге“ (А. Ильин // *Время новостей*. 15.05.2007).

В другом контексте выражение «от Рюрика до Ельцина» имеет смысл «на протяжении всей российской государственности, от первого до последнего (на тот момент) руководителя страны»: *Баланс, столь филигранно выстраиваемый в живой природе, а также во всех без исключения странах, во все без исключения времена, при всех без исключения строях — от правых до левых, от теологических до демократических и даже в самой России от Рюрика до Ельцина, — резко нарушен. Это не имеет ничего общего ни с русской национальной традицией, ни с интересами государства* (Ю. Магаршак // *Время новостей*. 21.03.2007).

Среди других князей эпохи Киевской Руси современные авторы в поисках аналогий нередко вспоминают об Игоре Рюриковиче, о Вещем Олеге, о Владимире Мономахе, о политическом неудачнике князе Игоре Святославовиче и плачущей по нему Ярославне, а также о Всеволоде Большое Гнездо, Ярославе Мудром и Владимире Мономахе. Ср.: *Мы с вами — Вещие Олеги. Потому что живем не дольше, чем он* (Ю. Гуцко // *Аргументы и факты*. 2010. № 17). *В мае созвали Съезд еще одних народных депутатов, теперь уже РСФСР. Эти, ценой титанических усилий, просунули-таки на место председателя Верховного Совета РСФСР будущего мономаха всея Руси Ельцина* (Е. Легостаев // *Завтра*. 11.07.2000). *Неистовый команданте теперь как Ярослав Мудрый. По крайней мере, именно орденом Ярослава Мудрого Фиделя Кастро Рус наградил Леонид Кучма во время визита на Остров свободы* (Коммерсант. 20.06.2000). *За тысячу лет мало что изменилось по существу, только вот, увы, такие мощные политики, как Ярослав Мудрый, редко возникают на горизонте истории* (Известия Мордовии. 3.11.2010). *Надеюсь, что по результатам выступления нашей команды и в Лондоне в 2012 году на летней Олимпиаде, и на Олимпийских играх в Сочи, тем более в Сочи, плача Ярославны не будет, а будет крик восторга и гордости за нашу национальную сборную* (В. В. Путин // *Российская газета*. 16.12.2010).

К сожалению, некоторые современные журналисты плохо знают историю, в результате чего слова Святослава оказались пред-

ставлены как прозвучавшие во времена князя Игоря: *Со времен князя Игоря у нас первоплановее звучит: „Мертвые сраму не имут!“, и не Сергей ли Степашин во время одной из последних заварух чеченской войны совсем в духе сорок первого потянул из кобуры пистолет: помирать — так всем: и восемнадцатилетним пацанам, и генералам?* (Деловая Пенза. 11.08.2000).

Особенно часто в современных СМИ упоминается князь Александр Невский, который не только прославился победами над немецкими и шведскими оккупантами, но и обладал мастерством политического компромисса, позволившим найти взаимопонимание даже с Золотой Ордой. Ср.: *Святой князь Александр Невский прогибался еще больше — после победы на льду Чудского озера он не поленился поехать в Орду за ярлыком на княжение, и поцеловать руку хана не почел за труд. Я легко могу себе представить лучшего, чем Путин, президента — с глазами Серафима Саровского, лбом Льва Толстого и решительностью Чапаева. Но я не вижу сегодня лучшего реального кандидата на пост президента России* (И. Шамир // Завтра. 01.08.2007).

Среди властителей Московского периода современные журналисты и политики особенно часто вспоминают Дмитрия Донского и Ивана Калиту. Первый воспринимается как победитель в Куликовской битве и часто упоминается в ряду выдающихся российских полководцев, например: *Сталин отодвигал марксистскую компоненту с „пролетариями всех стран“ и „свободным развитием каждого“, нажимал на клавиши „Суворов“ и „Кутузов“, „Александр Невский“ и „Дмитрий Донской“, „Иван Грозный“ и „Петр Великий“* (Неприкосновенный запас — Наш современник. 2003).

В выступлении активиста Народно-патриотического союза Виктора Анпилова используется традиционный риторический прием: близкие ему политики ставятся в один ряд с людьми, которые, по мысли автора, на протяжении всей истории России были славы и гордостью страны. Показательно, что в этой когорте князь Дмитрий Донской оказался вместе не только с Сергеем Радонежским, но и с Разиным, Пушкиным и коммунистическими лидерами: *Какие люди! Бабурин, Тулеев, Варенников! Вот где силища! Вот где мощь нации!!! С нами Дмитрий Донской, с нами Сергей Радонежский! С нами Стенька Разин! Пушкин и Лермонтов! С нами Ленин, с нами Сталин!* (В. Анпилов // Завтра. 12.01.2002).

В противоположность Дмитрию Донскому, Великий князь Иван Калита постоянно

вспоминается как экономный правитель, сумевший укрепить и расширить свое государство без использования военной силы и значительных репрессий, и на этом основании противопоставляется более поздним лидерам, склонным к силовому решению проблем. Ср.: *Но, может быть, России сегодня нужен Иван Калита, который в час распада, ига, жестокого напора истории по крохам собирал бы страну, копил силы, действовал хитро, дипломатично, выгодно?!* (Д. Тукмаков // Завтра. 20.11.2001). *В Кремле у нас сейчас, увы, нет Ивана Калиты, который бы хотел и умел собирать народы, желающие жить вместе. Но если есть желание народов, новый Калита появится, дай только срок* (В. Бондаренко // Завтра. 6.02.2001).

Особенно часто в современных СМИ встречается прецедентное имя Иван (Иоанн) Васильевич Грозный. Он упоминается то как жестокий властитель, то как царь-преобразователь, ср.: *Вынырнув из прошлого, российская диктатура продолжается в будущем почти без перерыва, меняя только название: Иван Грозный, Петр Великий, Коба Страшный* (Н. Хрущева // Московский комсомолец. 05.03.2005); *Я не вижу здесь ничего бредового, — отмечает все сомнения лидер „фронта“ Вадим Гузинин. — Путин у нас здесь был, вклад свой внес. Я лично считаю, что нынешний президент — фигура уровня Ивана Грозного или Петра Великого* (И. Смелев // Московский комсомолец. 14.04.2004).

Эпизодически вспоминают современные журналисты и «царя» Симеона Бекбулатовича, имя которого оказывается символом формального царствования, бессилия и безвластия при наличии всех атрибутов верховной власти, например: *Задолго до случившейся 7 мая церемонии представители самых разных политических направлений сделали все возможное, чтобы эту церемонию девальвировать. Венчание на царство Симеона Бекбулатовича может быть триумфом глубоких политтехнологий, но к мистерии власти такой триумф имеет слабое отношение. Во всяком случае, различные жесты и установки, исходящие из Кремля и его окрестностей, объективно работали на создание образа Симеона Бекбулатовича, то есть на упреждающую девальвацию* (М. Соколов // Эксперт. 2008. 12—19 мая).

В современных СМИ активно используются прецедентные имена царей, занимавших престол в Смутное время, или претендовавших на этот престол. Журналисты постоянно сопоставляют лидеров, возглав-

лявших Россию на протяжении последнего столетия, с царями Федором Иоанновичем, Борисом Годуновым, Василием Шуйским, а также с самозванцем (самозванцами) Лжедмитрием (Гришкой Отрепьевым, Тушинским вором). Ср.: *А кроткий, чистый, почти безупречный Николай II, пожалуй, более всего напоминая Федора Иоанновича, — не прощен тем более, чем, не по месту, не по времени, был он кротче и миролюбивей* (А. Солженицын // Российская газета. 27.02.2007); *А мне сдается, что Путин — не Иван Калита, а Борис Годунов, и после него будет не Куликовская битва, а новая Великая Смута. Осталось дождаться нового Самозванца и поляков в Кремле* (Форум. Отзывы читателей... // Завтра. 24.01.2007).

С царями периода Смуты журналисты постоянно сравнивают и президента Б. Н. Ельцина: *Что такое Шуйский? Шуйский — это в какой-то степени Ельцин. Поздний Ельцин. В этих сравнениях всегда есть некоторая доля натяжки, но они здесь настолько яркие, что даже при всей рискованности в них есть смысл* (М. Леонтьев // Труд. 03.11.2006); *Даже немощный Ельцин по ночам исповедуется Пушкину за свои злодеяния, стремясь уподобиться Ивану Грозному, хотя роль ему отведена в русской истории Гришки Отрепьева с его разорением России. Нет за Ельциным никакой присоединенной Казани, один лишь разор и мор...* (В. Бондаренко // Завтра. 15.06.1999).

Актуальные смыслы указанных прецедентных имен вполне предсказуемы: Федор Иоаннович символизирует собой прекраснодушную нерешительность, Борис Годунов — неспособность справиться с обстоятельствами, Василий Шуйский — чрезмерную зависимость от своих «ближних бояр», а Гришка Отрепьев (самозванец Лжедмитрий) — лживость и продажность. Нетрудно заметить, что сопоставление современных политических лидеров с царями и самозванцами начала XVII в., как правило, связано с негативной оценкой современных правителей.

Вполне закономерно и то, что Михаил Романов, вне зависимости от своих личностных качеств, становится олицетворением прекращения Смуты и начала новой династии, три столетия определявшей судьбу России, которая именно в тот период выдвинулась в ряд крупнейших мировых держав. Ср.: *Отчего, кстати, все-таки смуты? Оттого, что именно после смут на престол садятся Михаилы Романовы и основывают династии с законом о престолонаследии* (С. Землянов // Московские ново-

сти. 12.07.2003); *Придет рано или поздно новый Михаил Романов и нас возглавит, новый Иван Сусанин без всякой дудочки уведет интервентов, воров и шарлатанов в болото (уж чего-чего, а этого добра в России...), новые Строгановы дадут денег на армию и заводы, а новый Столыпин спасет крестьян...* (Б. Якеменко // Комсомольская правда. 06.04.2005).

При необходимости наши современники ищут аналогии и в эпохе царя Алексея Михайловича: *Впрочем, эти же вопросы задавал себе и царь Алексей Михайлович, пытавшийся в XVII столетии решить вопрос о том, на кого из украинских партнеров России, гетманов и кандидатов в гетманы, логичнее сделать ставку — и оптимальный ответ так и не был найден за его отсутствием* (А. Макаркин // Коммерсантъ. 12.02.2008).

Среди царей из династии Романовых современные политики и журналисты чаще всего вспоминают о Петре Великом, в котором видят сильного реформатора, коренным образом изменившего Россию: *В кого превращают Ельцина телекудесники и виртуозы пера? В „Царя“, в „Петра I наших дней“, в „феномен“, в „могучего русского мужика из глубинки во власти“. На наших глазах вновь переписывается история. Для тех, кто не знал или что-то пропустил, — Ельцин был „любим и почитаем народом“, „уважаем за рубежом“, а если и ошибался, то в точности, как Петр Великий: широко и „болея сердцем за Россию“* (А. Проханов // Завтра. 8.02.2000); *Поэтому здесь сегодня нужен герой, нужен Петр Первый, нужен модернизированный Сталин, нужен Рузвельт, де Голль, Пиночет, но никак не рыхлый человек типа Рогозина* (В. Жириновский // Российская газета. 22.07.2004).

Среди других российских властителей, правивших в XVIII в., особенно часто вспоминают об Анне Иоанновне, Елизавете Петровне и Екатерине Великой. Так, фактологической основой для прецедентного использования первой из названных императриц может быть история ее прихода к власти и беспримечное число иностранцев, оказавшихся в высших сферах российского государства и впоследствии удаленных от власти Елизаветой Петровной. Ср.: *Нынче мы свидетели новой редакции бироновщины в еще более громадных масштабах, чем это было два с половиной века назад. Тогда Анну Иоанновну посадили на престол на условиях известных „кондиций“. Складывается впечатление, что у Путина свои „кондиции“ по отношению к русскому наро-*

ду (В. Петров. Путин как Анна Иоанновна // Завтра. 18.02.2003); **Анна Иоанновна умерла 17 октября 1740 года. После ее смерти под прикрытием имени малолетнего Иоанна VI Брауншвейгского страной продолжали верховодить все эти карлы, густавы и рейнгольды. Но долго это продолжаться не могло. 25 ноября 1741 года гвардия, совершив переворот, объявила императрицей дочь Петра. С „карлами“ Елизавета обошлась милостиво: всего лишь отправила в ссылку. Думается, что с нынешними карлами и карловичами, включая известного Николая Карловича, история обойдется не столь милостиво** (В. Бушин // Завтра. 01.09.1998).

Прецедентные имена Павла I и Петра III чаще всего используются в контексте их насильственной смерти от рук придворных, недовольных деятельностью этих царей. Ср.: *При этом всякий монарх должен помнить, что ему очень важно поддерживать равновесие между многочисленными группировками в окружающей его элите, в противном случае его ждет печальный конец, о чем убедительно свидетельствуют примеры Петра III и Павла I. Живучим на Руси оказывается только тот правитель, который склонен к консенсусу* (Н. Архангельская // Эксперт. 10.12.2001).

Во многих контекстах рассматриваемые прецедентные имена упоминаются в связи с непониманием российских реалий, зудом неумеренного реформаторства и пренебрежительным отношением к достижениям предшественников. Журналисты считают, что подобные качества проявляли как некоторые цари, так и отдельные современные руководители: *Плоды Великой Отечественной войны были ликвидированы в одночасье. Горбачев, в сущности, был похож на Петра III, который после Семилетней войны, как только ему присягнули войска, свел на нет все теткинны достижения* (В. Еремина // Gazeta.ru. 08.08.2008); *Нынешние действия России на Кавказе порой напоминают конец Персидского похода. Нет ни единой рациональной причины, которой их можно объяснить. Это означает, что во главе России стоят люди, которые думают как Павел I* (Ю. Латынина // Эксперт. 2007. № 2 (2), 31 мая).

Во многих случаях современные политики и журналисты в поисках аналогий с современностью вспоминают о трех Александрях и двух Николаях, управлявших Россией с начала XIX в. до 1917 г. Нередко авторы сопоставляют действия современных политических лидеров с деятельностью то одного, то другого царя, причем предпочтение

чаще всего отдается Александру II. Ср.: *Валерию Гальченко предстояло сыграть роль ткачихи, предложившей президенту остаться на третий срок. „Сегодня муниципальное сообщество нуждается в лидере“, — изрек он. По его словам, муниципальной реформой занимались самые влиятельные люди. Например, царь Александр II. Хорошо еще, сравнил не с Николаем I (Н. Меликова // Независимая газета. 24.10.2007); Дмитрий Медведев поразительно похож на Николая II. Поскольку восприятие сместилось в сторону мужского — глазами, а не ушами, — смотрю на него с состраданием. Его не убьют, надеюсь (как не убили Ельцина, аналога Александра II), но по сути история повторяется. Путин — в роли Александра III. Но только все не буквально повторяется* (Т. Щербина // Независимая газета. 28.02.2008).

Негативно современные авторы чаще всего представляют Николая I, который не только жестоко расправился с декабристами, но и, растеряв бывших союзников, потерпел поражение в Крымской войне: *Тех слов, которыми поливал Россию батька [президент Белоруссии], мы не слышали ни от Буша, ни от Саакашвили, а вот поди ж ты! Кремль все-таки батьку терпит и бережет. Так в XIX веке Николай I поддерживал против революций любой монархический режим, из одного чувства авторитарной солидарности, — причем поддержанные режимы обыкновенно платили Николаю Павловичу черной геополитической неблагодарностью* (Ю. Латынина // Газета.ru, 8.01.07).

Даже такое качество царя, как стремление самому вникнуть в каждую деталь, лично все проконтролировать, воспринимается в негативном плане, ср.: *Задолго до форума Герман Греф лично приезжал, собирал оргкомитет. Как Николай I, обошел каждую караульную будку. В итоге все, за что отвечала Москва, — ниже ватерлинии паромы „Виктория“, на котором проживало большинство участников* (Б. Рынка // Известия. 14.06.2007).

Если сопоставлять образы царствовавших потомков Николая I, то можно заметить, что Александр II чаще всего упоминается как сторонник решительных либеральных реформ, политический лидер, много сделавший для страны, не оцененный по достоинству современниками и погибший от рук террористов. Ср.: *При этом Путин подчеркнута избегает выступать в роли Наполеона, Кемаля Ататюрка, генерала Перона, Петра Великого или Александра II, то есть в роли авторитарного реформатора* (С. Бабаева, Г. Бовт // Известия. 24.03.02); *Судьба Хруще-*

ва, как судьба Бориса Годунова и **Александра II**, — это печальная судьба реформатора в России, которая больше чтит кровавых диктаторов (С. Хрущев // Известия. 28.09.03).

Император Александр Александрович чаще всего упоминается как контрреформатор, консерватор, отказавшийся от курса своего предшественника на либерализацию. О политике Александра III нередко вспоминают, говоря об опасности сворачивания демократических реформ, положивших конец тоталитарному государству: *Вся эта политика абсолютно логична. Перед нами — очередное „подмораживание“ России, системная контрреформа, демонтаж ряда основных элементов ельцинских реформ (историческая аналогия — контрреформа Александра III в ответ на реформы Александра II)* (Л. Радзиховский // Известия. 18.10.04); *Существует угроза формирования общества сродни царствованию Александра III с его квасным патриотизмом, огосударственной церковью, политикой империалистического расширения и удешевления инакомыслия* (Н. Кочеткова // Известия.ru. 13.05.2005).

Авторы многих публикаций в том или ином контексте вспоминают знаменитую фразу Александра III о том, что главные союзники России — это ее армия и ее флот: *Тут уже совершенно очевидно, что желание отгородить РПЦ от политики, скорее, злонамеренно, чем наивно. Поэтому к известной формуле Александра III, согласно которой у России нет других союзников, кроме ее армии и флота, я бы добавил: и Русской православной церкви* (В. Третьяков // Известия. 05.02.09); *Директор одного важного агентства Дм. Орлов домелся до аналогии между реформатором-демократом Путиным и контрреформатором-самодержцем Александром III, который полагал и сыну заповедовал, что „теперь главные друзья России — ... армия и флот“. Ничего, даже отдаленно похожего на этот близорукий посыл, у Путина нет* (Э. Рудник // Известия. 19.05.06).

Показательно, что наши патриотическая и отчасти центристская пресса чаще всего сочувственно цитируют указанные слова императора, тогда как либералы-западники нередко воспринимают эту фразу как своего рода манифест изоляционизма, следствием которого может стать излишняя милитаризация государственной политики.

Николай II в современных СМИ чаще всего упоминается как слабый правитель, который не смог справиться с грузом ответственности и тем самым допустил кровавую

смуту: *Нежелание реформ во времена Брежневых создало предреволюционную ситуацию, как при Александре III и Николае II* (С. Хрущев // Известия. 28.09.2003); *То, что сейчас делает Путин, это консерватизм в духе Николая I или Александра III. А я бы предпочел консерватизм в стиле Александра II* (А. Закатнова // Независимая газета. 29.07.2000).

После канонизации Николая II можно было бы ожидать, что его имя чаще начнет употребляться с положительной коннотацией, но это пока характерно только для православных и национал-патриотических СМИ.

Можно заметить, что современные авторы используют прецедентные имена русских правителей преимущественно в негативном контексте; как правило, без всякого сочувствия вспоминают царей, которые не по собственной воле покинули трон и отправились в иной мир (*Петр III, Павел I, Иоанн Антонович*), ветреных цариц, баснословно одаривавших фаворитов, политических неудачников. Стабильно позитивный модус оценки имеют только имена собственные *Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Калита и Алексей Михайлович*. Преимущественно в положительном смысле упоминается также *Петр I*, но и ему нередко ставят в упрек методы, которые он использовал, когда «прорубал окно в Европу», в том числе «построенную на костях» столицу. Эпизодически в положительном плане используются также образы «реформатора» *Александра II* и *Екатерины Великой*, но и в их деятельности отмечается множество изъянов. Часто употребляются с негативной оценкой имена собственные *Сталин, Иван Грозный, Николай II*. Регулярно используются со стабильной негативной оценкой имена собственные *Керенский* и *Лжедмитрий*.

Видимо, неуважение к утратившим власть политическим лидерам — это такая же традиционная черта наших соотечественников, как и подобострастие к людям, стоящим у власти.

В целом представленный обзор свидетельствует, что область-источник «Российские монархи» активно используется современными политиками и журналистами, которые в поисках аналогий часто обращаются к истории России, сопоставляют современных руководителей страны с теми, кто властвовал в прошлые столетия, а современную политическую ситуацию — с тем, как жила наша страна в прошлом. Нередко подобные параллели становятся важным средством аргументации в современных политических дискуссиях, а позитивная или негативная оценка личности и политической

деятельности того ли иного монарха в значительной степени зависит от политических пристрастий автора.

Представленный обзор позволяет также выделить основные параметры, по которым целесообразно давать характеристику тому или иному прецедентному имени рассматриваемой сферы. К их числу относятся следующие свойства:

- высокая, средняя или низкая частотность, свидетельствующая о роли соответствующего концепта в национальном сознании;
- многополюсность (потенциал для акцентирования различных личностных и политических качеств) или однополюсность (возможность акцентирования лишь одного качества);
- преобладание негативной или позитивной оценки, а также типичность безоценочного использования;
- широкие, средние или минимальные возможности для коннотативного использования;
- использование преимущественно в одном виде дискурса (например, в политическом) или же типичность для различных видов дискурса;
- принадлежность к центральной зоне поля прецедентности или же к ее периферии.

Именно использование корпусной методологии дает возможность для точной характеристики каждого из перечисленных параметров. Учитывая низкую частотность многих рассмотренных имен властителей, мы сочли необходимым использовать специализированный многомиллионный оппортунистический корпус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. — М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991.
3. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2010.
4. Будаев Э. В. Гносеологический потенциал метода комбинированной фрагментации политического дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 11—17.
5. Гвишиани Н. Б., Герви О. Ю. Корпусная лингвистика и грамматика речи // Вестн. МГУ. Филология. 2001. № 2.

6. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М.: Гнозис, 2003.

7. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика дискурсивного анализа. — Екатеринбург, 2011.

8. Национальный корпус русского языка: сайт. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

9. Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Результаты и перспективы. — М., 2005.

10. Плузьян В. А. Зачем нужен национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Результаты и перспективы. — М., 2005.

11. Слышкин Г. Г. Концепт личности как элемент лингвокультурной историосферы (на материале концепта «Талейран») // *Ethnohermeneutik und cognitive linguistic*. — Landau, 2007.

12. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 3.

13. Charteris-Black J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

14. *Corpus Linguistics: Readings in a Widening Discipline* / ed. by D. McCarthy, G. Sampson. — L.: Continuum, 2005.

15. Dipper S. Theory-driven and corpus-driven computational linguistics, and the use of corpora // *Corpus Linguistics: An International Handbook* / ed. by A. Lüdeling, M. Kytö. — Berlin: Walter de Gruyter, 2008. Vol. 1. P. 68—96.

16. Heid U. Corpus linguistics and lexicography // *Corpus Linguistics: An International Handbook* / ed. by A. Lüdeling, M. Kytö. — Berlin: Walter de Gruyter, 2008. Vol. 1. P. 131—153.

17. Leech G. Corpora and Theories of Linguistic Performance // *Directions in Corpus Linguistics*. — Berlin: Mouton De Gruyter, 1992. P. 105—122.

18. McEnery T., Wilson A. *Corpus Linguistics: An Introduction*. — Edinburgh: Edinburgh Univ. Pr., 2001.

19. McEnery T., Xiao R., Tono Y. *Corpus-Based Language Studies: An Advanced Resource Book*. — N. Y.: Routledge, 2006.

20. Musolff A. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

21. Pardo M. Linguistic Persuasion as an Essential Political Factor in Current Democracies: Critical Analysis of the Globalization Discourse in Argentina at the Turn and at the End of the Century // *Discourse and Society*. 2001. Vol. 12 (1). P. 91—118.

22. Rissanen M. Corpus linguistics and historical linguistics // *Corpus Linguistics: An International Handbook* / ed. by A. Lüdeling, M. Kytö. — Berlin: Walter de Gruyter, 2008. Vol. 1. P. 53—68.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 342.7+81'27
ББК Ш100.3+Х400.32

ГСНТИ 16.31.61

Код ВАК 10.02.01

Н. В. Орлова N. V. Orlova
Омск, Россия Omsk, Russia

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК КОНЦЕПТ КОМПЬЮТЕРНОГО СЕТЕВОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Права человека анализируются как концепт сетевого дискурса. Исследование проведено на материале комментариев к одному блоготексту. Выявлены направления смыслового развертывания концепта. Сделаны выводы о его организации по принципу полярных оппозиций (*мы — они, бедные — богатые* и др.). Отмечена акцентуация частных концептов «право на жизнь» и «право на труд», соотносимых с важнейшими категориями национальной ментальности.

Ключевые слова: права человека; право на жизнь; право на труд; сетевой дискурс; комментарий; сверхтекст; моделирование концептов.

Сведения об авторе: Орлова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка.

Место работы: ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского».

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 218.
e-mail: nvorl@rambler.ru.

HUMAN RIGHTS AS A CONCEPT OF A COMPUTER NETWORK DISCOURSE

Abstract. The article considers Human Rights as a concept of a network discourse. The study is conducted on the material of comments to a blogotext. Areas of semantic concept deployment are identified. Conclusions about its organization on the basis of polar oppositions (*us — them, poor — rich, etc.*) are drawn. Accentuation of particular concepts “right to life” and “right to work” is marked, correlated with the major categories of a national mentality.

Key words: human rights; the right to life; the right to work; a network discourse; commentary; a text beyond; concepts modeling.

About the author: Orlova Natalya Vasilievna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language.

Place of employment: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky.

Исходные теоретические понятия исследования — дискурсивная картина мира [Карасик 2004; Резанова 2011; Эмер 2011] и ее составляющая, концепт, который в данном случае моделируется по текстам определенного дискурса и поэтому называется текстовым. Понятие текстового концепта используется в одном из направлений концептуального анализа — когнитивно-стилистическом [Болотнова 2004]. Как пишет О. В. Орлова, «когнитивно-стилистический анализ культурных концептов как текстовых концептов ставит целью обнаружение и описание их спецификаций в определенных типах дискурсивных практик, а следовательно, в определенных типах текстов» [Орлова 2012: 85]; процедура анализа заключается в «моделировании ассоциативно-смыслового развертывания концепта в тексте или дискурсе», а результатом является «описание миромоделирующего потенциала концепта с учетом его дискурсивно-стилистической приуроченности» [Орлова 2012: 88—89].

В современном коммуникативном пространстве репрезентации концепта «права человека» обнаруживаются в широком дискурсивном диапазоне — от текста Конституции до выступлений правозащитников и домашних «разговоров о политике». Тип дискурса (институциональный, персональный,

юридический, протестный и т. д.) накладывает свой отпечаток на смысловое наполнение концепта. С развитием сетевой коммуникации тема прав человека всё активнее обсуждается в блогах и на форумах.

Сетевой дискурс о правах человека является значимым для характеристики состояния гражданского общества в России. Он предусматривает свободное выражение мнения теми членами социума, у которых имеется внутренняя потребность выразить свою общественно-политическую позицию. Авторы комментариев являются своего рода народными экспертами по реальному состоянию гражданского общества. Сетевой вариант концепта, спроецированный на версию, предлагаемую юридическим дискурсом, позволяет сопоставить «то, что есть» (по мнению пользователей Сети) с «тем, что должно быть». В то же время интерпретация и «переживание» данного концепта интересны как показатель уровня развития общественного сознания. Если гражданское общество, согласно определению специального словаря, это «общество, состоящее из настоящих граждан, т. е. людей, обладающих тесно взаимосвязанными правовой и политической культурами, которые опираются на нравственную культуру» [Энциклопедический словарь...], то закономерен вопрос: на-

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-14-55001 «Лингвистика на службе гражданского общества: инновационные подходы в лингвистических исследованиях социальных процессов в Омской области».

© Орлова Н. В., 2013

сколько сетевое сообщество приближается к планке сообщества «настоящих граждан»? Специалист по компьютерной коммуникации Е. Н. Галичкина, делая выводы об агрессивных стратегиях в Сети, отмечает «максимальный охват тематики — социально-политический: это, как правило, обвинения в адрес своего и зарубежных правительств, представителей правосудия и охраны общественного порядка, этнических групп и т. д.» [Галичкина 2013: 32]. Конструктивна либо не конструктивна позиция тех, кого привлекает тема гражданских прав?

Цель исследования — выяснить особенности интерпретации концепта «права человека» сетевым сообществом. Объектом является концепт «права человека» как дискурсивно маркированный (репрезентируемый в блогосфере компьютерной коммуникации); материалом — комментарии к тексту «Права человека, традиции и общественные ценности», написанному Александром Чуевым 10 декабря 2012 г. Текст посвящен Международному дню прав человека [Чуев 2012]. На 15 июля 2013 г. для данного текста зафиксировано 23 оценки, 941 просмотр, 250 комментариев. Сто первых комментариев, авторами которых явились 25 субъектов речи, рассмотрены как сверхтекст.

В исходном тексте номинация «права человека» и ее сокращенные варианты «права», «право» являются ключевыми, повторяясь 18 раз. Высокая частотность данных номинаций, их встречаемость во всех сложных синтаксических целых позволяет говорить о том, что за указанными обозначениями стоит базовый концепт текста. Разграничиваются права «основные» (*незыблемые, абсолютные ценности, абсолютные права и свободы, право на жизнь, жилище, личную неприкосновенность, презумпция невиновности*) и «другие» (*какими можно и частично пожертвовать, остальные, право частной собственности, свобода слова*). Утверждается, что только первые не могут ограничивать права и свободы других людей. Последнее сложное синтаксическое целое посвящено актуальному на момент написания статьи топику «список Магнитского». Автор не отходит от основной темы, выражает модус мнения (*я считаю, свое личное мнение*), акцентирует логические связи (*если...; это не означает..., то есть..., а значит...; но... и др.*). Эмоции — не интенсивные, оценки — рациональные, язык — литературный книжный с вкраплениями разговорной лексики.

Моделирование концепта «права человека» по сверхтексту комментариев выявило

ряд устойчивых смыслов, по-разному соотношенных между собой: оппозитивных и не оппозитивных, системно организованных и асистемных. Авторы комментариев не отреагировали на суждения А. Чуева о списке Магнитского и «неабсолютных» ценностях (*свободе слова, праве частной собственности и др.*). Из названных в исходном тексте абсолютных ценностей (*право на жизнь, жилище, личную неприкосновенность, презумпция невиновности*) ими выделена одна — *право на жизнь*, к ней добавлена еще одна — *право на труд с его достойной оплатой* — и развернуто обсуждение этих частных концептов. Каждый из концептов выражен словами, словосочетаниями, высказываниями, организованными вокруг нескольких семантических осей, или смысловых измерений.

Базовый концепт «права человека» разветвляется в семи направлениях:

1. Субъектное измерение.

Субъектное пространство комментариев организовано оппозицией *мы — они*. Два смысловых варианта этой оппозиции условно можно обозначить как оппозицию внешнюю и внутреннюю: а) *мы* — жители России, *они* — цивилизованный мир; б) *мы* — обычные жители России, *они* — политическая элита. Гражданские права имеются у *них* и отсутствуют у *нас*.

В рамках внешней оппозиции *они* обозначаются как «нормальное общество», «*весь мир*»; сравнение *нас* и *их* оказывается не в нашу пользу: *Нормальные люди сбежали еще в 1917 во Францию и за границу* (вследствие того что большое количество опечаток, орфографических и пунктуационных ошибок затрудняет чтение, комментарии подверглись корректорской правке).

Внутренняя оппозиция имеет следующий вид: у *них* (элиты) есть права, *они* не дают их нам. *Они* обозначаются синтаксически (неопределенно-личным предложением), местоимениями «*они*», «*кто-то*», «*тот, кто...*»: *Права мы, может быть, имеем, но по отношению к нам их не соблюдают...; Кто-то пишет экономические теории и законы под себя; Кто сильнее, тот и прав*. В ряде контекстов называется «*правительство*», «*думцы*», «*госбюрократия*», «*новые хозяева*», «*правлящее сословие*», а также первые лица страны: *Люди прав не имели никогда, только правящее сословие имеет...; Те, кто создал капитализм (правительство), те его и переживут*.

В указанную оппозицию не вписываются отдельные периферийные явления, например, оптимистические отсылки к русской истории: *...каждый земледелец был один*

в поле воин. И выживал. И побеждал. И расселялся.

2. Количественное измерение.

Утверждается, что прав нет или их мало: *Людей держат на минимуме прав, достаточно, чтобы не свергли власть, на самом волоске...* См. выше об отсутствии прав у субъекта *мы*.

3. Темпоральное измерение.

Актуализируются смыслы 'всегда', 'раньше', 'сейчас', 'с определенного времени': *Права человека в России растоптали в октябре 1993 года. Да так, что с тех пор о правовом государстве никто не заикается.* Права человека в СССР сравниваются с правами человека в современной России: *А вот при советской власти получалось добиться своего.* Приводятся суждения на исторические темы: *Еще до времен скифов на Руси человек не имел никаких прав; И всегда был бардак и люди прав не имели никогда.*

4. Ценностно-оценочное измерение.

Ценность категории «права человека», по мнению авторов комментариев, относительна: *А всё это римское право — от лукавого.* Обсуждается закон как категория более значимая и, по-видимому, более понятная, чем права человека, но в поле закона выделяются те же смыслы — нарушение, неисполнение, равенство-неравенство: *Не надо прав. Нужны законы и их исполнение; Сначала надо законы сделать и ответственность обязательную и равную для каждого; Законы есть, но их не соблюдают...; А институт юриспруденции на 95 % обслуживает ДЕНЬГИ.*

5. Онтологическое измерение: принцип равенства.

Равенство для всех — сущностное свойство гражданских прав, без которого их бытие невозможно, поэтому обсуждение вопроса о равенстве названо онтологическим измерением концепта. Выше были показаны оппозиции субъектов по признаку наличия/отсутствия прав, но тема равенства обсуждается и на отвлеченном уровне: *Право на что-то может быть или ВСЕОБЩИМ, или не быть вообще.*

6. Политическое измерение: способы получения/завоевания прав.

Дискутируется тема борьбы за права. Противоположные суждения сформулированы в начальных комментариях: *А собственно, кто разъясняет гражданам, зачем надо добиваться свободы, равенства, независимости и справедливости как итога борьбы?; ...относительно сносно кормят, на хрена им-то борьба за свободу, равенство, независимость?* Денотативное содержание высказываний-реакций достаточно неопределенно. Используются метафоры, сравне-

ния, отсылочные выражения, оценочная и местоименная лексика, прецедентные феномены: *Спасет только наводнение, дождик не поможет — надеюсь, смысл понятен...; Ссылку на vk.com посмотрите — исходя из видео, давно пора поднимать голову. — Конечно надо; За правовое государство надо еще повоевать — всем униженным и угнетенным — каждому за свои права, как умеет; Слава богу — э... всегда всплывает и уплывает. За границу моей Отчизны. Остальных придется под клубнику. — Но кому доверить прополку?* Отсылка к прецеденту «один в поле не воин» стимулирует обсуждение темы объединения для борьбы: *И один в поле давно воин; Без общей сплоченности и поддержки это невозможно; Каждому в отдельности не получится.* Странники борьбы за права не проясняют, кто, с кем и как должен бороться. Примером служит следующее характерное высказывание: *Вместо того, чтобы биться за свои права, в качестве компенсации норвежт отнять права у более слабых.* Здесь используется глагол с диффузной семантикой «биться» (в значении 'прилагать много усилий, стараний для достижения чего-л., трудиться через меру, добиваясь чего-л.' [Большой толковый словарь... 2000]), неопределенно-личная конструкция, позволяющая элиминировать субъект действия, релятивная форма обозначения объекта.

7. Геополитическое измерение: права человека и национальный вопрос.

Обсуждается, может ли национализм спасти Россию. В контексте дискурса это осмысливается как проблема ущемления прав коренных народов России. Наряду с мнением о том, что «*национализмом пользоваться крайне опасно*», звучат доводы в его защиту: *Национализм спасет государство. Там, где нет национализма, процветает другая нация, а это грозит всей нации — вырождаемся))))); Глаза ... откроются, когда Китай потребует Дальний Восток себе <...>, а в Москве коренных россиян, наверное, уже меньше, чем таджиков, узбеков и т. д.* Используется термин «*инородцы*»: *Знаком с этой позицией главного идеолога экспансии России инородцами.*

Частный концепт «*право на жизнь*» разворачивается в трех направлениях:

1. Философское измерение.

Утверждая, что право на жизнь дискредитировано мировыми социальными практиками, автор одного из комментариев обращается к проблеме человеческой природы: *Но проанализируйте награжденных Премией Мира... Кто нарушает главное право человека на жизнь, тот и удаляется*

этой премии... Животный инстинкт побеждает человеческий разум. В философско-метафорическом ключе обсуждается вопрос о том, является ли ценностью жизнь преступника: *...если на вашей грядке с картошкой вырастает огромный, красивый чертополох — мне предлагают его выкопать, сделать ему грядку за оградой огорода и ухаживать, пока сам не помрет. — Тогда какие у Вас предложения? — Только один. На удобрения.*

2. Экономическое измерение.

Обсуждается дихотомия «жизнь — смерть», спроецированная на экономику государств; развивается тема финансовой гибели общества: *Текущее благополучие построено на песке — на мировой финансовой пирамиде, вступившей в стадию разрушения. Без крепкого фундамента рушится любой дом, а пирамиды всегда разрушаются одинаково <...> поэтому жизнь всех нас сейчас висит на волоске; Если они выдернут свои деньги из любой экономики мира, то этому государству придет конец сразу. Эпидемические связи лексемы «жизнь» (жизнь — жить, жить — наживаться, жить — выживать) становятся импульсом для ассоциирования смыслов «богатство — бедность»: Понятно, что нынешнее священное право наживаться за счет ближнего намного приятнее, чем скромная жизнь по средствам. Но, кроме „успешных“, есть еще и ограбленные. И их много. В экономическом измерении концепт «право на жизнь» пересекается с концептом «право на труд», о чем будет сказано ниже.*

3. «Техническое» измерение: угроза жизни и легализация оружия.

Право на жизнь трактуется как требование легализовать продажу оружия: *В реалии все бандиты имеют оружие + менты + охранные агентства + вся власть от депутатов до правительства имеют; <...> По статистике на 2008 год в России нелегального оружия переизбыток <...>, НО МЫ ХОТИМ ЕГО ИМЕТЬ ЛЕГАЛЬНО, только свободная продажа уравнивает шансы на жизнь нас и бандитов; Я против оружия. Я за бесценность человеческой жизни.*

Частный концепт **«право на труд»**, не названный в исходном посте А. Чуева, оказывается для авторов комментариев наиболее актуальным. Он разворачивается в следующих направлениях:

1. Социальное измерение: право на труд как право на заработную плату.

Репрезентируются компоненты ассоциативной цепочки «труд — заработная плата — защищенность»: *А если денег нет, то и защиты нет. Сегодняшний при-*

мер — Сердюков. А на Ижевском оружейном заводе зарплата 5 (пять) тысяч рублей и, пока, волнения.

2. Онтологическое измерение: принцип равенства.

Применительно к праву на труд принцип равенства обсуждается как требующий разного рода оговорок. Предмет особенно острой дискуссии — то, кто может претендовать на «достойную зарплату»: *При таком праве каждый бездельник и тупица станет требовать себе приличный оклад; Платить надо не за потраченные усилия, а за РЕЗУЛЬТАТ! А если стоимость труда невысока? — Иди учись, получай квалификацию и трудись на высокооплачиваемой работе.* В качестве субъектов «права на труд с его достойной зарплатой» называются категории людей, выделенные на основе интеллектуальных и морально-этических признаков: «добросовестный», «бездельник», «неуч», «тупица», «нерадивый работник». Государству как силе, которая вмешивается в трудовые отношения, даются негативные характеристики: *Еще и государство по своим конторам разнарядку спускает, сколько уволить.*

3. Географическое измерение.

Номинативно выделены Москва, крупные города, мелкие городки, маленький городишко, маленький город, российская глубинка, глубинка на Ставрополье, дыра. Акцентируется смысл невозможности «достойной зарплаты» в провинции: *В мелких городках нормальных зарплат НЕ БУДЕТ НИКОГДА; Государство не будет платить бюджетникам, как в крупных городах, а предприниматели при всём своем желании не смогут платить прилично, потому что прибыль мала; Это <...> в больших городах, а в маленьких люди вынуждены почти задаром трудиться там, где это возможно, другой работы просто нет, за исключением криминала.* Дискутируется вопрос о возможности/целесообразности переездов в большие города с целью заработать. Соответствующие фрагменты дискурса экспрессивны, личностно ориентированы.

Права человека представлены в дискурсе как «переживаемый» концепт, о чем свидетельствует высокая степень эмоциональности. Отчетливо доминируют негативные эмоции, выраженные лексикой с негативной оценкой в денотативном и коннотативном блоках значения (*бандиты, бардак, растоптали [права человека], не заикается [никто о правах человека]* и мн. др.), фразеологией (*финансовая пирамида, поднимать голову, прятать голову в песок* и мн. др.). Наиболее сильные эмоции связаны с обсуждением си-

туаций из реальной жизни, с работой, заработной платой. Негативную оценку получает власть на всех ее уровнях.

Эмоции и оценки авторов комментариев направлены не только на предмет обсуждения, но и друг на друга: *Вы уже совсем заговорились; Это каким же идиотом нужно быть? — Идиот именно сидит в своем городе.* Авторы комментариев «переходят на личности»: *Такое ощущение, что Вы из тех, кто всю жизнь учил других, как надо работать. Типичный ответ бездельника :-); Вы совсем малообразованный; Вы просто умственно больной.* Авторы категоричны в выражении мнений (*пора бы зарубить на носу; чушь полная; вот истина на сегодня*). Используется разговорная, нелитературная, обценная лексика: *Вот только начал приподнимать голову ... а вокруг одни задницы... и поговорить не с кем...; У меня в деревне, напротив, через улицу, такое же дерьмо живет, как твои братцы.* В некоторой манере построены единичные высказывания: *Вообще вопрос этот довольно широк и осветить его весь в комментарии невозможно, да и мнение это мое вполне может быть ошибочным.*

Обобщим результаты.

1. Анализ концепта «права человека» в тексте комментариев обнаруживает следующие направления его ассоциативно-смыслового развертывания:

- права человека → права менее важны, чем законы;
- права человека → права есть не у всех → есть мы и они → у нас прав мало или совсем нет → так было всегда / раньше было не так;
- права человека → у нас прав мало или совсем нет → права следует завоевывать, хотя большинству населения этого не нужно → надо действовать сообща/поодиночке → ситуацию спасет / не спасет национализм;
- право на жизнь → дискредитировано в современном мире → в человеке побеждает животное начало;
- право на жизнь → есть ли оно у преступника?;
- право на жизнь → государство и мы вместе с ним не выживем после финансового кризиса;
- право на жизнь → его обеспечит легализация продажи оружия;
- право на жизнь → оно есть у богатых (наживаются), его почти лишены бедные (выживают);
- право на труд → право на заработную плату → все / не все имеют пра-

во на высокую заработную плату → есть добросовестные / бездельники, тупицы, неучи;

- право на труд → право на заработную плату → неодинаковые права на заработную плату в Москве, больших городах, маленьких городах и селах → защищенность/незащищенность.

2. Права человека осмысляются главным образом **с позиций житейской философии** в ее отечественном варианте. Актуализируются ценностные категории 'жизнь' и 'труд', важнейшие для традиционного национального сознания [Орлова 2005]. Из всех частных «прав» обсуждаются именно право на жизнь и право на труд, а личная неприкосновенность, презумпция невиновности, свобода слова и некоторые другие важные на Западе ценности, которые называл А. Чувев, оказываются проигнорированными. Содержательно-концептуальная информация преобладает над содержательно-фактуальной; генеритивный и реактивный регистры речи — над информативным, оценочные суждения — над утверждениями о фактах. С одной стороны, авторы комментариев выходят на достаточно высокий уровень отвлеченности, с другой — приводят примеры из частной жизни и интерпретируют их. Так дискурсивно проявляется опора на житейскую философию. Намечены другие векторы развертывания концептов: социальный, политический, экономический, исторический, — однако общественно значимых сведений из соответствующих сфер жизни в комментариях немного. (Достоверность имеющихся сведений не является предметом лингвистического исследования.)

3. Значительная часть смыслов представлена оппозициями разного масштаба. Выявлены устойчивые **когнитивные оппозиции**, выраженные многократно, на разных уровнях текста, у разных авторов. К таким оппозициям относятся *мы — они* (обычные люди — элита), *большой город — маленький город, Москва — глубинка, богатые — бедные*. Более или менее локальные смысловые оппозиции выражены системными и контекстуальными антонимами в пределах отдельных комментариев: *мы — они* (жители России — жители других стран), *сейчас — раньше — всегда, инородцы — коренное население России; нужно бороться — «на хрена им борьба»; благополучие — разрушение; добросовестные — тупицы и бездельники; общая сплоченность — каждый в отдельности* и т. д. Организация базового концепта и его разновидностей по принципу двоичных оппозиций дает основание гово-

ритель о мифологическом начале в исследуемом варианте концепта.

4. Значительный объем сверткста, большое количество участников, эмоциональная «переживаемость» концепта свидетельствуют о его актуальности для современного пользователя Интернета. Само по себе это может расцениваться как определенный этап в становлении и развитии гражданского самосознания пользователей Сети. В то же время при суммарной негативной оценке состояния гражданских прав в России, негативных эмоциях (безысходности, горечи, иронии, возмущении, гневе) и осуждении «властей предержащих» в свертксте почти отсутствуют какие-либо конструктивные идеи и сильные логические аргументы. Кроме того, участники коммуникации эмоционально и негативно оценивают позиции друг друга, высказываются категорично и часто нетолерантно по отношению к носителям иной точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болотнова Н. С.* Когнитивное направление в лингвистическом исследовании художественного текста // Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике Серебряного века : материалы VII Всерос.

науч.-практ. семинара (27 апр. 2004 г.). — Томск : Изд-во ТГПУ, 2004. С. 7—19.

2. *Большой* толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб. : Норинт, 2000.

3. *Галичкина Е. Н.* Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2013.

4. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004.

5. *Орлова Н. В.* Наивная этика: лингвистические модели. — Омск: Вариант-Омск, 2005.

6. *Орлова О. В.* Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал. — Томск : Изд-во ТГПУ, 2012.

7. *Резанова З. И.* Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. — Томск : ИД СК-С, 2011. С. 15—97.

8. *Чуев А.* Права человека, традиции и общественные ценности. (посвящается международному Дню прав человека). 2012. 10 дек. URL: http://maxpark.com/user/tchuev/content/1702531?utm_campaign=mostinteresting&utm_source=newsletter.

9. *Эмер Ю. А.* Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011.

10. *Энциклопедический словарь экономики и права.* URL: <http://www.vedomosti.ru/glossary/гражданское%20общество>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. Н. Гуц

Н. Б. Руженцева **N. B. Ruzhentseva**
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**«ЧУЖИЕ» И «СВОИ» В БИПОЛЯРНОЙ
И МНОГОПОЛЯРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КАРТИНЕ МИРА**

(оценка в политических комментариях
Ивана Яковины)

Аннотация. Охарактеризована специфика ведущей оппозиции политического дискурса «свои — чужие» в текстах межнационального политического комментария, представляющих собой взгляд на чужую политическую реальность «со стороны». В подобных текстах политическая картина мира может утрачивать традиционную биполярность оценки «своих» и «чужих». Политические субъекты в инонациональном политическом пространстве чаще представлены автором как «чужие», что проявляется в разнообразных способах репрезентации негативно-оценочных значений.

Ключевые слова: межнациональный политический дискурс; «свои»; «чужие»; биполярная картина мира; многополярная картина мира; оценка; юмор; ирония.

Сведения об авторе: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: verbalis@mail.ru.

**«FRIEND» AND «ALIEN»
IN BIPOLAR AND MULTIPOLAR
POLITICAL PICTURE OF THE WORLD**

(evaluation in political comments
by Ivan Yakovina)

Abstract. Specific features of the main opposition of political discourse “friend — alien” found in the texts of international political commentary are characterised. These comments are a look from the outside on the political reality. Political picture of the world in the texts of this kind may lose traditional bipolar character of evaluation of “friends” and “aliens”. Political subjects in a foreign political space are often represented by the author as “aliens”, which reveals itself in different ways of negative evaluative meanings.

Key words: international political discourse; “friends”; “aliens”; bipolar picture of the world; multipolar picture of the world; evaluation; humor; irony.

About the author: Ruzhentseva Natalia Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Оппозиция «свой — чужой» является одной из центральных как в межкультурной коммуникации, так и во внутринациональном политическом дискурсе. Применительно к теории и практике межкультурной коммуникации выделяется несколько значений понятия «чужой» («чужой как нездешний, иностранный, находящийся за границами родной культуры; чужой как странный, необычный, контрастирующий с обычным и привычным окружением, чужой как незнакомый, неизвестный и недоступный для познания» и т. д.) [Садохин 2005: 69]. С одной стороны, в межкультурной коммуникации возможна широкая интерпретация понятий «свой» и «чужой»: «Представленные семантические варианты понятия „чужой“ позволяют рассматривать его в самом широком значении, как все то, что находится за пределами само собой разумеющихся, привычных и известных явлений и представлений. И, наоборот, противоположное ему понятие „свой“ подразумевает тот круг явлений окружающего мира, который

воспринимается как знакомый, привычный, само собой разумеющийся» [Там же].

С другой стороны, в межкультурной коммуникации возможны и более узкие интерпретации членов данной оппозиции. Так, Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова дают культурологическое толкование этих понятий: «СВОЕ познается только на фоне ЧУЖОГО и ДРУГОГО. ЧУЖОЕ и ДРУГОЕ — один из источников развития личности и культуры в целом. СВОЕ, ЧУЖОЕ и ДРУГОЕ опознается по системе вербальных и невербальных маркеров, которые можно условно развести на две группы: индивидуально-физиологические и социокультурные; последние имеют особый вес, поскольку их влияние на процесс и результат межкультурного взаимодействия является решающим» [Гришаева, Цурикова 2003: 141].

В текстах политического дискурса оппозиция «свой — чужой» является одной из базовых категорий: «Структурирование социума путем построения оппозиции „свой“ — чужой“

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»)

имеет давние социокультурные традиции... Наблюдения показывают, что категория „свой круг“ является одной из базовых когнитивных категорий в политическом дискурсе. Ее продуктивность объясняется гибкостью, удобством и простотой в плане манипулирования сознанием» [Баженова, Лапчева 2003: 17]. Указанная оппозиция репрезентируется, как правило, в связи с позитивной/негативной оценкой противоборствующих сторон: «Объектом оценки в политическом дискурсе чаще всего становятся группы (люди, социумы, явления, вещи и др.), которые воспринимаются как СВОИ или ЧУЖИЕ, а также события и факты, которые находятся в той или иной связи с названными группами. Особенно часто объектом негативной оценки становятся политические оппоненты» [Чудинов 2006: 65].

Однако в межнациональном формате политического дискурса, в случаях, когда **мы** говорим/пишем о **них**, а **они** говорят/пишут о **нас**, оппозиция «свой — чужой» может потерять свой (четко выраженный во внутринациональном политическом дискурсе) бинарно-оценочный характер. Прагматическую рамку текстов внутринационального дискурса можно в упрощенном виде представить следующим образом. **Автор** внутринационального политического текста — это, как правило, лицо или группа лиц, поддерживающих позицию одного из политических субъектов и/или опровергающих позицию другого. **Адресатом** такого текста чаще всего является массовый читатель или, в предвыборной ситуации, электорат. Ведущая **интенция** внутринационального политического текста — воздействующая: подача фактов и явлений с политических позиций, на которых стоит автор. Кроме того, автор стремится транслировать адресату свою точку зрения (взгляд на политическую реальность) и тем самым сформировать или изменить его картину мира. Политическая реальность представлена в текстах внутринационального дискурса чаще всего биполярно: политические субъекты репрезентированы в виде двух групп или двух лиц (как это бывает в последнем туре выборов любого уровня), оппозиция «свои — чужие» является двусторонней (МЫ-группа и ОНИ-группа), а оценка репрезентируется разнообразными речевыми способами, к примеру ассоциированием «своих» с символами Добра, а «чужих» — с символами Зла [Баженова, Лапчева 2003: 17]. Однако в межнациональном политическом дискурсе прагматическая рамка и субъектная организация текста могут быть иными, что, в свою очередь, детерминирует другие векторы оценок «своих» и «чужих».

Проиллюстрируем сказанное выше на примере комментариев к событиям в странах Северной Африки, Турции и Ближнего Востока, которые вот уже несколько лет делаются украинским журналистом Иваном Яковиной на русском языке и регулярно размещаются в Интернете — «Снова война», «Жасминовая революция», «Самоубийство космонавта», «Такой Каир им не нужен», «Вечная война в Междуречье», «Нет, сам я не уйду», «Профнепригоден» [Яковина 2007, 2011а, 2011в, 2013а, 2013б, 2013в, 2013г].

Комментирование является в настоящее время одним из самых популярных направлений в СМИ, в том числе в сети Интернет. Вот как это объясняется: «Комментаторский характер материалов журналистика начала приобретать с усилением конкуренции с радио и телевидением. Не в состоянии угнаться за их оперативностью в подаче новостей, крупные журналы стараются привлечь читателя объяснением новостей» [Грабельников 2004: 216]; «Комментарий сегодня уже уверенно занял собственные позиции как самостоятельный жанр в ряду других аналитических жанров. Особенно это заметно в публикациях на международные темы. Комментарий представляет собой актуальное публицистическое выступление, которое объясняет факты с политических позиций, на которых стоит сам автор... Факты здесь служат ярким фоном, своеобразной иллюстрацией, поскольку главное в этом жанре — разъяснение этих фактов, пристрастные авторские раздумья, весомые, обобщающие и аргументированные выводы» [Там же: 223].

Прагматическую рамку межнационального политического комментария можно, с нашей точки зрения, представить на указанном выше материале следующим образом.

Автор — это человек одной национальности (в данном случае — славянин), комментирующий политические события, происходящие в других странах (в данном случае — в Африке, Турции и на Ближнем Востоке). Автор политического комментария в известной степени сходен со вторым типом автора-повествователя от третьего лица в очерковых формах: «Повествователь выступает как „закадровая сила“, формирующая изложение. Такой повествователь, не прибегая к открытому проявлению в виде авторского „я“, тем не менее вмешивается в ход события двумя способами — мотивируя своей волей хронологические смещения и прерывая ход события своими рассуждениями, хотя и выполненными в форме третьего лица, но явно принадлежащими повествователю» [Майданова 1987: 35].

Адресат — читатель, живо интересующийся внешнеполитической ситуацией в Африке и на Ближнем Востоке и следящий за развитием событий в этих регионах.

Интенция — своевременно ориентировать (информировать) читателя, помочь ему разобраться в африканских и ближневосточных событиях, интерпретируя их и транслируя авторское мнение, в том числе точку зрения на «своих» и «чужих».

Политическая реальность может быть как биполярной, так и многополярной. Видение и интерпретация этой реальности тоже могут быть двусторонними или многосторонними. Попытаемся охарактеризовать векторы оценки «своих» и «чужих» в биполярной и многополярной политических картинах мира.

БИПОЛЯРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Биполярная политическая картина мира представлена в комментариях туниских [Яковина 2011а], ливийских [Яковина 2011б], египетских событий [Яковина 2013а] и происходящего в Турции [Яковина 2013в].

В самом общем виде авторская позиция относительно «своих» и «чужих» сформулирована самим И. Яковиной: *За событиями, происходящими в последние недели в Тунисе, Египте, Ливии и ряде других стран Ближнего Востока и Магриба, лично я слежу с надеждой и чувством глубокого удовлетворения. Да, я поддерживаю демонстрантов и желаю им всяческих успехов. Объясняется это просто: эти революции — очень полезное и хорошее дело, способное в перспективе изменить к лучшему весь мир* [Яковина 2011б].

Таким образом, в рассматриваемых текстах «свои» для И. Яковиной — это оппозиция, демонстранты, революционеры, выступающие против «чужих» — президента и правящей верхушки авторитарного режима.

Представим речевые способы выражения оценки «чужих» и «своих» (иллюстрации приводятся в хронологической последовательности из указанных выше текстов).

«ЧУЖИЕ»

1. Прямые безоценочные номинации: *президент, Бен Али, правители, „совет мудрецов“, спикер парламента, премьер-министр внутренних дел* [Яковина 2011а]; *Муаммар Каддафи, Каддафи-младший, сын Каддафи — Мухаммад, сторонники режима, лоялисты, защитники комплекса (военной базы Баб-аль — Азизия)* [Яковина 2011в]; *президент Мохаммед Мурси, президент-исламист, глава государства, центральная власть* [Яковина 2013а]; *Реджеп Тайип Эр-*

доган, исламисты, генералитет, военная верхушка, турецкий лидер, власть, правительство Турции [Яковина 2013в].

2. Оценочные атрибутивные конструкции: *Опостылевший диктатор* [Яковина 2011а]; *престарелый „брат лидер“* [Яковина 2011в]; *узкая каста генералов, не отвечающих ни перед кем и ни за что, строптивый турок, мудрый „отец народа“, „ниспосланный свыше поводырь“, авторитарные правители* [Яковина 2013в].

3. Отрицательно-оценочная (пейоративная) лексика, слова со значением «плохо» или их синонимы: *Правители воровали регулярно, но без фанатизма* [Яковина 2011а].

4. Навешивание ярлыков: *диктатор, сын диктатора* [Яковина 2011в]; *„Братья-мусульмане“ стали своего рода „коллективным диктатором“* [Яковина 2013а]; *душители свобод* [Яковина 2013в].

5. Негативно-оценочные суждения и метафорические выражения: *„Зомбоящик“ беспрестанно врет о росте благосостояния тунисского народа; Семья президента Зин эль-Абидин Бен Али ведет вызывающе роскошный образ жизни: в донесениях американских дипломатов фигурировал некий банкет, куда йогурты и мороженое доставляли самолетом с фешенебельного французского курорта Сан-Тропе; Правители ... боятся своего народа и готовы давить его до последнего момента* [Яковина 2011а]; *Эрдоган попался в западню, общую для всех засидевшихся во власти правителей — он перестал чувствовать себя временным наемным менеджером, начав претендовать на нечто гораздо большее; Некогда бодрая и энергичная власть заплыла жирком, потеряла связь со значительной частью народа и сделала своим главным приоритетом консервацию статуса-кво* [Яковина 2013в].

6. Ирония, в том числе иронические аллюзии и иронические сопоставления: *Президент собрал свою семью, какие-никакие пожитки, сел в самолет и улетел в неизвестном направлении (позднее выяснилось, что его приютили в Саудовской Аравии); Некоторые предполагают, что „мудрецы“ — кровь от крови и плоть от плоти режима Бен Али — никакой свободы гражданам не дадут, посчитав результаты грядущих выборов „как полагается“... Третьи опасаются весьма нередкого сценария, когда на смену свергнутому „кровавому режиму“ приходит совсем уж людоедский* [Яковина 2011а]; *чучело гаранта конституции; Президент Мохаммед Мурси является одним из лидеров этой организации, а сама она фактически преврати-*

лась в „руководящую и направляющую“ **партию власти Египта**; Такие мысли, понятное дело, никакому **египетскому фараону** не понравятся; Мурси сам нацепил на себя **фараонские регалии**, из-за чего теперь теряет легитимность не только на востоке страны, но и в самом Каире; Президентская карьера Мурси почти буквально повторяет судьбу **старухи** из пушкинской „сказки о рыбаке и рыбке“... Достигнув стадии „**владычицы морской**“, если продолжать аналогию со сказкой, он тут же оказался практически у **разбитого корыта**: власть и страна быстро утекают из его рук. Причем чем крепче он закручивает гайки, тем быстрее становится этот процесс [Яковина 2013а]; Если арабские диктаторы просто отключали в стране интернет, то „демократ“ Эрдоган поставил на Таксима глушилки, забирающие сигнал [Яковина 2013в].

«СВОИ»

1. Прямые безоценочные номинации: **люди, народ, сограждане, тунисцы, арабское общество, арабы, демонстранты** [Яковина 2011а]; **противники режима, повстанцы, оппозиционеры, лидеры оппозиции, ливийцы, народ** [Яковина 2011в]; **люди, египтяне, местные жители, жители Порт-Сауда, каирская оппозиция, каирские противники Мурси, столичные оппозиционеры** [Яковина 2013а]; **народ, люди, турки, граждане, оппозиционеры, протестующие, активисты, демонстранты, простые горожане** [Яковина 2013в].

2. Оценочные и безоценочные атрибутивные конструкции: **уставшие от всего этого люди** вышли на улицы с протестами; **простые арабы; активная молодежь** [Яковина 2011а]; **посрамленные революционеры** [Яковина 2011в]; **разгневаннные местные жители, городская молодежь и средний класс — основной двигатель массовых процессов** [Яковина 2013а]; **думающая публика** [Яковина 2013в].

3. Позитивно-оценочные суждения о «своих»: Чем бы ни закончилась „Жасминовая революция“, один — очень важный — урок она уже преподнесла. Устоявшееся мнение, что арабское общество „не готово“ к демократии, не хочет ее и не нуждается в ней, — полностью опровергнуто. Выяснилось, что люди как раз очень даже готовы, хотят и нуждаются [Яковина 2011а]; Люди полны решимости вынести из дворца президента, который так и не сумел оправдать их надежд на лучшую жизнь [Яковина 2013а]; Хотя у демонстрантов не было ни лидеров, ни внятной программы действий, сами того не подозревая, они вы-

толкнули Турцию из азиатской системы отношений „народ — власть“ в европейскую [Яковина 2013в].

4. Негативно-оценочные суждения о «своих»: **Надо отметить, что в отличие от киргизских мародеров, которые несли из правительственных зданий плазменные панели, компьютеры и предметы интерьера, ливийцы подошли к делу более профессионально. В руках у людей, возвращавшихся от оставшихся за кадром складов, были упаковки с ручными пулеметами, автоматами и боеприпасами** [Яковина 2011в]; **Да, в стране продолжалась относительно свободная политическая борьба: ПСР противостояли системные оппозиционеры, костерящие Эрдогана по поводу и без. Но проблема заключалась в том, что и эта оппозиция действовала в той же системе координат, что и правящая партия. Главным отличием противников Эрдогана от него самого было то, что они — не он... В сущности, для многих турок никакой оппозиции нет — есть разные головы у одной и той же гидры** [Яковина 2013в].

5. Ирония по отношению к «своим», в том числе иронические аллюзии: Было видно, как **радостные повстанцы, размахивая руками, автоматами и флагами, бегут что-то грабить. Что именно растаскивали „борцы за свободу“, стало ясно несколько позднее** [Яковина 2011в]; **Расстроенные горожане вышли на улицы с протестами, плавно переходящими в погромы госучреждений, судов, полицейских участков и офисов; Похороны погибших 27 января стали демонстрацией чистой и искренней ненависти жителей Порт-Сауда к центральным властям. Над телами людей, убитых накануне, были произнесены столь зажигательные речи, что почти сразу же запылали полицейские участки, до которых демонстранты не добрались днем ранее** [Яковина 2013а].

Однако биполярная оппозиция «свои — чужие» в текстах межнационального политического комментария усложняется еще двумя членами — а) оценочной репрезентацией «своих» «чужими» и б) «чужих» — «своими».

«Чужие» о «своих»: **«Власти немедленно заявили, что демонстранты — это экстремисты, которые ставят под угрозу стабильность в стране»; «Бен Али осудил насилие со стороны „бандитствующих элементов“** [Яковина 2011а]; **Чем-то недовольные крысы** [Яковина 2011в]; **Когда информационная блокада не удалась, правительство Турции объявило демонстрантов „кучкой бездельников, уголовников, пьяниц и мародеров“.** Тоже никакого

эффекта. В ход пошла „тяжелая артиллерия“ пропагандистского арсенала диктаторских режимов: **противников „стабильности“** объявили **иностранными агентами**, а полиция отрапортовала об аресте десятка **„подстрекателей-иностранцев“**, участвовавших в столкновениях. Эти зловещие субъекты, правда, оказались никакими не **лоуренсами аравийскими**, а студентами и туристами из разных стран, слабо подходящими на роль ниспровергателей режима. Оставалось последнее средство: назвать своих противников **„террористами“** и **„крысами“**. Но до этого турецкий премьер, к счастью, не дошел [Яковина 2013в].

«Свои» о «чужих»: По всей стране на стенах, заборах и тротуарах стали появляться граффити: **„Смерть Бен Али!“**. Коротко и ясно [Яковина 2011а]; Как отмечают иностранные корреспонденты, в этих условиях зазвучали реплики в духе **„такой Каир нам не нужен, безо всяких там Мурси жили бы гораздо лучше“** [Яковина 2013а].

Таким образом, биполярный мир в политических комментариях И. Яковины теряет глубинную тенденциозность, свойственную внутринациональному политическому дискурсу, в котором «свои» и «чужие» жестко разводятся «по разные стороны баррикад» и удостоиваются однозначных позитивных или негативных оценок: «Все, что делает „свой“, хорошо и благородно или, по крайней мере, достойно оправдания, а поступки „чужого“ фальшивы и неблагородны» [Платонова, Виноградов 1998: 259]. Иначе обстоит дело в межнациональном политическом дискурсе, в рамках которого автор (человек иной национальности) в гораздо большей степени находится «над схваткой», чем в дискурсе внутринациональном. **И «чужие», и «свои» могут быть а) репрезентированы нейтрально-оценочными номинациями, б) удостоены негативных/позитивных оценок и авторской иронии.** Кроме того, оценочное поле у И. Яковины усложняется введением двух дополнительных оценочных векторов (оценок «своих» «чужими» и «чужих» — «своими»), что в известной степени способствует оценочной переориентации, ведущей к нарушению традиционной биполярности оценочного поля.

МНОГОПОЛЯРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Сдвиг традиционной биполярности оценочного поля в межнациональном политическом комментарии особенно ярко прослеживается в трех текстах И. Яковины [Яковина 2007, 2013б, 2013г]. Это тексты, в которых

политическая реальность представлена посредством комментирования действий группы политических субъектов. Попытаемся проследить оценочную репрезентацию «своих» и «чужих» в каждом из текстов с опорой на категорию пафоса (типа авторской эмоциональности).

1. «Снова война. Сектор Газа катится в направлении большой крови» [Яковина 2007].

И. Яковина сам обозначает противоборствующие стороны: это **ФАТХ главы Палестинской автономии Махмуда Аббаса, ХАМАС премьер-министра Исмаила Хании и Израиль во главе с премьером Эхудом Ольмертом**, а также боевики соперничающих сторон. Все противоборствующие стороны для автора текста — «чужие», и эта «чуждость» репрезентируется И. Яковиной посредством категории комического, смеха, юмора. Юмор — явление неоднородное, и его компоненты удачнее всего, на наш взгляд, представлены А. Бергером в книге «Анатомия юмора»:

- языковые компоненты — аллюзия, напыщенность, ирония, дефиниция, преувеличение, шутливость (веселость, игривость), оскорбление, инфантилизм, непонимание, сверхбуквальность, игра слов (головоломка), остроумие, высмеивание, сарказм, сатира;

- логика — абсурдность, случайность, ошибки, каталогизация, совпадение, аналогии, разочарование, невежество, повторение, неудача, непреклонность, тематичность/вариативность;

- идентичность — до того / после, бурлеск, карикатура, гротеск, эксцентричность, неловкость, разоблачение, имитация, мимикрия, имперсонификация, пародия, стереотип, снятие маски, взвешивание (сопоставление);

- действие — погоня, скорость, время [Бергер 1998: 18].

В разбираемом политическом комментарии И. Яковины преобладают а) ирония — «осмеяние, содержащее в себе оценку того, что осмеивается; одна из форм отрицания» [Словарь литературоведческих терминов 1974], б) мимикрия — маска одобрения и согласия, прикрывающая поношение и осмеяние, в) снятие маски, экспликация контраста между мыслимым/называемым и реальностью.

Ирония по отношению к Аббасу и Хании: **17 мая и сторонники Аббаса, и сторонники Хании объявили, что на жизнь обоих лидеров пытались покушаться. В случае с Аббасом в злоумышленники записали боевиков ХАМАСа, а с Ханией — разумеется ФАТХа. Возможно, палестинцы решили, что Газа должна достаться тому, кто**

из руководителей переживет другого. Учитывая местную специфику — не самая бесполезная стратегия.

Мимикрия (негативная оценка под видом позитива) по отношению к Эхуду Ольмерту: *Для того чтобы отвлечь внимание людей от своей персоны, новая война подойдет Ольмерту как нельзя лучше. Тем более и повод есть — боевики действительно обстреливают юг Израиля. но на сей раз кампания должна быть максимально эффективной для телезрителей и минимально опасной для солдат ЦХАЛа. Именно такой ход операции сможет вернуть правительству расположение израильской публики... Плоды их (войск) деятельности — клубы дыма, пожары, взрывы — на телеэкране смотрятся отлично. насыщенные событиями общие планы завораживают зрителей и здорово способствуют повышению градуса любви к родине, а заодно — и к ее руководству.*

Экспликация Контраста между мыслимым (тем, что имеется в виду и затем называется) и реальностью по отношению к боевикам: *Не желающие расставаться с властью Аббас и его боевики делают все возможное, чтобы помешать заклятым „братьям“ из ХАМАСа взять верх. Правительство „национального единства“, приведенное к присяге два месяца назад, разбилась об особенности национального характера — документы, подписанные лидерами движений, мало что значат для вооруженных до зубов и люто ненавидящих друг друга молодых людей... Рассуждения о „священности палестинской крови“, которые так любят местные лидеры, имеют мало смысла, когда соседи по улице увлеченно поливают друг друга из модернизированных автоматов Калашникова.*

«Свои» для И. Яковины в данном комментарии — это простые люди, страдающие от «корпоративных» целей трех лидеров и личных интересов каждого из них. Поэтому для репрезентации «своих» используется тональность сочувствия, сожаления, сострадания к их бедам: *А то, что страдают простые люди — и осатаневшие от постоянного насилия на улицах жители Газы, и израильские жители Сдерота, каждую минуту ждущие очередной ракеты, выпущенной с арабских территорий, палестинских и израильских лидеров, похоже, не сильно волнует.*

2. «Вечная война в Междуречье» [Яковина 2013б].

Этот комментарий посвящен оценке последствий американского вторжения в Ирак

в 2003 г. И. Яковина подводит десятилетние «итоги очередной попытки Запада на штыках принести свои ценности в чуждый этим ценностям мир». Политическими субъектами в данном комментарии являются США и их правительство, Ирак и его правительство, Иран и его правительство, а также иракские курды. Юмор и ирония как средство негативной оценки свидетельствуют о том, что «чужими» для автора являются США, Ирак и Иран, а «своими» — только курды: *Курды — это, пожалуй, единственная многочисленная категория людей, выигравшая от американского вторжения. За них даже можно порадоваться. Но вот другие победители вызывают гораздо меньше симпатий.*

В данном политическом комментарии юмористический эффект при описании «чужих» создается посредством а) логических уловок; б) использования символов; в) запытанной насмешки; г) использования аллюзий, отсылок к известным текстам.

Логическая уловка по отношению к США — победителям в Иракской войне — основана на учете пресуппозиций предполагаемого адресата. В рамках целого текста буквальный смысл понятия «победитель» вступает в противоречие с информацией о числе погибших американцев и о гигантских расходах на войну: *...были убиты не менее 170 тысяч иракцев и почти пять тысяч американских военнослужащих. Налогоплательщикам операция обошлась, по максимальным оценкам, в 2,2 триллиона долларов... О том, как отразилась авантюра в Ираке на финансовом положении США, написано немало. Суть примерно одинаковая: помимо гигантских трат непосредственно на войну, бесконтрольно раздувается военный бюджет. Плодятся новые силовые структуры, а аппараты старых стремительно растут. Для США это оборачивается ускорением роста и без того астрономического госдолга.*

Победа — это успех в бою, войне, в борьбе за что-либо. Однако сложно назвать успехом огромные расходы на войну и увеличение государственного долга, не говоря уже о погибших американцах. Именно эти пресуппозиции адресата лежат в основе создания иронического эффекта.

Использование символов в оценке США и Ирака. По мнению И. Ф. Ухвановой, «юмор в политическом дискурсе — это не только средство борьбы против кого-то, но также и аргумент за что-то/кого-то» [Ухванова 2000: 149], а символ, в свою очередь, может быть аргументом: «Символ как аргумент: использование слова-символа, за которым стоит идея, группа, личность, институт, документ,

гимн, торжественный день и прочее (как-то: сакральные понятия или мифологизмы) и его деконструкция, не соответствующая ожиданиям» [Там же].

Символом в разбираемом политическом комментарии И. Яковины служит одиозная фигура Осамы бен Ладена, воспринимаемого во всем мире как главаря террористических движений: *Небезызвестный Осам бен Ладен видел два взаимодополняющих пути построения исламского халифата: свержение диктаторов в арабском (и шире — в исламском) мире, а также превращение США (и шире — Запада), как он выразился, „в тень самих себя“.*

В свою очередь, по отношению к «чужим» (Ираку и США) символ (бен Ладен) деконструирован: обе страны представлены в тексте не как противники бен Ладена, олицетворяющего собой идею терроризма, но как сторонники и последователи этой идеи.

Ирак: *Унизительное поражение и оккупация привели к превращению страны, где никакого терроризма не было вовсе, в настоящий рассадник джихадизма. Многочисленные „воины Аллаха“, постигшие основы борьбы с неверными в Ираке, несут свои идеи по всему миру — от Мали до Филиппин. При этом за последние годы либо они сами, либо идейно близкие им люди добились немалых успехов в реализации мечты бен Ладена.*

США: *Куда важнее то, что война в Ираке и сопутствующий ей рост терроризма стали оправданием для сворачивания гражданских прав и свобод самих американцев... Это лишь один пример набирающего обороты процесса обмена прав и свобод на „безопасность“, на самом деле их множество. Бен Ладен был бы счастлив обнаружить, что американцы встали на этот путь. Таким образом, мировой террористический интернационал, безусловно, тоже стал одним из победителей иракской войны.*

Запятанная насмешка над Ираном: *Но еще больше выиграла Исламская республика Иран. Президент-шиит, которого американцы поставили во главе Ирака, оказался исключительно приятным партнером для шиитской же теократии. Из вечного соперника Багдад превратился в верного союзника Тегерана, готового помогать аятоллам в любых, даже довольно сомнительных делах.*

Использование аллюзий, отсылок к восточной сказке при оценке перспектив Ирака: *Но вот оформить развод миром в существующих условиях вряд ли получится. Скорее всего, в Ираке начнется новая война,*

на сей раз — гражданская. Американское вторжение и оккупация выпустили из бутылки джинна религиозно-этнической ненависти. затолкать его обратно будет практически невозможно.

3. «Профнепригоден» [Яковина 2013г].

В данном комментарии по поводу египетских событий И. Яковина интерпретирует факт свержения президента Мурси и предлагает читателю собственные прогнозы развития ситуации в Египте. В тексте репрезентированы три основных политических субъекта: египетский народ, свергнутый президент Мурси и временный президент Адли Мансур. Разновидности юмора, используемые И. Яковиной, вновь служат дифференциации «своих» и «чужих».

«Свои» для И. Яковины — это простые египтяне, недовольные президентским правлением. Для оценки их настоящих и возможных в будущем действий используется юмор — шутка: *Египтяне определено набираются опыта в деле свержения авторитарных правителей; Это дает Мансору возможность постараться стабилизировать ситуацию в стране, оставить идеологические догматы общественным и религиозным организациям и заняться наконец насущными экономическими вопросами. в противном случае в скором времени свергать будут уже его. Опыта в этом деле у египтян предостаточно.*

«Чужим» для автора текста является свергнутый президент Мурси, для негативной оценки которого используется ирония. Ироническим является заголовок «Профнепригоден» («ключ» к иронии содержится в самой ситуации высказывания). Ироническим является построение высказывания по типу «обманутого ожидания» (на словах — и на деле): *Уволенный президент, конечно, бодрился, заявляя, что „скорее умрет“, чем уйдет в отставку. Его сторонники также обещали биться за своего лидера „до конца“, на деле же их решимость сражаться обернулась несколькими массовыми драками.*

Оценка временного президента Египта Адли Мансура свидетельствует о том, что он для автора скорее «чужой», чем «свой». «Чуждость» ощущается в авторских аналогиях со свергнутым Мурси: *4 июля к присяге был приведен временный президент Адли Мансур. Он пообещал (как, кстати, и Мурси за год за него) быть справедливым правителем по отношению ко всем гражданам Египта, а не только к тем, кто его поддержал. Негативная оценка ощутима и в авторском скептицизме относительно перспектив президентства Мансура: В честь инаугурации временного президента военные*

устроили в небе над Каиром грандиозное авиашоу с демонстрацией боевой техники и мастерства пилотов. Город даже днем сотрясали разрывы фейерверков. Однако всеобщим это ликование не было. Людей, разделяющих идеи исламистов, в Египте никак не менее трети населения (а то и половина). Просто отмахнуться от них не получится ни у одного президента.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что в межнациональном политическом комментарии И. Яковины репрезентирован взгляд на политическую реальность «извне». Этот взгляд во многом иной, чем взгляд «изнутри» во внутрироссийском политическом дискурсе. Доля «чужих», по сравнению со «своими», в текстах И. Яковины резко увеличивается. «Чужие» более четко структурированы, чем свои, и для каждой группы автор находит свои формы негативной оценки, в том числе посредством иронии и юмора.

Межнациональный политический комментарий гораздо менее тенденциозен и ангажирован, чем комментарий внутринациональный, поэтому ирония в текстах выполняет разные задачи. Во внутрироссийском политическом дискурсе, особенно в его предвыборной разновидности, функция иронии — манипулирование сознанием потенциального адресата. Она предназначена для «установления желательных ассоциаций и блокировки нежелательных» [Баженова, Лапчева 2003: 18]. В межнациональном политическом дискурсе ирония выполняет функцию, близкую к функции иронии в художественном дискурсе: «Иронический взгляд на мир способен освобождать человека от догматической узости мышления, от односторонности, нетерпимости, фанатизма, от попирания живой жизни во имя отвлеченного принципа» [Хализев 1999: 78].

В целом же в текстах межнационального политического дискурса в настоящее время гораздо слабее выражены (или вообще отсутствуют) традиционные МЫ- и ОНИ-группы («свои», противопоставленные «чужим»). Их разновидность (интернациональная группа) активно бытовала в советском политическом дискурсе середины XX в. Например: МЫ — это СССР и КУБА («Куба, любовь моя / Остров в заре багровой»); ОНИ — это США, империалисты, захватчики. Однако со сменой внешнеполитической реальности меняются и ее дискурсивные репрезентации, которые, без сомнения, ждут своего дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Е. А., Лапчева С. А. Оппозиция свой — чужой в политическом дискурсе // Современная политическая лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. С. 16—18.
2. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе. — М.: РИП-холдинг, 2004.
3. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в межкультурную коммуникацию. — Воронеж: ВГУ, 2003.
4. Майданова Л. М. Стилистические особенности газетных жанров. — Свердловск: УрГУ, 1987.
5. Платонова О. В., Виноградов С. И. Информационное поле и информационная норма в СМИ // Культура русской речи. — М.: Норма-Инфра, 1998. С. 240—264.
6. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. — М.: Высшая школа, 2005.
7. Словарь литературоведческих терминов. — М.: Просвещение, 1974.
8. Ухванова И. Ф. Юмор в политическом дискурсе печатных СМИ // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2. — Минск: БГУ, 2000. С. 145—151.
9. Хализев В. Е. Теория литературы. — М.: Высшая школа, 1999.
10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта-Наука, 2006.
11. Berger A. A. Media Research Techniques. — Sage Publications, 1998.

ИСТОЧНИКИ

12. Яковина И. Снова война. Сектор Газа катится в направлении большой крови. 2007. 18 мая. URL: <http://lenta.ru/articles/2007/05/18/gaza/>.
13. Яковина И. Жасминовая революция. Тунисцы сломали стереотип о «неготовности» народа к демократии. 2011а. 15 янв. URL: <http://lenta.ru/articles/2011/01/15/toonis/>.
14. Яковина И. Да здравствует Долой! Иван Яковина о пользе арабских революций. 2011б. 26 февр. URL: <http://lenta.ru/columns/2011/02/26/revolution/>.
15. Яковина И. «Самоубийство космонавта». 2011в. 24 авг. URL: <http://www.elections-ices.org/russian/publications/textid:11863/>.
16. Яковина И. Такой Каир им не нужен. В Египте началось восстание против исламистов. 2013а. 31 янв. URL: <http://www.nomad.su/?a=3-201301310011>.
17. Яковина И. Вечная война в Междуречье. 2013б. 24 марта. URL: http://kurdistan.ru/2013/03/24/articles-18520_Vechnaya_voyna_v_Mez.html.
18. Яковина И. Нет, сам я не уйду. Почему продвинутые турки устали от Эрдогана. 2013в. 10 июня. URL: <http://lenta.ru/articles/2013/06/10/erdogan/>.
19. Яковина И. Профнепригоден. Египтяне свергли президента за авторитаризм и кризис в экономике. 2013г. 04 июля. URL: <http://lenta.ru/articles/2013/07/04/newstart/>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, проф. Л. Цонева

УДК 811.162.4+81'271
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Й. Сипко J. Sipko

Прешов, Словакия

Prešov, Slovakia

**ФРАГМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ
И. В. СТАЛИНА В СЛОВАКИИ**

**FRAGMENTS OF THE LANGUAGE PICTURE
OF I. V. STALIN IN SLOVAKIA**

Аннотация. Анализ языкового материала из современных словацких СМИ, в котором встречаются конкретные единицы, связанные с эпохой И. В. Сталина. Данные единицы классифицируются на основе соответствующей иерархии в соответствии с методологией политической лингвистики и лингвокультурологии. Выясняется, что данные единицы «сталинского» фона относительно актуальны.

Abstract. The analysis is made of language material from the modern Slovak mass media which contain units indicating the epoch of I. V. Stalin. These language units are classified by the author according to the hierarchy and methodology suggested by political linguistics and lingoculturology. The units of Stalin's epoch are rather wide spread.

Ключевые слова: И. В. Сталин; языковая картина; словацкие СМИ; политическая лингвистика; лингвокультурология.

Key words: I. V. Stalin; language picture; Slovak mass media; political linguistics; lingoculturology.

Сведения об авторе: Сипко Йозеф, профессор, доктор, кандидат филологических наук, Философский факультет, Институт русистики, украинистики и славистики.

About the author: Sipko Joseph, Professor, Doctor, Candidate of Philology, Faculty of Philosophy, Institute of the Russian, Ukrainian and Slavic Languages.

Место работы: Прешовский университет.

Place of employment: University of Presov.

Контактная информация: 08005, Словакия, Прешов, Важечка 14.

e-mail: sipkojz @unipo.sk.

Статья основана на материалах для международной конференции «Психолого-педагогические технологии создания виртуальной образовательной среды для межкультурного взаимодействия» на базе Института психологии ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» (21—23 июня 2013).

ВВЕДЕНИЕ. Имена и фамилии известных исторических личностей представляют собой коммуникативные **прецедентные феномены** [Красных 2001] с богатым этнокультурным содержательным фоном. В первую очередь бросается в глаза их повышенная экспрессивная оценочность, подтверждающая тезис о **ценностно-смысловой доминантности языка** [Алефиренко 2010]. Антропонимы, особенно в современной публицистике, являются средством образных, метафорических наименований и экспрессивных **косвенных оценок**, главным образом современных реалий. По нашим наблюдениям, данные языковые единицы часто концентрируют указанные косвенные оценки, что само по себе понятно, ведь ценности (антиценности) создают прежде всего люди. Исходные данные будем комментировать на базе иллюстраций из современных словацких СМИ, в которых упоминается антропоним *Сталин*. На основе собранного нами материала приводим конкретные тематические группы функционирования языковых ассоциаций *сталинской* эпохи в современ-

ной Словакии. Приведенный анализ соответствует методологии **политической лингвистики** [Чудинов 2010] и **лингвокультурологии** [Алефиренко 2010; Воробьев 1997; Маслова 2004; Sipko 2011]. Словацкие примеры даются с переводом на русский язык, сделанным автором статьи.

1. СТАЛИН КАК ПРЕЦЕДЕНТ НАСИЛИЯ. *Сталин* становится в словацких СМИ **прецедентным именем** в первую очередь с семантикой **насилия**. Иногда высказываются мнения, в рамках которых его сопоставляют с *Гитлером*, говорят о нем даже больше. Трезвые наблюдатели пародируют такую историческую оценку *Смалина*: *Naši historici dokázali, že neexistoval žiadny Hitler. To iba Stalin hral dvojúlohu. — Naši istorici dokázali, čo ne bolo nikakého Gittera. Toto Stalin vystupal v dvojnej roli* (Pravda. 3.5.2001).

Все-таки ассоциации с эпохой **сталинских репрессий** в некотором смысле доминируют. В особенности в тех случаях, когда публикуются обзорные материалы об эпохе репрессий в бывшей Чехословакии, которые

This contribution is the result of the projekt implementation: *Establishing a Center of Excellence for Linguaculurology, Translation and Interpreting* supported by the Research and Development Operational Programme by the ERDF.

проходили главным образом в 1948—1953 гг., т. е. еще при жизни И. В. Сталина. В их результате были казнены сотни *врагов народа*, тысячи их были сосланы в *лагеря*. По сути дела были совершены такие же преступления, как и в СССР в 1930-х гг. В первую очередь происходила борьба за власть между отдельными группировками среди чехословацких коммунистов, при этом употреблялись те же самые клишированные оценочные **идеологемы** «деревянного языка», которые функционировали долгие годы и в СССР: *A teraz išli súdiť „svojich“, pričom zaslúžilých súdruhov, hrdinov „februárového víťazstva pracujúceho ľudu.“* — А теперь начинали судить „своих“, заслуженных товарищей, героев „февральской победы трудящихся“ (Pravda. 28.2.2011).

Зловещие клише, применение которых предшествовало аресту и суду, в своем большинстве были заимствованы из «советского языка» [Вежбицкая 1996]. Одним из источников таких элементов «советского языка» было описание конфликта между руководством СССР и руководством Югославии во главе с президентом *Й. Б. Тито*: *Pohon proti národne zmysľajúcim politikom sa začal po známej roztržke medzi Moskvou a Belehradom v r. 1948. Vtedy dostali nálepku „titovcov“, prívržencov politiky „krvavého psa“ Josipa Broza Tita.* — Преследование национально ориентированных политиков началось после известного раскола между Москвой и Белградом в 1948 году. В то время эти политики получили клеймо „титовцев“, последователей политики „кровавой собаки“ *Йосипа Броза Тита* (Pravda. 8.9.2011).

Таким образом, модель *сталинских репрессий* в некоторой степени повторилась в Чехословакии. Вначале были репрессированы *бывшие*. Самым известным в этом смысле был процесс над *Миладой Гораковой* и др., представительницей тогдашней демократической оппозиции, в конце которого были вынесены приговоры с высшей мерой наказания. Однако позже проходили судебные процессы над «своими», которые, по версии суда, «стали» *предателями рабочего класса, агентами империализма, титовцами*. Целый ряд представителей Коммунистической партии Чехословакии был казнен. Борьба за власть после Второй мировой войны между отдельными лидерами коммунистов закончилась высшей мерой наказания даже для тогдашнего Генерального секретаря Коммунистической партии Чехословакии *Р. Сланского*. Будущий президент Чехословакии и Генеральный секретарь КПЧ (1969—1989), главный *нормали-*

затор после подавления *Пражской весны* в 1968 г. *Густав Гусак* на одном из таких процессов был приговорен к пожизненному заключению как *буржуазный националист*. В нижеприведенном отрывке содержатся архивные данные о роли *советских советников* в процессах над *врагами народа, предателями, буржуазными националистами, антисоветчиками*: *V priebehu niekoľkých mesiacov pod vplyvom sovietskych poradcov dostal pripravený proces s touto skupinou antisemitické zameranie. Na jej čelo postavili druhého muža v strane Rudolfa Slánskeho a ďalších vedúcich komunistov židovského pôvodu. Súviselo to so zmenou sovietskej politiky vo vzťahu k arabským krajinám. Bolo sa treba vyrovnat' s predchádzajúcou podporou Izraela, keď Československo patrilo k najväčším dodávateľom zbraní pre židovský štát. Proces so Slánskym znamenal odsúdenie tejto minulosti. — В течение нескольких месяцев под руководством советских советников подготовленный процесс над этой группой получил антисемитское направление. Во главе группы стоял второй человек в партии, **Рудольф Слански**, с другими ведущими коммунистами еврейского происхождения. Это было связано с изменением курса в советской политике относительно арабских стран. Необходимо было отойти от недавней поддержки Израиля, когда Чехословакия была одним из главных поставщиков оружия еврейскому государству. Процесс со **Сланским** обозначал осуждение этой произраильской политики (Pravda. 3.6.2009).*

2. Сталин в современной словацкой политике. Прецедентное имя *Сталин* актуализируется также в связи с отрицательными явлениями современной словацкой политики. Противники бывшего словацкого премьера *В. Мечьяра* (1994—1998) некоторые его политические действия сопоставляли с политикой *И. В. Сталина*. Так это было в случае, когда *В. Мечьяр* предложил переселить словацких венгров в Венгрию, а венгерских словаков в Словакию, что могло вызывать ассоциации с этническими переселениями в эпоху *Сталина*: *Sám Josif Vissarionovič by aj z mŕtvych vstal, keby vedel, aké je príťažlivé jeho učenie pod Tatrami.* — Сам **Иосиф Виссарионович** воскрес бы из мертвых, когда бы узнал о привлекательности своего учения под *Татрами* (Pravda. 8.9.1997).

Критика в адрес словацких «патриотов» со стороны словацких «демократов-западников» усиливается также *сталинским* лингвокультурным фоном. Конфликт относительно географических названий в учебниках, предназначенных для словацких венг-

ров, вызвал реминисценцию с *батьюшкой Сталиным*: *Ak by boli naši vládni nacionalisti, „inžinieri ľudských duší“, ako by ich pochvalne nazval báb'uška Stalin... — Если бы наши правительственные националисты, „инженеры душ человеческих“, как похвально отозвался бы о них батьюшка Сталин...* (Sme. 22.12.2008).

В Словакии отзывается эхом стрельба на нашей государственной границе с Австрией в период до 1989 г., в результате которой погибло много наших граждан, хотевших нелегально эмигрировать на Запад. В наше время проходят судебные разбирательства в связи с этими преступлениями, ведутся поиски настоящих виновников: *Tu najvyššiu zodpovednosť nesú špičky strany, veliteľia PS a „politruční“, ktorí radovým vojakom preťúvali mozgy. — Высшую меру ответственности несут представители партийной верхушки, командиры погранвойск и политруки, которые рядовым солдатам промывали мозги* (Sme. 9.6.2006).

Такие лингвокультураны [Воробьев 1997], как год великого перелома, головокружение от успехов и другие, фиксируют в истории СССР в первую очередь период коллективизации, сопровождавшейся огромными жертвами. Языковым эвфемизмом насилия данного периода стало слово *раскулачивание*, которым прикрывались трагические результаты борьбы против богатых слоев в деревне, против *классовых врагов*, против *врагов народа*. Слово *раскулачивание* также употреблялось в 1950-х гг., в период словацкой коллективизации. Один из современных призывов требует наказать, *раскулачить* инициаторов словацкой коллективизации: *Rozkulačte tú bandu! — Раскулачьте эту банду!* (Sme. 21.7.2008).

Ассоциации с эпохой репрессий, с *чекистами*, с другими органами безопасности и с разными мафиозными структурами вызвали появление в словацкой прессе также некоторых политических реалий эпохи президента В. Путина: *Ruská opozícia vidí v Putinovi diktátora a v jeho forme vlády čekistickú juntú. Ide o spojenie kagebákov a mafíánov. — Российская оппозиция видит в Путине диктатора, а в форме его правления чекистскую хунту. Речь идет о связи кагэбистов и мафиозии* (Sme. 22.3.2008).

Переоценки всего советского периода делаются с разных политических позиций. Это способствует тому, что одна форма политики опять сменяет другую, причем серьезные историки остаются в тени. В комментарии к резолюции, принятой в Евросоюзе и осуждающей коммунизм, приводятся в качестве оценочных единиц соответствующие

ЯЗЫКОВЫЕ СОВЕТИЗМЫ: *Nejestvuje znárodnenie bez nespravodlivosti, ani kolektivizácia bez násillia. Komunistické verchušky 70. a 80. rokov si mohli dovoliť relatívnu mäkkosť aj preto, lebo ich predchodcovia vykonali všetku mäsiarčinu za nich. — Не существует ни национализации без несправедливости, ни коллективизации без насилия. Коммунистические верхушки в 70-е и 80-е годы могли себе позволить относительную мягкость и потому, что их предшественники провели всю мясорубку и за них* (Sme. 26.1.2006).

Пугалом в современной политической борьбе является исторический советизм *большевик* и его дериваты. Представители правых политических сил употребляют эти единицы в целях бескомпромиссной критики левых сил. Особенно часто с помощью этих эпитетов характеризуют словацкого премьера (в 2006—2010 гг., затем с 2012 г. по настоящее время) *Р. Фица*, его партию «Smer (Направление) — социальная демократия» и его правительство: *Predstava Smeru, že nejaký politický názor stranu opravňuje, aby zrušila platný stav, je predstavou bolševickou v kryštálicky čistej podobe. — Представления партии „Смер“ о том, что какой-нибудь политический взгляд позволяет ей отменить действующее политическое положение, является представлением большевистским в самом кристальном виде* (Sme. 26.1.2006).

В данном случае встречаемся с парадоксом, поскольку о *большевистской угрозе* пишет бывший редактор главного печатного органа Коммунистической партии Словакии «Правда», сам *большевик*, который перешел в правую газету...

Еще с 1929 г. среди историко-политических реалий нашей страны появилось слово *большевизация*, которое, наряду со словами той же морфологической и культурологической модели *коллективизация*, *электрификация*, *национализация*, стало в «деревянном», «тоталитарном» языке [Вежбицкая 1996] идеологемой с конкретными смысловыми трансформациями. В социалистическую эпоху в официальном контексте данная идеологема воспринималась как обозначение положительного процесса в Коммунистической партии Чехословакии, в результате которого КПЧ стала «настоящей революционной партией». В постсоветское время лексема *большевизация* становится символом недемократических практик в политических реалиях нашей эпохи. Конфликт между бывшим лидером Партии венгерской коалиции *Б. Бугаром* и его преемником *П. Чаки* назван *большевизацией*, в которой обвиня-

ется последний: *Nechcú asistovať boľševizácii.* — Не хотят поддерживать большевизацию (Sme. 23.4.2009), т. е. политику П. Чаку.

3. СТАЛИН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. Бывший эфиопский диктатор Менгисту за свои преступления был приговорен к пожизненному заключению. К словацкому читателю его приближают именно посредством прецедентного имени *Сталин: Mengistu, známy tiež ako africký Stalin, je vinný z genocídy a nariadenia vrážd desiatok tisíc ľudí.* — Менгисту, известный также как африканский Сталин, виновен в геноциде и в убийстве десятков тысяч людей (Sme. 12.1.2007).

В связи с многообразными оценками политики В. В. Путина в российской прессе для его критики использовались также ассоциации с действиями И. В. Сталина, впоследствии ставшими прецедентными именами. Аналогичную оценку использовал словацкий журналист, поставив И. В. Сталина в один ряд с Иваном Грозным: *Stalín a Ivan Hrozný vzali na seba krv tým, že zbavili hriechu oprícňikov.* — Сталин и Иван Грозный взяли на себя кровь тем, что избавили от грехов oprícňikov (Sme. 1.3.2008).

Сталин как представитель политики с позиции силы актуален при описании современных вооруженных столкновений. Российско-грузинский конфликт в августе 2008 г. и его завершение в антироссийских СМИ стали толчком для критики политики России. «Мягкая» позиция стран Евросоюза по отношению к России вызвала ассоциацию с известным историческим эпизодом, когда И. В. Сталина предупреждали о неодобрительном отношении Папы Римского к некоторым советским политическим мероприятиям. Реплика И. В. Сталина была многозначительной: «Сколько дивизий у Папы Римского?» В рамках данного сопоставления Папа Римский находится в том же положении, что и Евросоюз после российско-грузинского конфликта — и папа, и ЕС бессильны: *Koľko divízií má EÚ? — Сколько дивизий у Евросоюза?* (Sme. 30.8.2008).

Словацкие журналисты делают репортажи также о современных фрагментах языковой картины Сталина в России и Грузии. В одном репортаже журналист пишет о родном городе И. В. Сталина Гори и сообщает много сведений о гордости местных жителей за своего земляка. Автор напоминает и один из его псевдонимов: *V Stalinovom meste. Koba je viditeľne veselší.* — В городе Сталина. Коба, очевидно, более веселый (Sme. 3.4.2009).

4. ДРУГИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ. Тридцатые годы XX в. вписались в историю России и трудовыми подвигами.

Самым выдающимся языковым прецедентом этого феномена является шахтер Стаханов, который многократно перевыполнял нормы добычи угля. *Стахановское движение* в целях комизма и иронии время от времени вспоминается и в Словакии. В вечерних новостях 12 сентября 2007 г. на первом канале словацкого телевидения (STV-1) сообщалось о том, что губернатор Ульяновской области этот день объявил выходным, чтобы через девять месяцев, 12 июня 2008 г., в День независимости, родилось как можно больше малышей. Словацкий телеведущий это комментировал следующими словами: *Očakávajú sa stachanovské výsledky.* — Ожидаются стахановские результаты.

Кстати, газета «Комсомольская правда» проинформировала об этих результатах под заголовком *Губернатор нас домой отправил — в стране рождаемость поправил!* В данной статье написано: *12 июня в Ульяновске наблюдался настоящий беби-бум. В обычный день у нас в регионе на свет появляются около 40 малышей. А 12 июня родились 87: 44 девочки и 43 мальчика* (Комсомольская правда. 17.6.2008).

Так что словацкий телеведущий был прав, когда ожидал *стахановские результаты*.

Трагическим лингвокультурным феноменом России является *Павлик Морозов*, которого убили отец с дядей в годы коллективизации за то, что он показал советским властям, где его родные прячут зерно. Советская идеология сделала из пионера Павлика Морозова икону, которой должны были подражать представители подрастающего поколения. Известен он и за рубежом: *Trináctičtí už zistili, že okrem Pavlíka Morozova existujú aj iní hrdinovia.* — Тринадцатилетние уже поняли, что кроме Павлика Морозова существуют также другие герои (Sme. 7.8.2009).

На наш взгляд, интересным лингвокультурным феноменом является **этнокультурный русизм** [Сипко 2008] *коктейль Молотова* — название особого рода самодельной взрывчатки, находящейся в бутылке. Данное выражение известно еще с довоенных и военных времен, когда его применяли в первую очередь антифашисты. В наше время оно употребляется в ситуациях, которые не соответствуют первоначальному предназначению *коктейля Молотова*. Интерес вызывает и то обстоятельство, что В. Молотов был долгие годы вторым лицом Советского государства после И. В. Сталина. Убийство цыганской семьи в Венгрии на расовой основе было совершено именно

этим оружием: *Išlo o útok tzv. Molotovovým koktailom.* — Речь идет об атаке посредством так называемых коктейлей Молотова (Týždeň. 2009.7).

Оказывается, что в Венгрии любят коктейли Молотова. В августе 2009 г. произошло очередное обострение политических отношений между Венгрией и Словакией. Президент Венгрии собирался открыть памятник основателю венгерской государственности Святому Степану в словацком городе Комарно, но организаторы на это мероприятие не пригласили ни одного официального представителя Словакии. Это со словацкой стороны посчитали провокацией, тем более что аналогичный памятник Кириллу и Мефодию находится на балконе одного здания в том же городе, власти которого (представители словацких венгров) не намерены найти этому памятнику достойное место. В этой атмосфере правительство Словакии объявило президенту Венгрии, чтобы тот не приезжал в Словакию. Президент Венгрии вернулся с государственной границы обратно, но через пару дней СМИ распространили информацию: *Na Veľvyslanectvo Slovenska v Maďarsku niekto hodil Molotovove koktaily.* — В посольство Словакии в Венгрии кто-то бросил коктейли Молотова (Р. 23.8.2009).

Известным персонажем сталинской эпохи был ботаник Мичурин, которого советская пропаганда величала гением. В словацких школах еще в 1950-х гг. были мичуринские сады, в которых работали школьники, молодые мичуринцы. В следующем словацком анекдоте отражаются годы оккупации Чехословакии после 1968 г. В некотором смысле существовало «сотрудничество» словацких цыган и советских солдат. Первые в сознании словацких жителей создают картину лентяев и воров, которые крадут все, что удастся. Эта картина не изменилась и в начале третьего тысячелетия. «Наш» цыган воровал еще в советскую эпоху. Анекдоты на данную тему очень распространены:

Cigán ukradol melón. Neďaleko zbadal sovietskych vojakov, ktorí mali cvičenie. Cigán sa naľakal a schoval sa aj s melónom na čerešni. Jeden zo sovietskych vojakov prišiel pod strom, dostal chuť na čerešne a začal triasť. Na hlavu mu upadol melón. Veľmi ho to rozčúlilo a zahrešil:

— Poondatý Mičurin!

Цыган украл арбуз. Неподалеку увидел советских солдат, у которых были учения. Цыган испугался и спрятался с арбузом в ветвях черешни. Один из советских солдат подошел под дерево и захотел поест черешен. Начал трясти. На голову

ему упал арбуз. Он очень рассердился и закричал:

— *Вот чертовский Мичурин!* (Kosurkovo. 2009.6).

5. Военные ассоциации. С военных лет живы в памяти до наших дней русские надписи «Проверено, мин нет». Эти слова актуализируются в тех регионах Словакии, где живет много цыган. Соседство с ними связано с горьким опытом, поскольку они часто воруют, в особенности славятся воровством картошки. Летом и осенью словацкие СМИ, в том числе и телевизионные, передают много сообщений и репортажей об этой их «деятельности»: *Tabuľka na zemiakovom poli na Spiši: „Preverené, zemiakov niet“.* — Табличка на картофельном поле в регионе Спиш: «Проверено, картошки нет!» (Kosurkovo. 2007.17).

Многие выражения в русском языке из военных времен, по сути дела, непереводаемы, поскольку обозначают специфические реалии военных лет. Нас заинтересовали переводы таких реалий в четырехсерийном телефильме «Брежнев» на словацком телевидении. В одном эпизоде любовница предлагает Брежневу стать его женой. Тот возражает, что у него уже есть жена, семья и прочее. На это обиженная женщина произносит упрек в форме перевода известной аббревиатуры «военно-полевая жена»: *Ja som iba tvoja vojnová žena* (буквально военная жена). — Видимо, я только твоя ВПЖ (STV1. 29.11.2010).

В первую очередь в эпоху перестройки и гласности открыто стали говорить и писать о том, что победители, т. е. советские ветераны Великой Отечественной войны, живут хуже, чем побежденные немцы. Данный мотив повторяется эхом и в наши дни. В следующем контексте имеется в виду Дуклянский перевал на северо-востоке Словакии, где осенью 1944 г. проходили самые ожесточенные бои на территории бывшей Чехословакии. Сегодня могилы немцев находятся в очень хорошем состоянии:

Dvaja vojnoví veteráni, ktorí bojovali proti sebe, sa zišli v Duklianskom priesmyku v mieste neľútostných bojov.

— *Je to smutné, — pokyvuje hlavou ten z východu.*

— *Prečo? Zvítazili ste a došli ste až do Berlína.*

— *Moment. Ja vak hovorím o tom, že vy, ako porazení, ste sem prišli v mercedese, a ja ako víťaz, som sem prišiel pešo!*

Двое ветеранов войны, которые воевали друг против друга, встретились на Дуклянском перевале на месте ожесточенных боев.

— *Все это грустно, — задумчиво говорит ветеран с востока.*

— *Почему? Вы ведь победили и дошли до Берлина.*

— *Подождите. Я говорю о том, что вы, как побежденные, приехали сюда на мерседесе, а я, как победитель, — пришел пешком!* (Kocurkovo. 2005.8).

6. Сталин и юмор. О Сталине известно, что ему не было чуждо и чувство юмора. Естественно, о Сталине тоже ходили анекдоты, но их смысловым фоном было все-таки насилие:

— *Súdruh Stalin, čo hovoríte na vtipy o vás?*

— *Nič nehovorím, ja ich zbieram.*

— *A koľko ich už máte?*

— *Asi dva gulagy.*

— *Товарищ Сталин, что скажете об анекдотах про вас?*

— *Ничего не скажу, я их собираю.*

— *А сколько их у вас?*

— *Приблизительно на два ГУЛАГа* (Život. 2009.4.6).

Сталинские ассоциации, связанные с репрессиями, продолжают бытовать в сознании жителей Словакии, поскольку после того, как в 1948 г. власть в свои руки взяли коммунисты, начались, как показано выше, аналогичные репрессии в нашей стране. В Министерстве внутренних дел работали советские специалисты, которые часто играли немаловажную роль в организации чехословацких судебных процессов 1950-х гг.:

— *Ako to bývalo v ZSSR pred rokom 1989?*

— *Polovica ľudí stala v rade na tovar a druhá polovica sedela v base.*

— *Как жили люди в СССР до 1989 года?*

— *Половина из них стояла в очередях за товарами, а вторая половина сидела в тюрьме* (Kocurkovo. 2006.6).

Заключение. Языковая картина конкретной эпохи [Колшанский 2006] создается, кроме всего прочего, на базе языковых единиц, которые стали **прецедентными текстами** [Караулов 2002]. Важной составной частью указанной языковой картины являются антропонимы. По отношению к фамилии Сталин доминируют ассоциации с насилием, которое в словацкой среде представлено реальными историческими событиями. По-

скольку данное исследование основано на современных словацких СМИ разной направленности («Pravda» — левая газета, «Sme» — правая газета, «Kocurkovo» — юмористический ежемесячник, «Týždeň» — правый политический еженедельник, «Život» — популярный еженедельник), то указанные фрагменты языковой картины Сталина в Словакии можно считать **объективными**. Особый интерес вызывают те языковые единицы, которые становятся **средством критики** современных, главным образом левых, политиков. Особым феноменом в словацких СМИ являются **этнокультурные русизмы** в многообразной оценочной позиции.

Таким образом, антропоним Сталин и связанные с ним языковые ассоциации [Караулов 2002] в современных словацких СМИ представляют примерно ту же картину, что и в современной России, ср.:

СТАЛИН: вождь, Ленин, усы, диктатор, Берия, Брежнев, война, деспот, культ личности, репрессии, тиран, гад, генералиссимус, грузин, дьявол, Жуков, лагерь, расстрел, Хрущев [Караулов 2002].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко Н. Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. — М. : Флинта : Наука, 2010.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Познание. Культура. — М. : Русские словари, 1996.
3. *Воробьев В. В.* Лингвокультурология. Теория и методы. — М., 1997.
4. *Караулов Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь. Т. I. От стимула к реакциям. Т. II. От реакции к стимулам. — М. : АСТ : Астрель, 2002.
5. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. — М. : Наука, 1987.
6. *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и в языке. — М. : КомКнига, 2006.
7. *Красных В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. — М. : Гнозис, 2001.
8. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. — М. : Academia, 2004.
9. *Сипко Й.* В поисках истинного смысла = Hľadanie ozajstného zmyslu. — Prešov : FF PU, 2008.
10. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2010.
11. *Sipko J.* Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokultúrológie. — Prešov : FF PU, 2011.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, проф. Л. Цонева

Т. И. Стеклова Т. I. Steksova

Новосибирск, Россия Novosibirsk, Russia

**РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ
В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ**

Аннотация. *Анализируются интернет-комментарии читателей новостных материалов с точки зрения проявления речевой агрессии; выявляются ее адресаты и способы выражения.*

Ключевые слова: *интернет-коммуникация; речевая агрессия; адресат; речевой жанр; языковые средства.*

Сведения об авторе: *Стеклова Татьяна Ивановна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Институт филологии, массовой информации и психологии.*

Место работы: *Новосибирский государственный педагогический университет.*

Контактная информация: *Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28.
e-mail: steksova@inbox.ru.*

**VERBAL AGGRESSION
IN INTERNET COMMENTS
AS MANIFESTATION
OF SOCIAL TENSION**

Abstract. *Internet comments from the readers of news are analysed from the point of view of manifestation of verbal aggression in them; its addressees and ways of expression are found.*

Key words: *Internet communication; verbal aggression; addressee; speech genre; language means.*

About the author: *Steksova Tatiana Ivanovna, Professor, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Modern Russian Language, Institute of Philology, Mass Information and Psychology.*

Place of employment: *Novosibirsk State Pedagogical University.*

Речевая/языковая агрессия в СМИ неоднократно становилась предметом внимания лингвистов [Кокорина 1996; Речевая агрессия... 1997; Сковородников 1997; Булыгина, Стеклова 2000; Басовская 2004 и др.]. Анализировались речевое поведение журналистов, влияние лексики «улиц и площадей» на публицистику и пр.

С развитием Интернета, с повышением компьютерной грамотности общества фокус внимания лингвистов, социологов, политологов, психологов начинает сдвигаться в сторону интернет-коммуникации, так как, по верному замечанию О. В. Балясниковой, Интернет как открытое информационное пространство предоставляет возможности непосредственного участия читателей в диалоге, который строится вокруг события, вызывающего противоположные или неоднозначные реакции [Балясникова 2013: 169]. Многие информационные сайты намеренно программируют возможность для читателей выразить свое мнение о прочитанном материале, вводя форму «Комментарии». Слово «комментарии» в данной статье используется во втором значении, как «рассуждения, пояснительные и критические замечания о чем-нибудь».

Процессы интернет-коммуникации, как и любой коммуникации, требуют соблюдения норм речевого взаимодействия. Т. В. Матвеева вывела ряд обязанностей, которые должны соблюдать коммуниканты: «1) вла-

деть техникой фатического общения и подчинения ему логического содержания речи; 2) владеть способами самовыражения и знать границу культуры и „антикультуры“ в этой области; 3) пользоваться широким спектром оценок, соотнося их с системой нравственных правил культурного сообщества и с личностью своего речевого партнера; 4) помнить о взаимности коммуникативных интересов и адекватно реагировать на регуляцию своей речи партнером; 5) соотносить индивидуальные привычки и творческие потребности с культурно-речевым сводом коммуникативных качеств и речевой компетенцией партнера, соблюдать меру в области речевой свободы; 6) сохранять модальную стратегию вежливости» [Матвеева 2000: 51].

Эти обязанности распространяются не только на авторов размещенных в Интернете материалов (журналистов, политиков, общественных деятелей), но и на читателей, которые хотят выразить свое мнение по поводу прочитанного. Так, на сайте «Slon» есть прямое обращение к участникам коммуникации:

Уважаемые читатели! Просим вас, оставляя комментарии, уважать друг друга и не злоупотреблять свободой слова. Администрация сайта будет удалять:

1. Комментарии с грубой и ненормативной лексикой.

2. Оскорбления, угрозы и непристойные высказывания.

3. *Высказывания, разжигающие национальную, религиозную и прочую рознь и вражду.*

4. *Комментарии, содержащие другие нарушения законодательства и прав граждан.*

5. *Комментарии, рекламирующие и продвигающие другие веб-ресурсы, товары и услуги, а также комментарии, не имеющие отношения к дискуссии.*

При этом, как показывают наши наблюдения, данная просьба авторами комментариев зачастую не выполняется: отсутствуют эмоциональный самоконтроль, самоцензура и не соблюдается этикет. Причин этому, видимо, несколько, в том числе и общее падение культурного уровня, и расширение состава комментирующих за счет малограмотных и малообразованных граждан, и анонимность, влекущая за собой безнаказанность. По мнению Г. Н. Трофимовой, «в виртуальном мире личность надевает маску, которая облегчает процесс коммуникации, снимает психологические барьеры, высвобождает творческое „я“ <...> при этом человек, надевший виртуальную маску, становится более агрессивным, оказывается настроен более негативно» [Трофимова 2000: 175]. Анонимность интернет-коммуниканта позволяет ему выразить то, что он бы скрыл или «сгладил» при непосредственном общении, что было бы отредактировано при публикации в печатных СМИ. Представляется, что языковой материал интернет-коммуникации очень важен для психолингвистики и социолингвистики, так как спонтанная речевая деятельность, как лакмусовая бумажка, проявляет истинные настроения, господствующие в обществе. Правда, «минусом» является то, что анонимность не позволяет учесть такие факторы, как возраст, образование, социальное положение авторов комментариев.

Для анализа были собраны комментарии, размещенные на российском коммуникационном портале «Mail.ru». Тематика комментируемых материалов разнообразна: светские новости, городские события, события всероссийского масштаба, происшествия, криминал. Значительная часть собранного материала, хотя не комментировались международные события и политические новости, демонстрирует речевую агрессию. Интересно отметить, что ее адресаты могут быть разные (во всех примерах сохраняются авторские орфография, пунктуация и грамматика):

• **Журналисты, авторы комментируемого материала:** *Глупая статья и к ней такие же отзывы... Наши журналисты такого напишут!!!! Опять журналишки хотят липовую сенсацию!!!*

• **Герои комментируемого материала, политические деятели, чиновники:** о мэре

города — *Чтоб этот урод у себя дачку так восстанавливал, как сквер Чкалова — дай волю, все своей плиточкой семейной замостит, а вот когда там теперь трава через кучи земли вылезет — на следующий год? Ох ты бедный, горемычный „мэр“!!! Стоит он несчастный как все, ай-я-яй! Да из-за этого барана как раз и пробки! Столько лет ездить и только щас додуматься изменить что-то! Понавключают своих кастрюль и несутся, а простые горожане стоят по два часа!*

Показательно, что иногда комментаторы напрямую обращаются к героям вызвавших отклик публикаций: *Как вы уже достали своими скидками.....ПОДАВИТЕСЬ.... Волки. Вы вконец оборзели. Цены представляете за галлон (4,56л) в штатах, не являющихся нефтедобывающей страной (их скважины зарезервированы) и не сравниваете уровень доходов. НЕ ГОВОРЮ УЖЕ О ПЕНСИИ. МЕДВЕДЕВ, ПУТИН ГДЕ ВЫ? вы в разуме, или желаете полностью раздеть страну? Скажите когда накушаетесь.*

• **Интернет-коммуниканты, т. е. такие же читатели, оставившие свой комментарий:** *Слышь ты, Али, не совался бы ты и не мешался, когда люди разговаривают. Тебе разве давали слово?; в ответ на комментарий о необходимости отстреливать бродячих собак: Тебя отстрелить надо. Дай хоть один достоверный случай того, что собака, большая бешенством, покусала кого-либо?*

• **Представители иных социальных групп** (по территориальному расположению, социальному статусу, национальному признаку и т. п.), «третьи лица», которые напрямую не упоминаются в комментируемых текстах: *подарком городу было бы очищение новосибирска от чурок гатарбайтеров и расстрел городецкого и юрченко; Так вам, МАСКВАЧАМ, поделом!!! Стабильности хотели? Получите!!! а ещё новосибирск захватили чурки гастарбайтеры.*

Речевая агрессия проявляет оппозицию «свой — чужой», которая в комментариях демонстрирует не только противопоставление народа и власти, журналистов и народа, но и неоднородность самого «народа». Те, чье мнение совпадает с мнением комментатора, признаются «своими», тот же, чье мнение отлично от мнения комментатора, однозначно воспринимается как «чужой» и вызывает речевую агрессию.

Существует несколько определений термина «речевая (вербальная, словесная) агрессия». Как отмечает Е. Н. Басовская, термин «вербальная агрессия» не имеет однозначного толкования. В узком понимании в качестве агрессивного рассматривается ре-

чевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: оскорбление (в том числе грубая брань), насмешка, угроза, враждебное замечание, пожелание зла, категоричное требование без использования общепринятых этикетных средств. При максимально широкой интерпретации термина вербальная агрессия — это все виды наступательного, доминирующего речевого поведения. В статье названного автора вербальная агрессия понимается как эксплицитно выраженная оппозиционность говорящего по отношению к собеседнику [Басовская 2004].

Под речевой агрессией также понимается «форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [Культура русской речи 2003: 562], либо «речевая грубость по отношению к собеседнику, проявляющаяся в отборе резких, оскорбительных слов, в том числе нецензурных ругательств, насмешливых интонаций, в повышенной громкости голоса, в резко отрицательных оценках собеседника, неприятных для него намеках, грубой иронии и др. Некультурное речевое поведение» [Романова, Филиппов 2010]. В стилистическом энциклопедическом словаре русского языка под редакцией М. Н. Кожинной речевая агрессия определяется как «использование языковых средств для выражения неприязненности, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [Стилистический энциклопедический словарь... 2006: 340]. Во всех определениях явным образом подчеркивается сознательный выбор говорящего, намеренность и контролируемость его речевого поведения. В связи с этим возникает вопрос: с какой целью говорящий демонстрирует свою агрессию? Как известно, речевая агрессия в СМИ — это средство манипулирования массовым сознанием. Интернет-комментарии, как представляется, не имеют такой цели. Речевая агрессия в них — это прежде всего выражение своего отношения к миру, к окружающим, это общий эмоциональный фон. Вероятно, некоторые авторы комментариев даже не вполне осознают свою агрессивность. При этом другие комментаторы вполне контролируют свое речевое поведение, а свои эмоции выражают иным образом: *росстат- это та „контора“, которая приводит меня лично в бешенство. Почему я эту контору написал с маленькой буквы- в знак полного неуважения к ней. За ее вранье.*

Речевая агрессия имеет различные способы проявления:

- **Использование ты-номинации:** *Слыш ты, лаборант тульского заборострои-*

тельного пту, лучше бы помалкивал. Или у груздева экспертуешь на полставки? Русский речевой этикет предписывает обращаться к незнакомым взрослым собеседникам, используя вы-номинацию. В противном случае обращение на *ты* воспринимается как неуважительное, а зачастую и просто хамское, и не остается незамеченным: *насколько я помню мы с вами на „ты“ не переходили, чай вместе не гоняли, пиво во дворе не пили, во вторых я не писала что это имя плохое или какое-то отталкивающее, причем здесь горшок до меня не доходит, в третьих имя показалось странным и необычным потому что впервые с ним столкнулась, в четвертых мне все равно что вы думаете.* Разумеется, ты-номинация используется в тех случаях, когда автор комментария реагирует на другой комментарий, его адресатом становится такой же читатель новостного материала, только придерживающийся иной точки зрения. В таком случае ты-номинацией он маркируется как чужой. Если же автор другого комментария совпадает во мнении и оценке с комментатором, то по отношению к нему сохраняется уважительная вы-номинация: *Совершенно с Вами согласен!*

- **Негативная номинация адресатов.** Открытое неуважение проявляется в тех случаях, когда комментатор выражает свое оценочное отношение либо к авторам текста-стимула: *Хотелось-бы узнать, чо за крендель написал за СЕРЫЙ город??!!*, либо к его персонажам: *чмошник этот Шепелев!!! Балабол, а не руководитель!* Используется оскорбительная, грубая лексика, жаргонные и просторечные слова: *Кто поджёт, конечно, сволочь! Но кто ставит изо дня в день машину на травке под окном — не меньшая сволочь! Гнусные лицемеры! Подняли на процентов 15, потом крикнули: Резкий обвал!!!! на целых 0.2%, но скоро подорожание на 15%. Уроды конченные.* Комментаторы создают неологизмы: *О народе бы подумал фантановед долбан-н-ый! Путин ты фуфломет!!!*

- **Активное использование негативно окрашенной просторечной лексики:** *Что ж у этих путинских министров рожи дегенеративные такие... где он эту шоблу подбирает, на зоне, что ли...В чурекскую харчевню врезался какой-то приезжий отморозок и вот тебе уже событие для прессы... А глаза у него какие мерзкие..Пустобрех в общем . бабла натыряют чиновники в пагонах.* Тенденция к жаргонизации и даже криминализации современного русского языка уже неоднократно отмечалась многими исследователями.

В этом отношении тексты комментариев служат ярким тому подтверждением. Однако есть основание предполагать, что комментаторы осознают ненормативность используемой ими лексики и употребляют ее намеренно. Помня о том, что администрация сайтов запрещает нецензурную лексику, удаляет текст с ее использованием, они прибегают к разного рода «хитростям»: заменяют одну-две буквы в слове (*Звездец!*), пропускают одну букву (*наверное, ж.пы у них скользские...*), используют знаки препинания вместо букв (*А не хр... шархаться на машинах обкуренному. Начинается дурдом на*)(*рен*), латиницу вместо кириллицы (*Очередной долбоjob!*) и подобное, чтобы слово формально не было запрещенным и в то же время оставалось вполне узнаваемым.

• **Выбор определенных речевых жанров.** Очень показательны речевые жанры, используемые комментаторами. Вполне естественны в жанре комментария собственно оценочные высказывания: *За шаблонной фразой „Очень хорошая статья“, начинается бред сумасшедшего, это каким же нужно быть остолопом, что бы всё собрать в одну кучу и потом смачно размазать? Глупая статья.* Частотны рассуждения, в которых автор комментария пытается выявить причинно-следственные связи описываемого события, делает какие-либо логические умозаключения: *Чуркмены все ливневки асфальтом закатали. Вот вода и стоит на дороге. Все беды в Новосибе из-за чернозгопых...факт!!! Потому что сынки наших правителей ездят пьяными. Вот и нет против них закона. Честным трудом таких денег не заработать. Всё правильно! Если — бы в нашей СТРАНЕ, за наркату ставили К СТЕНКЕ, как в КИТАЕ. ТО этого БАРДАКА НЕ БЫЛО — БЫ! А у нас за сорванный пучёк редиски, с колхозного ПОЛЯ, накрутят по всей КАТУШКЕ! Ни чего не поделаешь. КАКАЯ ВЛАСТЬ, ТАКИЕ И ЗАКОНЫ!!!* Комментаторы активно эксплуатируют модальность долженствования — они знают, что нужно делать, чтобы исправить создавшееся положение: *лучше бы путина посадили, вместо четвертого срока на нары! Рабочего пытаться, пока не сдаст хозяина. А хозяина под расстрел. Раз 10 такое проверить, больше никто не захочет бодяжить молочко. в нашем мире отстреливать вместо собак людей надо.... Дааа...надо вводить смертную казнь ...в первую очередь смертная казнь — педофилам, чиновникам, берущим взятки.....список можно продолжить.* Обращает на себя внимание то, что все «рецепты» комментирующих явно имеют дест-

руктивный, карательный характер. Условно «созидательные» предложения в анализируемом материале единичны: *Зачем Путин убрал проверки???? Надо всё вернуть,хватит травить народ!!!! Уже и так покупать не знаешь что,надо всё читать,а если время на это? Пора закрыть границы и трясти пищевые производства как груши,а то расплакались. не дают им работать контролирующие органы. А вы не жульничайте, и не химичьте,а то деньги глаза застилают.*

Это логично приводит к активному использованию императивных жанров, таких как скрытые угрозы/предостережения: *Надоели уже машины на газонах! Стоянок полно, сколько можно экономить. Думаю, скоро автомобили во дворах на детских площадках начнут серьёзно полыхать... Дороже обойдётся, дорогие автовладельцы!!!. Скоро народ за вилы будет браться. Это гребанное правительство вообще стыд потеряло!*

Угрозы часто маскируются под риторические вопросы или пожелания: *Когда же этих беспредельщиков алкашей-мажоров уничтожат то уже начнут. Скорей бы каждая пьянь нашла свой столб.*

Встречаются и прямые призывы к активным действиям: *мэра в отставку он продал новосибирск чуркам черномазым; лишить прав пожизненно и свободы тоже; садить надо таких водятлов минимум лет на 20 или штрафы адские вводить! никак не могут у нас в стране ввести жёсткие санкции за пьяное вождение.. Чаще всего призывают к карательным мерам, вплоть до самосуда: пулю в лоб су ке; за вождение в пьяном виде надо сжигать машину вместе с водилой; Таким мразям отрезать все прелюдно; Нужно его переехать этим же дырявым Мицубатором; надо было там его и отпинать до полусмерти--козла!!!* Подобные призывы свидетельствуют о неверии народных масс органам правосудия, действующей власти. Иногда это провозглашено явным образом: *Если „крутой“, даже права не отберут. Попросту отпустят. Шкуры продажные. ВОТ НЕТ ВЕРЫ нашим „кривоохранительным органам“, и все тут.*

• **Генерализация.** Довольно часто в комментариях наблюдается переход от обсуждения конкретного факта к обобщению положения дел в стране в целом: *всех чиновников расстрелять; Все так, сплошное паскудство.* Комментирующий полностью может отойти от темы статьи-стимула и писать либо о проблемах, волнующих его в данный момент, либо выражать свое состояние в целом: *Как же я ненавижу это*

государство, и как же мне жалко эту страну.

Общий негативный критический настрой комментариив бросается в глаза, даже нейтральные или положительные новости могут послужить стимулом для речевой агрессии. Все это является свидетельством общего эмоционального фона, что не остается незамеченным некоторыми участниками интернет-коммуникации: *Что народ такой злой? По-моему, вполне позитивная новость.*

Использование различных способов речевой агрессии, с одной стороны, свидетельствует о наличии социальной напряженности в России, об отсутствии толерантности, о возрастании межнациональной неприязни и, с другой стороны, влечет за собой трансформацию картины мира адресата, воздействует негативно на стратегии коммуникативного поведения, вызывает ответную речевую агрессию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балясникова О. В.* Психосемантика конфликта в интернет-текстах // Материалы X Междунар. конгр. междунар. о-ва по прикладной психолингвистике. — М., 2013.
2. *Басовская Е. Н.* Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 257—263.
3. *Булыгина Е. Ю., Стеклова Т. И.* Проявление языковой агрессии в СМИ // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. — Барнаул, 2000. С. 169—178.
4. *Кокорина Е. В.* Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 1996. С. 409—426.
5. *Культура русской речи* : энцикл. словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М. : Флинта : Наука, 2003.
6. *Матвеева Т. В.* Нормы речевого общения как личностные права и обязанности, формируемые в сфере естественной коммуникации // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. — Барнаул, 2000. С. 46—55.
7. *Речевая агрессия* и гуманизация общения в средствах массовой информации. — Екатеринбург, 1997.
8. *Романова Н. Н., Филиппов А. В.* Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. — 2010.
9. *Сковородников А. П.* Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения : науч.-метод. бюл. — Красноярск ; Ачинск, 1997. Вып. 2.

10. *Стилистический* энциклопедический словарь русского языка / под реж. М. Н. Кожинной. — М. : Флинта : Наука, 2006.

11. *Трофимова Г. Н.* Особенности негативных тенденций в массовой коммуникации // Материалы X Междунар. конгр. междунар. о-ва по прикладной психолингвистике. — М., 2013. С. 174—176.

ИСТОЧНИКИ

12. *Аргументы* и факты Новосибирск // Аргументы и факты: федеральный сайт. URL: <http://www.nsk.aif.ru/>.
13. *Ведомости* : сайт. URL: <http://www.vedomosti.ru/>.
14. *Газета.ru* : сайт. URL: <http://www.gazeta.ru/>.
15. *САН* : Сибирское агентство новостей Новосибирск : сайт. URL: <http://nsk.sibnovosti.ru/>.
16. *Сибкрай.ru* : информационный портал : сайт. URL: <http://sibkrai.ru/>.

В статье использованы комментарии к статьям:

Бензин неожиданно подешевел.

В своей диссертации Путин сам написал, видимому, всего пару страниц.

В сибирских регионах борются с рекламой наркотиков на стенах домов.

Вытекший из нового Renault бензин поджег иномарки на парковке.

Дмитрий Шепелев не собирается воспитывать сына.

Еще одно зараженное бешенством животное обнаружено в Новосибирской области.

Иномарка врезалась в веранду ресторана на севере Москвы, трое пострадали.

Министр транспорта РФ приехал в Новосибирск.

Мэр оценил щебенку на новосибирских дорогах.

Налоговиков судят за взятки на сумму четыре миллиона.

Новая развязка уберет пробку на пути мэра Городецкого.

Новосибирск затопило за несколько минут.

Новосибирск получит в подарок на юбилей 54 объекта благоустройства.

Под Новосибирском строят казармы улучшенной планировки.

Подпольный цех делал молоко с пальмовым жиром.

Почтальонам на лето выдали велосипеды.

Пьяный водитель сбил детей в Новосибирской области, один погиб.

Ралли «Пекин-Париж-2013» захватит Новосибирск.

Самый богатый ректор новосибирского вуза заработал 10 млн.

Тысячи новосибирцев потеряли деньги при покупке квартир.

Экспертов привлекли к делу ЮКОСа.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'27
ББК Ш100.4

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

О. К. Андриющенко
Павлодар, Казахстан

O. K. Andryushchenko
Pavlodar, Kazakhstan

ТИПОЛОГИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ВЕДУЩЕЙ ИНТЕНЦИИ ОБЕЩАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА КАЗАХСТАНСКИХ ПОЛИТИКОВ

TYPOLOGY OF INTENTIONAL MEANINGS OF THE LEADING INTENTION OF PROMISE IN THE CURRENT POLITICAL WORLD PICTURE OF KAZAKHSTAN POLITICIANS

Аннотация. На материале предвыборных листовок рассматриваются обещания казахстанских политиков. Устанавливается малоупотребимость прямых обещаний, анализируются формальное выражение и коммуникативный смысл используемых разновидностей обещания (намерения, желания, стремления, клятвы).

Abstract. On the basis of pre-election leaflets promises of Kazakhstan politicians are studied. Low frequency of direct promises is proved, formal expression and communicative meaning of the promises used in the texts (intention, desire, aspiration, vow) are analysed.

Ключевые слова: ведущая интенция; обещание; перформатив; интенциональное значение; политическая картина мира; коммуникативный смысл.

Key words: leading intention; promise; performative; intentional meaning; political world picture; communicative meaning.

Сведения об авторе: Андриющенко Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы.

About the author: Andryushchenko Olga Konstantinovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Literature.

Место работы: Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан).

Place of employment: Pavlodar State Pedagogical Institute (Kazakhstan).

Контактная информация: 140 011, Казахстан, г. Павлодар, ПГПИ, ул. Торайгырова, 58, к. 501в.
e-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru.

В политических текстах предвыборного периода центральное место занимает речевой акт обещания, определяющий границы коммуникативного общения (если избиратель согласен с кандидатом, то проголосуют за него, если обещания кандидата не заслуживают доверия, то кандидат теряет поддержку на выборах). Для современной политической картины мира казахстанских политиков характерно функционирование жанра листовки, которая значительно отличается от других жанров предвыборного дискурса, таких, как дебаты, политическая реклама, спецбюллетень, лозунг и т. п., и является наиболее распространенным и эффективным средством агитации в казахстанском предвыборном дискурсе. Это обусловлено следующими факторами: распространенность и эффективность листовки, безусловно, связана с менталитетом казахстанского общества, унаследованного из советской действительности: казахстанцы больше доверяют печатному слову, чем устному, например дебатам, интервью, рекламе и т. п.; листовка имеет небольшой объем, содержит в кратком виде самую необходимую инфор-

мацию, что делает ее экономичной в плане времени, затрачиваемого на ее прочтение; листовка имеет четкую, строго закрепленную композицию, что облегчает ее запоминание и, соответственно, она более прочно усваивается избирателями; к тому же листовка эмоциональна и экспрессивна, что делает ее мощнейшим средством манипулирования эмоциональной частью сознания людей. Смысловым ядром листовки выступает речевой акт обещания, который со временем претерпел семантические изменения и в политической коммуникации стал использоваться во вторичных значениях [См. об этом: Андриющенко 2008а, 2008б, 2009, 2013]. Прагматическая направленность листовки (заставить проголосовать за кандидата) опирается на убедительность обещания.

Перформатив *я обещаю* содержит семантику обязательства данного слова, такие конструкции привлекают внимание адресата, так как в них видят ярко выраженный образ автора, который предлагает свою помощь: *Обещаю любое начатое дело довести до успешного завершения. Уверен, что мои профессиональные знания, жизненный*

Материалы Международной научной конференции «Политическая коммуникация» (24—26 сентября 2013 года, Екатеринбург).

© Андриющенко О. К., 2013

опыт, умение решать конкретные задачи позволяют быть достойным доверия избирателей (из предвыборной листовки В. И. Кабурнеева); Я люблю этот город, он стал для меня родным. Меня часто упрекают в том, что я приезжий. Я не обижаюсь, пускай каждый „приезжий“ сделает для Павлодара хотя бы одно доброе дело. Я обещаю и впредь заботиться о нашем городе, об интересах горожан (Из предвыборной листовки Г. Акопяна).

На основании материалов листовок приходится констатировать сравнительно небольшое количество эксплицируемых обещаний. Часто семантика обещания заменяется разными видами косвенной многоступенчатой связи. Кандидатам выгодно давать неопределенные обещания, заменять их словами с абстрактной, неконкретной семантикой. Как известно, в политике как таковой мало места верифицируемым обещаниям. Так, по мнению Б. А. Ахатовой, участники политического процесса заинтересованы в присутствии смысловой неопределенности в языке политики: «Смысловая неопределенность политического дискурса способствует манипулированию общественным сознанием. Неопределенность создает благодатную почву для приглушения неблагоприятной информации, ее вуалирования; сокрытия объективной информации; замалчивания персональной ответственности (для снятия ответственности)» [Ахатова 2005: 21].

М. В. Ильин полагает, что по своей природе политическое понятие оказывается «сущностно оспариваемым», поскольку они не допускают «не только терминологизации (установления жестко ограниченного значения, смысловой, а фактически операционной, непротиворечивости использования для определенных областей деятельности и ситуаций) и сколько-нибудь надежной конвенционализации смысла (нормативного или прагматического согласия о пределах значения слова), но, напротив, принципиально ориентированы на постоянное генерирование новых смыслов, определяемых развертыванием политического дискурса и контекстами» [Ильин 1997: 22].

Достижение успешности данного речевого акта осуществляется за счет конструкций прямого воздействия (адресант → адресат) и наименее успешно при воздействии косвенном/опосредованном (адресант → посредник (доверенное лицо) → адресат). При использовании конструкций от первого лица адресант создает атмосферу непосредственного участия в предвыборной коммуникации. Данная связь является прямой и предоставляет больше шансов на успех канди-

дату в ситуации выборов, так как автор листовки выступает субъектом, отвечающим за данные обещания. Менее удачными являются конструкции от третьего лица, когда автором листовки представляется доверенное лицо кандидата. Такая связь «адресант → автор → адресат» является косвенной, поэтому адресату необходимо предварительно поверить посреднику в том, что обещания адресанта реалистичны.

Интенциональная структура предвыборной листовки, включающая акт обещания как ведущий интенциональный тип, подготавливает читателя к принятию данной информации, воздействуя на его сознание с конечной целью заставить проголосовать за одного из кандидатов.

Способы представления обещания в листовке создаются в целях убеждения адресата в реальности обещаний, их непременно воплощении. Именно поэтому в предвыборных листовках чаще всего используются высказывания, направленные на продуцирование действия, поступка, что указывает на перформативность акта обещания. Смысловым ядром текста листовки является выражение «Я обещаю изменить вашу жизнь в лучшую сторону, если вы выберете меня».

Однако нередко само обещание и тот, кто обещает, семантически разводятся (так как обещанная ситуация относится к сфере будущего и реально не существует и достоверно не известно, будет ли существовать), обещание заменяется разными видами косвенной связи, что делает коммуникативный акт обещания завуалированным, неопределенным. В результате становятся редкими эксплицитно выраженные обещания, возникают его семантические эквиваленты. Анализ показал сравнительно небольшое количество употреблений **прямых обещаний**, т. е. высказываний с эксплицитно выраженной лексемой «*обещаю*», что подтверждает вывод о необходимости для политика «смысловой неопределенности». Проанализированный материал текстов листовок позволяет нам сделать вывод о том, что интенция обещания часто заменяется разновидностями, в которых усиливается или снижается достоверность, реалистичность его выполнения, а это влияет на воздействующий эффект всего текста. Казахстанские политики часто используют для выражения ведущей интенции интенциональные значения обещания: обещание-намерение, обещание-желание, обещание-стремление и обещание-клятву. Указанные значения содержат разный коммуникативный смысл, по-разному конкретизируя, уточняя интенцию обещания в зависимости от дополнительных установок говорящего.

1. Языковая реализация обещания-намерения.

Интенциональное значение *намерения* имплицитно выражает акт обещания, при котором больше *предполагается* то, что данное слово будет сдержано. **Обещание-намерение** указывает на замысел адресанта выполнить действие и носит рационально-осмысленный характер, оценку адресантом возможности осуществления обещанного, а также поиск путей его реализации. Однако данные значения не закреплены обязательствами выполнения, проверкой его достижения, а опираются на потребность субъекта сдержать слово, которая зависит от индивидуальных качеств говорящего, его ответственности за данные им слова.

Типовой моделью обещания-намерения является модель «*намерен + инфинитив несовершенного вида*», что указывает на протяженность действия во времени, его бесконечность и возможное отсутствие результата. Такие конструкции снижают степень достоверности обещанного: *Мы намерены: снизить уровень безработицы; добиваться создания около 100 тысяч новых мест ежегодно <...>* (из предвыборной листовки народно-демократической партии «Нур-Отан»); *Достигнув определенного уровня политической зрелости, намерен вместе с партией „Нур Отан“ содействовать дальнейшему социально экономическому развитию нашего города* (из предвыборной листовки А. Дугалова); *Партия „Ак жол“ намерена искоренять причины коррупции, потому что сегодня власть борется только с последствиями* (из предвыборной листовки партии «Ак жол»).

Частотность интенционального значения обещания-намерения объясняется его способностью означать как действие, направленное на будущее, так и гарантию того, что действие будет выполнено. Использование различных средств, заменяющих эксплицитное выражение обещания имплицитным, — намерением, — позволяет кандидатам часто уходить от ответа, чем и объясняется активность его употребления.

2. Языковая реализация обещания-желания.

Другой разновидностью обещания является интенциональное значение «**обещание-желание**», включающее в свою семантику потребность адресанта осуществить данное обещание. Обещание-желание относится к когнитивной сфере, в которой акцентируется внимание на внутренней потребности выполнить действие, осуществить что-либо. Часто высказывания, реализующие интенцию обещания-желания, содержат кон-

статацию неблагоприятной обстановки и желание кандидата изменить ее.

Типовой моделью выражения обещания-желания является модель «*хочу / желаю / верю... , предлагаю ... , способен... + инфинитив несовершенного вида*»: *Наша партия „Ауыл“ — за ответственный подход во всем. Наши слова не расходятся с делами. Я хочу служить народу Казахстана и иду на выборы, чтобы защитить интересы сельчан* (из предвыборной листовки Р. Шокеева); *Я предлагаю утвердить для социально уязвимых слоев населения минимальный социальный стандарт на городском уровне (услуги, предоставляемые гражданам на безвозвратной и безвозмездной основе) за счет местного бюджета* (из предвыборной листовки Б. Ж. Бакауова).

Такие выражения (*хочу служить, предлагаю утвердить* и др.) говорят о том, что кандидат готов выполнить обещанное, однако выполнение его зависит от обстоятельств, от внешних факторов, которые, чаще всего, играют не в пользу того, кто *желает* выполнить действие.

Обещание-желание основывается на большой потребности кандидата осуществить обещанные благодеяния. Обычно кандидаты апеллируют к таким качествам, как умение держать слово: *Вы изберете депутата, умеющего действовать и убеждать, человек твердого слова, который всегда выполняет свои обещания, а дела доводит до конца* (из предвыборной листовки Н. П. Шабрата); *Анатолий Винерцев — человек дела, он не бросает слов на ветер и всегда выполняет свои обещания* (Н. М. Бутин); *Я знаю, что делаю и делаю, что обещаю* (из предвыборной листовки С. Т. Сулейменова); *Главным качеством депутата считаю умение выполнять обещания* (из предвыборной листовки В. Руфа).

Желание кандидата осуществить предвыборную программу является сильным аргументом в его пользу, в интенциональном значении обещания-желания содержится и обещание, и обоснование того, что оно будет выполнено: *Мы верим — ты достоин своей мечты! Мы хотим помочь осуществить ее. Вместе мы способны сделать реальностью твою мечту! Голосуй за свою мечту! Голосуй за „Ак жол“!* (из предвыборной листовки партии «Ак жол»). Апелляция к желаниям адресата и желание адресанта осуществить мечту первого представляют некую формулу в данных высказываниях.

Необходимо отметить то, что обещание-желание, эксплицирующее семантику внутренней потребности кандидата выполнить обещанное, ограничено лишь внутренним

влечением субъекта к осуществлению действия, выполнение обещания-желания зависит от внешних обстоятельств, т. е. выполнение обещанного действия будет зависеть от факторов, не зависящих от адресанта.

3. Языковая реализация обещания-стремления.

Таким же, как обещание-желание, по частотности функционирования является интенциональное значение **«обещание-стремление»**. Обещание-стремление близко обещанию-желанию тем, что так же делает акцент на внутреннем мире человека, на его потребности совершить действие, но, в отличие от желания, стремление приобретает *более активный, целеустремленный характер*. Стремление предполагает настойчивость в осуществлении чего-либо, устремленность к этому, поэтому использование высказываний, реализующих данную интенцию, означает направленность на осуществление обещаний, устремление адресанта всеми возможными средствами добиться результата.

Типовая модель обещания-стремления — *«буду стремиться»*: *Мы будем стремиться: снизить бюрократизацию управления, оптимизировать структуры государственного аппарата; обеспечить прозрачность работы государственных органов <...>; совершенствовать программу формирования „электронного правительства“; <...>* (из предвыборной листовки партии «Нур-Отан»).

Семантическими эквивалентами данного типа обещания являются конструкции с инфинитивом несовершенного вида, номинативные предложения, глагольные формы будущего времени, конструкции с семантикой *долженствования*. Лексема «должны» имплицитно указывает на обязательность выполнения какого-либо действия, призыв к чувству долга, ответственности: *Вы согласны, что за выполненную работу мы должны получать достойное и своевременное вознаграждение, <...> пожилые люди достойны заслуженного отдыха, город, в котором мы живем — это наш дом, мы должны беречь его. Если вы согласны со мной, значит, мы думаем одинаково, значит, я могу рассчитывать на вашу поддержку* (Из предвыборной листовки кандидата в депутаты Павлодарского городского маслихата М. Желнова); *Павлодар — мой и ваш город, нам здесь вместе жить. Он должен быть чистым и красивым* (из предвыборной листовки кандидата в депутаты Павлодарского городского маслихата С. В. Бабенко). Соединение «мы» инклюзивного с долженствованием создает ситуацию

совместности и частично снимает ответственность за сказанное и сделанное с кандидата, так как автор оговаривает условия выполнения обещания: *если мы будем действовать сообща, у нас все получится, если нет, я попробую реализовать обещанное, но не уверен, что выйдет*.

Таким образом, стремление кандидата улучшить ситуацию косвенно указывает на выполнение обещания. Различными языковыми средствами создается иллюзия действий, направленных на реализацию предвыборной программы, а значит, на воплощение обещаний. Данное интенциональное значение активно эксплуатируется авторами листовок, так как опосредованно указывает на выполнение обещаний и снимает в какой-то мере груз ответственности за сказанное.

4. Языковая реализация обещания-клятвы.

Наименее используемым, но, бесспорно, самым эффективным в качестве манипулятивного воздействия является интенциональное значение «обещание-клятва». Рассмотренная выше семантическая наполняемость подобных понятий позволяет безоговорочно создавать эффект твердого выполнения обещаний. Как нами уже было замечено, сама природа предвыборного дискурса не рассматривает ситуации с использованием выражений «клянусь», «клятвенно обещаю» и т. п. в силу их торжественности и высокого стиля. Однако в предвыборных листовках наблюдается замена данных понятий близкими по смыслу или тождественными выражениями.

Типовой моделью обещания-клятвы являются конструкции типа *«брать на себя ответственность/обязанность...»*, *«уверенность в сказанном...»*, *«считаю обязанностью, долгом...»* и т. д. Данные конструкции существенно отличаются от конструкций с семантикой «намерение». Использование в тексте листовки слов *ответственность/обязанность* делают ее весомее, так как в их семантике присутствует смысл «выполнить обещание»: *Ак жол — партия людей, переживающих за судьбы своих детей и будущее своей страны. Мы берем на себя ответственность за реализацию предложенной программы* (из предвыборной листовки демократической партии «Ак жол»); *Перед нашим обществом стоят сложные задачи. Но мы считаем своим долгом справиться с ними; Проработав четыре года депутатом областного маслихата, я с уверенностью могу сказать: полученный опыт, знание экономики и финансов, опыт руководителя, понимание проблем региона и видение путей их решения послужат делу дальнейшего развития региона, улучшению*

жизни каждого жителя Павлодарской области (из предвыборной листовки Л. Белогривого).

Такие высказывания представляются программой действий, планом деятельности, совокупностью действий и мероприятий для осуществления чего-либо. Поэтому естественно наблюдать в подобных конструкциях выражения, указывающие на субъекта как гаранта выполнения обещаний посредством лексем **гарантирую, обязуюсь, добьюсь** и др.: *Гарантирую моим избирателям, что я введу как депутат гормаслихата постоянный и требовательный контроль за реализацией сельхозпродукции в магазинах и на рынках* (из предвыборной листовки Ш. К. Ахмера); *Обязуюсь отстаивать права своих избирателей и бороться за сегодняшнюю достойную жизнь каждого, и особенно самых обделенных слоев населения: пенсионеров, детей-сирот, инвалидов, работников социальной сферы, матерей* (из предвыборной листовки Г. И. Мотиной). Данные высказывания представляют собой речевые акты гарантии и обязательства, но по принципу семантической близости речевому акту *клятвы* были объединены в одну группу.

Таким образом, включая семантику неременного выполнения, достоверности, реальности выполнения сказанного, интенциональное значение «обещание-клятва» является наиболее действенным способом убеждения адресата в истинности данных слов и, как следствие, в политической ответственности кандидата, что предполагает больше шансов на его успех в предвыборной гонке. Понимая всю важность данных обещаний, политики избегают часто использовать рассмотренные конструкции в текстах листовок, заменяя их другими видами связи, вуалирующими семантику обещания.

Рассмотренные интенциональные разновидности ведущей интенции листовки — обещания — активно функционируют в речи казахстанских политиков. Анализ показал, что наиболее частотными являются такие интенциональные значения, как «обещание-намерение» и «обещание-стремление», что объясняется стремлением представить свою

программу как достоверную, реалистичную при возможности не утверждать ее верифицируемость. Наименее активны интенциональные значения «обещание-желание» и «обещание-клятва», характеризующие обещание выполнением двух условий: наличия желания адресанта держать слово и безусловной его выполнимости. Однако понимание обещания как акта обязательства устраивает не всех авторов листовок, в основном происходит размывание понятия обещания и появление у него новых смыслов, нужных политике (чем и объясняется низкий показатель реализации эксплицитной интенции обещания в предвыборной листовке). Способ подачи предвыборного обещания, степень его достоверности и реальность воплощения диктуются компетентностью кандидата, способностью к выполнению данного слова и политическими возможностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрющенко О. К. Понятие обещания в русской речевой культуре // Полиязычие: этнос — культура — коммуникация : сб. статей и материалов Междунар. науч.-практ. конф. — Павлодар, 2008а. С. 24—30.
2. Андрющенко О. К. Традиции функционирования и трансформация речевого акта обещания в предвыборном дискурсе // Мир и человек: история, современность и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск, 2008б. С. 29—38.
3. Андрющенко О. К. Особенности реализации интенции обещания в русскоязычных предвыборных листовках // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии : материалы 2-го Междунар. конгресса. — Астана, 2009. С. 169—175.
4. Андрющенко О. К. Обещание в паремиях: речевой идеал русского человека // Экология языка и речи : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 80-летию проф. В. Г. Руделева. — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 114—117.
5. Ахатова Б. А. Коммуникативные технологии воздействия в политическом дискурсе // Вестник КазНУ. Сер. филологическая. 2005. № 7 (89). С. 20—22.
6. Ильин М. В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

А. А. Казаков А. A. Kazakov
Саратов, Россия Saratov, Russia**СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОГО
МАНИПУЛИРОВАНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ:
ПОПЫТКА СИСТЕМАТИЗАЦИИ**

Аннотация. Предпринимается попытка систематизации многочисленных способов языкового манипулирования. Выделяются микро-, мезо- и макроуровни коммуникационных приемов, тактик и стратегий. Высказывается предположение о том, что с увеличением масштабности манипуляционных технологий они приобретают все более политический характер.

Ключевые слова: языковое манипулирование; политический медиадискурс; стратегия речевого воздействия; коммуникативная тактика; коммуникативный прием; повестка дня.

Сведения об авторе: Казаков Александр Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук.

Место работы: Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

Контактная информация: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.
e-mail: aldr.kazakov@gmail.com.

**METHODS
OF LANGUAGE MANIPULATION
IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE:
ATTEMPT OF SYSTEMATIZATION**

Abstract. An attempt of systematization of numerous methods of language manipulation is made in this article. Micro-, meso-, and macro-levels of communicative methods, tactics, and strategies are highlighted. A hypothesis is offered that the more the scale of manipulative techniques is, the more political they are.

Key words: language manipulation; political media discourse; strategy of communicative influence; communicative tactic; communicative method; agenda.

About the author: Kazakov Alexander Alexandrovich, Candidate of Political Science, Associate Professor, Chair of Political Science.

Place of employment: Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky.

Влияние средств массовой коммуникации на общество традиционно является достаточно существенным. Более того, с развитием новейших информационных технологий это воздействие как минимум не уменьшается. Скорее, даже наоборот: можно говорить о том, что в современном мире большую часть информации о происходящем человек получает именно благодаря традиционным или новым массмедиа. При этом очевидно, что далеко не всегда предлагаемый аудитории контент полностью соответствует тому, что существует в реальности. Иными словами, часто происходит намеренное искажение адресантом транслируемой им информации, осуществляемое в целях воздействия на получателя сообщения в требуемом направлении.

В политической коммуникативистике использование языка для скрытого воздействия на адресата в интересах говорящего принято именовать языковым манипулированием [См., напр.: Сергеева 2011: 46; Быкова; Васильев]. По нашим наблюдениям, в большинстве работ, посвященных возможностям средств массовой коммуникации влиять на общественное сознание в политических целях, как правило, рассматриваются отдельные механизмы и приемы воздействия на реципиентов информации [См., напр.: Беляева 2009; Вепринцев, Манойло,

Петренко, Фролов 2003; Вилков 2007; Грачев, Мельник 1999; Почепцов 2003]. Попытки же определенным образом систематизировать многочисленные методы речевого влияния на адресата встречаются значительно реже [См., напр.: Данилова 2009; Зверев 2010; Ковалева 2011; Кузнецова 2011; Мартынова 2009; Окунева 2011].

Вместе с тем, на наш взгляд, комплексный подход к анализу распространенных сегодня способов воздействия на аудиторию массмедиа важен не только в теоретическом плане, но и в сугубо практическом смысле. Вслед за А. Сковородниковым и Г. Копниной мы полагаем, что для обеспечения информационной безопасности отдельного человека и общества в целом необходимо развивать у людей контрманипулятивные компетенции, базирующиеся на знании основных технологий информационного воздействия, умения их распознавать, анализировать и интерпретировать [Сковородников, Копнина 2012: 42]. Однако перед тем, как перейти к изложению собственного варианта систематизации способов речевого манипулирования, считаем необходимым определиться с понятиями, имеющими непосредственное отношение к данной исследовательской области.

Так, говоря о возможностях манипуляции общественным сознанием в политическом

медиадискурсе, чаще всего ученые используют такие категории, как коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика и коммуникативный прием. Разделяя общую логику рассуждений Е. Сергеевой, О. Иссерс и Г. Копниной [Сергеева 2012; Иссерс 2009; Копнина 2007], предлагаем понимать под этим следующее. Под коммуникативной стратегией — заранее определенную цель коммуникации, для реализации которой необходимо изменение или формирование (если оно отсутствовало прежде) мнения адресата по тому или иному освещаемому в массмедиа сюжету. При этом важно отметить, что, как правило, данная стратегия осуществляется с помощью целого комплекса речевых актов и находит свое воплощение в конкретных тактиках.

Коммуникативная тактика, в свою очередь, может быть определена как решающей частную задачу комплекс речевых актов, объединенный набором специфических характеристик и реализующийся при помощи совокупности приемов. Соответственно коммуникативный прием — это конкретный, достаточно обособленный способ воздействия на адресата, предполагающий использование отдельных лингвистических или экстралингвистических средств.

Необходимо заметить, что, оперируя данными понятиями, отечественные исследователи-лингвисты и специалисты в области политической коммуникативистики уже предпринимали попытки определенным образом упорядочить массив известных на сегодняшний день способов манипуляционного воздействия. Так, например, Т. Ковалева отдельными коммуникационными стратегиями считает манипуляцию, дискредитацию, формирование требуемого эмоционального настроения, нападение, агитацию и самопрезентацию [Ковалева 2011: 79]. Уже упоминавшаяся Е. Сергеева выделяет три группы тактик речевого воздействия: тактику манипуляционной подачи информации, тактику манипуляции на чувствах и потребностях и тактику демагогии [Сергеева 2012: 47—52].

Н. Кузнецова формулирует специфические «способы, при помощи которых отправитель сообщения стремится не только передать информацию, но и заставить реципиента видоизменить структуры своего сознания в соответствии с сообщением»: использование логических и эмоциональных убеждений, манипулирование повесткой дня, проведение идеи всеобщей и взаимной сопричастности, навешивание ярлыков и т. п. [Кузнецова 2011: 20]. С данным подходом отчасти перекликается ракурс, предложен-

ный И. Окуновой, которая делит приемы речевого воздействия на прямо апеллирующие к фоновым знаниям носителя языка с целью создания новых ассоциативных связей на основе уже существующих и способы подачи информации, предназначенные для усиления или ослабления ее воздействия на читателя [Окунева 2011: 104]. Наконец, А. Сквородников и Г. Копнина разделяют большое количество реализующих манипулятивную стратегию тактик на две группы: легко- и труднораспознаваемых адресатом [Сквородников, Копнина 2012: 36].

Каждый из отмеченных вариантов упорядочивания способов манипуляционного воздействия, безусловно, вносит важный вклад в систематизацию огромного массива накопленных человечеством механизмов влияния на сознание окружающих. Вместе с тем очевидно, что всякий раз речь идет либо о коммуникационных приемах, либо о тактиках, либо о стратегиях, и при этом в основание разграничения кладутся различные параметры — характер самой манипуляции, используемые для этого средства, сложность распознавания и т. д. В связи с этим в настоящей статье предпринята попытка интеграции упомянутых выше и некоторых других подходов с целью приведения достаточно разрозненных способов языкового манипулирования к общему знаменателю.

Итак, на наш взгляд, все многообразие методов информационно-коммуникационного воздействия условно может быть разделено на три относительно самостоятельных уровня: микро-, мезо- и макроуровень. Основанием для подобного деления предлагаем считать масштаб того или иного способа воздействия. С такой точки зрения к микроуровню нам представляется логичным отнести использование следующих средств:

- *метафоры*;
- *синонимов*;
- *эвфемизмов и дисфемизмов*;
- *штампов или универсальных истин*;
- *овеществления*;
- *тенденциозного наименования кого- или чего-либо*;
- *употребления абстрактных денотативно свободных слов*.

Указанные технологии объединяет то, что все они, за редким исключением, так или иначе реализуются в рамках одного или нескольких слов. По нашему мнению, именно подобная «точечность» механизмов микроуровня делает их в сравнении с большинством прочих методов манипуляционного воздействия особенно трудноразличимыми: воспринимая их, не обладающий специальными лингвистическими знаниями читатель

невольно попадает под влияние авторского замысла, однако при этом вряд ли осознает это. Если же говорить об уже упоминавшейся триаде терминов (прием — тактика — стратегия), то очевидно, что составляющие данный уровень способы речевой манипуляции, скорее, попадают под определение коммуникативного приема.

Значительно более технологически насыщенным представляется мезоуровень. В его рамках нам кажется возможным выделить два блока манипулятивных приемов. Первый из них условно может быть назван «логическим». Его составляют приемы, при помощи которых осуществляется воздействие на разум читателя в требуемом автору текста направлении, в частности следующие:

- *подмена аргумента или его отсутствие в принципе;*
- *упрощение или примитивизация информации;*
- *перенос смыслового акцента;*
- *использование большого количества цифр, статистики или данных социологических опросов;*
- *публикация точек зрения экспертов, «лидеров мнений» и «людей из народа»;*
- *проведение выгодных автору аналогий;*
- *обсуждение слухов;*
- *использование стереотипов и мифов;*
- *применение субъективной модальности;*
- *опущение экспертиенцера или пассивизация перформативов;*
- *«притягивание за уши»* — таким образом мы позволим себе назвать отдельную технологию, предполагающую освещение самых незначительных и порой даже не имеющих никакого отношения к существу проблемы сюжетов.

Второй блок технологий мезоуровня условно может быть определен как «эмоциональный»: составляющие его приемы в первую очередь предназначены для воздействия на не связанные с разумом каналы восприятия информации. Сюда мы отнесли использование автором:

- *различных вариантов повторов (анадиплосиса, эпифоры, анафоры и т. п.) и параллельных конструкций;*
- *элементов юмора* — от тонкой иронии до сарказма и откровенного осмеяния человека;
- *фразеологизмов;*
- *афоризмов;*
- *пословиц и поговорок;*
- *градации;*
- *невербальных способов воздействия — элементов креолизованного текста*

(фотографий, иллюстраций, карикатур и т. д.).

Полагаем, что разница свойств массового сознания, на которые нацелено использование приемов «логического» и «эмоционального» блоков мезоуровня, дает определенные основания, позволяющие считать эти блоки (как совокупности конкретных приемов) отдельными тактиками речевого воздействия. При этом выделение в рамках данного варианта систематизации «логической» и «эмоциональной» тактик отнюдь не исключает возможности наличия других разновидностей коммуникационных тактик. По большому счету, содержательное наполнение конкретной тактики целиком и полностью зависит от коммуникационных намерений или стратегии автора сообщений. Поэтому выделенные здесь две разновидности, скорее всего, следует рассматривать лишь как отдельные примеры.

На наш взгляд, в отличие от приемов микроуровня, мезотехнологии, как правило, имеют больший «радиус действия», более эффективны, но в то же время и легче распознаются, а следовательно, существует большая вероятность того, что читатель идентифицирует применяемые в отношении него механизмы.

Наконец, к приемам макроуровня мы посчитали возможным отнести наиболее масштабные рычаги манипуляционного воздействия на аудиторию. Самый распространенный механизм подобного рода — это отбор информации для освещения или, иначе говоря, *формирование медийной повестки дня* [Казаков 2012]. Публикуя лишь те факты, которые способствуют реализации стоящей перед ним коммуникационной цели (или же, наоборот, игнорируя факты, препятствующие этому), создатель текста тем самым влияет на свою аудиторию. Рискнем предположить, что по своему масштабу и потенциалу влияния на аудиторию установление информационной повестки дня вполне может считаться даже не тактикой, а самостоятельной стратегией процесса коммуникации.

Кроме этого, в качестве отдельной составляющей макроуровня можно рассматривать и *способ организации информации в рамках отдельного выпуска средства массовой коммуникации*. Скажем, в газетах и журналах самые «выгодные» для редакции сюжеты обычно занимают наиболее читаемые страницы издания либо анонсируются на первой, нередко полноцветной полосе. Сюда же целесообразно отнести *размер статьи, способ ее графического и цветового оформления и соседствующие с ней материалы*.

Нам представляется, что именно на макроуровне механизмы влияния на читателя окончательно переходят из сферы лингвистики в сферу политологии. Иными словами, здесь уже на первый план выходят не лексические, а сугубо политические моменты, а решения об оправданности применения подобных приемов принимаются не корректорами или литературными редакторами, а владельцами того или иного массмедиа либо заказчиком конкретной публикации.

Таким образом, разработав предложенный вариант систематизации, мы предполагаем, что с увеличением масштаба коммуникационных приемов, тактик и стратегий их характер постепенно становится все более политическим. Другими словами, чем выше уровень, тем больше в нем политической составляющей и меньше — лингвистической.

Разбивая способы языкового манипулирования на уровни, мы также предположили, что с увеличением политического потенциала конкретных технологий растет эффективность их воздействия на аудиторию, но вместе с этим увеличивается и вероятность их распознавания адресатом транслируемого коммуникационного сообщения. Разумеется, высказанные идеи на данный момент должны рассматриваться всего лишь как гипотезы, для подтверждения или опровержения которых необходимо проводить отдельные исследования. Однако движение именно в этом направлении — в русле анализа взаимного влияния лингвистических и политических аспектов языкового манипулирования — представляется нам весьма перспективным вектором развития отечественной коммуникативистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов : учеб. пособие. — М. : Логос, 2006.
2. Беляева И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Ростов н/Д, 2009.
3. Быкова О. Н. Языковое манипулирование. URL: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070503.pdf (дата обращения: 24.05.2013).
4. Васильев А. Д. Некоторые манипулятивные приемы в текстах телевизионных новостей. URL: <http://philology.ru/linguistics2/vasilyev-06/htm>. (дата обращения: 25.05.2013).
5. Вепринцев В. Б., Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Операции информационно-психоло-

гической войны: методы, средства, технологии : краткий энцикл. слов. — М. : Горячая линия — Телеком, 2003.

6. Вилков А. А. Обзор современной российской научной литературы по проблемам имиджевых информационно-коммуникационных технологий // Пресс-служба. 2007. № 11.

7. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. — М. : Эксмо, 1999.

8. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. — М. : Добросвет : Изд-во КДУ, 2009.

9. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. — М. : URSS : Красанд, 2010.

10. Зверев А. Л. Манипуляционное управление СМИ политическим массовым сознанием в современной России / Актуальные проблемы современной политической психологии. — М. : РИОР, 2010.

11. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2009.

12. Казаков А. А. Теоретико-методологический потенциал категории «медийная повестка дня»: возможности и ограничения // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2012.

13. Ковалева Т. С. Стратегия манипуляции в информационной войне (на материале текстов ИноСМИ, посвященных Южноосетинскому/Грузинскому конфликту 2008 г.) // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37).

14. Копнина Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2007.

15. Кузнецова Н. А. Управление политической информацией и манипуляция общественным сознанием // Власть. 2011. № 11.

16. Мартынова Ю. А. Анализ коммуникативных стратегий в общественно-политическом дискурсе // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. «Социология. Политология». 2009. Вып. 2. Т. 9.

17. Окунева И. О. Приемы речевого воздействия в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38).

18. Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии. — М. : Центр, 2003.

19. Сергеева Е. В. К вопросу о некоторых манипулятивных приемах в текстах предвыборной агитации (на материале кампании 2011 г.) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40).

20. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41).

Статью рекомендует к публикации д-р полит. наук, проф. А. А. Вилков

УДК 811.161.1'37
ББК Ш141.2-32

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Н. В. Козловская
Санкт-Петербург, Россия

N. V. Kozlovskaya
St. Petersburg, Russia

**К ПРОБЛЕМЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ
ВИЗАНТИЗМ И ВИЗАНТИНИЗМ**

**THE PROBLEM OF “BYZANTINISM”
AND “BYZANTINISM” TOKENS’ MEANINGS**

Аннотация. Анализируется семантика одно-коренных лексем «византизм» и «византинизм», которые в разных типах дискурса (научном, религиозно-философском, публицистическом) могут выступать как паронимы и однокоренные синонимы.

Abstract. The semantics of cognate tokens byzantinism and byzantism are analysed, which can act as paronyms and cognate synonyms in different types of discourse (scientific, religious-philosophical, journalistic).

Ключевые слова: византизм; византинизм; ряд соотносительных лексем; термин; авторский термин; научный, религиозно-философский, публицистический дискурс.

Key words: byzantism; byzantinism; correlative tokens; term; authors’ term; scientific, religious-philosophical, publicistic discourse.

Сведения об авторе: Козловская Наталья Витальевна, кандидат филологических наук, докторант.

About the author: Kozlovskaya Natalia Vitalyevna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Место работы: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Place of employment: Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg).

Контактная информация: 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48.
e-mail: sga@kodeks.com.

Слова-термины *византизм* и *византинизм* имеют долгую историю в русской общественной мысли. Лингвистическая составляющая интереса к этим лексемам обусловлена тем, что они могут употребляться в философских, исторических, публицистических текстах как однокоренные синонимы и как разные, но близкие по значению лексемы, а в ряде контекстов — как паронимы. В связи с этим возникает необходимость контекстуального анализа лексем *византизм* и *византинизм* и описания (или уточнения) их лексических значений. Кроме того, необходимо выявить, в каких типах дискурса используются данные термины и в какие терминосистемы они включены.

В толковых словарях русского языка анализируемые слова не представлены, что обусловлено в первую очередь их терминологической природой и специальным характером значения. Исключение составляет «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А. Н. Чудинова, в котором слова *византинизм* и *византизм* даны как однокоренные синонимы, имеющие два значения — основное и производное: 1) *отличительные особенности византийского быта: деспотизм, бюрократизм, подчинение церкви государству, преклонение пред внешними формами религии без нравственных правил; лезть, пышность, разврат.* 2) *рабское преклонение пред папскою властью; раболепство перед государственною властью вообще* [Чудинов 1902].

В Большой словарной картотеке Института лингвистических исследований есть

карточка с заголовочным словом «византинизм»: здесь приводится в сокращенном варианте определение из «Словаря Брокгауза и Ефрона» и словарная статья из словаря А. Н. Чудинова (старая картотека); в новой картотеке — одна цитата, не раскрывающая значение слова: *При всей узнаваемости многих черт византинизма, будем все же помнить, что до Нового Времени концепции автономной личности не существовало нигде, а Византия не дождала до Нового Времени.* С. Иванов, *Визит в Византию* (Лит. газета, 1991, 31).

В «Национальном корпусе русского языка» (НКРЯ) сейчас насчитывается 23 вхождения термина *византинизм* по 10 документам и 151 вхождение термина *византизм* по 33 документам. Данные о словоупотреблении анализируемых лексем содержатся также в электронном ресурсе Словарного отдела ИЛИ РАН «Библиотека лексикографа» (составитель А. А. Бурыкин): *византинизм* — 48 документов; *византизм* — 109 документов.

Историки философии связывают появление термина *византинизм* (нем. Byzantinismus) с работами западных авторов, один из которых — швейцарский историк культуры Якоб Буркхард (1818—1897), критиковавший политизированное христианство и указывавший в качестве его примера на Византию: «Византинизм означает здесь системно выстроенное единство империи и Церкви с приматом империи...» [Василенко 2009: 66].

Предположим, что термин *византинизм* вошел в русский язык как прямое заимство-

вание из немецкого языка, а термин *византизм* образован морфологическим способом от производящей основы *византии-* при помощи суффикса *-изм*, используемого для образования отвлеченных существительных со значениями «общественная система», «общественное политическое направление», «сфера занятий».

По данным НКРЯ и «Библиотеки лексикографа», самые ранние употребления слова *византинизм* относятся к 1848 (В. И. Григорович. Очерк путешествия по Европейской Турции) и к 1851 г. (А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России); *византизм* впервые появляется у А. И. Герцена в произведениях «Дилетантизм в науке» (1843) и «Русские немцы и немецкие русские» (1859).

Однако первые словарные фиксации лексемы *византинизм* относятся к концу XIX — началу XX в. Это уже упоминавшийся нами словарь А. Н. Чудинова и «Словарь Брокгауза и Ефрона».

Во втором источнике (1890—1907) помещена огромная (стр. 251—275) статья «Византия», одна из частей которой написана Ф. И. Успенским и носит название «*Византийская империя, византинизм*». Ф. И. Успенский (1845—1928) — автор фундаментальной «Истории Византийской империи», текст которой в значительной части совпадает с текстом статьи энциклопедического словаря.

Ф. И. Успенский в «Словаре Брокгауза и Ефрона» использует различные способы фиксации значения термина *византинизм*: определение, описание, перечисление свойств и признаков характеризующей единицы. Статус термина присваивается слову самим автором: «...центр тяжести в данном вопросе переходит к выяснению содержания *термина византинизм*» [Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 11: 257]. Из текста статьи можно вычлени следующие составляющие определения, т. е. необходимые и достаточные признаки понятия:

- *...совокупность всех тех начал, под влиянием которых постепенно реформировалась Римская империя;* к этим началам автор относит византийское право, философию и богословие, а также обширную славянскую иммиграцию, вызвавшую *этнографический переворот;* коренные социальные, административные и военные реформы [Там же: 252].

- *Как выражение политических, культурных и демографических особенностей Восточной Римской империи...* [Там же: 252].

- *...византинизм, как историческое и культурное начало, может быть сведен*

к конкретным фактам, имеющим сферу действия в определенном пространстве и времени [Там же: 252].

Сопоставляя статьи лингвистического и энциклопедического словарей, мы можем отметить, что слово *византинизм* в обоих источниках обозначает совокупность черт византийской культуры и византийского быта, т. е. ядро значения в двух источниках совпадает. Однако в словаре А. Н. Чудинова лексемы *византизм* и *византинизм* представлены как однокоренные синонимы не терминологического характера, в значении которых выделяется ярко выраженный коннотативный компонент со следующими составляющими: **деспотизм** ('неограниченная власть, произвол' — здесь и далее толкования приведены по МАС); **бюрократизм** ('система управления в классовом обществе, при которой государственная власть осуществляется через чиновников, оторванных от народа и защищающих интересы господствующего класса'); **разврат** ('испорченность общественных нравов, моральное разложение'); **преклонение... без нравственных правил**.

Производного значения слова в статье Ф. И. Успенского нет, однако указание на семантический перенос появляется в тексте первой главы книги этого автора «История Византийской империи» (1912); глава носит название «Византинизм и его культурное значение в истории» и посвящена *выяснению понятия о византинизме* [Успенский 1996]. Здесь приводится несколько уточняющих и дополняющих друг друга определений термина *византинизм*:

- *...термин для обозначения политических, государственных, церковных и этнографических особенностей, носителем которых была Византийская империя.*

- *Как на Западе организующим началом стал романтизм, так на Востоке — византинизм; с этой стороны и может подлежать объяснению термин „византинизм“...*

- *...византинизм есть исторический принцип...*

- *...вопрос о начале „византинизма“ как культурного термина... [Успенский 1996].*

Содержание этих примеров в целом соотносится с тем значением термина, которое приведено в статье «Словарь Брокгауза и Ефрона». Однако в книге Ф. И. Успенский делает одно существенное уточнение, делает единожды и больше к нему не возвращается. Это уточнение касается производного значения слова *византинизм*. Автор выделяет две группы понятий, которые обозначаются этим словом: *...термины „византийский“, а в связи с ним „византинизм“ имеют*

за собой традицию и обозначают такую совокупность понятий, по отношению к которым не существует разности мнений [Успенский 1996]. *Византинизм* есть обобщающее понятие («выражает особый характер» и обозначает принадлежность к определенной эпохе) для сложных наименований: византийская литература, византийская образованность, византийское искусство, византийская история, византийское право, византийская мораль, Византийская империя. Это еще раз доказывает, что *византинизм* — культурно-исторический термин. Вторая группа понятий, по Ф. И. Успенскому, характеризует индивидуальное действие: *...хитрость, коварство, лицемерие, а также самомнение, дерзость и тщеславие и т. п. несимпатичные качества* [Там же]. Эта мысль не получает в тексте никакого дальнейшего развития, что вполне понятно: автора интересует только терминологическое употребление слова.

Еще один важный источник информации о семантике термина *византинизм* — это книга известного византиниста и историка церкви И. И. Соколова (1865—1939). По мнению Е. Г. Лебедевой, И. И. Соколов был «одним из первых — если не первым — в русской исторической науке, кто дал развернутое, по-своему целостное определение византинизма...» [Лебедева 2000: 7]. Хронологически это более ранний текст по отношению к книге Ф. И. Успенского, но мы обращаемся к нему именно сейчас, чтобы не «разрывать» два текста одного автора: статью в «Словаре Брокгауза и Ефрона» и книгу «История Византийской империи».

И. И. Соколов дает следующее определение «византинизма»: *Под византизмом вообще нужно понимать всю совокупность особенностей в церковно-государственной жизни Византии, характеризующих эту Империю своеобразными культурно-историческими чертами внутреннего устройства и быта, в отличие от иных европейских государств. Византизм, другими словами, есть синтез характеристических свойств Византии как особого, самостоятельного государства, основной дух и характер ее церковно-религиозного строя, принципы политического быта, основное направление и задачи местной культуры, идеалы господствующего населения и т. п.* [Соколов 1903: 12].

Мы видим, что общие контуры понятия здесь те же, что и в трудах Ф. И. Успенского; добавим только, что И. И. Соколов неоднократно подчеркивает **культурно-исторический** и **церковно-исторический** характер явления и обозначающего его термина. За-

метим также, что оба автора подчеркивают терминологический характер лексемы *византинизм*, кроме того, никогда не используют слова *византизм*.

Еще одно наблюдение касается парадигматических и синтагматических связей термина *византинизм*, которые в анализируемых текстах оказались схожими. Так, *византинизм* является согипонимом по отношению к лексемам *романизм, эллинизм, кесаризм, цезаропапизм*. Синтагматические связи термина реализуются в следующих сочетаниях: *византинизм проявляется; выработка византинизма; воздействие византинизма; византинизм имеет громадное значение; роль византинизма; выразительный характер византинизма; элементы византинизма; свойство византинизма; сущность византинизма; содержание византинизма*. Оценочный компонент в значении термина отсутствует.

В современных историко-философских исследованиях наблюдается двойственная традиция использования терминов *византинизм* и *византизм*: во-первых, как совпадающих по значению (обычно через запятую), во-вторых, как близких по значению, но различающихся, к примеру с точки зрения диахронической вариантности.

Так, автор учебника «Введение в русскую религиозную философию» Л. И. Василенко использует термины *византизм* и *византинизм* как однокоренные синонимы, ср.: *термин „византизм“ или „византинизм“ введен в широкий оборот...* [Василенко 2009: 66; пунктуация автора сохранена]. Диахроническая вариантность термина отражена, к примеру, в статье Н. Севериковой «Андраникизм как византистская идея»: *Емкую характеристику византизма в историческом плане дает П. А. Флоренский: „Византинизм (так у П. А. Флоренского) явился среди русских славян огромной силой...“* [Северикова 2005: 68].

Попытка развести значения близких по звучанию и смыслу терминов предпринята в работе В. Бачинина «Общественные грехи византинизма»: *Совокупность свойств и качеств, унаследованных Россией от Византии, получила обозначение при помощи двух обобщающих терминов — византинизм и византизм. Между ними много общего, но есть и различия. Одно из них состоит в том, что понятие византинизма чаще всего используют как категорию культурологическую, а византизм трактуют большей частью в социально-политическом ключе. Другое различие связано с оценочной деятельностью исторического сознания и проявляется в том, что ви-*

зантинизм рассматривается как нечто **положительное**, а византизм — как **системное качество** большей частью **отрицательного характера** [Бачинин].

Возможно, эта точка зрения правомерна для научного дискурса. Однако данные двух корпусов текстов («Библиотека лексикографа» и НКРЯ) говорят о том, что в публицистическом дискурсе слово **византизм**, утрачивая терминологический характер, может употребляться как средство выражения презрения, негодования, отторжения, что свидетельствует о наличии сильного негативного макрокомпонента в лексическом значении. Приведем примеры: *С возвращением старого названия Петербургу все... заговорили о возрождении русской культуры. <...> Россия уже не раз переживала различные „возрождения“, то в формах окостенелого византизма, то в торжествующем и кровавом сталинском ампире* [А. Ипполитов. Вчера. Сегодня. Никогда // Библиотека лексикографа]; *Россия всегда была страной коррупции, доносительства и византизма с его роскошью. Русские, находящиеся на сравнительно высоких должностях, <...> всегда были склонны к вымогательству от подчиненных, сами дают себя подкупать...* [А. И. Уткин. Вторая мировая война // Библиотека лексикографа]; *...византизм есть тоталитарная культура, с сакральным характером государственной власти, крепко держащей Церковь в своей не слишком мягкой опеке. Византизм исключает всякую возможность зарождения свободы в своих недрах...* [Г. П. Федотов. Россия и свобода // НКРЯ].

Полученные данные свидетельствуют о том, что для научного дискурса характерен нейтральный, лишенный коннотации термин **византизм**, употребляющийся в двух значениях — собственно историческом и культурологическом; в публицистическом стиле слово **византизм**, являющееся производным по отношению к термину, может иметь ярко выраженную коннотацию, чаще негативную. Принимая во внимание эту информацию, перейдем к анализу «парного» термина — **византизм**.

Термин **византизм** в ряде авторитетных источников обозначает не историческое явление (совокупность черт), а **идею** или комплекс, **совокупность идей**, связанных с Византийской империей. Большинство источников приписывает этот термин русскому философу К. Н. Леонтьеву. Так, статья «Византизм» в «Новой философской энциклопедии» начинается следующим образом: *Византизм — концепция особого типа отношений между Церковью и государст-*

вом, где Церковь и государство не противостоят друг другу, а напротив взаимодействуют, помогают друг другу в ходе достижения согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии). При этом свобода и самостоятельность каждого в его собственной области не отменяется. Термин в этом смысле был впервые употреблен К. Леонтьевым, хотя идея согласия (симфонии) Церкви и государства, которые должны сосуществовать в полном согласии, развивалась многими мыслителями и до К. Леонтьева [Новая философская энциклопедия 2001].

Подробная характеристика **византизма** как **авторского философского термина** представлена в энциклопедии «Русская философия», фрагменты словарной статьи из которой мы приведем: **ВИЗАНТИЗМ** — понятие, введенное в философию истории К. Н. Леонтьевым, к-рый определяет его следующим образом: *„Византизм в государстве значит самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире ... византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом“* (Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 94). *<...> Византийское христианство, т. е. православие, формирует почтительность к властям, смирение перед „внешними обстоятельствами жизни“... <...> В отличие от несбыточной надежды на всеобщее благоденствие народов В. есть „сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства“.* В. — это своеобразный культурно-исторический тип... [Русская философия 2007].

С лингвистической точки зрения **византизм** несомненно является **авторским философским термином**, поскольку ассоциируется у носителей языка, хоть скольконибудь знакомых с темой (не говоря уже о специалистах по истории философии), с именем и текстами произведений К. Н. Леонтьева. Такая связь, по мнению Н. М. Азаровой, является основанием для присвоения термину статуса авторского: *«...авторские термины предусматривают ретроспективно-проекционный подход при их рассмотрении»* [Азарова 2010: 62].

Для уточнения значения термина обратимся к текстам произведений К. Н. Леонтьева, в которых раскрывается понятие **византизм**: «Византизм и славянство» (1875);

передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года (1880); «Письма о восточных делах» (1882) и др. Примеры словоупотреблений извлечены из электронного ресурса «Библиотека лексикографа», в котором представлены все произведения К. Н. Леонтьева.

Данные контекстуального анализа позволяют говорить о том, что К. Н. Леонтьев использует два значения слова *византизм*. Первое — «старый византизм»; «кесаризм византийский» — в целом совпадает с описанным выше значением слова *византизм*: «совокупность особенностей в церковно-государственной жизни Византии»; «тип государственного устройства», культурологический и исторический термин. «Старый византизм» — это государство «диктаториального происхождения», имеющее «муниципальный избирательный характер» и опирающееся на две силы: «новую религию» и «древнее государственное право». Такой тип правления К. Н. Леонтьев оценивал очень высоко: *«Это счастливое сочетание очень древнего, привычного (т. е. римской диктатуры и муниципальности) с самым новым и увлекательным (т. е. с христианством) и дало возможность первому Христианскому Государству устоять так долго на почве расшатанной, полусгнившей, среди самых неблагоприятных обстоятельствах»* [Леонтьев. Византизм и славянство]. Термин *византизм* в данном значении используется К. Н. Леонтьевым только для анализа исторического материала.

Второе значение, главное для мыслителя, — совокупность охранительных идей, реализуемых в государстве, религии, нравственном мире. Возвращаясь к уже упоминавшейся здесь мысли В. Бачинина о том, что термины *византизм* и *византизм* различаются как **исторический (культурологический)** и **социально-политический**, отметим, что проведенное нами сопоставление и контекстуальный анализ словоупотребления термина *византизм* в произведениях К. Н. Леонтьева эту точку зрения в целом подтверждают.

Византизм как авторский философский термин раскрывается в произведениях К. Н. Леонтьева через интегральные компоненты «идея», «общая идея», «культура», «основа своеобразной культуры», «средство охранения (славянства). Наполняется термин за счет следующих содержательных компонентов значения: *самодержавная власть, православие без ересей и расколов, особого рода образованность и культура*. Очень важен для автора функциональный компонент значения термина: *средство охранения славянства; крепкое дисциплинирующее нача-*

ло; якорь всеславянского охранения. Одной из ярких особенностей идиостиля К. Н. Леонтьева является контрастность образительного ряда, которая проявляется, в частности, в раскрытии смысла понятий через большое количество противопоставлений. В первую очередь *византизм* — идеологически и терминологически — противопоставлен *европеизму* и «отходящей романо-германской цивилизации».

Текстовые парадигматические связи лексемы *византизм* в произведениях К. Н. Леонтьева также могут служить доказательством различия значений «парных» терминов. Лексема включена в своеобразную систему родо-видовых отношений таких терминов, как *китаизм, азиатизм, руссизм, гебраизм, германизм, славизм, всеславизм* и др. Синтагматические связи термина также отличают его от *византинизма*: *политический византизм; идеал византизма; необходим византизм; авторитет византизма; проповедь византизма; византизм... организовал; дал силу*.

Вернемся ко второй части тезиса В. Бачинина о различии значений терминов *византизм* и *византинизм*: *...византинизм рассматривается как нечто положительное, а византизм — как системное качество большей частью отрицательного характера*.

Если принять во внимание очевидный факт авторского характера философского термина *византизм* и проанализировать все контексты употребления этой лексемы, согласиться с этим тезисом невозможно: возвышенная коннотация величия и силы составляет важную часть значения леонтьевского термина.

Биографы и критики К. Н. Леонтьева Н. А. Бердяев и Вл. Соловьев определяют *византизм* иначе, чем автор термина. На наш взгляд, происходит перегруппировка семного состава ядра: содержательные компоненты значения (ядро и ближайшая периферия) сохраняются, прагматическая коннотация меняется с «плюса» на «минус». Это по сути тот же термин, но, изъятый из леонтьевского текста и утративший пропагандистское начало, как будто «вывернутый наизнанку».

Если у К. Н. Леонтьева *византизм* — «общая идея» и «средство охранения», то у Вл. Соловьева — «идеал сложной принудительной организации общества». Сохраняется — с иной аксиологической оценкой — одно из главных леонтьевских противопоставлений. Его *византизм*, напомним, есть антитеза «земной всесвободы». Но если у К. Н. Леонтьева *византизм*, не включающий свободу, оценивается положительно, то у его идейных оппонентов это главный

объект неприятия: *У Леонтьева совершенно отсутствует идея свободы, к которой приводит нас и религия, и философия, и наука. <...>. Оригинальное творчество требует презируемой Леонтьевым свободы, а этот несчастный человек дошел до того, что возложил надежду свою, надежду отчаяния, на хорошо организованную полицию, на физическое насилие, к которому питал какую-то извращенную страсть* [Бердяев 1995]. Здесь контекстом наводится и усиливается тот же семантический компонент, который есть в интерпретации термина Вл. Соловьевым: *принудительная организация общества — насилие*. Меняется и синтагматическое окружение термина и его производных: *мрачный византизм, византийская гниль, мертвящий византизм* (Бердяев), *преходящее сновидение, проповедь византизма* (Соловьев).

На наш взгляд, в этом несовпадении взглядов проявляется аксиологическая функция философии, заключающаяся в оценке явлений окружающего мира с точки зрения различных ценностей. Разность аксиологических оценок порождает разницу в текстовом употреблении философских терминов у К. Н. Леонтьева и его критиков.

Отметим, что в русском публицистическом дискурсе термины *византизм* и *византинизм* используются крайне ограниченно: данные «Библиотеки лексикографа» и НКРЯ говорят об активном употреблении в публицистике родственного слова *византийство*, — как правило, с подчеркнута негативной коннотацией.

Не ставя перед собой задачи подробно анализировать семную структуру слова *византийство*, отметим, что еще Ф. И. Успенский говорил о конкуренции этого термина в начале прошлого века с определением *византинизм*; впоследствии первое слово было вытеснено из научного дискурса. Утратив терминологический статус, слово *византийство* стало использоваться в языке художественной литературе, в критике и публицистике. Большинство проанализированных словоупотреблений говорят о сужении значения производного слова: *византийство* включает такие компоненты смысла, как безнравственность, хитрость, способность к интригам, пышность, роскошь и характеризует человеческие взаимоотношения.

Приведем несколько характерных примеров из «Библиотеки лексикографа» и НКРЯ: *По мере того как прежде в пропаганде, в печати, в школах поднималась волна отвратительного византийства, Сталин никак не мог терпеть на ответственных административных постах людей, которые знали правду и которые сознательно гово-*

рили ложь в качестве доказательства своей верности вождю [Л. Д. Троцкий. Сталин // Библиотека лексикографа]; *Лишь в это время появились у нас новые идеалы, олицетворением которых представляется Чацкий с его горячим патриотизмом <...>, гордым сознанием своего человеческого достоинства и свободой от всяких суеверий, светских предрассудков и стеснительных условий общежития, унаследованных нашим обществом от времен татарского ига, византийства и домостроевщины* [А. Скабичевский. Александр Грибоедов // Библиотека лексикографа]; *Личность мою уничтожили и византийство и татарщина, и петровщина... <...> Не разработанное в этом отношении сердце, ... закованное в крепкую кору византийства, не хочет, не может быть внимательным и отзывчивым на мелочи...* [Г. И. Успенский. Волей-неволей // НКРЯ]; *Византийство как политическая культура, как способ даже не вершить политику, но просто выживать в номенклатуре — суть такой Системы. <...> А кто был не в состоянии освоить науку византийства, отсеивался. Тот же, кто выживал, становился гроссмейстером византийства, выигрывая не одну олимпиаду аппаратных интриг* [Александр Яковлев. Омут памяти // НКРЯ].

Видимо, негативно окрашенное значение лексемы *византизм* (*византинизм*), которое описывали еще А. Н. Чудинов и Ф. И. Успенский, закрепилось именно за употребляемым в публицистике словом *византийство*, которое «оттянуло», «взяло на себя» это второе, оценочное значение от терминов *византизм* и *византинизм*.

Подведем некоторые итоги. Анализ источников, относящихся к разным временным периодам, говорит о нескольких тенденциях в употреблении слов *византизм* и *византинизм*. Первоначально в научном дискурсе использовался заимствованный термин *византинизм*, соотносящийся с западной, прежде всего немецкой, традицией словоупотребления. На наш взгляд, можно говорить о двух взаимосвязанных значениях исторического и культурологического термина: 1) совокупность всех черт, под влиянием которых в строго определенный исторический период сформировалась Византийская империя; 2) совокупность политических, государственных, церковных и этнографических особенностей, носителем которых была Византийская империя.

В 70-х гг. XIX в. термин *византизм* (образованный, по всей вероятности, за счет словообразовательных ресурсов русского языка) стал ассоциироваться с политическими идеями К. Н. Леонтьева («*Византизм*

в государстве значит самодержавие...»), для которого византизм был идеалом государственного устройства и средством охранения православия, святости и русскости.

В этих значениях термины выступают как паронимы, т. е. однокоренные слова разной словообразовательной модели со сходным звучанием и разными, хотя и соотносительными значениями. Различия в значениях слов подтверждаются различиями парадигматических и синтагматических связей слов и функционированием в разных типах дискурса. Можно говорить о формировании в русском языке ряда соотносительных единиц:

1)нейтральный собственно исторический и/или культурологический термин, допускающий дублетную синонимию (*византизм* и доп. *византизм*), традиционно использующийся в научном (истории, истории философии, истории церкви, культурологии) дискурсе;

2)паронимический авторский философский термин К. Н. Леонтьева *византизм* с подчеркнuto позитивной коннотацией, ограниченный религиозно-философским дискурсом самого К. Н. Леонтьева;

3)интерпретационные варианты термина *византизм* с негативной коннотацией у философов — критиков концепции К. Н. Леонтьева; авторский термин *византизм* и его интерпретационные варианты используются в философском и религиозно-философском дискурсах оппонентов К. Н. Леонтьева;

4)слово *византийство*, утратившее характер термина, значение — производное от исторического термина (деспотизм, разврат, лезть...); сфера использования — публицистический дискурс, язык художественной литературы, критика;

5)слова *византизм* и *византинизм*, употребляющиеся в публицистическом и художественном дискурсах с тем же значением, что у слова *византийство*.

В заключение отметим, что в употреблении описанных единиц, в частности научного и философского терминов, наблюдается непоследовательность и путаница. Полученные нами данные контекстуального анализа лексем *византизм* и *византинизм* говорят о том, что для подобного смешения — крайне нежелательного для научного дискурса — есть основания: близкие по семантике и по звучанию термины появились в языке почти одновременно. Добавим также, что некоторые исследователи признают различия в значениях терминов *византизм* и *визан-*

тинизм, однако большинство авторов употребляет эти лексемы как однокоренные синонимы, отдавая явное предпочтение более краткому и благозвучному *византизм*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азарова Н. М.* Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. — М.: Гнозис, 2010.

2. *Лебедева Г. Е.* К истории изучения церковной историографии конца XIX — начала XX века // *Verbum*. — СПб., 2000. Вып. 3: Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России.

СЛОВАРИ

3. *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. — М.: Мысль, 2001.

4. *Русская философия*: энцикл. / под общ. ред. М. А. Маслина. — М.: Алгоритм: Книга, 2007.

5. *Словарь русского языка = МАС*: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

6. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*: в 82 т. и 4 доп. т. — СПб.: Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон, 1890—1907.

7. *Чудинов А. Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. — СПб., 1902.

ИСТОЧНИКИ

8. *Бачинин В.* Общественные грехи византинизма // *Русский архипелаг*: сетевой проект «Русского мира». URL: <http://www.archipelag.ru/authors/bachinin/?library=1934>.

9. *Бердяев Н. А.* К. Леонтьев — философ реакционной романтики // К. Н. Леонтьев: Pro et Contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. — СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 1.

10. *Библиотека лексикографа*: электронный ресурс / Словарный отдел ИЛИ РАН; Бурькин А. А., сост. (Версия 2012).

11. *Василенко Л. И.* Введение в русскую религиозную философию. — М.: Республика, 2009.

12. *НКРЯ* = Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

13. *Северикова Н. М.* Андраникизм как византистская идея // *Вопр. гуманит. наук*. 2005. № 6.

14. *Соколов И. И.* О византинизме в церковно-историческом отношении. — СПб., 1903.

15. *Соловьев Вл. С.* Памяти К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: Pro et Contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. — СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 1.

16. *Успенский Ф. И.* История Византийской империи VI—IX вв. — М.: Мысль, 1996.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Сергеева

А. А. Коряковцев А. А. Koryakovtsev
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ
КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА**

(на примере позднесоветской эпохи)

Аннотация. Политические анекдоты являются элементом смеховой культуры общества и в то же время способом выражения социального протеста. Рассматривается протестная роль, которую они играли в позднесоветскую эпоху. Обращается внимание как на действенность, так и на ограниченность этого политического оружия.

Ключевые слова: политические анекдоты; социальный протест; советское общество; смеховая культура; перестройка.

Сведения об авторе: Коряковцев Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и организации работы с молодежью.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620142, г. Екатеринбург, ул 8 Марта, 75.
e-mail: akoryakovtsev@yandex.ru.

**POLITICAL JOKE
AS A MEANS OF SOCIAL PROTEST**

(on the example
of late-Soviet epoch)

Abstract. Political joke is an element of social laughter culture and at the same time — it is a means of social protest. This article discusses protest role of political joke during late-soviet epoch. The author pays attention to the effectiveness and limited nature of this political gun.

Key words: political joke; social protest; Soviet society; laughter culture; Perestroika.

About the author: Koryakovtsev Andrey Aleksandrovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Chair of Political Science and Work with Young People.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Ни в чем так не проявляют исторические эпохи свой неповторимый характер, как в смехе обывателя. Прежде всего потому, что смех — одна из тех редких сфер существования обывателя, где он проявляет свою свободу. Телевизионный клоун может смеяться за деньги, но это смех, за которым стоит серьезный расчет мастера художественной манипуляции. А вот зритель если и засмеется, то только над тем, что действительно считает смешным. В смехе проявляется его истинное, свободное отношение к тому, над чем он смеется. В смехе выражается лишь его собственное свободное чувство юмора. То, над чем смеется народ, является тем, от чего он считает себя внутренне свободным и от чего хочет стать свободным внешне.

Смех либо предполагает равенство между смеющимся и объектом смеха, либо ставит смеющегося над осмеиваемым. Над Богом, в которого верят, не смеются. Не случайно в Библии есть всё, даже эротика, однако в ней нет юмора. Смех в священном тексте воспринимается как кощунство, как оскорбление самого Бога. Над Богом смеются только тогда, когда он считается ложным или ниспровергаемым. Так смеются и над партийным вождем и боссом, когда им больше не доверяют. Смех как симптом свободы противоположен догматической вере. Он свидетельствует об автономии личности

и содержит в себе зерно богоборчества и социальной критики. Смеются над тем, чего боятся, но как раз потому, что смех помогает преодолеть страх. Смех позволяет почувствовать дистанцию между смеющимся и осмеиваемым. Освобождение часто начинается с того, что угнетатель в глазах угнетенного становится смешным.

Но сам по себе смех ничего не изменяет в окружающем мире. Поэтому власть порой может его терпеть. Он только обозначает сферу свободы простых людей и объект социальной критики. Поэтому власть его всё же боится.

В советское время одной из форм идейного противостояния гражданского общества режиму были политические анекдоты. Не имея возможности воспрепятствовать их распространению, советская пропаганда утверждала, что они есть продукт творчества враждебных спецслужб. Не будем обсуждать, так это или нет. Фактом является то, что в самом СССР политические анекдоты распространялись без чьей-либо внешней помощи самими обывателями, ибо помогали им дистанцироваться от неласковой повседневности режима, входящего в смертельный кризис. Только этим можно объяснить, что новые анекдоты возникали нередко как парафраз старых, как развитие кем-то выдуманного сюжетного клише. Если даже политические анекдоты изначально имели кон-

кретных авторов (допустим, прописанных в западных спецслужбах), то это означало лишь, что советский народ, толкая их на свой манер в новой исторической ситуации, становился их полноправным соавтором.

Все иные формы гражданского протеста партийно-государственная номенклатура могла запретить и уничтожить. А вот вольный смех уничтожить она оказалась неспособной. Можно, конечно, наказывать за осмеяние «общественных святынь». Но в этом случае сама власть лишь становилась посмешищем для «лагерной пыли». Вольный смех в советское время звучал и за колючей проволокой, ведь его можно уничтожить только вместе со смеющимися.

Общественные явления, которые не удается ликвидировать, власть, как правило, пытается возглавить. Так и в последние («горбачевские») годы советской эпохи, перед лицом нарастающего кризиса, она присвоила протестные символы и протестное содержание гражданских движений, в том числе и их смеховую составляющую. Коммунистическое мировоззрение уже не работало в качестве идеологии, мобилизующей массы, и его безжалостное осмеяние было допущено самой номенклатурой. Героический пафос, на котором держалась идеология режима, постепенно уступал место иронии и юмору, снижающим всякий смысл, выходящий за рамки потребностей обывателя. В результате этого в той общественной ситуации не только мельчал сам юмор, но и изменилось социальное содержание политического антисоветского анекдота: из орудия социальной критики он стал средством социальной апологетики. Сводя социальную критику и сатиру к отрицанию «коммунистического» прошлого, власть выводила из-под удара не менее безрадостное «антикоммунистическое» настоящее.

Таким образом, когда-то страшный и казавшийся неизбежным советский «тоталитарный режим», его ценности, лидеры, идеология и сама социальная система в целом оказались подвергнуты *карнавализации* — сверху и снизу. И обыватель окончательно перестал их бояться. Режим был сведен к символам и идеям, которые высмеивались от имени самой власти. Перемена символа и идей представилась изменением социальной системы как таковой.

Вот почему так неожиданно легко произошел крах советского режима: к концу 1980-х гг. значение СССР в сознании большинства людей было более символическим, нежели реальным. Как символ не столько героического прошлого, сколько убогого настоящего, он стал не нужен почти никому. Но

самое главное состоит в другом: он стал не нужен самой партийно-государственной номенклатуре. Она убедилась в неэффективности советских идеологических и символических форм в деле управления гражданским обществом. В новых исторических условиях политическое господство возможно было осуществлять только встав под знамена протестной идеологии. Манипуляция протестными и охранительными символами и идеологическими штампами в конце 80-х и начале 90-х заменили не только баррикады и политические репрессии, но и реальную трансформацию общественных отношений.

Конечно, еще в советское время, при перестройке, был *легализован* свободный рынок (существовавший в советское время в латентной форме «теневой экономики»), вследствие чего стала развиваться мелкая и средняя частная собственность граждан (собственность так называемых кооператоров и фермеров). Это стало, пожалуй, самым большим завоеванием перестройки в экономической сфере. На данной основе стало зарождаться новое гражданское общество. Однако мелкая и средняя собственность не играла заметной роли в экономике, и во время «радикальных реформ» 1990-х гг. была поставлена под жесткий контроль коррумпированного государства и крупного капитала. А вместе с ее независимостью были уничтожены и ростки нового гражданского общества.

Поэтому «антисоветская революция» 1980-х гг. оказалась виртуальной. И это произошло потому, что виртуален был ее предмет — не система социальных связей, а символы и идеология, связанные с ее становлением и утратившие какой-либо смысл, прежде всего для самих правящих кругов. «Радикальные реформы» 1990-х гг., после уничтожения Советского Союза открывшие эпоху так называемой «приватизации», в действительности только усовершенствовали старую систему управления. «Приватизацию» изображают как уничтожение общественной собственности и рождение собственности частной, но это не верно, поскольку на самом деле она означала только изменение характера частной собственности, ее перераспределение. Из корпоративной собственности партноменклатуры, господствовавшей в СССР (*специфически частной*), она превращалась в собственность отдельных лиц. Но кто были эти лица? Кто был способен выкупить государственные предприятия и наладить их работу? Только тот, кто обладал первоначальным капиталом и соответствующими навыками управления. Это были либо представители возникших

еще в советское время криминальных кругов, либо сама номенклатура, быстро научившаяся конвертировать свою власть в денежный капитал и обратно. В этой трансформации форм частной собственности так же, как и при советском режиме, преобладали силовые («волюнтаристские») методы. Это способствовало воспроизводству не экономических, а прежних административных социальных связей. Таким образом, правильнее было бы говорить, что в 1990-х гг. происходили процессы не приватизации, а включения в легализованный еще в перестройку свободный рынок новых социальных слоев, и прежде всего самой номенклатуры. Криминальный же элемент либо вошел в ее новый состав, либо был вытеснен обратно в «теневой» сектор экономики, либо вообще был изгнан из экономической деятельности в ходе показательных судебных процессов.

В результате социальная революция, ограниченная лишь культурными формами (политическим анекдотом, рок-н-роллом, религиозным возрождением, приобщением к литературе, возвращением из спецхрана, и созданием новых социальных мифов и т. п.) и не могущая представить никакой альтернативы в сфере общественной (экономической и политической) практики, показала свою силу и свое бессилие. Используя политический анекдот (среди всего прочего) как свое духовное оружие, она сама вскоре стала предметом политических анекдотов, получив карикатуру на себя в виде «цветных революций» на Украине и в Грузии.

Таким образом был реализован весь социально-критический багаж гражданского общества советской эпохи — того гражданского общества, которое сложилось в 1960—1970-х гг. Конечно, советское государство всячески препятствовало его независимому формированию и развитию, подвергая репрессиям его деятелей. Однако в то же время сам советский строй, а именно свойственные ему бесплатные социальные услуги, почти полное отсутствие безработицы, гарантированный прожиточный минимум и, наконец, щадящие условия труда, способствовал развитию личности и, стало быть, гражданского общества, в такой степени, что власть, стоящая на страже этого строя, ничего не могла с этим процессом поделать. Таким образом, и тот, кто ругает «тоталитарный совок», и тот, кто ностальгически вспоминает о нем, — *оба правы*. Только первый говорит об отношении государства к гражданскому обществу, а второй — об общественных отношениях, существующих *помимо* государства и даже *вопреки* ему. То и другое взаимно друг друга обуславливало

и существовало в рамках одной и той же социальной системы. Советское государство развивало сферу общественного потребления, но потребности людей выходили за рамки, предустановленные идеологией, вкусами, психологическими и идейными установками, сформировавшимися в прежнюю эпоху становления индустриальной цивилизации. В результате возникла неофициальная культура, представленная не только такими влиятельными личностями, как И. Бродский, Б. Окуджава, Б. Гребенщиков (этот список можно продолжить), но и сотнями тысяч безвестных авторов и рассказчиков ставших тогда популярными политических анекдотов.

1960-е и 1970-е гг. на самом деле не были эпохой «застоя», как утверждала диссидентская и эмигрантская антисоветская пресса. Это было время чрезвычайно продуктивного духовного развития гражданского общества. Как раз наоборот, десятилетия, последовавшие вслед за крахом Советского Союза, в идейном отношении не дали ничего принципиально нового. Власть, присвоив протестные смыслы и символы, способствовала свертыванию гражданской активности. Этим объясняется то, что в условиях формальной демократии, в 1990-х и нулевых годах, российская культура переживает крайний упадок, выразившийся в повсеместном политическом конформизме и религиозном возрождении. Гражданское общество пореформенной России либо воспроизводило смыслы, высказанные в пресловутую эпоху «застоя», либо осваивало идеи, пришедшие с Запада (неолиберализм, постмодернизм и пр.). В обоих случаях это означало *действительный* интеллектуальный застой. «Старые песни о главном» (телевизионная передача 1990-х гг., в которой новые исполнители пели советские песни) стали нескончаемыми, обрели статус официальной идеологии. И чем старше они были, тем больше годились для обоснования новой власти. В конце концов в первые президентские сроки В. В. Путина это вылилось в частичную реконструкцию перераспределительной экономики и политической вертикали под прикрытием официальной религиозности и ценностей традиционализма. Во многом эта эволюция была вынужденной реакцией правящих кругов на практическую несостоятельность левых и либерально-демократических социальных проектов (равным образом как «демократического социализма», так и «капитализма с человеческим лицом»). Дело, таким образом, не столько в том, что нынешняя власть в России плоха, сколько в том, что власть предыдущая, как и нынешняя оппозиция, — *еще хуже*.

Таким образом, круг замкнулся. Общественные отношения (базирующиеся на силовом управлении и административных связях), на которых основывался советский строй, воспроизвелись, но на новом уровне и в рамках иной идеологии. В старые меха влили новое вино, впрочем, булькающее и пьянящее по-старому. Пржнее содержание общественных отношений, прежние ритуалы и штампы общественного поведения никуда не исчезли, они просто приняли новый облик. Из страны «победившего социализма» современная Россия превратилась в страну победившего постмодернизма, культивирующего эклектику и смешение стилей. В результате наложения двух культур — старой, советской, и нынешней, консервативной, — друг на друга возникла дикая эклектика: иные коммунисты молятся Богу, а в рядах РПЦ возникло движение, ратующее за возведение Сталина в ранг святого. Сейчас уже речи «демократических» начальников и религиозных лидеров по своему содержанию всё более подходят на речи генсеков

поздней советской эпохи. Российская повседневность вновь заполнилась комическими сюжетами и персонажами. Общественный абсурд воспроизводится в расширенном виде. Это означает, что возникает пища для новых политических анекдотов! Их появление на страницах печатных СМИ и Интернета говорит как минимум о начале формирования нового гражданского общества, о скором рождении новых социально-критических смыслов и идей. Правда, с непредсказуемым результатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса (1965 г.) // М. М. Бахтин. Собр. соч. Т. 4 (2). — М. : Языки славянских культур, 2010. С. 7—508.
2. *Коряковцев А.* Идеология социального протеста в советскую эпоху. Начальный этап эволюции // Социс. 2010. № 6 С. 35—45.
3. *Раскин И.* Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. — М. : Стоок, 1999.

Статью рекомендует к публикации д-р полит. наук Л. Г. Фишман

Т. И. Краснова Т. I. Krasnova

Санкт-Петербург, Россия St. Petersburg, Russia

**ОБРАЗ РОССИИ:
СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
В ПАДЕЖНОМ ФРЕЙМЕ**

**IMAGE OF RUSSIA:
A WAY OF REPRESENTATION
IN A CASE FRAME**

Аннотация. На материале выходявшей в Стокгольме русской газеты «Скандинавский листок» (1915—1918) в сопоставлении друг с другом рассматриваются падежные связи слов «Россия» и «Швеция». Устанавливается, что России чаще достается пассивная роль, в то время как Швеции — роль активно действующего субъекта. Это связывается с политической конъюнктурой и чрезвычайными условиями военного времени и революции.

Abstract. On the basis of the material of the Russian newspaper “Scandinavian Paper” published in Stockholm (1915—1918) case relations of the words “Russia” and “Sweden” are studied. It is found that Russia usually performs passive function, while Sweden is an actively functioning subject. It is connected with the political state of affairs and emergency state of the period of war and revolution.

Ключевые слова: падеж; агенс; пациенс; стереотипная сочетаемость; референт; предложно-падежная схема.

Key words: case; agent; patient; stereotypical combinability; referent; sentence-case scheme.

Сведения об авторе: Краснова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речевой коммуникации, факультет журналистики.

About the author: Krasnova Tatiana Ivanovna, candidate of PhD, Krasnova Tatiana Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Verbal Communication, Faculty of Journalism.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Place of employment: St. Petersburg State University.

Контактная информация: 197348, г. Санкт-Петербург, п/я 29.
e-mail: taikrasnova@yandex.ru.

Материалом лингвистических наблюдений стала выходявшая в годы Первой мировой войны в Стокгольме русская торгово-промышленная газета «Скандинавский листок» (1915—1918). В публикациях этой газеты нас заинтересовал аспект доминирующих падежных связей ключевого слова *Россия*, которое в рамках пропозиционального (политико-экономического) отношения «агенс — пациенс» рассматривается у нас в сопоставлении с именем *Швеция*.

ны мира способна показать «уровень значимой типизации, отражаемой в картине действительности» [Букаренко 2007: 478], а сами доминирующие связи, в свою очередь, могут быть национально отличительными в ту или иную эпоху для некоторых социальных групп народа. Ср. мнение Н. Д. Зарубиной и А. А. Леонтьева: «Национальное своеобразие видится в наличии/отсутствии тех или иных концептов, их ценностной иерархии, системе связей и проч.» [Цит. по указ. соч.]. В системе языковых связей центральное место принадлежит связи «предмет и его действие».

Именные категории, в частности категория падежа, соотносятся с точкой зрения говорящего через синтаксическую конструкцию, которая, в свою очередь, характеризуется определенными функционально-текстовыми возможностями [Онипенко 2007: 322]. По сути мы имеем дело со схемной семантикой, которая касается «набора ролей и допустимых их сочетаний — „падежных рамок“, или „фреймов“, в составе высказывания» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 357]. Встает вопрос, как сказывается наличие таких рамок для референтов *Швеция* и *Россия* в газетном дискурсе периода мировой войны и революционной ситуации в России.

Дескрипция *Россия* в подавляющем большинстве находится в позиции пациенса (см. публикации в газете за 1917—1918 гг.). Преобладают именные словосочетания с дескрипциями *русский*, *российский*. Присутствует множество сведений из русских источников, фактов из русской жизни, истории культуры. Эта ассоциативная множественность и приводит к разнообразию и количественной частоте использования указанных дескрипций как в заголовках, так и в текстах.

Стереотипная сочетаемость как отражение доминирующих связей языковой карти-

Исходная форма имени (именительный падеж, позиция субъекта) встречается во множестве заголовков, в которых имя *Рос-*

сия сочетается союзом *и* с именем другой страны. Символизируется идея равнозначного соединения: «Россия и Норвегия», «Россия и Египет», «Турция и Россия», «Соединенные Штаты и Россия». Привлекают внимание соединения с неоднородными, или неравнозначными именами: одно называет «отрасль экономики», другое — целую страну (Россию): «Американские банки и Россия», «Норвежская промышленность и Россия», «Шерстяное дело во Франции и Россия». На фоне этого стереотипа заголовок «Нижегородская ярмарка и шведская промышленность» выглядит более логичным по соотношению соединяемых понятий. В манере объединять в заголовках наименования отрасли и страны можно усмотреть *чисто формальное, представительское* употребление номинации *Россия*. Такая недифференцированная обобщенность, на наш взгляд, сродни показателю пассивного начала, которое вольно или невольно возникает в «Скандинавском листке» в связи с образом России. Союз *и* выступает в роли носителя концептуальной идеи «сближение, соединение» там, где речь идет о торговом союзе между Россией и Скандинавскими странами: *Но нужна более планомерная и интенсивная деятельность, главным образом информационная, дабы Россия и Швеция стали ближе друг к другу. Идея соединения просматривается и в заголовках, и в текстах с генетивными формами наименований. Заголовки: Торговые сношения Дании и России. О торговых сношениях Швеции и России. Перспективы торгового сближения Норвегии и России. Сравните также сочетания в составе высказываний: товарообмен Швеции и России; экономическое и культурное сближение Швеции и России; по вопросу об экономическом сближении России и Скандинавских стран.* Встречается и обратное явление — нарочитое разделение наименований стран посредством сопоставительно-разделительного союза *как, так и: Начинать это следует приветствовать и поощрять самым широким образом в интересах как Швеции, так и России.* Фоновые знания поддерживают это разделение, так как речь идет об интересах разных стран.

В составе текстов в падеже субъекта *Россия* выступает чаще в роли **пациенса**. Сопровождающая предикативный центр субъективная оценочность атрибутивных усилителей создает негативную окраску такого положения. При этом актант *Россия* характеризуется:

а) как объект чьих-то действий со стороны. Ср.: *В ближайшем прошлом Россия коммерчески так тесно была связана с Германи-*

ей, что...; ...из всех стран Европы Россия экономически наименее развита; вспыхнула мировая кровавая бойня и Россия оказалась отрезанной от Европы; Русская промышленность слишком ослаблена войной и социалистическими экспериментами и на промышленный подъем нет пока надежд;

б) как пассивный субъект при глаголе ментального действия (*знала*) и глаголе волитивного действия (*привести*), осуществляемого со стороны абстрактного агенса (*политика*): *«Старая Россия знала исключительно пассивную торговую политику, которая и привела Россию к полному подчинению Германии».*

Образ пациенса, связанный в пространственно-временном контексте с Россией, так силен, что возникает даже в связи со стереотипным предикатом «лежит» (о географическом положении). При этом контекст, в который предикат включен, отмечен семантикой деятельности, свойственной торговому агенту в Швеции: *Пусть нам кажется, что Россия лежит не в Европе, а в Южной Америке. Ведем же мы дела со всеми внеевропейскими странами, куда письма даже в нормальное время идут неделями; Вся беда в том, что в переписке с Россией ничего нельзя высчитать: иногда письмо идет месяц, иногда — два (Скандинавский листок. 1917. 28 апр.).*

Роль **агенса** дается России, когда речь идет о будущем или прошлом страны. Как известно, под именем агенса могут выступать самые различные и по-разному действующие сущности: не только наименования лиц, живых существ, но также имена неживых предметов и абстрактных сущностей [Степанов 2001; Красухин 2007]. Активность России как агенса, контролирующего свои действия в плане настоящего, усматривается в заголовках и текстах по материалам торговли в 1915—1916 гг. Во всех случаях присутствует интерпретационная точка зрения ИС газеты.

• **Будущее.** Выражается субъективная уверенность и вера в возможность правильных действий России в будущем, причем излагаемое напоминает сценарий действий, которые предписывается выполнять России.

• **Прошлое.** В материалах историко-культурного содержания констатируется активность России как сильного деятеля в прошлом.

• **Настоящее.** В роли семантического агенса слово *Россия* встречается в заголовках, в которых выступает генетивом при номинализованном действии или обобщенных именах, связанных с управлением: *Торговые*

сближения России; Торговая политика России в 1915 г.; Внешняя торговля России через Владивосток за первую половину 1916 г. В заголовках о взаимоотношениях стран препозиция имени означает бенефактив и приоритетную точку зрения России как самостоятельного деятеля: *Сближение России с Америкой; Пересмотр торгового договора России с Соед. Штатами.* В газете нашла отражение речемыслительная активность, связанная с исполнением должностной роли высокопоставленными лицами России в 1915—1917 гг. В частности, такая активность развивалась в отношении установления или преодоления разного рода запретов.

В **творительном падеже** (с *Россией*) наименование страны в составе высказываний выступает в статической роли пациенса, в то время как смысл высказываний имеет отношение к желаниям, планам или действиям другого контролирующего субъекта. Сравните: *завязать торговые сношения с Россией; анкета о торговле с Россией; послужат ознакомлению широких кругов шведского общества с Россией.* Именная форма в позиции творительного падежа с союзом (и *Россией*) обладает семой взаимности — 'между кем и кем'. Здесь имя *Россия* выступает в функции объекта наряду с другим таким же равноправным наименованием страны-партнера. Эти сочетания особенно характерны для заголовков: *Морское сообщение между Швецией и Россией. Воздушное сообщение между Швецией и Россией. Шмоллер о будущих торговых отношениях между Россией и Германией. „Exporters Review“ о возможностях торговых отношений между С. Штатами и Россией.* Дескрипция в позиции творительного изъяснительного падежа ('о ком') фигурирует как объект познания: *устройство лекций о России, ряд публичных лекций о России на шведском языке, новый ценный вклад в шведскую литературу о России.*

Предложно-падежная схема в заголовках обрабатывает типичную ситуацию информационного сообщения с пространственной локализацией «что — где» («куда — откуда»): *Шведские банки и банковое дело в России. Японские станки в России. Электротехнические товары в России. Металлический рынок в России. Развитие туризма в России. Подготовительная работа для экспорта в Россию. Кожа и обувь из Америки в Россию. Импорт пишущих машин в Россию. Порядок ввоза скота в Россию. Вывоз продуктов удобрения из Швеции в Россию. Ввоз предметов роскоши в Россию. Вывоз товаров из России. Вывоз легких кож из России. Вывоз льна из России.*

К вывозу мехов из России. К вопросу о запрещении вывоза щетины из России. К запрещению вывоза товаров из России.

Широко представлен **падежный фрейм** с широкой для России семантикой «**субъект — объект пользы**». Он образует ведущие в торгово-промышленном и, попутно, культурно-обзорном дискурсе конструкции с семантикой «цель — средство».

Актантные позиции и падежные связи слова *Швеция* отличаются от рассмотренных выше. Уровень значимости слова *Швеция* в семантической роли «активно действующий субъект» довольно высок. Именные словосочетания с актантом *Швеция* в пассивном падеже объекта для изучаемого коммерческого дискурса не характерны. Сложившиеся в газете образы стран — не только России, но и Швеции как заинтересованного активного партнера России — имеют контекстуальное и политико-историческое обоснование, связанное с обстоятельствами военного времени, удобным географическим положением стран, политической конъюнктурой.

В контексте группы предикатов качественно-количественной характеристики приобретают положительные или отрицательные коннотации. Положение референта *Россия* в текстовых ситуациях обусловлено предикативной связью с глагольными и глагольно-именными формами, передающими смысл 'лишения, потери' (*лишиться, прекратить, нарушить*), семантику 'препятствия' в существовании объекта (*затруднить, ослабить, углубить, отразиться на, потерять надежду*). В контексте предикативных связей *Россия* существует как пассивный экспериенсер, а не активный контролер жизненных ситуаций: *Торговые сношения России и Швеции в последнее время затруднены благодаря общей политической конъюнктуре. Чрезвычайно чувствительно отзывается на завершение коммерческих сделок также нарушение правильного течения банковской жизни в России.* Значение неагентивности в предикативной канве изложения подразумевает, что отрицательное событие произошло *как бы само собой*, без участия или желания человека. Неагентивность относят к семантическому универсуму русского языка и считают приметой русского языкового сознания [Вежицкая 1996; см. также: Падучева 1996: 27]. Между тем приведенные тексты, касающиеся России, можно назвать дипломатичными. Хотя они включают негативные смыслы, в качестве каузаторов негативного положения обозначены **объекты**: «политическая конъюнктура», «нарушение течения банковской жизни».

Референт *Швеция*, наоборот, удерживает при себе глагольные предикаты позитивной семантики с множителями 'укрепление', 'развитие', 'увеличение': *наладить, развить, благоприятствовать; укрепиться, увеличиться, оживиться; процветать*. Глагольная схема большинства этих предикатов является волитивной. Нельзя не заметить, что в эту картину включена и Россия как взаимовыгодный партнер Швеции. В соответствии с предикатами, основной модус сообщаемого о Швеции — уверенность в реальном будущем, в противоположность России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букаренко С. Г. Стереотипная сочетаемость как отражение доминирующих связей языковой картины мира (к постановке проблемы) // Русский язык: исторические судьбы и современность. — М. : МАКС Пресс, 2007.

2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / отв. ред. М. А. Кронгауз. — М. : Рус. словари, 1996.

3. Красухин К. Г. Проблема агенса в русской и общей грамматике // Русский язык: исторические судьбы и современность. — М. : МАКС Пресс, 2007.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Сов. энцикл., 1990.

5. Ониненко Н. К. Грамматика точки зрения и падеж (к проблеме «выбора падежа») // Русский язык: исторические судьбы и современность. — М. : МАКС Пресс, 2007.

6. Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. — М. : Языки русской культуры, 1996.

7. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

И. В. Култышева I. V. Kultysheva
Нижний Тагил, Россия Nizhny Tagil, Russia

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ
ВО ВРЕМЯ ТЕЛЕДЕБАТОВ
ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 2011 ГОДА**

Аннотация. В статье анализируются ключевые стратегии представителей партий, принимающих участие в теледебатах в рамках предвыборной кампании в Государственную думу шестого созыва.

Ключевые слова: стратегия; тактики; теледебаты.

Сведения об авторе: Култышева Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью и рекламы.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
e-mail: chur-irina@yandex.ru.

**THE USE
OF COMMUNICATIVE STRATEGIES
IN TV DEBATES
OF ELECTION CAMPAIGN OF 2011**

Abstract. Key strategies used by the parties representatives who took part in TV debates during election campaign to the Sixth State Duma are analysed in the article.

Key words: strategy; tactic; TV debates.

About the author: Kultysheva Irina Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of PR and Advertising.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy.

Политические дебаты во время избирательной кампании — один из самых богатых материалов для анализа коммуникативных стратегий, которые используются политическими лидерами.

Теледебатам свойственны общественный характер, официальность и публичность. В России теледебаты проводятся с 1991 г., однако до сих пор не разработаны единые правила их проведения. Специфика теледебатов формируется за счет особых ситуативных условий: устная спонтанная речь в ее диалогической форме в ситуации непосредственного общения с дистанционным и пассивным истинным адресатом, при которой очень важна невербальная коммуникация.

Исследование осуществлялось методом сплошной выборки вербальных составляющих речи политика во время устного выступления на теледебатах.

Теледебаты кандидатов в Государственную думу проходили на каналах «Первый», «Россия 1», «Россия 24», «ТВ Центр». Каждая партия имела одинаковое количество времени для агитации. Единицей анализа мы определили собственно выступления представителя партии для агитации (обращение, вопрос оппонентам, ответ на вопрос оппонента).

Материалы Международной научной конференции «Политическая коммуникация» (24—26 сентября 2013 г., Екатеринбург).

Работа выполнена в рамках гранта Президента для поддержки молодых ученых: грант МК-2720.2013.6 «Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе».

На теледебатах партии представляли:

- **«Единую Россию»** — Сергей Иванович Неверов, Олег Викторович Морозов, Сергей Владимирович Железняк;

- **«Справедливую Россию»** — Геннадий Владимирович Гудков, Сергей Михайлович Миронов, Семен Аркадьевич Багдасаров; Оксана Генриховна Дмитриева;

- **КПРФ** — Геннадий Андреевич Зюганов, Светлана Евгеньевна Савицкая, Дмитрий Новиков; Валерий Федорович Рашкин;

- **ЛДПР** — Владимир Вольфович Жириновский;

- **«Правое дело»** — Владислав Леонидович Иноземцев, Андрей Владимирович Богданов;

- **«Патриотов России»** — Геннадий Юрьевич Семигин, Надежда Корнеева;

- **«Яблоко»** — Григорий Алексеевич Явлинский, Сергей Сергеевич Митрохин.

Всего нами было рассмотрено 39 выступлений в рамках 13 теледебатов. Обратимся к доминирующим коммуникативным стратегиям каждой партии.

Представители партии «Единая Россия» приняли участие в 3 теледебатах (9 выступлений). От имени этой партии выступали Сергей Иванович Неверов, Олег Викторович Морозов, Сергей Владимирович Железняк, Николай Николаевич Гончар.

Как показывает наш анализ, **доминирующая стратегия данной партии — стратегия удержания власти.** «Единая Россия» чаще всего обращается к стратегии удержания власти, демонстрируя высокий уровень риторической грамотности.

Все представители партии удачно используют тактику признания существования той или иной проблемы и тактику оценки проблемы, тактику разъяснения и комментирования, а также тактику акцентирования положительной информации.

1. *Наша первая и самая главная проблема — ослабление воли. Потеря государственной воли и настойчивости в доведении начатых дел до конца* (С. И. Неверов, 16.11.2011).

2. *Для нас внутренняя политика — это прежде всего решение двух главных задач: государство должно выполнять свои обязательства, и второе — люди должны жить лучше* (С. И. Неверов, 16.11.2011).

3. *В период 1995—2000 гг. проведена вся грабительская приватизация. В этот период принимались все бюджеты, которые довели сегодня страну до ручки. В этот период, когда завершался 2000 год, мы получили страну с 200 млрд долгом. Мы получили страну с пустой казной. Геннадий Андреевич любит говорить о том, что сегодня они вернут* (С. И. Неверов, 16.11.2011).

Тактика комментирования — это тактика, представленная высказываниями, поясняющими смысл контекста. Она также реализуется через демонстрацию политической силы с помощью слов, выражающих уверенность.

1. *Залог успеха — это единство нашего общества. Поэтому мы призываем всех объединиться во имя будущего* (С. И. Неверов, 16.11.2011).

2. *Мы обязаны, прежде всего, довести до конца программу политических преобразований...* (О. В. Морозов, 15.11.2011).

Указывая на путь решения проблемы, кандидат предлагает конкретные действия взамен простых, размытых обещаний дать благо. Умелое использование политиком тактики указания на путь решения в конечном итоге дает слушателям надежду на лучшее будущее, нейтрализует негативное отношение населения к ситуации в стране, способствует формированию чувства доверия к своим лидерам.

1. *Мы намерены на 25 млн увеличить количество рабочих мест, увеличить заработную плату по стране к 14 году в 1,5 раза. Мы не обещаем чудес, но готовы в очередной раз взять ответственность за судьбу страны. Свою программу мы писали, сверяясь с вашими предложениями, и по-*

этому уверены в ее успехе (О. В. Морозов, 15.11.2011).

2. *Государство намерено осуществлять ряд программ, которые будут развивать сферу медицины и здравоохранения...* (О. В. Морозов, 15.11.2011).

Тактика единения реализуется партией «Единая Россия» с помощью употребления местоимения «мы» как маркера единства с народом, усиливается наречием «вместе» и прилагательным «единый». Этот прием очень распространен.

1. *Мы прошли вместе самый тяжелый период, мы никогда вас не обманывали, и сегодня нам нужна ваша поддержка для того, чтобы сделать так, чтобы жизнь людей становилась лучше, и сделать это мы можем только вместе* (С. И. Неверов, 16.11.2011).

2. *Залог успеха — это единство нашего общества. Поэтому мы призываем всех объединиться во имя будущего* (С. И. Неверов, 16.11.2011).

3. *Вместе мы победим. Вместе мы сделаем нашу страну счастливой и богатой. Будущее за нами* (С. И. Неверов, 16.11.2011).

4. *Мы вместе должны сделать Россию единой, сильной* (С. И. Неверов, 16.11.2011).

Тактика обращения к эмоциям адресата использует различные риторические средства. Выразительность в предвыборных листовках расставляет в тексте акценты. Самые частотные приемы в предвыборной коммуникации — анафора и синтаксический параллелизм. Анафора за счет повторов сигнализирует о некоем постоянстве в настроении адресанта сообщения. Основная функция синтаксического параллелизма в речи заключается в подчеркивании мысли, важной для политика.

1. *Только профессиональное компетентное правительство, сформированное Президентом, опирающееся на парламентское большинство, способно решить задачи, поставленные президентом: удвоение ВВП, преодоление бедности, модернизация вооруженных сил* (С. И. Неверов, 16.11.2011).

2. *Мы сегодня говорим о будущем, мы сегодня говорим о том, что необходимо ту централизацию, которую мы провели...* (С. В. Железняк, 23.11.2011).

3. *Мы за единую Россию, за сильную, могущественную единую мирную Россию* (С. В. Железняк, 23.11.2011).

Таким образом, партия «Единая Россия» использует набор всех тактик стратегии удержания власти и разнообразные приемы реализации данной стратегии.

Помимо стратегии удержания власти, партия «Единая Россия» использует стратегию **самопрезентации**, которая раскрывает

ся с помощью тактик солидаризации, оппозиционирования и нейтрализации негативного представления.

Представители партии «Справедливая Россия» приняли участие в 4 теледебатах (12 выступлений). От имени партии выступали Геннадий Владимирович Гудков, Сергей Михайлович Миронов, Семен Аркадьевич Багдасаров, Оксана Генриховна Дмитриева.

Как показывает наш анализ, **доминирующая стратегия данной партии — стратегия дискредитации.** В рамках данной стратегии «Справедливая Россия» использует тактику обвинения, разоблачения, поляризации и др.

Тактика обвинения:

1. В 99 году „Яблоко“ в полном составе голосовала за Путина в качестве премьер-министра. Вы голосовали за бюджет в 2001, 2002, 2003 году, который как раз закладывал вывоз денег из страны (О. Д. Дмитриева, 29.11.2011).

2. Вы ничего в этом плане не делаете, вы не хотите делать. Один из ваших идеологов в международном вопросе, господин Рогозин, который подвезан у вас там, в качестве союзника, в Ярославле на форуме заявил провокационную крайне опасную вещь. Это провокация! Это хуже чем теракт! (С. А. Багдасаров, 23.11.2011).

3. У вас просто нет аргументов, у вас нет фактов, просто вы говорите общие слова (С. А. Багдасаров, 23.11.2011).

4. Да ничего вы не отвечаете, вам что говорят, то вы и делаете (С. А. Багдасаров, 23.11.2011).

Тактика разоблачения:

1. Вы проголосовали за стабилизационный фонд! Результаты голосования у нас с собой! Значит, Вы по-прежнему считаете, что доходы от нефти и газа должны вкладываться в чужую экономику? (Г. П. Хованская, 30.11.2011).

2. „Единой Россией“ сказано, что нужно бороться против „Справедливой России“, но чужими руками. То, что вы сейчас говорите, — это полностью соответствует инструкциям, которые дает „Единая Россия“ (Г. П. Хованская, 29.11.2011).

3. Девизом „Яблока“ всегда было: „Честность — лучшая политика“. Что произошло? Почему вы изменили этому принципу и пропагандируете для достижения вашей цели „все средства хороши“? Господин Митрохин сделал все, чтобы снять меня с регистрации два года назад (Г. П. Хованская, 30.11.2011).

Тактика издевки:

Поэтому вы не наши основные противники, вы даже не противники! Не нужно иг-

рать под чужую дудку и не нужно выполнять чужие инструкции (О. Д. Дмитриева, 29.11.2011).

Тактика агрессии:

Но я хочу использовать оставшееся время для критики того, что сейчас происходит. Это не дебаты. Это имитация дебатов. Это обман народа. Это отвлечение внимания народа на дебаты, а на самом деле партия власти не придет никогда на дебаты — она боится их. Им нечего сказать. Позор „Единой России“! (Г. В. Гудков, 9.11.2011).

Тактика поляризации:

1. Я вам привел, что мы сделали. А вот то, что вы не делаете и блокируете это, это на вашей совести. Вы боитесь исполнительную власть.

2. Может, не два на два, а три на один? Может, все-таки три партии КПРФ, ЛДПР и „Справедливая Россия“ объединятся против „Единой России“? Или вы считаете, что ЛДПР будет с „Единой Россией“? Вы готовы, если „Единая Россия“ потеряет большинство, а большинство будет у трех других парламентских партий, вы готовы блокироваться с коммунистами и с нами для того, чтобы все-таки решать вопросы в пользу народа, а не в пользу монополии „Единой России“? Вы готовы встать на эту сторону барьера, а не на сторону „Единой России“? (С. М. Миронов, 15.11.2011).

Тактика оскорбления:

1. Он был вашим лидером, руководитель московской партийной организации „Единая Россия“. Позор (С. М. Миронов, 15.11.2011).

2. Сегодня у власти господствует „Единая Россия“. Это союз бюрократов действительно сегодня занимает все властные полномочия и вершины. И именно мы хотим разрушить эту монополию. До этого партия „Единая Россия“ воровала голоса избирателей! Нам нужно голоса за счет других партий, но не за счет „Единой России“ (С. М. Миронов, 15.11.2011).

Другие стратегии представители партии используют **крайне редко.**

Партия «КПРФ» приняла участие в 4 теледебатах (12 выступлений). От имени партии выступали Геннадий Андреевич Зюганов, Светлана Евгеньевна Савицкая, Дмитрий Новиков, Валерий Федорович Рашкин.

Как показывает наш анализ, **доминирующая стратегия данной партии — стратегия дискредитации.** В рамках данной стратегии партия КПРФ использует тактику агрессии, разоблачения и обвинения.

Тактика агрессии, атаки на оппонента — прямая тактика. Суть ее состоит в том,

что демонстрация аргументов, убеждение читателя производится в вызывающей манере, резко враждебным тоном. Мы выделили такие основные речевые приемы, служащие реализации данной тактики, как усиленное давление на психику адресата, апелляция к многообразию негативных представлений посредством использования:

- а) инвективных средств;
- б) эмоционально окрашенной уничижительной лексики и фразеологии;
- в) нарочито сниженного тона, элементов просторечия;
- г) текстов с негативной окраской.

1. *Это фишня и полная липа — грамота, которую вы нам подсунули* (Г. А. Зюганов, 16.11.2011).

2. *Вы пришли не проблемы обсуждать, а фишюльки показывать. Вы пока по-прежнему стучите каской. Кстати, почти половину шахт, в которых вы стучали, вы сами их и похоронили* (Г. А. Зюганов, 16.11.2011).

Тактика иронии:

1. *Нас смотрят сегодня сотни тысяч граждан Свердловской области, смотрят и просто умиляются над позицией „Единой России“* (Г. А. Зюганов, 16.11.2011).

2. *Я бы хотел сегодня своего коллегу по городу Москве посмотреть, как он думает и говорит по этой теме, но я его не вижу. Но зато Жириновский во всех программах, во всех регионах* (В. Ф. Рашкин, 17.11.2011).

3. *Этот спич мне напоминает ту же самую борьбу с коррупцией: о чем бы ни говорили, лишь бы говорили, но только не о коррупции, не о мерах, которые надо принять стране, жестких мерах, чтобы побороть эту коррупцию* (В. Ф. Рашкин, 17.11.2011).

Тактика обвинения. Наиболее часто употребляются, по нашим наблюдениям, метафорические модели с негативной оценкой, принижающие политический статус противника.

1. *Владимир Вольфович, вы опытный оратор. Вы можете манипулировать словами, но никогда не отвечаете за свои слова и поступки. И чтобы люди понимали: список ваш не был зарегистрирован, потому что у вас были откровенные лидеры ОПГ, которые потом привлекались к ответственности* (В. Ф. Рашкин, 17.11.2011).

2. *Вы рассказываете, что вы оппозиционная партия? Что делает ваш липецкий руководитель в Ростовской области? Он отдал ваш контроль „Единой России“. Как же вы боретесь? Надо не врать* (В. Ф. Рашкин, 17.11.2011).

3. *Все остальные объекты, включая и офисы, что осталось от КПСС, вы все*

заняли от старой площади до Кремля и все должности. Более того, все, что под Москвой строила партия на свои деньги, вы не приватизировали, а захватили (Г. А. Зюганов, 16.11.2011).

При использовании **тактики оскорбления** в качестве коммуникативной задачи оскорбляющий видит унижение партнера. Языковые приемы тактики оскорбления направлены на высмеивание политического противника.

По нашим исследованиям, чаще всего тактика оскорбления используется в теледебатах, когда конфликтные агрессоры прибегают к обсуждению намерений оппонента, оценке его поступков и действий, даже к брани:

1. *И на смену власти олигархическому чиновничеству, на смену власти жуликов и воров придет власть большинства* (В. Ф. Рашкин, 17.11.2011).

2. *Страной управляет жулье!* (В. Ф. Рашкин, 17.11.2011).

Реже партия КПРФ использует **стратегию удержания власти**, в основном прибегая к тактике признания существования проблемы:

1. *Наша страна провалилась в яму кризиса глубже всех* (Г. А. Зюганов, 16.11.2011).

2. *Мы считаем, что коррупция является самой главной бедой России, которая у нас появилась последние 20 лет после переворота 91 года. Коррупция пронизала всё, начиная от президентских структур, заканчивая прокурорским, судебным аппаратом. Она везде проникла эта ржавчина. Ее можно выкорчевывать только каленым железом. И теми законами, которые в проекте мы подготовили* (Г. А. Зюганов, 16.11.2011).

3. *Я считаю, что настоящей борьбы с коррупцией в России нет. Если бы она была — давно бы не было коррупционеров. Я считаю, что система управления государством сегодня сама по себе коррупционна. Это и есть основа системы управления государством — это коррупция* (С. Е. Савицкая, 9.11.2011).

Таким образом, основная коммуникативная стратегия партии КПРФ — дискредитация. Чаще всего представителями партии реализуется тактика обвинения через употребление номинаций с отрицательной окраской.

Партия ЛДПР приняла участие в 4 теледебатах (12 выступлений), представлял ее Владимир Вольфович Жириновский.

Как показывает наш анализ, **доминирующая стратегия данной партии — стратегия дискредитации**. Из всех партий ЛДПР

чаще всего обращается к стратегии дискредитации, применяя различные приемы и тактики оскорбления, обвинения, разоблачения оппонента.

Тактика дискредитирующего намека:

1. Обращение к А. Богданову: *Лидер вашей партии сказал, что после 4 декабря уедет из России. Такие настроения у всей вашей партии или только у Дунаева, чтобы сориентироваться, что будет с партией, поскольку вы ожидаете, что попадете в парламент и уедете за границу. Это просто случайность или это общее настроение* (В. В. Жириновский, 16.11.2011).

2. *Недоработанное законодательство. Оно не действует. Вина политическая система. Политическую систему создала КПСС. КПРФ напрямую считается наследницей КПСС, носит цветы к памятнику Сталина, памятнику Ленина. Это все, конечно, дезориентирует нашу молодежь. Везде пропаганда антисоветская, антикоммунистическая, а КПСС — КПРФ принимает в пионеры. Люди ничего не могут понять. Так всех обломали, что всем тяжело* (В. В. Жириновский, 17.11.2011).

Тактика разоблачения реализуется в выступлениях В. В. Жириновского с помощью тактической схемы разоблачения лица оппонента и его команды посредством прямого указания на истинное, с точки зрения автора, положение вещей:

1. *Давайте другое посмотрим, чтобы было видно лицо вашей партии. Вы входите в Социнтерн, который бомбит Ливию, оккупировал Афганистан, врывается в Ирак, пытается уничтожить Сирию. Вы с кем? С теми, кто уничтожает всю Африку и Ближний Восток, кто проводит новую колониальную политику. Или вы против них?* (В. В. Жириновский, 17.11.2011).

2. *Еще в 2006 году накануне выборов „Единая Россия“ поклялась выделить 8 млн рублей на достройку метрополитена. Три года ждем. Четвертый пошел... Пока не дождался. Ни денег, ни сдвигов в судьбе метрополитена* (В. В. Жириновский, 16.11.2011).

3. *Было в думе 450 голосов. Для импичмента достаточно 300. У коммунистов и демократов было 400 голосов. Зачем вам нужны были 50 голосов? Вы не хотели импичмента. Вы боялись. Вы знали, что вас немедленно запретят. А Государственную думу распустят* (В. В. Жириновский, 16.11.2011).

Используя **стратегию самопрезентации**, ЛДПР прибегает к **тактике оппозиционирования**, чтобы выделить свою партию, показать, что она отличается от про-

тивников, представить партию в лучшем свете.

1. *ЛДПР — старейшая партия, нам 22 года. Мы первые вышли на политическую арену, мы первые выставили кандидата в президенты, мы первые победили. Мы прошли все пути политической борьбы. Мы выступаем единственные за централизованное мощное, сильное государство* (В. В. Жириновский, 16.11.2011).

2. *Мы самая смелая мужественная партия. Единственная партия русского народа* (В. В. Жириновский, 17.11.2011).

Прибегая к **стратегии удержания власти**, В. В. Жириновский использует **тактику единения**, говоря о русском народе как о едином целом. Реже используются другие тактики: признания существования проблемы и пути ее решения.

Представители партии «Правое дело» приняли участие в 3 дебатах (9 выступлений). Позицию партии озвучивали Владислав Леонидович Иноземцев и Андрей Владимирович Богданов.

Как показывает наш анализ, **доминирующая стратегия данной партии — стратегия самопрезентации**.

В своих выступлениях партия «Правое дело» часто прибегает к **тактике признания существования проблемы**, которая реализуется в таких приемах, как констатация проблемы, ее конкретизация. Также часто употребляются высказывания, содержащие оценочные прилагательные в сочетании с именами существительными. Отметим, что основным приемом тактики признания проблемы является прием констатации. Может быть, связано это с тем, что после признания наличия проблемы политическому лидеру или партии нет необходимости называть виновных.

1. *Мы исходим из того, что главная угроза России — внутри самой России, в нашей внутренней слабости* (В. Л. Иноземцев, 9.11.2011).

2. *Наша первая и самая главная проблема — ослабление воли. Потеря государственной воли и настойчивости в доведении начатых дел до конца* (В. Л. Иноземцев, 9.11.2011).

3. *Я считаю, что она (армия) совершенно не реформируема. Она была создана по лекалам Холодной войны. Проблема в том, что она слишком громоздка и велика на сегодняшний день даже в сокращенном варианте* (В. Л. Иноземцев, 9.11.2011).

4. *Останется прежняя проблема, если мы будем постоянно пытаться реформировать ту армию, которую сегодня имеем* (В. Л. Иноземцев, 9.11.2011).

Тактика указания на пути решения проблемы:

1. Нам нужна военная реформа, но она, безусловно, нужна на путях отмены призыва профессиональной компактной армии. Наши угрозы не вне страны, а внутри страны (В. Л. Иноземцев, 9.11.2011).

2. Нужно создавать новую армию фактически по тому принципу, я не говорю сейчас о деталях, но сам принцип похож на то, что в свое время делал Петр I, заменяя стрелецкие войска новой армией, построенной по европейскому образцу (В. Л. Иноземцев, 9.11.2011).

3. Необходимо будет повысить пенсионный возраст хотя бы на 3 года. Но при этом я считаю, что в таких регионах, как средняя полоса России, Урал, Север и всё, что за Уралом, необходимо сделать так: матери, которые родили больше трех детей, уходят на пенсию в момент рождения третьего ребенка, и пенсия им выплачивается 15 тысяч рублей; если четверо детей — 20 тысяч и так далее (А. В. Богданов, 16.11.2011).

Используя **стратегию дискредитации**, партия «Правое дело» прибегает к косвенным тактикам нападения, а именно к **дискредитирующему намеку**. Намек — средство непрямого информирования. Это значит, что адресат сообщения получает высказывание, которое может понять и буквально, но должен расширить, дополнить, далее развить его смысл самостоятельно.

1. Вы критиковали меня за идею вхождения в НАТО. Год назад открываю „Комсомольскую Правду“ и читаю.... То есть вы такой же предатель России? (А. В. Богданов, 16.11.2011).

2. Реплика В. В. Жириновскому: И за русских, и за бедных! И на „Майбахе!“ (А. В. Богданов, 16.11.2011).

3. Напомним, что фракция „Единая Россия“, 315 депутатов, в остальных трех фракциях — 135. Кто эти уклонившиеся от голосования 337 депутатов, становится очевидно (В. Л. Иноземцев, 9.11.2011).

Доминирующая стратегия партии «Правое дело» — стратегия самопрезентации. Стоит отметить, что представители партии редко использовали тактику формирования эмоционального настроения у адресата, а умелое использование политиками данной тактики — залог эффективности речевого воздействия на массовую аудиторию.

Партия «Патриоты России» приняла участие в 5 дебатах (15 выступлений). От ее имени говорили Сергей Александрович Глотов, Надежда Анатольевна Корнеева, Геннадий Юрьевич Семигин.

Проанализировав выступления представителей партии, можно сказать, что **доминирующая стратегия данной партии — стратегия дискредитации**.

Стратегия дискредитации представлена тактикой **«дискредитирующий намек»**. Как говорилось ранее, она является средством непрямого информирования.

1. Если КПРФ так сильна и представляет большинство, она должна быть смелее и активнее и решать эти проблемы, а не только говорить (Н. А. Корнеева, 30.11.2011).

2. Патриотизм патриотов — это не только защита русского народа, который, я считаю, не нуждается сегодня в защите Жириновского! (Н. А. Корнеева, 30.11.2011).

3. О давлении с целью заставить проголосовать за «Единую Россию»: Не надо никого бояться, надо приходиться и голосовать, даже тогда, когда твой начальник ждет твоего доклада уже в девять утра! Как вы проголосовали? Вы проголосовали за указанную вам партию! Не надо никакого давления оказывать! Прекратите давить на подчиненных и отнимать право голоса! Это безобразие! Такая внутренняя и внешняя политика, за которую еще никто не ответил, все хотят править, но никто не хочет отвечать! (С. А. Глотов, 10.11.2011).

Тактика разоблачения — тактика прямого воздействия на оппонента, выявление его подлинного лица с точки зрения адресанта.

1. КПРФ очень жонглирует этим понятием. КПРФ неоднократно пыталось создать народно-патриотический союз России в 95 и 99 году. И этот союз всегда возрождался под выборы, потом он тут же сходил на нет, забывался (Н. А. Корнеева, 30.11.2011).

2. Значит, вы существуете как резерв, на случай провала „Единой России“ (Н. А. Корнеева, 30.11.2011).

Реже приходится наблюдать **стратегию удержания власти**.

1. Сегодня такой армии нет. И это проблема. Ведь 20 лет реформ — это 20 лет забвения наших пораженных сил. Лозунг, который бы я сказал, — все, что создано народом, должно быть надежно защищено (Г. Ю. Семигин, 15.11.2011).

2. Это решение целого ряда крупных и острых социальных проблем (Г. Ю. Семигин, 15.11.2011).

3. Справедливость мы понимаем как справедливую власть, справедливое распределение национального богатства, и поэтому считаем, что сегодня в России есть возможность решить эту проблему и осуществить национальную идею (Н. А. Корнеева, 30.11.2011).

4. Но проблемы страны нарастают. Страна на пороге кризиса (Г. Ю. Семигин, 15.11.2011).

5. Это важнейшая проблема. Мы ее будем решать наряду с другими (Н. А. Корнеева, 30.11.2011).

Таким образом, партия акцентирует внимание электората на несостоятельности нынешнего руководства, тем самым пытаясь повысить свой имидж в глазах избирателей.

Партия «Яблоко» приняла участие в 3 дебатах (9 выступлений). Ее представляли Г. А. Явлинский и С. С. Митрохин.

Проанализировав выступления представителей партии, можно сказать, что **доминирующая стратегия данной партии — стратегия дискредитации.**

Отметим, что стратегию дискредитации в своей речи часто использует С. С. Митрохин, применяя такие тактики, как обвинение и разоблачение оппонента.

Тактика обвинения:

1. Мы с 99 года выступаем против политики В. Путина. А „Справедливая Россия“ поддерживала его политику на голосовании, когда он выдвигался на пост премьер-министра в 2007 году. И она выдвигала в президенты Медведева. Поэтому все то, о чем сейчас говорила Оксана Генриховна, что были огромные миллиардные нефтяные доходы за эти 10 лет, которые были разбазарены неизвестно куда и распаханы по карманам чиновников. Это все произошло в результате проведения политики Путина и Медведева, которых поддержала „СР“, и она несет всю полноту ответственности за эту политику (С. С. Митрохин, 23.11.2011).

2. Злоупотребление должностным положением, которым занималась Галина Петровна, используя свой статус депутата Государственной думы для агитации на выборах, имело место быть. Это факт (С. С. Митрохин, 23.11.2011).

Тактика разоблачения:

1. Эти депутаты „СР“ совершенно ничем не отличаются от депутатов ЕР в использовании должностного положения, в использовании своих возможностей депутатов Государственной думы (С. С. Митрохин, 23.11.2011).

2. Все ваши голосования, когда вы были против отдельных действий правительства, были перечеркнуты поддержкой Путина в 2007 году (С. С. Митрохин, 23.11.2011).

3. Ваш лидер в Совете Федерации сам лично голосовал за стабилизационный фонд, и за отмену губернаторских выборов, и за все прочие законодательные инициативы, по поводу которых вы изображали протест в Государственной думе (С. С. Митрохин, 23.11.2011).

4. Вы хотели попасть в Государственную думу. Явлинский вам сказал, что мы оппозиционная партия и мы не можем дать вам гарантий, поэтому вы перебежали в подкремлевскую, проправительственную партию, которая действительно привела вас в ГД (С. С. Митрохин, 23.11.2011).

4. Вы хотели попасть в Государственную думу. Явлинский вам сказал, что мы оппозиционная партия и мы не можем дать вам гарантий, поэтому вы перебежали в подкремлевскую, проправительственную партию, которая действительно привела вас в ГД (С. С. Митрохин, 23.11.2011).

Стратегия удержания власти также используется партией «Яблоко». Чаще всего она реализуется лидером партии Г. А. Явлинским с помощью применения тактики признания существования проблемы, что характеризует говорящего как лидера, владеющего «политикой слова».

1. Наши тезисы по экономической политике просты: прекратить разворовывание бюджета, обеспечить прозрачность тарифов монополий, снизить налоговое бремя среднего и малого бизнеса (Г. А. Явлинский, 9.11.2011).

2. Тарифное мошенничество — это когда нас заставляют платить непомерные суммы за услуги ЖКХ (С. С. Митрохин, 10.11.2011).

Лидер партии «Яблоко» позиционирует себя умным, тонким, ироничным, интеллигентным человеком, но агитация голосовать прежде всего за личность лидера партии не имела большого успеха. Представители партии «Яблоко», участвующие в теледебатах, не придерживались линии своего лидера и чаще всего использовали в коммуникации стратегию дискредитации, что не лучшим образом повлияло на мнение избирателей.

Таким образом, в условиях современной демократии выборы превращаются в телетурниры. С учетом развлекательной ценности телевидения при освещении политических кампаний всегда делается акцент на создании интриги и драматизации ситуации. Сам способ подачи информации тяготеет к представлению избирательной кампании в виде соревнования между политиками.

Речевое воздействие в процессе политической коммуникации реализуется посредством коммуникативных тактик и речевых приемов. Несмотря на то что тактики являются предметом исследований уже не первое десятилетие, эта тема до сих пор представляет интерес.

Основная коммуникативная стратегия, реализуемая в рамках предвыборных теледебатов 2011 г., — дискредитационная, причем следует отметить, что данная стратегия доминирует в текстах всех партий, кроме «Единой России».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гринберг Т. Э.* Политические технологии: PR и реклама : учеб. пособие для студ. вузов. — М. : Аспект Пресс, 2005.

2. *Зарецкая Е. Н.* Логика речи. — М. : Финпресс, 2007.

3. *Иванова К. А.* Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов. — СПб. : Питер, 2005.

4. *Клюев Е. В.* Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) : учеб. пособие для вузов. — М. : Приор, 2001.

5. *Орлова Е. А.* Имидж политической власти. — М. : Народное образование, 2002.

6. *Руженцева Н. Б.* Аргументация в PR-жанрах // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2004. Т. 13. С. 67—75.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

Е. Г. Маклашова E. G. Maklashova
Якутск, Россия Yakutsk, Russia

**ДИСКУРС ЭТНИЧНОСТИ
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПУБЛИКАЦИЯХ**

(на материалах Республики Саха (Якутия))

Аннотация. Работа посвящена изучению становления и содержания дискурса этничности в Якутии в современный период. Устанавливаются основные этапы и особенности формирования и динамики изменения дискурса в научных публикациях, а также некоторые аспекты ревитализации и конструирования этничности в Якутии.

Ключевые слова: этничность; дискурс; суверенитет; централизация; коренные народы.

Сведения об авторе: Маклашова Елена Гавриловна, кандидат политических наук, научный сотрудник, сектор этносоциологии.

Место работы: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

Контактная информация: 677007, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1.
e-mail: maklashova@mail.ru.

**DISCOURSE OF ETHNICITY
IN SOCIO-POLITICAL PUBLICATIONS**

(on the materials

of the Republic of Sakha (Yakutia))

Abstract. This paper studies the construction of discourse of ethnicity in Yakutia in the modern period. The author sets out the basic steps of forming and features of the dynamics of change in the discourse of scientific publications, as well as some aspects of revitalization and construction of ethnicity in Yakutia.

Key words: ethnicity; discourse; sovereignty; centralization; indigenous peoples.

About the author: Maklashova Elena Gavrilovna, Candidate of Political Sciences, Research Officer, Sector of Ethnosociology.

Place of employment: Institute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North Siberia, Branch of Russian Academy of Sciences.

ВВЕДЕНИЕ. Республика Саха (Якутия) — один из субъектов РФ, образованных по национально-территориальному принципу. В то же время история Якутии представляет собой историю взаимодействия трех культур — якутской, русской и северной. Однако если в имперский период общественные отношения строились на основе взаимовлияния этих трех культур при доминировании аборигенных, то в советский период в условиях индустриализации и всеобщего просвещения общественная жизнь Якутии «наполняется» влиянием разных «нехарактерных» культур — инокультур. Сегодня Якутия — это национальное полиэтничное государственное образование в составе многонационального федерального государства с выраженной этнической компонентой (обеспеченной в том числе правовыми нормами). По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., здесь проживало 958 528 чел., в том числе 49,91 % якутов, 37,83 % русских, 2,24 % эвенов, 2,17 % украинцев, 1,61 % эвенов, 0,86 % татар, 0,75 % бурят, 0,53 % киргизов, 0,39 % армян, 0,35 % узбеков, 0,2 % долган, 0,14 % юкагиров, 0,07 % чукчей и некоторое количество представителей других национальностей [Итоги Всероссийской переписи населения... 2013: 6].

Существующий в современной республике этнокультурный симбиоз представляет для нас научный и практический интерес, истоки которого кроются в сложном вопросе:

как и каким образом происходит формирование, развитие, сохранение этнического самосознания в условиях демократизации, федерализации, модернизации и глобализации — процессов, тяготеющих к унификации? Данный вопрос предопределил использование в научной работе дискурсного подхода. Дискурсные исследования призваны установить особенности и механизмы конструирования этничности, этнического самосознания в Республике Саха (Якутия), выявить смысловые нагрузки, факторы и маркеры этничности.

В предпринимаемом анализе этничность понимается и как категория, отражающая и определяющая группы, общности, объединенные единой территорией, языком, культурой, историей, и как свойство, конструируемое той или иной социальной реальностью, позволяющее личности идентифицировать себя в соотношении с установленными социально-культурными элементами, принадлежащими к определенной социальной общности. Дискурсное исследование представляется нам не просто методом изучения, а особым восприятием и видом интерпретации какой-либо коммуникативной ситуации, сформированной в той или иной реальности, позволяющими осознать и раскодировать заложенный в них смысл, понять специфику социальной реальности и ее конструирования. Безусловно, при оперировании понятиями «этничность» и «дискурс»

автор использует сформированные и признанные научные теории и подходы, соглашаясь с их непротиворечивостью и взаимодополняемостью. При этом в данной работе под дискурсивным полем понимаются все имеющиеся социальные процессы, которые находятся в постоянном изменении, а под этничностью — не только компоненты культурной самоидентификации, но и фундаментальные связи с другими культурными, социальными и политическими общностями, ввиду чего признается значимая роль теоретических положений и взглядов П. Бергера и Т. Лукмана, Э. Лакло и Ш. Муффа, В. Тишкова, С. Роккана.

В работе внимание акцентируется на политико-культурных и социально-экономических проблемах дискурса этничности. По этой причине этничность выступает социальным конструктом, имеющим экономические, политические и культурные обоснования; вопросы и проблемы этничности по сути возникают и определяются данными процессами.

Наше дискурсивное исследование будет отвечать следующим условиям: анализируемые статьи имеют научный характер и опубликованы не ранее 1989 г.; материалы содержат в заголовке слова «этнос», «нация», «народ», «этничность» и образованные от них, тематически работы связаны с политико-экономическим и социально-культурным положением в республике в период с 1989 г. по настоящее время.

Конечно, установленные в исследовании хронологические рамки и границы объекта не позволяют воссоздать историю формирования дискурса этничности в Якутии, но это и не является целью работы. Наши задачи ограничены выявлением механизмов и элементов — основ ревитализации этнического самосознания, установлением динамики их изменений и изменений смысловых нагрузок публикаций.

Основные этапы политического становления Республики и ее современные характеристики. Безусловно, установление этапов социально-политического развития Якутии — цель отдельной работы. Тем не менее это является важным для понимания и изучения дискурса этничности. В целом, исходя из политологических работ, можно выделить два основных периода в становлении Республики Саха (Якутия) как субъекта Российской Федерации: суверенный и централистский. Суверенный период — это период национального самоопределения и политического оформления региона. Наряду с утверждением государственной системы власти, внутренних и внешних политико-управленческих механизмов взаимоотноше-

ний, в Якутии шел интенсивный процесс реформы экономики и общественной жизни. Суверенитет — одно из главных достояний и достижений республики в истории становления ее государственности, он не только позволял свободно и самостоятельно регулировать региональные процессы, но и пронизывал всю систему общественной жизни в Якутии.

Второй период в развитии государственности Якутии начался в 2000-х гг. и длится до настоящего времени. Он обусловлен унификацией политической и управленческой систем федеративного государства и характеризуется централизацией управления и унификацией государственной власти Якутии сообразно федеральным нормам [См.: Маклашова 2008]. В Республике Саха (Якутия) сегодня действует Конституция Республики Саха (Якутия); закреплен национально-государственный статус республики; имеется государственная система власти во главе с Президентом Якутии — гарантом национально-государственного статуса и территориальной целостности Республики Саха (Якутия); гарантируется сохранение и возрождение коренных малочисленных народов Севера (далее — народов Севера); конституционно закреплено два государственных языка (язык саха и русский язык) и признаны официальными в местах компактного проживания народов Севера их языки; принята Концепция национальной политики Республики Саха (Якутия); ведется языковая политика по развитию языков в Якутии; разработаны и реализуются образовательные программы с предметами этнокультурного содержания; осуществляется политика по сохранению и развитию национальной культуры якутов и народов Севера, традиционного образа жизни народов Севера; якутский героический эпос Олонхо признан шедевром устного нематериального наследия человечества.

Указанное выше предопределяет структуру работы с разделением ее на две части: дискурс этничности суверенного и дискурс этничности централизованного периодов.

Дискурс этничности в суверенной Республике. Конец 80-х — начало 90-х гг. XX в. — самый тяжелый этап в политической и общественной жизни Российского государства, который характеризовался повсеместным разоблачением диктатуры советской власти, расширением идей демократии и гласности, что обусловило появление широкого спектра оценок в отношении власти, управления и национального самоопределения.

Демократические преобразования и социально-экономический кризис в стране обу-

словили «взрыв» в Якутской автономной Советской социалистической республике публикаций, анализирующих положение дел в республике, сложившееся в результате активного промышленного освоения и переселенческой политики Союза. Основными темами, выносимыми на «повестку дня», становятся загрязнение природы, истощение биологических ресурсов, сокращение полезных земельных угодий (в частности, для оленеводства), большой миграционный приток, а также последствия этих процессов: ассимиляция культур коренных народов, деградация их языков, сокращение традиционной сферы деятельности коренных этносов. Многие научные исследования изобилуют данными о неблагоприятном социально-экономическом положении коренного населения, нарушении традиционного образа жизни, в частности народов Севера и жителей сельских районов Якутии, в результате «застойного периода».

В условиях кардинальных и стремительных политических преобразований в Якутии в 1990-х гг. научный дискурс характеризовался обращением к власти, цель которого — разработка и внедрение новой национальной политики, основанной на достижениях прогресса и этнических ценностях. Здесь национальная политика понималась как управление межэтническими отношениями (включающее также работу по переселению и адаптации мигрантов) и как создание механизмов по улучшению социально-культурного (в том числе в области языковой, образовательной, просветительской политики) и экономического положения коренного населения Якутии.

«Взрыв» этнического самосознания приводит к актуализации вопросов регулирования деятельности этнических объединений и межэтнических отношений. В обществе закрепляется понятие «национальные общественные движения», под которыми понимаются организации, имеющие конструктивные цели по возрождению этнического самосознания и этнической консолидации. При этом либерализация общественной жизни обусловила создание в республике как объединений, направленных на формирование и развитие самосознания у коренных этносов, так и организаций, деятельность которых обращена на защиту и поддержку неавтохтонных этнических групп, меньшинств.

Формирование этнического самосознания в 1990-х гг. происходит быстро и на общественном, и на политическом уровне. Оно растет с огромной силой и наполняется реальными смыслами и формами: самоопределение народа, суверенизация, Федеративный договор,

Конституция, языковая политика, национальная культурная политика и т. д.

Принципиальным является то, что дискурс этничности в этот период исходит из понятия социальной несправедливости и конструируется на основе принципов демократии — равенства социальных и политических прав народов. Рассматриваемые в публикациях вопросы социального неравенства наполняются и подкрепляются социальными и демографическими данными. Так или иначе в дискурсе присутствуют данные о сдерживании развития коренных этносов в профессионально-трудовом, экономическом, социально-бытовом планах, бедственном положении представителей народов Севера. В этих условиях, пишет В. Б. Игнатьева, идеологией современного национального движения коренных малочисленных народов Севера стала борьба за этнические права, определяемые различными международными конвенциями, но не признанные законодательством ни — ранее — СССР, ни — ныне — Российской Федерации [Игнатьева 1999: 116].

В научных публикациях прослеживается последующее разделение дискурсов на три темы: проблемы развития народа саха, проблемы развития народов Севера, которые в принципе не являлись взаимоисключающими, но характеризовались несколько разными подходами к практическому решению, а также проблемы развития русского старожильческого населения (по данной теме публикации весьма специфичны и их не много). В частности, «северный» дискурс этничности акцентировался на проблемах модернизации хозяйственной деятельности, сохранения традиционного образа жизни народов Севера, их языков и северных этносов в целом. Здесь также поднимаются политико-управленческие вопросы, направленные на возрастание влияния народов Севера во властно-управленческой сфере Якутии: расширение представительства и прав народов Севера в административном управлении; предоставление автономий; выдвижение управленческих кадров из местного коренного населения.

На фоне превалирования текстов об улучшении социально-экономического благосостояния коренных народов Якутии имеются и публикации о духовном развитии, национальном достоинстве, почитании истории, культуры и языков коренных народов. Важным для ученых становится восстановление этнического баланса в строящемся национальном государстве: «С одной стороны взаимодействие на основе высокого уровня общественного и духовного развития — факт, бесспорно, положительный.

С другой стороны, общение этносов, вольно или невольно переживающих отчуждение от традиционных основ этнического самоопределения, обедняет содержание взаимодействия, обезличивает его и может привести к деэтнизации» [Иванов 1994: 15]. Однако, несмотря на поиск баланса между «интернациональностью» и «национальностью», между строк прослеживаются особенности процесса ревитализации этнического самоопределения в суверенной республике. Так, например, У. А. Винокурова замечает, что наблюдается преобладание момента обособления как стремления сохранить этническую специфику при нарушении равновесия интернационального и национального в образе жизни этнических общностей [Винокурова 1989: 70].

Таким образом, научные работы конца 1980-х гг., посвященные изучению этнических процессов, построены в свободной либерально-демократической форме, но все еще на советской теоретической платформе. Здесь используются термины «народ», «народность», обозначающие группу, объединенную общей территорией, языком и культурой. С внедрением демократических ценностей и «открытием границ» дискурс характеризуется насыщением методологией и терминологией зарубежных социальных наук. В работах ученых начинают встречаться такие дефиниции, как «этнос», «этничность», которые быстро усваиваются на общественном и повседневном уровнях.

В целом дискурс этого периода овеществлял этнические процессы в экономических показателях. Изложение строилось на репрезентации этнического разделения в социально-профессиональном и социально-психологическом планах, распределении материальных благ, а смысловая интерпретация заключалась в неравном положении коренных этносов из-за существующей «несбалансированной» политики государства.

Всплеск этничности имел и свои обоснования, а именно: социально-экономическую нестабильность, которая может усилить этническое (национальное) самосознание, сплоченность, солидарность и менталитет [Дьячковский 1992: 15], продолжительную подавленность национального самочувствия, уродливые, нигилистические проявления национальной политики [Иванов 1992: 13].

Дискурс этничности в суверенной республике заложил основы ревитализации и реконструкции этнического сознания коренных народов, задав ход развитию и решению вопросов этничности в последующий период, и выдвинул следующие базовые проблемы: политическое оформление государ-

ственности на основе национального самоопределения; модернизацию политических и экономических отношений в обществе; восстановление экономического и социального равенства народов; пересмотр социально-экономической политики в отношении народов Севера, улучшение их благосостояния; разработку языковой политики; возрождение культуры и традиций коренных народов; поддержку общественных движений.

ДИСКУРС ЭТНИЧНОСТИ В ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ РЕСПУБЛИКЕ. Начало XXI в. вошло в новейшую историю Якутии, да и России в целом, как реформаторский период, направленный на установление единства государства и властной системы. Этот период характеризуется реформированием практически всех систем жизнедеятельности общества, начиная с охраны порядка и внутренней безопасности до культуры и науки.

В Якутии он связывается в первую очередь с процессом «рассуверенизации» республики, централизации власти и управления, потерей экономических «рычагов». Тем не менее проблемы этничности, формирования этнического самосознания, развития этнокультурных и этносоциальных процессов приобрели еще большую актуальность и широту изучения.

Дискурс данного периода строится в пространстве и зарубежных, и отечественных научных концепций, с использованием сравнительных эмпирических данных, что способствует углублению знаний в сферах как лингвистики и семиотики, так и философии, социологии, культурологии.

Выделяются следующие крупные проблемные зоны в дискурсе: этничность и модернизация; развитие языков коренных народов; адаптация народов Севера в условиях модернизации; этнокультурное развитие в Якутии; взаимоотношения этносов и культур.

Основным характером дискурса этничности современного периода становится изучение, наряду с объективными и субъективными факторами, этничности, соотношения современного и традиционного, целого и части, общего и особенного, интернационального и национального. Полиэтничность и поликультурность страны воспринимаются как объективные неотъемлемые свойства России. Дискурс строится на доминировании понимания того, что «специфическое неповторимое в жизни каждой нации и народности не заслоняет общего, а только придает общим закономерностям, содержанию общественного развития национальную особую форму» [Попова 2010: 128].

Однако в публикациях признается, что «естественная основа существования этно-

сов и первопричина их различий постепенно сглаживается под воздействием глобализации» [Максимов 2010: 111]. В связи с этим приходит осознание необходимости изменения подходов к изучению этничности: «...ценностный подход в исследовании этничности как нельзя лучше подходит при объяснении сегодняшних реалий» [Харабаева 2010: 131]. Прослеживается идея формирования новых механизмов передачи традиций и культуры этносов, пересмотра функций этнических элементов. Так, например, О. В. Осипова пишет, что на современном этапе олонхо по сути превращается в символ этничности: если раньше оно выполняло функции развлечения, коммуникации и одновременно усвоения культурного кода, социального поведения и основ мироздания, то теперь его главная роль — упрочнение этнической идентификации и усвоения культурного кода [Осипова 2012: 133].

В то же время в научных публикациях прослеживается стратегия дискурса, зародившаяся в конце 1990-х гг., направленная на установление корреляции этнокультурных факторов и экономического поведения народов [См.: Подойницына 1995; Винокурова 1994]. Например, А. Б. Местникова отмечает, что национальной социально-культурной модели рынка Якутии свойственны следующие черты: ведущая роль социальных, родственных сетей; приверженность сельской экономики традиционному укладу; стремление работать в родственном и в национально-однородном трудовом коллективе; почитание государственной власти и строгая вертикальная иерархия; относительная доступность и открытость высшего и среднего управленческого звена [Местникова 2004: 119].

Кроме того, поднимая вопросы современного развития коренных народов Якутии, многие исследователи все-таки подчеркивают, что исторический опыт взаимодействия и взаимовлияния русской и якутских культур обусловил современный симбиоз культур и процесс гармонизации межэтнических отношений в сочетании с сохранением этнической идентичности народов: «Долговременное проживание на одной территории, обмен социальным опытом создали гармоничное открытое сообщество людей, терпимо и лояльно относящихся к материальной и духовной культуре других народов и в то же время сохранивших свою этническую идентичность» [Васильева 2004: 232]. В частности, подчеркивается, что культурная жизнь якутского народа характеризуется двумя тенденциями: взаимодействием с культурами других народов, населяющих респуб-

лику, и ростом этнического самосознания, стремлением к возрождению своих традиций [Этносоциальное развитие... 2000: 147].

В публикациях по вопросам национальных движений в Якутии можно увидеть, что тактика дискурса становится более сдержанной, так сказать «политкорректной». В оборот входят понятия «национально-культурные объединения», «общественные движения». Утверждается, что значимую роль в процессе культурного обмена и формирования позитивного межнационального взаимодействия играли и могут играть национально-культурные объединения [См.: Николаев 2004; Современный мир... 2012]. Кроме того, перед властью и общественностью ставятся вопросы о совершенствовании управления этническими процессами, о выработке механизмов предотвращения конфликтов на национальной почве.

Безусловно, важную тематическую часть дискурса этничности составляют проблемы коренных малочисленных народов Севера и их решение. Однако, несмотря на разработку и проведение социальной, культурной и языковой политики, «аборигенам сложно приспособиться к изменениям социально-экономической среды, они подвержены разного рода рискам, связанным с промышленными проектами и социально-экономическими реформами, в том числе потерей самобытности, культуры и традиционного образа жизни, распространением заболеваний» [Этносоциальная адаптация... 2012: 337—338]. Публикации по данной теме, как и прежде, основаны на анализе социальных, культурных, экономических проблем адаптации народов Севера к современным модернизационным процессам. Коммуникационный посыл состоит в том, что ввиду слабого «иммунитета» народов Севера необходимо пересмотреть подходы к защите их прав. На повестку дня выносятся вопросы этнического самоопределения, этносамосознания, этноэкологии. Исследователи убеждают прежде всего власть в том, в чем убеждены сами: без государственного протекционизма невозможно решить наиболее важные вопросы существования народов Севера [См.: Алексеев 2005; Астахова 2011].

В целом код, заложенный в современном дискурсе по проблемам этничности в Якутии, весьма прост и совершенно ясен: необходимо укреплять этническое самосознание, сохранять традиционный уклад жизни народов Севера, развивать национальные культуры и языки коренных народов Якутии. Так, В. Б. Игнатьева пишет, что для большинства представителей этнических групп республики, в особенности коренных и малочислен-

ных, их этническая идентичность воспринимается как значимая, а статус «своего» этнического коллектива наделяется соответствующими ценностными характеристиками [Игнатъева 2006: 135]. Дискурсом определяется, что ключевыми элементами в процессе сохранения этничности могут выступать как сам народ, гражданское общество, так и образование, государственная и международная политика.

Особенности дискурса этничности в Якутии. Дискурс этничности в Республике Саха (Якутия) исходит из преваляирования примордиалистских подходов. Однако с усилением влияния демократизации, глобализации и модернизации в научных публикациях все больше появляются тезисы о размывании «естественности» этничности и ее онтологической сущности, необходимости повышения роли и изучения ценностно ориентированных, когнитивных основ. Тем не менее вопрос о рассмотрении этничности исключительно как конструкта или инструмента в республиканском дискурсе четко пока не поднимался. Современные политические, географические, социальные, лингвистические, демографические реалии Якутии таковы, что позволяют говорить о сохранении и преваляировании естественных маркеров этничности и ставить их во «главу угла» этнического самосознания.

На этапе суверенизации в процессе этнизации прослеживается использование в дискурсе дефиниций «мы — они», «коренное население — мигранты», но со снижением влияния и значения политико-экономических факторов дискурс этничности акцентируется на культурных маркерах, поиске элементов гармоничного взаимодействия и взаимовлияния этносов, а на втором этапе — ценностных ориентиров.

В то же время в научных публикациях понятия «этничность» и «власть» связаны. Очень часто проводятся параллели между национальным самоопределением, суверенитетом, федерализмом, государственной политикой, международными отношениями, экономикой и этническим самосознанием. Важное место отводится идеям сохранения этатистских факторов конструирования этничности.

Изменился и контекст дискурса. Динамика изменения стратегии дискурса при этом неразрывно связана с изменяющейся социальной реальностью. Так, публикации суверенного периода во «главу угла» ставят насущные (экономические, социальные, политические) проблемы коренных народов, в период централизации — взаимодействие цивилизаций, культура, ментальность.

Исходя из результатов исследования, можно заключить, что дискурс этничности в Якутии базируется на изучении этносоциального и этнокультурного положения якутов и коренных малочисленных народов Севера в переплетении с русским населением, а также заявляет особую тематику изучения этнокультурного развития русского старожильческого населения; устанавливает основные маркеры этничности, такие как язык, территория, общая история развития этноса, культура (обычаи, традиции и т. д.), ценности; подтверждает наличие толерантности и симбиоза культур (якутской, северной, русской); имеет корреляцию с социальными и политическими реалиями; признает размывание этнических маркеров и характеризуется поиском идентификационной сущности этничности.

Если идти от противного, то дискурс этничности в научных публикациях, анализируемых в работе, не содержит тактики конфликта, опровергает искусственное конструирование этничности в Якутии, не доказывает существование явной межэтнической напряженности, не характеризуется антагонистическими взглядами, выносит за рамки изучения процесс строительства российской нации.

Суверенный период становления республики характеризовался исследователями в области этнических процессов как этнический ренессанс, что в принципе вполне отражает особенности самого дискурса этничности, причем как на первом, так и на втором его этапах. Однако уже сегодня поднимаются вопросы аксиологического характера, выдвигаются проблемы определения субъективных маркеров, свидетельствующих о развитии в Якутии «этнического гуманизма».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Ан. А.* Экономические и правовые основы жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера // *Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в условиях модернизации общества* : материалы науч.-практ. конф., посв. Междунар. десятилетию коренных народов мира (г. Якутск, 15 дек. 2004 г.). — Новосибирск : Наука, 2005. — С. 57—65.
2. *Астахова И. С.* Власть и коренные малочисленные народы Севера: опыт взаимодействия на примере Республики Саха (Якутия) // *Арктика и Север*. 2011. № 3. С. 88—95.
3. *Васильева Р. И.* Языковая и этнокультурная ситуация в Приленском регионе РС(Я) // *Якутия — форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII—XX века)*. — Якутск : ЯФ изд-ва СО РАН, 2004. С. 228—232.
4. *Винокурова У. А.* Сказ о народе Саха. — Якутск : Бичик, 1994.

5. *Винокурова У. А.* Субъективные факторы межнационального взаимодействия в Якутской АССР (к постановке проблемы) // Интернационализация духовной жизни народов Якутской АССР : сб. науч. тр. — Якутск : ЯНЦ СО АН СССР, 1989. С. 64—72.
6. *Дьячковский К. Д.* Совершенствование социального и этнического: методологический подход // Социальное и этническое развитие народов Северо-Востока Российской Федерации : сб. науч. тр. — Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1992. С. 11—18.
7. *Иванов В. Н.* Взаимодействие этносов: региональные особенности // Этнос: традиции и современность : сб. науч. ст. — Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1994. С. 5—15.
8. *Игнатьева В. Б.* Республика Саха (Якутия): ретроспектива этнополитической истории. — Новосибирск : Наука, 1999.
9. *Игнатьева В. Б.* Современный мир: условия и перспективы сохранения этнокультурного разнообразия Саха (Якутии) // Устойчивое развитие стран Арктики и северных регионов Российской Федерации в контексте образования, науки и культуры : тез. докл. Междунар. форума, Якутск, 24—25 июля 2006 г. — Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2006. С. 134—136.
10. *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство Республики Саха (Якутия). — Якутск, 2013.
11. *Маклашова Е. Г.* Государственная власть Якутии в условиях трансформации российской государственности. — Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2008.
12. *Максимов Г. Н.* Этносы в условиях глобализации и образование // Философские проблемы этнонационального развития современного общества: материалы конференции к 100-летию со дня рождения А. Е. Мординова. — Якутск : Сайдам, 2010. С. 109—112.
13. *Местникова А. Б.* Влияние этнокультурных факторов на формирование хозяйственной этики и экономического поведения народа саха // Проблемы гуманитарной науки в трудах молодых исследователей. — Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2004. С. 106—119.
14. *Николаев А. А.* Национально-культурные объединения в общественно-политической жизни Республики Саха (Якутия) в 90-х годах XX века // Якутия — форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII—XX века). — Якутск : ЯФ изд-ва СО РАН, 2004. С. 333—337.
15. *Осипова О. В.* Традиционная культура и этничность в условиях глобализации (на примере социологического исследования в Мегино-Кангаласском районе) // Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых : сб. науч. ст. — Якутск : Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2012. Вып. 3. С. 130—134.
16. *Подойницына И. И.* Этнокультурные стереотипы трудового поведения в сфере производства: на примере Республики Саха (Якутия). — Новосибирск : Наука : Сиб. издат. фирма РАН, 1995.
17. *Попова Л. Н.* Общее и особенное в феномене межнационального // Философские проблемы этнонационального развития современного общества : материалы конференции к 100-летию со дня рождения А. Е. Мординова. — Якутск : Сайдам, 2010. С. 126—128.
18. *Современный мир и этносоциальные процессы = Modern world and ethnic national processes* / авт. кол.: Е. М. Махаров, д-р филос. наук, проф., У. А. Винокурова, д-р соц. наук, проф., П. С. Максимов, канд. филос. наук, проф., и др.; под ред. Е. М. Махарова. — Якутск, 2012.
19. *Харабаева А. О.* Аксиологические основания этничности человека // Философские проблемы этнонационального развития современного общества : материалы конференции к 100-летию со дня рождения А. Е. Мординова. — Якутск : Сайдам, 2010. С. 131—133.
20. *Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)* / С. М. Баишева, Р. И. Донской, Т. Н. Константинова, П. В. Сосин, П. З. Тобуков, А. Г. Томаска. — Новосибирск : Наука, 2012.
21. *Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы* / В. Б. Игнатьева, С. В. Абрамова, А. А. Павлов и др. — Новосибирск : Наука, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. И. Данилова

УДК 821.161+81'42
ББК Ш141.2-03

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Т. В. Михайлова, А. В. Михайлов
Красноярск, Россия

T. V. Mikhaylova, A. V. Mikhaylov
Krasnoyarsk, Russia

**ОПОРА НА «СТАРИНУ»
В РЕШЕНИЯХ СТОГЛАВОГО СОБОРА:
ПРОШЛОЕ**

**RELIANCE ON THE «OLD DAYS»
IN DECISIONS OF STOGLAVYJ SOBOR:
THE PAST TO DESIGN
THE FUTURE**

В КОНСТРУИРОВАНИИ БУДУЩЕГО

Аннотация. Проанализирован текст церковно-правового памятника XVI в. — «Стоглава», в котором отражены решения Стоглавого собора 1551 г. Прослежена авторитетность смыслов «первого слова» и ориентация на деятельность предыдущих православных русских правителей. Выявлен высокий статус старины в Стоглаве. Семантика «стародавности» используется как основа для упорядочивания различных «нестроений» в области политики и права этого периода. Описаны приемы формирования оценки и решения задач текущей политики через «исправление» и «возврат к прежнему». **Старина** в потестарном тексте становится идеологемой, отражающей исходные православные и общегосударственные ценности.

Abstract. This article studies Church-legal Russian text of the XVI century — “Stoglav”, which reflected the decisions of Stoglavyyj Sobor in 1551. Traced is the credibility of the meanings of «first words» and focus is laid on the work of the previous Russian Orthodox rulers. High status of antiquity in “Stoglav” is revealed. The semantics of ancient times is used as a basis for suppression of various disorders in the area of policy and law of that period. Described are the formative evaluation and solution of the tasks of the current policy through the fixation and return to the old. **Antiquity** in the texts of the authorities becomes ideologem reflecting the original Orthodox and national values.

Ключевые слова: текст Стоглава; приемы обоснования авторитетности; православные и государственные ценности; прецедент; старина как идеологема.

Key words: text of “Stoglav”; techniques of substantiation of credibility; Orthodox and national values; precedent; “starina” as ideologem.

Сведения об авторе: Михайлова Татьяна Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, гуманитарный факультет.

About the author: Tatiana Vitalyevna Mikhaylova, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Public Relations, Faculty of the Humanities.

Место работы: Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М. Ф. Решетнева (Красноярск).

Place of employment: Siberian State Aerospace University in Krasnoyarsk.

Контактная информация: 660014, г. Красноярск, просп. им. газеты Красноярский рабочий, д. 31.
e-mail: ta.rada@mail.ru.

Сведения об авторе: Михайлов Алексей Валерианович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, гуманитарный факультет.

About the author: Aleksey Valerianovich Mikhaylov, Candidate of Philology, Assistant Professor, Head of the Chair of Public Relations.

Место работы: Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М. Ф. Решетнева (Красноярск).

Place of employment: the Siberian State Aerospace University in Krasnoyarsk.

Контактная информация: 660014, г. Красноярск, просп. им. газеты Красноярский рабочий, д. 31.
e-mail: avm_2006_64@mail.ru.

А то, что древней, всё лучше.

Протоиерей Дмитрий Смирнов
[Смирнов 2012]

В XVI в. древнерусская культура переживает период возобновления и закрепления прежних культурных и церковных традиций. Появляется ряд важнейших источников, отражающих динамику русской ментальности: «Судебник» 1550 г., «Деяния Стоглавого собора» 1551 г. [Дьяконов 1889; Емченко 2000; Исаев, Золотухина 2003; Стефанович 1909].

Среди них особое место занимают идейные основания Стоглавого собора 1551 г.

Решения Стоглавого собора стали частью реформ этого периода, связанных с важнейшими сторонами жизни государства. Осуждаются церковные «нестроения», беспорядок в церковном богослужении, волкитство и взяточничество в церковном су-

де, безнравственность поведения как духовенства, так и мирян» [Емченко 2000: 7].

Необходимо было привести жизнь Русского царства во всё в соответствие с христианскими представлениями и верой, поэтому в императивных высказываниях православного правителя выражена основная политическая задача, которая должна была быть «считанной» читателями того времени, — стремление высших властей страны к идеальному православному царству: *бога ради потружайтесь, во еже исправити истинная и непорочная наша хрестьянская вера, иже от божественного писания во исправление церковному благочинию и царскому благозаконию* [Стоглав, гл. 6]. Идеал задан — «церковное благочиние и царское благозаконие».

Как известно, политическая культура средневековой Руси основывалась не на правовых, а на христианских этических категориях. По мнению А. И. Филюшкина, источников средневекового права два — прецедент и аналогия. Переводные законы, которые на Руси были известны (Эклога, Номоканон, отрывки из Земледельческого закона), приживались плохо и распространения не получили. Механизм генезиса политической и правовой культуры был иной, чем в Новое время: нельзя было привнести политико-правовые нормы, они обязательно должны были иметь ясную и общепонятную аналогию в политической и правовой практике эпохи.

В связи с этим представляется, что корни данных категорий следует искать в христианских текстах. По мнению исследователя, одинаковый источник порождал одинаковое прочтение и использование в обществах, находящихся примерно на одной стадии развития. Можно лишь говорить, что их надо искать как в сфере политической практики эпохи (прецеденты), так и в Священном Писании и святоотеческих текстах [Филюшкин 2006: 23—24].

Русский политико-правовой дискурс середины XVI в. в своих логико-аргументационных построениях также опирается на эти сферы. Процесс упорядочивания различных «нестроений» в области политики и права данного периода использует аргументы, основывающиеся на семантике старины, традиций, возвращающие адресата к исходным общенародным и общегосударственным ценностям. Ф. И. Буслаев отмечал, что в Стоглаве «все новое и чужое запечатлено клеймом проклятия и вечной гибели; все же свое, родное, испокон веков идущее по старине и преданию, свято и спасительно» [Буслаев 1861: 233].

Текст Стоглава включает в себя два важных для авторов данной работы смысла: ориентацию на эпоху «первого слова» и ориентацию на деятельность предыдущих православных русских правителей, на традиции великокняжеского рода. Надо отметить, что в первом случае семантика старины эксплицирует религиозно-символические смыслы, которые включают в свои презумпции представление о Божественном предопределении и о дуалистичности мира — мира вечного, небесного и мира временного, земного. В другом случае идеи старины опираются на авторитетные аналогии и прецеденты.

«СТАРИНА» В РЕЛИГИОЗНО-СИМВОЛИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ. Тема истинности православной веры в тексте Стоглава, на наш взгляд, является важнейшей, ибо желанием приблизить Российское царство к идеальному православному государству и был вызван сам Собор: *Доблий же он миротворец, державный самодержец, прекроткий царь Иван мнозем разумом и мудростию венчан и в совершением благочестии царство содержа, осияваем благодатию божественного духа, зело воспалися утробою и с теплым желанием подвижеся, не токмо о устроении земском, но и о многоразличных церковных исправлении. И возвещает отцу своему преосвященному Макарию митрополиту всеа Руси, и собор божиих слуг совокупити повеле вскоре* [Стоглав, гл. 2].

Маркерами религиозно-символического типа описания являются понятия и лексемы «благодать», «Божий дух», «Божественные правила», «христианский», «православный», «истинный». Текст Стоглава проявляет православные представления о сущности царской власти, о взаимосвязи «земского» и церковного «устроения», о симфонии властей: *Аще ли аз буду вам супротивен кроме божественных правил вашему согласию, вы о сем не умолкните, аще преслушник буду, воспретите ми без всякого страха, да жива будет душа моя и все подлежащим нам, яко да непорочен будет истинный православный хрестьянский закон и славится в нем пресвятое имя Отца и Сына и святаго Духа всегда и ныне и присно и во веки веком, аминь* [Стоглав, гл. 3].

Идея получения из прямого Божественного источника религиозно-этических норм и образцов поведения, по которым должно жить в христианском государстве, эксплицирована в обращении молодого царя Ивана Васильевича к Стоглавому собору: *Сам бо предаде божественным своим учеником и апостолом, они же убо предаша иже по*

них, даже и **дoныне** слово спасительное Господа Иисуса Христа **доиде** [Стоглав, гл. 3].

Развертывание словосочетания «древняго предания» происходит за счет постоянного атрибутивного текстового расширителя — *хрестыянския истинныя нашея веры*. Древность веры, видимо, для создателей Стоглава является гарантом ее истинности, поэтому лексемы «древний» и «истинный» синтагматически связаны друг с другом постоянно: *И на тех святыя молитвы уповая, предлагаем совет вашей отеческой любви, еже поутвердити древняго предания хрестыянския истинныя нашея веры* [Стоглав, гл. 3].

Семантика первоначальной эпохи христианства проявляется в самом словосочетании «древнее предание», где она присутствует имплицитно, в «свернутой» форме, и в текстовом расширителе, достаточно ясно определяющем источник вероучения: *еже от самого создателя нашего предание* [Стоглав, гл. 4].

Ситуация «передачи» учения может быть только названа, при этом из участников ситуации эксплицируется лишь адресат: *Мы же убо празнуем и ликостуем и прославляем по уставу якоже предаша нам* [Там же]. И наоборот, существуют высказывания, когда элиминируется адресат, а адресант специально обсуждается. Например, антитеза *еже от самого создателя нашего предание, а не от слуги ни от посланного* [Там же] подчеркивает важность получения «предания» из прямого источника — от самого Господа Бога.

Вторая глава Стоглава начинается рядом Божественных номинаций, выстроенных в цепочечной последовательности: *Премилостивый и милосердый бог, прехитрый содетель всея твари видимыя и невидимыя, великий промысленик чelовеческому животу и спасению, и во всей своей твари, якоже на небеси в солнцы и в луне и во звездах, такоже и на земли, и в мори, и во птицах и в зверех, и в скотех, и в рыбах, и в гадах* [Стоглав, гл. 2]. Последующая аргументация выстраивается на анафорической отсылке: *Сам бо предаде божественным своим учеником и апостолом, они же убо предаша иже по них, даже и дoныне слово спасительное Господа Иисуса Христа доиде* [Там же]. Показанная в тексте иерархизированная последовательность передачи «слова» маркирует дошедшее «дoныне» учение как истинное.

Сакральные знания, переданные по иерархии, следует сохранять, поэтому в тексте появляются предикаты «охранительной» се-

мантики «утвердить», «удержать»: *...утвердите по правилом святых апостол и святых отец и всякие обычаи строилися по бозе в нашем царствии и при вашем святительском пастве* [Стоглав, гл. 4]; *Такоже и весь священнический собор и иноческий чин, якоже предаша вам святии отцы седми святых соборов вселенских и поместных, праведный закон удержати и истинную православную веру хрестыянскую* [Стоглав, гл. 6].

Другой смысл, связанный с христианским учением, проявляется в призыве ко всем высшим православным силам быть свидетелями в истинности действий Стоглавого собора: *Тем же молим вы и засвидетельствуем Господом нашим Иисусом Христом и божественными его ученики и апостолы, и святыми вселенскими семью соборы и святыми поместными соборы, и всеми святыми прежеречеными* [Стоглав, гл. 2].

Как видим, в этом случае также используется описание божественной последовательной иерархии с целью усилить воздействие на адресата путем использования религиозно-символических маркеров.

Ориентированность авторов Стоглава на «исправление» земных законов на основании соблюдения «*божественных правил*» и «*уставлений*» лежит в основе аргументации многих императивных высказываний: *От бога тако искони уставлено есть, и митрополиту блюсти без пакости все то подобает* [Стоглав, гл. 63]; *...аще кий царь и князь или в каком сану ни буди судит святительский суд или восхитит, или возмет что от святых церквей, или от святых монастырей, возложенных богowi в наследие благ вечных от недвижимых вещей, таковыи по божественным правилом от бога, аки святоотатцы осуждаются* [Там же].

Семантика должностования проявляется и лексически («подобает»), и синтаксически (в сложных предложениях, включающих в себя различные семантико-синтаксические типы связи).

СТАРИНА КАК АВТОРИТЕТНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ. Архисмысл «ориентация на авторитетные аналогии и прецеденты» является одним из структурообразующих доминант данного текста. В нем соединяются, с одной стороны, семантика глубинной родовой памяти, а с другой — собственно знание «прежних» правил, законов и обычаев Российского государства.

Одной из самых важных по смыслу синтагм Стоглава, генетически восходящих к библейским текстам, является синтагма «*в род и род*», показывающая ценностную ориентацию авторов текста: *Се и судебник*

перед вами и и уставные грамоты прочтите и разсудите, чтобы было наше дело по бозе в род и род неподвижно по вашему благословению [Стоглав, гл. 4]; ...устроил бы царство его *мирно и вечно в род и род и на веки* [Стоглав, гл. 6].

Надо отметить, что в тексте Стоглава регулярно актуализируется сема 'неизменность во времени', так как авторам важно было выразить идею устойчивости и традиционности Московского царства. Лексемы «неподвижно», «вечно» являются маркерами этой идеи. Тема сохранения традиций, старых порядков связана с обращением к опыту «старых» людей, к их памяти: *А спрашивай, государь, о том соборе бояр своих старых, те, государь, помнят, кто на том соборе был архимандритов* (так в тексте. — Т. М., А. М.) *и игуменов, и честных старцов* [Стоглав, гл. 100].

Этот же смысл проявляется в отсылке ко временам предков: *...великое и неустойчивое богатство от многих времен при прародителях наших сокровено и забвению предано* [Стоглав, гл. 4].

Экспликация родовой семантики происходит и за счет выявления прямых родственных связей между нынешним правителем Руси и прежним: *...как, государь, соборовал дед твой и государь наш о вдовых священниках. И на том соборе у деда твоего были многих монастырей честные архимандриты* (так в тексте. — Т. М., А. М.) [Стоглав, гл. 100]; *И будет, государь, тебе угодно деда твоего государя нашего тот собор, и ты бы, государь, бога ради и тех честных монастырей архимандритов и игуменов, и старцев велел написать в той статьи во своем списке* [Там же].

Поскольку важные смыслы были забыты в ходе развития государства, то естественным представляется обращение к ним первого лица — государя. В слове царя Ивана Васильевича тема старины расширяется семемами 'воспоминание' и 'сильное желание вернуться к старым временам': *Взыде на память мне и вожде и возревнова душа моя* [Стоглав, гл. 4].

«Старое» время в анализируемом тексте воспринимается как образцовое, поэтому оценочная импликация в ряде высказываний основывается на семеме 'точка отсчета на временной шкале описываемого действия или события': *...убо новопрославлении чудотворцы по преставлении своем и донныне от далних прежних времен* [Там же]. В приведенном высказывании для выражения временной семантики используется конструкция «от + родительный падеж». Она, по мнению Т. П. Ломтева, в древнерусском тек-

сте была предназначена для указания на то, что «действие, выраженное глаголом, начинается непосредственно за тем временем, которое выражено именем существительным в родительном падеже» [Ломтев 1956: 356]. Положительная оценочность, вероятно, создается на основе смысла «продолжительность и непрерывность традиции».

Казалось бы, в системе ценностей Стоглава начало чего-либо нового не может восприниматься как положительный факт, ибо весь текст и выраженная в нем положительная оценочность опираются на авторитет старины. Однако это не совсем так. Рассмотрим пример с семантикой начала: *И тех великих новых чудотворцев молитвами начахом правити царство свое елико дозвелят нам по благодати божией* [Стоглав, гл. 4].

Очевидно, что момент начала правления царства по образцам и божественным канонам, «по благодати божией», по сути есть возвращение к истокам, к священным началам, поэтому понятия старины и нового воспринимаются в данном контексте как синонимичные и, что интересно, новизна имеет положительную оценку. Можно полагать, что будущее, опирающееся на образцовое прошлое, и его образы, формируемые книжниками в текстах (сочинениях Ивана Пересветова, сказании Мегмета Салтана, повести о взятии Царьграда и др.), перекликаются с постулируемыми в Стоглаве смыслами авторитетного и истинного прошлого [Михайлова 2013: 181—185].

Семантика старины может модифицироваться в смыслы авторитетного, но совсем недавнего прошлого. Это прошлое относится ко времени правления православного царя, которое идеологами Московского царства воспринимается как эталон для православного правителя. Как уже отмечалось, «старые» порядки соответственно оцениваются как правильные, образцовые, которые надо восстановить и соблюдать: *...а которые обычаи в прежние времена посла отца нашего великого князя Василия Ивановича всеа Руси и до сего настоящего времени поизшатался или в самовластии учинено по своим волям или прежние законы которые порушены* [Стоглав, гл. 4].

Используемая конструкция «при + местный падеж» служила в древнерусском языке, по мнению исследователей, «для обозначения неопределенного времени как момента в течение существования того или другого лица» [Ломтев 1956: 339]. В составе этой конструкции очень часто были собственные имена, что позволяет адресанту восприни-

мать их в качестве маркеров-указателей определенной исторической эпохи. Представляется естественным в данной конструкции использование имени правителя, так как в ней происходит соединение двух имплицитных высказываний: 1) наличие определенных правил и порядков в указанный момент времени; 2) выражение положительной оценки данных правил и порядков. Например: *И те вотчины вотчимем выкупати по духовным и по даным, и по иным крепостем по старине, по тем же старинным указом, как было при великом князе Иване Васильевиче всея Руси* [Стоглав, гл. 101]; *А которые села и волости, и рыбные ловли, и всякие угодия, и оброчные деревни после великого князя Василия бояре подавали архиепископом и епископом и монастырем, и того сыскае, учинити так, как было при великом князе Василии* [Там же].

В таких контекстах часто сначала показана «неправильная» ситуация, соответствующая настоящему, а затем предлагается «правильная» ситуация, выраженная императивом, который обосновывается ссылкой на «образцовые» времена при правлении образцового властителя: *А в которые будут монастыри или к которым церквам и нищим в ругах и в милостынях придача ново после великого же князя Василия, и те руги и милостыни новопридачные сыскае оставити, а учинити по старине, по тому же, как где давали ругу при великом князе Иване и при великом князе Василье Ивановиче всея Руси* [Там же].

Надо отметить, что прецедент как основа для императива, выраженного в текстах потестарной семантики, часто используется для утверждения правильности действий, мнений и оценок властей, касающихся настоящего. В Стоглаве же ссылка на прецедент является обоснованием для установления в будущем того, что должно быть в истинном православном государстве. Таким образом, «старина» и есть идеальное будущее.

Императив в подобных высказываниях выражается с помощью инфинитивных конструкций: *А на выход священникам на собор впредь ходити и за кресты по старине* [Стоглав, прилож. 26 мая 1551 г.]; *А отказывати тех людей о сроце о Георгиеве дни осеннем по государеву указу по старине же* [Стоглав, гл. 98]; *А предь бы митрополитом и архиепископом, и епископом, и монастырем держати свое старые слободы по старине о суде и о всяких делех по прежним грамотам* [Там же].

Употребление инфинитива в данных высказываниях, который не является собст-

венно императивной формой, объясняется несколькими причинами. Во-первых, при транспозиции инфинитива в семантический императив происходит не только увеличение категоричности высказывания (см. об этом: [Пешковский 1939: 207—208]), но и в большей степени проявляется «обязательность действия, неотложная потребность в нем, необходимость его наступления» [Храковский, Володин 1986: 196]. Для текста Стоглава именно эти смыслы и были важны. Во-вторых, как отмечают исследователи, специфика подобных конструкций «заключается в том, что в них выражается побуждение не к конкретному актуальному, а к некоторому потенциальному действию», а адресатом является «неопределенное множество слушающих» [Там же: 198]. Видимо, это также одна из причин частотного употребления инфинитивных предложений в текстах Стоглава, семантика которого предписывает правила поведения различным группам Российского государства.

Инфинитив в конструкциях с императивной семантикой допускает использование сослагательной частицы *бы*. В Стоглаве эта частица часто выражена при отрицательном императиве — прохибитиве: *...а новых бы слобод не ставити* [Стоглав, гл. 98].

Прецедент как основание для предписаний действий «по правилам» и образцам эксплицируется также и в сложных предложениях. Например, вся сложность иерархических отношений в логической структуре аргументации может быть выражена в паратаксических конструкциях. Ссылка на прецедент выражается в таком случае в одном из простых предложений сложной предикативной конструкции, связанных друг с другом по смыслу отношениями условия, а грамматически — сочинительными союзами: *А опричным приходим людем градским и сельским в тех старых слободах новых дворов не ставит. А в которых в старых слободах дворы опустеют, и в те дворы называти сельских людей пашенных и непашенных по старине, как прежде сего было* [Там же].

Прецедент, выраженный в одном из предложений паратаксиса, является основанием для выражения императива, обращенного к высшему лицу: *А прежде того, государь, твои наместники и волостели наших слобожан не суживали. И ты бы, государь, своим наместником и волостелем и впредь наших слобожан не велел судити* [Там же]. Высокий статус адресата в данном примере показывает, на наш взгляд, авторитетность прецедента в мировоззрении создателей текста.

Аргумент к старине выражается и в составе сложноподчиненного предложения с различными видами придаточных, которые уже содержат специальные союзы. Рассмотрим, например, придаточное условия: **...и будет та пошлина тиуну с попов и з дьяконов изстари шла, ино и впредь имать** [Стоглав, прилож. 26 мая]. В приведенном примере союз *будет*, который использовался для присоединения условных придаточных к главному предложению в деловой письменности древнерусских текстов [Ломтев 1956: 537], выделяет основание (*та пошлина изстари шла*) в аргументации действия, выраженного инфинитивом (*имать*). Зачинательная синтагма главного предложения, эксплицирующего то, что обусловлено в придаточном, проявляет семантику будущего — «*ино и впредь*». Императивное значение инфинитивной конструкции также актуализирует смыслы будущего. Опора на прошлую ситуацию как на авторитетный прецедент является необходимым условием в предписывании «правильного» будущего.

Таким образом, текст Стоглава, представляющий собой вид политико-правового древнерусского дискурса середины XVI в., в своих логико-аргументационных построениях опирается на различные смыслы. Приоритет «первого слова» и ориентация на деятельность предыдущих православных русских правителей, на традиции великокняжеского рода подчеркивает высокий статус старины в Стоглаве. Семантика «стародавности» является важным обоснованием упорядочивания различных «нестроений» в области политики и права этого периода.

Старина в древнерусских потестарных текстах становится идеологемой, актуализирующей исходные православные и общегосударственные ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф. И. Соч. Т. 2. Древнерусская народная литература и искусство. — СПб., 1861.
2. Дьяконов М. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. — СПб., 1889.
3. Емченко Е. Б. Стоглав: исследование и текст. — М.: Индрик, 2000.
4. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России. — М.: Юрист, 2003.
5. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. — М.: МГУ, 1956.
6. Михайлова Т. В. «Будущее обязательное» в профетических контекстах Ивана Пересветова // Вестн. КГПУ им В. П. Астафьева. 2013. № 1 (23). С. 181—185.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Учпедгиз, 1939.
8. Смирнов Дм., свящ. Проповеди. URL: <http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/propoved>.
9. Стефанович Д. Ф., свящ. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. К истории памятников древнерусского церковного права. — СПб., 1909.
10. Филлюшкин А. И. Титулы русских государей. — М.; СПб., 2006.
11. Храковский В. С., Володин А. Н. Семантика и типология императива. Русский императив. — Л.: Наука, 1986.

ИСТОЧНИКИ

12. Стоглав. — Лондон: Truebner & Co, 1860.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. О. А. Солопова

УДК 81'373.612
ББК Ш103.2

ГСНТИ 16.21.65

Код ВАК 10.02.19

И. А. Стернин I. A. Sternin
Е. А. Маклакова E. A. Maklakova
Воронеж, Россия Voronezh, Russia

**СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНЫЙ
КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ
ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА**

**SOCIAL-NORMATIVE COMPONENT
IN THE STRUCTURE
OF WORD'S MEANING**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы семного описания значения слова в ракурсе феномена политической корректности на материале контрастивных исследований в русском и английском языках. Обосновывается необходимость введения специальных словарных помет, которые желательно использовать в словарных дефинициях для унифицированного метаязыкового семного описания слова.

Abstract. The study presents the problems of semantic description of word's meaning from the perspective of political correctness based on contrastive research in Russian and English. The study gives proof of the necessity of introduction requirements of special lexicographic labels, which are desirable to be used in lexicographic definitions when describing semantic structure of words with the help of unified meta-linguistic semantic units.

Ключевые слова: политическая корректность; наименования лиц; контрастивный анализ; функциональный макрокомпонент значения; унифицированный метаязык семного описания.

Key words: political correctness; persons' nominations; contrastive analysis; functional macro component of the meaning; unified meta-language of semantic description.

Сведения об авторе: Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и стилистики.

About the author: Sternin Iosif Abramovitch, Doctor of Philology, Professor, Head of the of the Chair of Russian Language and Stylistics.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Place of employment: Voronezh State University.

Контактная информация: 394006, Воронеж, Университетская пл., 1.
e-mail: sterninia@mail.ru.

Сведения об авторе: Маклакова Елена Альбертовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков.

About the author: Maklakova Elena Albertovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Foreign Languages

Место работы: Воронежская государственная лесотехническая академия.

Place of employment: Voronezh State Academy of Forestry Engineering.

Контактная информация: 394087, г. Воронеж, ул. Докучаева, 10, корп. 7, к. 303.
e-mail: elena.maklakova5@mail.ru.

Сложившееся в современной семасиологии представление о структурном характере значения придает импульс к развитию такого направления науки о значении слова, как **семная семасиология**, которая изучает **семный состав** языковых единиц и описывает значения языковых единиц как **структурированную совокупность сем**.

Функциональный макрокомпонент включает **стилистические, социальные, темпоральные, частотные и территориальные семы** (более подробно см.: [Стернин 2008; Маклакова 2011; Маклакова, Стернин 2013]), выделение которых, как правило, не вызывает сомнения и споров среди лингвистов и лексикографов, хотя относительно выделения конкретных микрокомпонентов в конкретных значениях часто высказываются различающиеся мнения.

Принято считать, что значение слова обусловлено рядом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, совокупность которых образует структуру значения, состоящую из мега-, макро- и микрокомпонентов [Стернин 2008: 83—88]. Важнейшие мегакомпоненты значения — **лексический и структурно-языковой**. В данном исследовании нас интересует последний, точнее вычлняющийся в его составе **функциональный** макрокомпонент, в котором содержится информация о признаках слова как функциональной единицы языка, т. е. отражение в значении языковой действительности.

Соответствующие дифференциации значений по данным семам обнаруживаются при парадигматическом компонентном анализе значений, а также при анализе контекстуального употребления слов. Многие функциональные семы могут быть обнаружены дефиниционным анализом, проводимым по материалам лексикографических источников: выделение вышеназванных семантических компонентов является общепризнанной практикой описания их значений, ибо такими пометами, как **книжное, высокое**,

разговорное, сниженное, музыкальное, юридическое, церковное, тибетское, устарелое и мн. др., составители словарей информируют пользователей о характерных особенностях употребления слов и их отличиях от других языковых единиц.

Думается, что, с учетом современных тенденций развития языка, в частности его лексического состава, а также современного уровня семной семасиологии, список функциональных микрокомпонентов, необходимых для семного описания значения, может быть расширен.

В последнее время, особенно в американской лингвокультуре, прослеживается тенденция к повышенной эвфемизации антропимической лексики при описании ряда социальных явлений. Американские лингвисты отмечают многообразие мотивов, заставляющих американцев столь часто прибегать к эвфемизмам. Выделим лишь некоторые из них:

1) стремление разрешить сложные эмоциональные ситуации, например когда речь идет о смерти: *the loved one* (дорогой, любимый) вместо *body, corpse* (труп);

2) сокрытие правды: *culturally-deprived area* (культурно неблагоприятная территория) вместо *slum* (трущобы);

3) придание более высокого социального статуса: *sanitary engineer* (санитарный инженер) вместо *garbage man* (уборщик мусора);

4) стремление удовлетворить человеческое тщеславие (например, с помощью рекламы): *pretty-plus girl's size* (в значительной степени дополнительный женский размер) вместо *overly large (plump, fat) girl's size* (очень большой размер, для полных и тучных).

Что касается культурных особенностей образного языка рекламы, то в ней на фоне широко развернутой кампании за здоровый образ жизни используются следующие «привлекательные» формулировки при описании одежды для людей с избыточным весом:

– *husky-plus* (добавочный для здоровяков, для крепко сложенных — о мальчиках);

– *adult sizes, mature sizes* (размеры для взрослых, для достигнувших взрослого состояния — о женщинах);

– *portly, stout, mature, big, adult sizes* (размеры для дородных, солидных, взрослых, для достигнувших взрослого состояния, крупных — о мужчинах);

– *full-figure fashions* (модели свободного, широкого покроя);

– *hard-to-fit sizes* (для тех, кому трудно подобрать размер — о покупателях разных категорий) [Леонтович 1998].

Можно также привести следующие примеры распространенных в США эвфемиз-

мов, которые позволяют представить неприятные, нежелательные, оскорбляющие чье-либо достоинство явления в более выигрышном, «облагороженном» свете: *бедные* — *disadvantaged* (= *poor*), *крысолов* — *exterminating engineer* (= *rat catcher*), *смыденты-инвалиды* — *students with special needs* (= *handicapped students*).

Это же стремление прослеживается в попытке переименовать некоторые профессии: *beautician* вместо *hairdresser* (парикмахер), *shoe rebuilder* вместо *cobbler* (сапожник, ремонтирующий обувь), *canine control officer* вместо *dog catcher* (работник, занятый отловом бродячих собак), *custodial engineer* вместо *janitor* (дворник, уборщик), *homemaker* и даже *household executive* вместо *housewife* (домохозяйка) [Battles 1976].

Особое внимание уделяется словам, обозначающим этническую и расовую принадлежность, поскольку, как указывает В. И. Карасик, «большинство субъективных пейоративов в английском языке составляют оскорбления по национальным и расовым признакам» [Карасик 2002: 87]. При этом следует подчеркнуть, что и в английском, и в русском языке в разговорной ситуации этнонимы не всегда используются как вербальные маркеры этнической принадлежности, например:

– *арап* (семема-2) — лицо, мужской пол, пронырливый, хитрый, ловкий в делах, занимается мошенничеством и обманом;

– *афганец* (семема-2) — лицо, мужской пол, служил в Советских вооруженных силах, принимавших участие в военных действиях на территории Афганистана (1980—1989);

– *варяг* (семема-2) — лицо, мужской пол, приглашен для помощи, усиления чего-н. в какой-л. коллектив со стороны; не принадлежит к данному кругу; шутовское;

– *кутаец* (семема-2) — лицо, мужской пол, хитрый;

– *mongol* — лицо, мужской/женский пол, страдает синдромом Дауна; оскорбительное; ср. *Mongol, Mongolian* — монгол/монголка.

Американские лингвисты рекомендуют проявлять подобную корректность и по отношению к людям разных возрастных групп. Например, слова *girl* и *boy* не советуют употреблять по отношению к людям старше 13 лет. Подростков нередко называют *young man / young woman, young adults*, дабы польстить их самолюбию. Популярным в последнее время в английской речи стало образование *senior citizens* (старшие граждане) вместо *old age pensioners* (пенсионеры по старости). Термин *senior citizen* официально употребляется по отношению к людям старше 65 лет [Bovee, Thill 1986].

Тенденция к широкому употреблению подобных эвфемизмов особенно ярко проявилась в последние десятилетия в связи со стремлением американцев к **политической корректности**, что было закреплено на законодательном уровне.

Общий принцип политически корректного коммуникативного поведения сводится к неиспользованию лексики, а также невербальных действий, подчеркивающих определенные аспекты идентичности личности (пол, возраст, этническую и расовую принадлежность, физическое состояние и т. д.). Например, рекомендуется не упоминать о физических недостатках человека, если эта информация не составляет суть коммуникации. Если же указание на эту информацию неизбежно, то следует стараться заменить неприятные, обидные формулы на более мягкие и тактичные.

В современной политически корректной лексике английского языка вполне обоснованно широкое распространение получают выражения, которые используются для обозначения наименований лиц, отличающихся какими-либо физическими особенностями. Например, не рекомендуется обращаться к людям как к *инвалидам*, вместо этого рекомендуется использовать политкорректное выражение *люди, преодолевающие трудности из-за своего физического состояния* (physically challenged). Причина в том, что в общественном мнении подобная замена косвенно будет способствовать решению стоящих перед обществом проблем соответствующего характера, в частности по отношению к *умственно отсталым детям* (retarded children), которых рекомендуется называть *детьми, испытывающими трудности при обучении* (children with learning difficulties).

Для того чтобы не ущемлять права представителей однополых браков, имеющих детей, в США предлагается ввести новые формы анкетирования, в графах которых, вместо слов *мать* и *отец*, стоят слова *родитель 1* и *родитель 2*.

Нормы политической корректности должны соблюдаться и при разговоре о материальном достатке и социальном положении людей: «Индикация стиля жизни в англоязычном обществе построена таким образом, чтобы менее состоятельные люди по возможности не чувствовали себя ущемленными» [Леонтович 2005: 257].

Политически корректные высказывания фактически выступают эвфемизмами, которые, «будучи эмоционально нейтральными словами или выражениями, употребляются вместо синонимичных им слов или выраже-

ний, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [ЛЭС 1990: 549].

Однако следует уточнить, что речь идет не об эвфемизмах вообще, а именно о *политически корректных употреблениях*, которые отличаются от проявления обычной человеческой вежливости. Если последняя связана с желанием наладить доброжелательные отношения с конкретным человеком, то «политически корректный эвфемизм — это всегда эвфемизм, введенный с целью избежать того или иного оскорбления какой-либо группы населения» [Киселева 1998: 116].

Сложность понимания и употребления таких единиц английского языка русскими коммуникантами обусловлены тем, что в России сам **феномен политической корректности** в обществе выражен слабо.

Иллюстрацией этого тезиса могут служить такие словосочетания, как *пенсия по старости, школа для глухонемых, общество слепых, старородящая первородка, полторы калеки* (разг. шутл. о нескольких, немногих старых, немощных людях), *малообеспеченные слои населения, дом для престарелых, инвалид третьей группы*.

Кроме того, в русском языке наблюдается устойчивая тенденция, в результате которой даже некоторые политкорректные образования с течением времени приобретают ярко выраженную неодобрительную оценку и отрицательно-эмоциональную коннотацию, например: *выходцы с Кавказа, лицо кавказской национальности, мигранты из Средней Азии*.

Одна из причин такого положения дел — это отсутствие в России законов и инструкций, касающихся норм **политической корректности**, равно как и несформированность этого понятия в сознании большинства носителей русского языка. Как справедливо отмечает С. Г. Тер-Минасова, «русский язык, как правило, не обременяет себя соображениями гуманности и чуткости по отношению к отдельному человеку» [Тер-Минасова 2000: 223].

В связи с этим при межкультурных контактах между русскими и американцами нередко возникают неловкие ситуации, основанные на игнорировании русскими норм политической корректности.

Для исследования в русле семной семиологии важен языковой аспект проблемы, позволяющий уточнить, какими объективными языковыми характеристиками должна обладать та или иная лексическая или фразеологическая единица, чтобы можно было определить ее статус как *нерекомендуемой/рекомендуемой* в тех или иных коммуникативных ситуациях.

Институциональный дискурс [Шейгал 2000; Карасик 2004], в котором преимущественно и рекомендуются употреблять *политкорректную лексику*, предполагает формальную, сугубо официальную коммуникацию, которая, в отличие от межличностного, обыденного общения характеризуется отсутствием оценочности и эмоциональности в отношениях как между представителями института, так и между институтом и его клиентами.

В процессе такой коммуникации представителю того или иного социального института необходимо постоянно проявлять осторожность, иными словами *политкорректность*, в особенности при выборе наименований нелицеприятных явлений действительности, о которых так или иначе приходится говорить в той или иной коммуникативной ситуации.

В случае несоблюдения определенных норм речевого поведения (а именно, при использовании *неполиткорректной* лексики) высока вероятность негативной реакции, критики или разоблачения со стороны адресата и, как следствие, возможность потери статуса, авторитета или власти социальным институтом или его представителем.

При этом нужно учитывать, что понятие *неполиткорректность* не тождественно по смыслу признаку нормативности/ненормативности тех или иных единиц языка, согласно которому такие разряды лексики, как грубая и нецензурная, квалифицируются соответственно как неприличная и непристойная и исключаются моральным запретом общества из публичного употребления.

В свете этого логично заключить, что «нецензурная лексика, так же как и бранная, может иметь установку на оскорбление, а может и не иметь такой установки. Она тоже может использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций» [Стернин 2006: 345].

При этом, как ни парадоксально, американское языковое сообщество, так любящее эвфемии, тем не менее грешит «достаточно высокой степенью терпимости к нецензурным выражениям» [Steiner 1975: 174].

В среде русских образованных людей, в отличие от американцев, степень терпимости к табуированной лексике не столь велика. Коннотативная маркированность русской инвективной лексики намного превосходит английскую. Те формы языкового выражения, которые считаются приемлемыми в присутствии американской женщины, недопустимы в обществе русской. Последствия этого обстоятельства в межкультурном общении могут быть очень серьезными. Участник межкультурной коммуникации должен быть

в состоянии сбалансировать степень ненормативности слов и выражений в двух контактирующих языках. В противном случае могут возникнуть неоправданные обиды, неверная оценка партнера по коммуникации и его речевого поведения как слишком вольного или, напротив, пресного и лицемерного, неуместное употребление слишком «крепких» словечек в неподобающих ситуациях.

В последнее время довольно часто в англоязычных изданиях толковых словарей (American Heritage Dictionary of the English Language, Cambridge Advanced Learner's Dictionary, Longman Dictionary of English Language and Culture, The Oxford Dictionary of Current English) встречаются словарные пометы об ограничении словоупотребления наименований лиц в связи с *политкорректностью* или *неполиткорректностью*. Среди этих пояснений отметим следующие:

– *now considered offensive* (считается оскорбительным в настоящее время);

– *some people think that this word is offensive* (некоторые люди считают это слово оскорбительным);

– *taboo. Do not use this word* (Табу. Не употребляйте данное слово).

Принимая во внимание подобный опыт в лексикографическом описании наименований лиц и учитывая, что термин *политическая корректность* уже довольно прочно вошел в употребление во многих языках, следует, на наш взгляд, ввести обязательные пометы, которые характеризуют допустимость/недопустимость публичного употребления определенных языковых единиц как отражение **социально-нормативного функционального признака** в их семантике.

Социально-нормативный компонент значения характеризует лексику, которая социально противопоказана / показана к употреблению в публичной речи по отношению к определенным группам лиц (явлениям, действиям, признакам) и выражает социальное отношение общественного сознания к данной группе лиц (явлений, действий, признаков).

На современном этапе развития общества языковое сознание носителя языка воспринимает политкорректность/неполиткорректность как реальный смысловой признак слов определенных семантических разрядов. Этот смысловой признак носит нормативный характер, т. е. характеризует функциональное соответствие того или иного слова или выражения нормам коммуникативной допустимости употребления данной языковой единицы в публичной речи.

На наш взгляд, целесообразно ввести особые стилистические пометы для признака

политкорректности — **политкорректное/неполиткорректное**, — который должен находить отражение в лексикографическом описании соответствующих слов как при одноязычном, так и при контрастивном исследовании.

В контрастивном исследовании использование подобных помет позволяет осуществлять контрастивное сопоставление русских наименований лиц и их английских переводных соответствий с учетом современных тенденций в развитии двух языковых картин мира и выявлять национально-специфические различия между ними.

Приведем примеры.

Политкорректное — в значениях слов и словосочетаний:

- *лицо с ограниченными физическими возможностями, параолимпиец, страдающие от избыточного веса, лицо нетрадиционной ориентации, страдающие от алкогольной или наркотической зависимости люди, лицо без определенного места жительства, не имеющий трудового дохода / состоящий на учете в службе занятости гражданин, социально необеспеченные слои населения, ребенок с ограниченными возможностями здоровья, слабоуспевающий / испытывающий трудности в обучении ученик, отбывающий наказание в местах лишения свободы, асоциальный элемент, граждане из стран Азии и Ближнего Востока, лица с неславянской внешностью;*

- *refuse collector* (собиратель вещей, от которых отказались), *disadvantaged* (лишенные возможностей), *economically disadvantaged* (экономически ущемленные), *unwaged* (не получающие зарплаты), *substance abuse survivor* (злоупотребляющий алкоголем), *person of differing sobriety* (индивидуум иной трезвости); *African-American / Afroamerican, Afro-Caribbean, chairperson* (председательствующая персона), *congressperson, spokesperson* (делегат), *camera operator* (оператор), *mail carrier* (почтальон), *headteacher* (директриса), *police officer* (полицейский), *aurally inconvenienced* (с затрудненным слуховым восприятием);

- *mulat* — *mixed race, индеец* — *American Indian / Native American, абориген* — *indigenous inhabitant / person, иностранец* — *alien / newcomer*, инвалид — *differently-abled* (обладающий другими способностями) — *physically challenged* (испытывающий трудности из-за своего физического состояния) — *physically different* (отличающийся физически), полные люди — *big-boned* (ширококостные) — *differently sized* (отличительного размера) — *horizontally challenged people* (люди, преодолевающие трудности из-за горизон-

тальных пропорций), *люди низкого роста* — *vertically challenged people* (люди, преодолевающие трудности из-за вертикальных пропорций), *hair-disadvantaged* (не имеющий волос), неуклюжий — *uniquely coordinated* (со специфической координацией) и т. д.

Неполиткорректное — в значениях слов и словосочетаний:

- *инвалид* — *участник Олимпийских игр, искалеченный, калека, покалеченный, однорукий, хромой, безрукий, одноглазый, заика, душевнобольной, психбольной, глухонемой, интернат для слепых, больница для умалишенных, умственно отсталый, ребенок-дебил, слабоумный, даун, паралитик, выходец с Кавказа, лицо кавказской национальности, мигранты из Средней Азии, старородящая первородка, коротышка, карлик, лысый, жирный, толстый, цветной, черномазый, лягушатник, макаронник, азер, чурка, негритос, япошка, узкоглазые, китаёза, нацмен, потерявший работу, бродяга, бедняки, нищие, заключенный, колонист, пьяницы и наркоманы, пьянь, рвань, гомик, голубой, гяур* (у мусульман: иноверец, презр.);

- *bin man* (бомж, роющийся в помойках), *poor* (бедные люди), *unemployed* (безработные);

- *alcoholic* (алкоголик), *Black* (негр), *mulatto* (мулат), *chairman* (председатель), *congressman* (член конгресса), *spokesman* (делегат), *policeman* (полицейский), *invalid* (инвалид) — *handicapped* (имеющий физические недостатки) — *disabled* (искалеченный), *deaf* (глухой), *cripple* (калека) — *physically handicapped* (страдающий каким-либо физическим недостатком), *fat people* (толстые люди), *short people* (низкорослые люди), *bold* (лысый), *Negro, darkie* (негр), *coloured* (цветной), *Red Indian/Macaca* (индеец) и т. д.

В некоторой степени политическая корректность призвана стать инструментом профилактики «конфликтов в поликультурном обществе — между черными и белыми, между мужчинами и женщинами и т. д. — путем установления специальных норм речевого этикета, прежде всего употребления особого языка, содержащего исключительно выражения, которые будут эмоционально положительно восприняты представителями всех или большинства групп адресатов, и табуизации целого ряда слов и выражений, которые могут привести к негативным ассоциациям» [Базылев 2007: 8].

Концепт «политкорректность» широко обсуждается в различных странах, в результате чего приобретает все более выраженный языковой характер. Поскольку в лингвистике сложилась традиция изучения отражения специфики национального мирови-

дения в языке, которая, в частности, касается исследования семантики слов и словосочетаний, актуальной, на наш взгляд, является потребность рассматривать лингвистическое воплощение подобной специфики в словарных материалах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Базылев В. Н.* Языковые императивы «политической корректности» // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 3 (23). С. 8—12.

2. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.

3. *Карасик В. И.* Языковой круг. — М. : Гнозис, 2004.

4. *Киселева Т. В.* Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Языковая семантика и образ мира : материалы междунар. науч. конф. (7—10 окт. 1997 г.) — Казань : Казан. гос. ун-т. 1998. Т. 1. С. 115. URL: http://www.kcn.ru/tat_ru/science/news/lingv_97/n62.htm.

5. *Леонтович О. А., Шейгал Е. И.* Жизнь и культура США : лингвострановедческий словарь. — Волгоград : Станица-2, 1998.

6. *Леонтович О. А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. — М. : Гнозис, 2005.

7. *Лингвистический энциклопедический словарь* = ЛЭС. — М. : Советская энцикл., 1990.

8. *Маклакова Е. А.* Контрастная лингвистика и национальная специфика семантики слова (на материале наименований лиц в русском и английском

языках) : моногр. — Dudweller Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Germany : LaP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011.

9. *Маклакова Е. А.* Семное описание и контрастный анализ значения слова: на материале наименований лиц в русском и английском языках : моногр. — Saarbrücken : Lambert Academic Publ., 2013.

10. *Маклакова Е. А., Стернин И. А.* Теоретические проблемы семной семасиологии : моногр. — Воронеж : Истоки, 2013.

11. *Стернин И. А.* Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) // Антропотекст-1. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2006. С. 339—353.

12. *Стернин И. А.* Избр. работы. Теоретические и прикладные аспекты языкознания / науч. ред. 3. Д. Попова. — Воронеж : Истоки, 2008.

13. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная. — М. : Слово, 2000.

14. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса : моногр. — Волгоград : Перемена, 2000.

15. *Battles H. K., Brengleman F., Haider N. L.* Contemporary English: Frameworks. — Morristown, NJ, etc. : Silver Burdett Company, 1976.

16. *Bovee C. L., Thill J. V.* Business Communication Today. — N. Y., 1986.

17. *Steiner G.* After Babel. Aspects of Language and Translation. — L. : Oxford Univ. Pr., 1975.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 355.01
ББК ТЗ

ГСНТИ 16.01.07; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Ю. Р. Тагильцева Yu. R. Tagiltseva

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ВОЙНА И МИР:
ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ВЫХОДА
ИЗ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ВОЙНЫ**

Аннотация. Рассмотрены наиболее часто применяемые, а также менее распространенные способы выхода из информационно-психологического противостояния: конструктивный и межкультурный диалоги, политический и коммуникативный компромиссы.

Ключевые слова: информационно-психологическая война; конфликт; способы выхода из конфликта; межкультурный диалог; политический компромисс; коммуникативный компромисс.

Сведения об авторе: Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 402.
e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

**WAR AND PEACE:
THE MAIN WAYS OUT
OF THE INFORMATIONAL-PSYCHOLOGICAL
WAR**

Abstract. Most and least frequently used ways out of informational-psychological confrontation are studied, among them are constructive and intercultural dialogues, political and communicative compromise.

Key words: informational-psychological war; conflict; ways out of the conflict; constructive dialogue; intercultural dialogue; political compromise; communicative compromise.

About the author: Tagiltseva Yulia Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Advertising and PR.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Все чаще нам приходится сталкиваться в СМИ и научно-исследовательской литературе с понятием «информационно-психологическая война». При этом, как правило, рассматриваются механизмы реализации данного феномена с психологической и тактической точек зрения, и гораздо реже идет речь о последствиях и способах разрешения конфликта. Изучение информационно-психологической войны с позиции выявления причинно-следственных связей дает возможность разработать методологический анализ этого исследовательского объекта, который позволит рассмотреть психологические и тактические компоненты информационно-психологической войны не в отдельности, а в их взаимосвязи, чтобы не просто описать событие, воссоздать его картину, а прежде всего выявить причинно-следственные связи для понимания сути проблемы и разработки сценария разрешения столкновения.

Основными компонентами анализа стали:

1. Ориентированность информационно-психологической войны.
2. Описание сложившегося конфликта.
3. Исторический аспект возникновения конфликта.
4. Участники конфликта.
5. Уровень включенности в конфликт.
6. Цели информационно-психологической

войны (кампании).

7. Этапы реализации информационно-психологической войны.
8. Методы и приемы информационно-психологического воздействия.
9. Инструменты (средства) информационно-психологического воздействия.
10. Социальные последствия.
11. Сценарии разрешения конфликтной ситуации [Тагильцева 2012].

Как видим, именно на заключительном этапе исследования появляется возможность, исходя из специфики конфликта, разработать возможный сценарий его разрешения. Это прежде всего объясняется тем, что на начальных стадиях созревания международных конфликтов очень трудно предложить сценарий выхода из ситуации, ибо необходимо понять причины и следствия конфликта, а для этого нужно, чтобы он хотя бы преодолел стадию зарождения и начал развиваться.

Поскольку цель информационно-психологической войны — обеспечить информационное доминирование над противником, чтобы он не смог воспользоваться иными источниками информации для понимания сложившейся ситуации и дальнейшего реагирования, а субъектами воздействия становятся не только информационные системы, но прежде всего сознание людей, у которых

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»).

© Тагильцева Ю. Р., 2013

необходимо сформировать или корректировать определенное мнение, поведение, представления о потенциальных противниках, то и выходить из такого конфликта — информационно-психологической войны — нужно также мягко и ненавязчиво.

Предлагаемые нами способы выхода выстроены на принципе диалога, поэтому перед их описанием необходимо сделать отступление, посвященное такому феномену, как «диалог».

Как известно, слово «диалог» восходит к греческому «*dialogos*», означающему разговор, беседу. В современном философском словаре встречаем следующее определение: «*диалог* — это информативное и экзистенциальное взаимодействие между коммуницирующими сторонами, посредством которого происходит понимание» [Новейший философский словарь].

Если обратиться к коммуникативно-теоретическим положениям, то специфика каждого диалога определяется следующими условиями:

- 1) наличие двух или более сторон, т. е. определенное количество различий;
- 2) взаимный обмен информацией, такой, что обе стороны могут в равной степени высказаться;
- 3) готовность понять информацию либо точку зрения другой стороны;
- 4) разработка совместного языка (не только вербального) либо других общностей;
- 5) попытка увидеть себя со стороны [Чернокожева 2009].

Без этих основополагающих характеристик диалог невозможен.

В дипломатии можно встретить термин «политический диалог». Если говорить кратко, то это, как отмечает А. Мусабаев в своей работе «Диалог как конструктивный способ политической коммуникации», «способ выражения политических взглядов, мнений и оценок политических субъектов, посредством которого достигается понимание и согласие между субъектами» [Мусабаев].

На сегодняшний день можно выделить два основных вида политического диалога:

– диалог, от которого ожидается достижение некоторого результата (продукта). Сюда можно отнести диалоги по стратегическим вопросам (по выработке национального видения, проекта будущего, разработке национальной программы развития и т. д.), но они приемлемы только тогда, когда конфликт угасает и когда участникам предоставляется возможность самим разрабатывать и предлагать альтернативные сценарии;

– диалог, цель которого — добиться определенных изменений в социальной или по-

литической сфере. Такие диалоги организуются «для выработки рекомендаций и конкретных предложений разных групп интересов по решению вполне конкретной проблемы. Все такие виды диалога нацелены на изменение мнений, позиций, поведения участвующих сторон, на сближение позиций» [Там же]. Именно данный тип позволяет заложить основу «для конструктивного разговора и базовых навыков сотрудничества с оппонирующими сторонами. То есть в некотором роде — это „подготовительные“ диалоги, которые затем могут вести к переговорам или к новым инициативам. Например, это подготовительный диалог для приведения конфликтующих сторон к согласию провести переговоры с целью остановки военного или другого конфликта, достижения компромиссного соглашения, признания властью легитимности противостоящих ей политических партий, согласования „правил игры“ или кодекса чести между противоборствующими политическими партиями, чтобы предотвратить потенциальную угрозу насилия в политически турбулентной ситуации» [Там же].

Таким образом, диалог — это прежде всего инструмент, посредством которого можно достичь соглашение, но никак не стратегия достижения изменений, и возможные сценарии выхода из конфликта зависят от того, чего мы хотим от диалога.

Наиболее часто используемым на сегодняшний день способом выхода из затянувшегося конфликта является конструктивный диалог, который предполагает процесс реального взаимодействия, в ходе которого участники стремятся не просто представить свою идею по какому-либо вопросу, а прежде всего выслушать другую сторону, заботясь о том, чтобы разговор был полезен для всех сторон. Это может заложить основу для принятия компромисса, в том числе политического. Менее распространены межкультурный диалог и коммуникативный компромисс.

Понятие межкультурного диалога опирается на концепцию диалогизма М. М. Бахтина, согласно которой диалог подразумевает вопрос и ответ на него, поиски глубинной истины и смысла, выход за пределы понимаемого [Бахтин 1986].

Как отмечает В. Примин, «межкультурный диалог — это способ межкультурной коммуникации, направленный на взаимопонимание и взаимообогащение общающихся субъектов» [Примин 2009].

Э. Чернокожева считает, что «межкультурный диалог — это развивающийся, протекающий в рамках взаимного уважения процесс интерактивного обмена между ин-

дивидуумами, группами и организациями с различными культурными корнями и мировоззрениями. К его целям принадлежат развитие более глубокого понимания различных перспектив и отношений, привлечение к участию в общественной жизни, улучшение способностей и возможностей самооценки, равенство возможностей и творческое созидаение» [Чернокожева 2009].

Исходя из вышесказанного, беремся утверждать, что стратегия межкультурного диалога ставит перед собой задачу признания «другой» стороны и ее привлечения к общению, возможному только благодаря диалогу культур. Важную роль здесь играет нахождение единых точек соприкосновения культур: на первый план выдвигаются общечеловеческие ценности — семья, уважение к личности человека, совести, достоинства, — через которые и будет выстраиваться межкультурный диалог.

Однако в реализации межкультурного диалога существуют свои подводные камни. Прежде всего, как отмечает В. П. Ширяев, подлинные диалоги, содержащие в себе «неравные условия межкультурных обменов и установление аудиовизуальной олигополии» [Ширяев 2010], могут привести к угрозе культурной безопасности: «В этом контексте безопасность может быть определена как „способность общества сохранять свой определенный характер, несмотря на меняющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы“; точнее, она включает постоянство традиционных схем языка, культуры, ассоциаций, идентичности и национальных или религиозных практик, при учете изменений, которые, по общей оценке, являются приемлемыми. Такое понятие безопасности справедливо рассматривается как предмет фундаментальной потребности, предмет озабоченности каждого общества, включая как его культурные проблемы, так и центральные вопросы международных отношений, к которым необходимо обращаться в существующих условиях» [Там же]. В связи с этим для эффективного межкультурного диалога между государствами, этносами необходимо получить «положительные» развернутые ответы на три основополагающих вопроса:

- 1) насколько вообще важен диалог между культурами;
- 2) как мы должны осмысливать культуры и отношения между культурами;
- 3) что нужно делать для того, чтобы организовать сбалансированные межкультурные диалоги [Там же].

Для примера рассмотрим ситуацию, в которой оказались лужицкие сербы в Германии и Европе, изложенную, например, в статье К. Шевченко «Лужицкие сербы в Герма-

нии: уцелеет ли самый малый славянский народ в XXI веке?» [Шевченко 2011].

Лужицкие сербы, составляющие самый малый славянский народ, проживающий в федеральных землях Саксония и Бранденбург на юго-востоке ФРГ, напрямую происходят от автохтонного славянского населения, занимавшего в раннее Средневековье значительную часть территории современной Восточной и Центральной Германии. Лишь южная ветвь полабских славян — лужицкие сербы — сохранили славянский язык и национальное самосознание до настоящего времени. Во времена ГДР численность лужицких сербов обычно оценивалась в 100 тысяч человек. По уточненным после 1989 г. данным, количество тех, кто относил себя к серболужицкой национальности, составляло около 67 тысяч человек. При этом число владеющих серболужицким языком не превышало 59 тысяч человек.

Несмотря на множество пессимистических прогнозов, лужицкие сербы сохранились как этнос к началу третьего тысячелетия. Это наверняка удивило бы тех, кто предсказывал серболужицкому народу скорую и неизбежную германизацию. XX в. стал самым тяжелым испытанием для серболужичан. Тем не менее они сумели пережить и две мировые войны, негативно сказавшиеся на генофонде серболужицкого народа, и жесткую ассимиляторскую политику Веймарской республики, и период гитлеровского нацизма, когда не только находилась под запретом вся серболужицкая национальная жизнь, но и отрицалось само существование сербов-лужичан, объявленных идеологами нацизма «немцами, говорящими по-вендски».

Только полный разгром нацистской Германии Советским Союзом и приход Красной армии спасли лужицких сербов от полного уничтожения, но и впоследствии их ждали испытания: аграрная реформа 1952 г., согласно которой 5 восточногерманских земель были поделены на 14 округов и лужицкие земли вновь оказались разделенными, на этот раз между округами Дрезден и Коттбус; постановление Министерства образования ГДР от 2 ноября 1962 г., в соответствии с которым в школах типа «А» с пятого класса языком преподавания становился немецкий; буквально через два года появилось постановление от 30 мая 1964 г., которое объявляло изучение серболужицкого языка необязательным, так что число учеников, изучавших серболужицкий язык, сократилось с 12 000 до 3 000; в 1980-х гг. — программа индустриализации Средней и Нижней Лужицы, приведшая к росту миграции немецкого населения на лужицкие земли,

к усилению процессов урбанизации и, как следствие, к дальнейшему изменению этнического баланса населения в пользу немцев, в первую очередь в округе Коттбус; развитие угольной промышленности, повлекшее за собой исчезновение десятков серболужицких деревень и переселение их обитателей в города; в марте 1990 г. в ГДР было восстановлено традиционное деление на земли, в результате чего лужицкие сербы вновь оказались разделены между Саксонией, в состав которой вошла большая часть Верхней Лужицы, и Бранденбургом, который включал всю нижнюю и северную часть Верхней Лужицы; демонстрации на территории расселения сербов-лужичан, в которых использовались не только антикоммунистические, но и антисерболужицкие лозунги, такие как «Коммунистов и сербов в газовые камеры» или «Иностранцы и венды — вон!»; 2000-е гг. прошли под знаком сокращения преподавания на серболужицком языке, закрытия серболужицких школ.

Исходя из сложившейся ситуации, проанализировав огромный массив документов, Э. Чернокожева предложила четыре последовательных этапа развития межкультурного диалога между сербами и германцами:

«Наметить пути (дискриминирующая и обособляющая практика должны быть признаны).

Устранить преграды (предрассудки, расизм и стереотипы, мешающие равноправному диалогу).

Объединять (через программы и мероприятия в сфере образования, искусства и средств массовой информации).

Совместно изучать пространство (совместное использование пространства или „платформы“, в которых возможен свободный и толерантный обмен идеями, опытом и религиозными убеждениями и которые способствуют свободному участию в интерактивной коммуникации)» [Чернокожева 2009].

Результатом данного диалога должна стать «бикультурация, многократное совпадение, двуязычие». Однако сразу возникает вопрос, нужна ли бикультурация: во-первых, готовы ли сами лужицкие сербы к дальнейшему ассимилированию в германском пространстве, готовы ли они к стиранию культурных границ, готовы ли они перестать существовать как отдельный самостоятельный этнос, во-вторых, готовы ли сами немцы идти на диалог культур, несмотря на то что веками территориально и «этнически» притесняли сербов. Этот вопрос предстоит решить обеим сторонам конфликта. Ясно только одно: если в ближайшее время данная проблема не решится, возможно, лужицкие

сербы прекратят свое существование как этнос.

Теперь обратимся к рассмотрению политического и вытекающего из него коммуникативного компромисса.

Политический компромисс сегодня воспринимается прежде всего как политическое соглашение, заключенное между конфронтационными политическими силами, в качестве которых могут выступать различные партии, организации, государства. Подобное соглашение предполагает наличие уступок, в основе которых лежит самоограничение политических сил, их устремлений, отказ от второстепенных целей.

Итак, компромисс — это прежде всего способ разрешения конфликта, основанный на взаимных уступках.

Как отмечает А. В. Глухова, компромисс включает такие признаки, как собирание, объединение, сотрудничество взаимодействующих сторон, и в то же время некоторые характеристики взаимного исключения, противоборства, конфликтности, которые проявляются в отношениях между ними: «Компромисс наилучшим образом характеризует сущность мирного регулирования конфликта, поскольку ориентирован на исключение его насильственных форм, на снижение интенсивности. Более того, он означает существенные подвижки в позициях конфликтующих сторон, поскольку, по справедливому замечанию Р. Арона, „в конце концов соглашаться на компромисс — значит отчасти признать справедливость чужих аргументов, находить решение, приемлемое для всех“» [Глухова].

Во внутренней и внешней политике политический компромисс стал естественным средством снятия информационно-психологического противостояния.

При разрешении политического (информационно-психологического) противостояния порой сохраняется устойчивое негативное отношение противоборствующих сторон друг к другу. Оно выражается в негативном мнении о противнике и негативных эмоциях по отношению к нему. В связи с этим возникает ряд закономерных вопросов. Как сгладить возникшие в ходе политических конфликтов углы, непонимание, неприемлемость той или иной стороны? Как происходит укоренение этого компромисса в сознании?

Применительно к предмету нашего разговора — информационно-психологической войне — предлагается использовать термин «коммуникативный компромисс», под которым понимается и состояние, характеризующее один из вариантов выхода (завершения) из информационно-психологической

войны или противостояния, и совокупность информационно-психологических методов и средств, направленных на корректирование негативных мнений, настроений, поведения и оценок в период достижения политического компромисса между противоборствующими сторонами.

Основополагающим принципом коммуникативного компромисса должен стать принцип «единства, паритета принятого решения», т. е. он не должен вызывать чувство собственной слабости у одной из сторон. В соответствии с этим каждая из сторон должна сохранять в глазах аудитории видимость достижения цели, непоколебимости собственной позиции и ценностей. Нет необходимости открыто дезавуировать собственные информационные атаки, а примирение в глазах обеих сторон конфликта и в глазах сторонних наблюдателей должно выглядеть как жест «доброй воли».

Механизм коммуникативного компромисса сводится к следующим моментам.

Во-первых, смена негативной тональности дипломатической лексики на положительную. В сообщениях СМИ о встрече министров иностранных дел и первых лиц некогда конфликтующих сторон, в ответах официальных представителей министерства иностранных дел на вопросы СМИ, в выступлениях министра должны встречаться словосочетания с лексемами «диалог», «отношения», «сотрудничество», «взаимодействие», «партнерство». Именно они будут способствовать созданию положительного образа государств в сознании массового потребителя информации.

Во-вторых, использование в СМИ некоторых методов манипулирования, способных корректировать негативный образ, созданный ранее, в период конфронтации между странами:

– «образ врага» трансформируется в «образ друга» или «образ партнера», т. е. искусственно создается дружелюбие, в результате чего после накала эмоций массы могут погрузиться в состояние, схожее с измененными состояниями сознания. (Для примера можно вспомнить советско-финляндские отношения: в период Второй мировой войны в сознании советских масс усиленно создавался образ Финляндии как «врага», угрожающего северным территориям страны, но сразу же после окончания войны начал формироваться «образ партнера» — маленькой, мирной, трудолюбивой страны. Одно из главных достижений совет-

ско-американской дипломатии, так называемый «Договор о разрядке напряженности, ограничения гонки вооружения» 1975 г. известен в истории под названием «Хельсинских соглашений», потому что данный документ был подписан в столице Финляндии. Выбор города был не случаен, потому что Финляндия, хоть и не входила в состав коммунистического блока, но прочно воспринималась как нейтральный и дружественный партнер.);

– задействование «лидеров мнений»;

– «повторение», базирующееся на простом многократном повторении какой-либо информации, в результате чего подобная информация может прочно закрепиться в памяти аудитории и в дальнейшем актуализироваться.

В-третьих, использование «белой» пропаганды, направленной на формирование положительного образа сторон-партнеров. При ведении подобной пропаганды возможны следующие приемы информационно-психологического воздействия:

– «перенос», или «трансфер»;

– «ссылка на авторитет».

В-четвертых, для пропагандистской трансляции партнерских (дружественных) отношений нужно обращаться к таким средствам информационно-психологического воздействия, как СМИ, кино и видеоматериалы пропагандистского характера, Интернет, вспомогательная деятельность посредством специальных мероприятий, акций.

В-пятых, выстраивание межкультурного диалога на разных уровнях: как на собственно культурном, так и на социально-экономическом (например, поставки вина и минеральной воды).

Коммуникативный компромисс эффективен в том случае (оговоримся, что это не всегда достигается), когда стороны понимают, что победа в информационно-психологической войне не может быть окончательной, она недолговечна, и через какое-то время противостояние, нежелательное для победившей стороны, а нередко и неконтролируемое ей, может вспыхнуть вновь.

Конечно, немаловажно наметить пути выхода из конфликтной ситуации и предпринять шаги по их реализации, но важно и то, чтобы сознание общества, постоянно испытывающего информационно-психологическое воздействие, могло оперировать и позитивными моделями решения проблем, связанных с информационно-психологическим противостоянием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. — М., 1986. С. 473—500.

2. Глухова А. В. Компромисс и консенсус как методы регулирования и разрешения политических конфликтов. URL: <http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/glukhova4.htm> (дата обращения: 10.04.2013).

3. Мусабиев А. Диалог как конструктивный способ политической коммуникации // Школа публичной политики : сайт. URL: http://www.publicpolicy.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=1530%3A-q-q&catid=52%3A2010-10-15-11-48-53&Itemid=1 (дата обращения: 10.04.2013).

4. Новейший философский словарь : сайт / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. URL: <http://www.philosophi-terms.ru/> (дата обращения: 10.04.2013).

5. Примин В. Межкультурный диалог в полиэтничном обществе // Общество и этнополитика : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (1 апр. — 15 июня 2009 г.) / под ред. Л. В. Савинова ; СибАГС. — Новосибирск, 2009. С. 116—121.

6. Тагильцева Ю. Р. Информационно-психологическая война: методологический анализ // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 4 (42). С. 175—179.

7. Чернокожева Э. Межкультурный диалог: концепты и практические шаги // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2009. № 1. С. 105—109.

8. Шевченко К. Лужицкие сербы в Германии: уцелеет ли самый малый славянский народ в XXI веке? 2011. 24 янв. // Западная Русь : сайт. URL: <http://zapadrus.su/slavm/slobsm/245--xxi-.html> (дата обращения: 10.04.2013).

9. Ширяев В. Культурная безопасность и межкультурные диалоги // Власть. 2010. № 1. С. 95—99.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 321.01+81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55
Ю. С. Томова Y. S. Tomova
Москва, Россия Moscow, Russia

Код ВАК 10.02.19

СУДИТЕЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В условиях кризиса легитимности власти становится актуальным вопрос формирования позитивного образа государства. Цель данной статьи заключается в сопоставлении образов России и США, формируемых в дискурсе лидеров этих двух государств. Методом исследования является сопоставление высказываний президентов относительно соотносимых трагических событий, подразумевающих наличие судительных аргументов.

Ключевые слова: образ государства; образ России; образ США; президентская риторика; судительные аргументы; эпидейктические аргументы; абстрактные денотативно свободные слова; кризисный менеджмент.

Сведения об авторе: Томова Юлия Сергеевна, аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, филологический факультет.

Место работы: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Контактная информация: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 51, 1-й уч. корп., к. 955.

e-mail: yuliatomova@gmail.com.

JUDICIAL RHETORIC AS A WAY TO OUTLINE THE IMAGE OF THE STATE

Abstract. The issue how to create the positive image of the state becomes relevant because of the so called crisis of legitimacy. The aim of this investigation is to compare the image of Russia and the image of the USA that were created in the presidential discourses. The method of the study includes comparative analysis of the statements of the presidents concerning two similar terrible events. These events supposed some methods of crisis rhetoric, e.g. judicial rhetoric, to be used.

Key words: image of the state; image of Russia; image of the USA; presidential rhetoric; judicial rhetoric; epideictic rhetoric; abstract denotative unrestrained words; crisis management.

About the author: Tomova Yulia Sergeyevna, Post-graduate Student, Chair of General and Comparative Linguistics, Philological Faculty.

Place of employment: Moscow State University named after M.V Lomonosov.

В последнее десятилетие для характеристики модели государственной политики в мире ученые используют термин «кризис легитимности». Подобную ситуацию определяет «падение доверия к власти со стороны широких слоев населения, к ее „человеческой составляющей“ — чиновничеству, корпусу государственных служащих, а также к ее принципиальной способности адекватно и эффективно реагировать на современные вызовы» [Федякин 2009: 10]. Для преодоления кризиса легитимности в каждой отдельной стране ученые-политологи предлагают обратить особое внимание на информационно-символическую сферу: «Идентичность государства формирует всё, что это государство говорит устами своих политических лидеров, всё, что оно делает внутри страны и на международной арене» [Там же: 68].

Совокупность черт государственной идентичности, актуализируемых в информационно-символическом пространстве, терминологически определяют как образ государства. Понятие «образ» входит в терминологический аппарат нескольких гуманитарных дисциплин, поэтому выделим значимые для нашего анализа элементы дефиниции.

В политологии образ государства определяется как «динамическая совокупность объективно существующих, целенаправленно формируемых и субъективно воспринимаемых существенных характеристик политически организованного, территориально оформленного и подчиненного верховной власти общества» [Федякин 2005: 6]. Отметим существенные для лингвистического исследования особенности: возможность целенаправленно формировать образ, а также его субъективное восприятие адресатом.

Коммуникация между субъектами, формирующими образ государства, и субъектами, воспринимающими его, опосредована массмедиа. Исследователь семиотического аспекта политического дискурса Е. И. Шейгал заключает, что «концептуализация политического пространства фактически осуществляется посредством не личного опыта людей, а информации, почерпнутой через СМИ, которые становятся передаточным звеном в восприятии политики и конструировании картины мира политики» [Шейгал 2012: 121].

При этом СМИ являются не только медиатором сообщений, но и определяют но-

вые законы функционирования политической коммуникации. Так, например, в исследовании американской президентской риторики А. Т. Тазмина приходит к заключению о соперничестве СМИ и президента в создании проблемы дня в национальном масштабе [Тазмина 2001: 31]. Средства массовой информации определяют и содержание политической риторики: «...до появления масс-медиа президентские обращения были формальной декларацией их политики» [Little 1988: XI].

Политическая риторика и СМИ в целом составляют единую систему идеологического воздействия. Учитывая значимую роль политической риторики в процессе формирования образа государства, соотнесем термин «образ государства» с традиционной системой риторических образов.

С одной стороны, образ государства является образом предмета речи, т. е. тем, чему посвящено содержание обращений. С другой стороны, образ государства соотносится с образом аудитории. «Образ аудитории не является изображением данной, реальной совокупности людей, к которым обращается оратор или писатель, а предстает как некое идеальное мы <...>, которое в силу своих нравственных и интеллектуальных качеств готово принять то правильное решение, которое ритор предлагает как достойное этого <...> мы» [Волков 2009: 355]. Анализ системы риторических образов применим в рамках анализа публичных обращений представителей политической элиты.

Одной из предпосылок формирования и распространения позитивного образа американского государства является «формирование и развитие национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры» [Федякин 2009: 78]. Анализ институтов этой информационно-коммуникационной инфраструктуры представлен в процитированной работе, мы же предлагаем провести сопоставительный анализ выступлений президентов России и США. В качестве обсуждаемой ситуации выбраны схожие по содержанию трагические события, а именно:

1) в ноябре 2009 г. на американской военной базе Форт-Худ военный психиатр, майор, открыл огонь по своим сослуживцам;

2) в апреле 2009 г. майор милиции открыл огонь в московском супермаркете.

Президент Обама трагедии в Форт-Худе посвятил два своих еженедельных обращения. Еженедельное обращение (“Your Weekly Address”, ранее “Weekly Radio Address”) — жанр американской президентской риторики, к практике которого обращались Ф. Рузвельт, Р. Рейган и Дж. Буш. Еженедельные

выступления Б. Обамы осуществляются в формате видеообращений и публикуются в Интернете. Число просмотров наиболее популярных выступлений превышает один миллион.

Выступление о трагедии президент Обама начинает с описания места: *It was in this place, on a base where our soldiers ought to feel most safe, where those brave Americans who are preparing to risk their lives in defense of our nation, lost their lives in a crime against our nation.* — *Это случилось в том месте, на базе, где наши солдаты должны себя чувствовать в наибольшей безопасности, там, где те отважные американцы, готовые рисковать жизнью для защиты нашей нации, потеряли жизни в результате преступления против нашей нации.* Трагизм ситуации подчеркивается тем, что погибли люди, готовые защищать ценности государства в бою. Поэтому само событие оценивается как «преступление против нации». В тексте встречается также оценка события как акта насилия (*an act of violence*).

Особый трагизм, с точки зрения президента Обамы, придает ситуации тот факт, что погибли настоящие патриоты Америки (*it's all the more heartbreaking and all the more despicable because of the place where it occurred and the patriots who were its victims*). Тема героизма и патриотизма является ключевой для всего обращения и связывает разные типы аргументации.

В соответствии с предметом речи, заявленным в теме, можно определить характер аргументации как судительный. Согласно теории риторики, замысел судительной речи состоит в установлении истины и оценке факта [Волков 2009: 217].

Б. Обама ограничивается некоторыми судительными аргументами статуса оценки и меняет предмет речи так, что ключевыми становятся эпидейктические аргументы. То есть, в соответствии с определением эпидейктической речи, предметом речи становится утверждение принципов и ценностей, а замыслом — похвала или порицание [Там же: 217].

And yet, even as we saw the worst of human nature on full display, we also saw the best of America. We saw soldiers and civilians alike rushing to aid fallen comrades; tearing off bullet-riddled clothes to treat the injured; using blouses as tourniquets... — Но, однако, в то время как мы увидели то худшее, что есть в человеческой натуре, в полном виде, мы также увидели и то лучшее, что есть в Америке. Мы видели солдат и простых граждан, одинаково стремящихся помочь своим товарищам, разрывающих бро-

нежилеты, чтобы обработать раны, использующих гимнастерки как жауты...

Низость поступка преступника позволила проявить лучшие качества солдатам и простым гражданам. В выступлении это подкрепляется формами превосходной степени прилагательного: *the finest, the best*. В качестве мотивов, лежащих в основе поступков людей, помогающих пострадавшим, называются традиционные ценности — доблесть, самоотверженность и единство: *We saw **the valor, selflessness, and unity of purpose** that make our servicemen and women the finest fighting force on Earth; that make the United States military the best the world has ever known; and that make all of us proud to be Americans.* — Мы увидели **доблесть, самоотверженность и единство целей**, которые делают наших военнослужащих мужчин и женщин лучшей боевой силой на Земле и которые заставляют нас всех гордиться тем, что мы — американцы.

В речи подчеркивается еще одна традиционная для Америки ценность — разнообразие общества: *They are Americans of every race, faith, and station. They are Christians and Muslims, Jews and Hindus and nonbelievers. They are descendents of immigrants and immigrants themselves. They reflect the diversity that makes this America. But **what they share** is a patriotism. <...> **What they share** is a commitment to country. <...> **What they share** is the same unflinching courage, unblinking compassion, and uncommon camaraderie <...>.* — Они все — американцы различных рас, вероисповеданий и происхождения. Среди них христиане и мусульмане, иудеи и сторонники индуизма, а также атеисты. Они потомки иммигрантов или сами являются иммигрантами. Они отражают то разнообразие, которое делает Америку Америкой. Но **то, что они разделяют** — патриотизм. <...> **То, что они разделяют** — приверженность стране. <...> **То, что они разделяют** — непоколебимая храбрость, стойкое сострадание и необычный дух товарищества <...>.

Разнообразие общества оценивается положительно, ведь при всех внешних различиях людей объединяет верность стране. Обратив особое внимание на патриотизм, объединяющий людей, помогает использование анафоры.

Президент Обама уделил должное внимание трагическому событию, являющемуся темой обращения. В то же время основное внимание оратора отдано подвигам отдельных американцев, возведенным до подвигов государственного масштаба. Таким образом, основной целью обращения, посвященного

трагедии, является закрепление традиционных для США государственных ценностей, сплочение всей страны для противостояния злу.

Образ аудитории, являющийся элементом образа государства, создается последовательно: в речи активно используются одушевленные существительные, аудитория максимально персонализируется. В тексте анализируемого обращения встречается 18 случаев категоризации аудитории: *our men and women (наши мужчины и женщины); our soldiers, sailors, airmen, Marines, and coast guardsmen, and the military families (наши солдаты, моряки, летчики, солдаты морской пехоты, береговые гвардейцы и семьи военных); every single one of the men and women who were injured at Ft. Hood (каждый мужчина и каждая женщина, раненные в Форт-Худе).*

Такая персонализация положительным образом влияет на восприятие речи аудиторией: слушатель, относя себя к определенной группе, внимательней воспринимает содержание высказывания и относит на свой счет заявления о единой и великой американской нации.

Проследим, как реагирует на схожую ситуацию в своих выступлениях президент России Д. Медведев. На официальном сайте президента России его комментарии по поводу указанного происшествия отсутствуют. В интервью журналистам по результатам итогов года Д. Медведев комментирует ситуацию следующим образом: **претензий у наших граждан к работе Министерства внутренних дел накопилось немало**. Не вдаваясь в подробности ни одной из претензий, президент продолжает: **Сразу же скажу одну вещь: сегодня я подпишу указ о совершенствовании деятельности Министерства внутренних дел, где будут предусмотрены и организационные изменения, и изменения некоторых финансовых вопросов, и некоторые правовые вопросы, а также кадровые**. В публичном выступлении президент России ограничивается указанием того, какого рода деятельность ведется: подписание указов, законов и т. п.

В своем комментарии Д. Медведев избегает ярких образов, подробных деталей и однозначных оценок: **Люди хотят, чтобы их защищали безупречные в нравственном, а уж тем более в правовом плане сотрудники милиции, и хотят доверять им**. Я уверен, что мы сможем создать такую структуру. Но при этом (и это тоже абсолютно точно) огромное количество, подавляющее большинство сотрудников Министерства внутренних дел — это честные,

преданные своему делу люди. В пресуппозиции высказывания содержится смысл, что нынешняя структура органов Министерства внутренних дел неидеальна, однако этот негативный смысл не вербализуется.

При описании своей деятельности по реформированию Министерства внутренних дел Д. Медведев использует выражения с размытым смыслом: *совершенствование деятельности, организационные изменения, некоторые правовые вопросы ... а также кадровые, серьезная полноценная работа.* В лингвистических исследованиях подобные единицы обозначаются как «слова-амебы», «идеологемы», «идолы толпы», «виртуальные слова», приемы «размывания смысла» или «политические аффективы» [Цит. по: Копнина 2010: 84; Данилова 2009: 103]. Вслед за А. А. Даниловой мы обозначим такие единицы как «абстрактные денотативно свободные слова». Широкая растяжимость сигнификата, являющаяся основной особенностью таких слов, позволяет существенно варьировать смысл высказываний. Доминирующим в лексическом значении подобных единиц становится эмоционально-оценочная семантика, а внутренняя форма значительно отдалается от прямого номинативного значения [Данилова 2009: 103].

Трагические события являются в определенном смысле кризисом для государства как упорядоченной структуры. Мы провели аналогии между государством и коммерческими организациями для того, чтобы определить роль коммуникации со СМИ и вербализации проблем в процессе преодоления кризиса. Лучшим показателем эффективности такой коммуникации, помимо имиджа компании, который сопоставим с образом государства, является сохранение или увеличение докризисного уровня доходов. В руководствах по кризисному менеджменту выступления по поводу критической ситуации и взаимодействие с массмедиа описываются как один из первостепенных шагов эффективной тактики. Учитывая тот факт, что «каждый кризис создает информационную лакуну», «у организации появляется хороший шанс воздействия на освещение событий в новостях, интенсивно заполнить информационный вакуум». Самой нежелательной тактикой поведения является молчание; исследователи отмечают, что молчание «работает против компании» [Lerbinger 1997: 31]. В ситуации кризиса немаловажно не только сообщить о ситуации средствами массовой информации, но и «охарактеризовать событие и представить контекст, в рамках которого это событие нужно оценить» [Там же: 31]. Эту процедуру можно сопоста-

вить со статусами, т. е. «этапами, или состояниями обсуждения проблемы» судительной аргументации [Волков 2005: 118]. Первым статусом является установление, или «сообщение о ситуации» (*describing what happened*), вторым — определение, или характеристика события (*defining the event*), третьим статусом является оценка, или «представление контекста, в рамках которого это событие нужно оценить» (*framing the context in which it is judged*).

Руководства по кризисному менеджменту приводят множество примеров отрицательного итога в случае пренебрежения этими правилами или сознательной корпоративной политики неразглашения. Так, например, в 1994 г. компания «Intel» выпустила крупную партию поврежденных микрочипов. Стратегия сознательного неразглашения этого факта, выбранная компанией, первоначально имела положительное действие. Но после того как информация проникла в Интернет и вызвала широкое обсуждение, сохраненная тактика неразглашения вызвала противоположный эффект: акции компании резко упали, торговля была временно остановлена. Отто Лербингер описывает дальнейшее развитие событий следующим образом: «...сила потребителей, изначально вызванная с помощью Интернета, а позже — новостных источников, увеличивала уровень на критической шкале до тех пор, пока самому упрямому исполнительному директору Груву (исполнительный директор «Intel» в 1994 г. — Ю. Т.) не пришлось встретить факты лицом к лицу». После публичного признания ошибки на производстве репутация компании ухудшилась, но цены на акции были восстановлены [Lerbinger 1997: 37—38]. При этом ухудшение репутации компании Лербингер объясняет в большей степени длительным молчанием ее руководства и отказом признать ошибку.

В инструкции по кризисному менеджменту приводится и иной «классический пример» (*a case-book example*) — нарушение постулата о необходимости во время острых и ширококомасштабных критических ситуаций встретиться с жертвами и оперативным персоналом. Так, в 2002 г. на заключительных этапах предвыборной гонки в Германии Эдмунд Штойбер, занимавший на тот момент лидирующие позиции, отказался посетить территории, пострадавшие от наводнения. На выборах победил Герхард Шрёдер, принявший активное участие в восстановлении территорий после наводнения [Boin Arjen 2008: 85—90].

Эти и другие примеры из истории кризисного менеджмента доказывают необхо-

димось официальных заявлений руководителя в СМИ на самых ранних этапах появления информации о возникновении критической ситуации. Исследователи кризисного менеджмента настаивают на том, что «эффективное кризисное управление не может проводиться одним только „деланием правильных дел“» (by simply “doing the right thing”) на местности, оно также предполагает уверенное управление (a sure-footed manipulation) символами, которые укрепляют мнения и настроение политического окружения, таким образом усиливая возможности лидера действовать» [Там же: 70].

Основываясь на результатах проведенного анализа, мы можем сделать несколько сопоставительных выводов относительно выступлений президентов в схожих ситуациях, а также обобщить основные семантические поля, в рамки которых включаются указанные темы.

В США трагическая ситуация становится событием повестки дня, значимость которого иллюстрирует сам факт высказывания президента на эту тему. В речи по поводу трагедии на американской военной базе используются судительные аргументы, но основное внимание оратор обращает на укрепление традиционных для США государственных ценностей и позитивного образа государства. Основной целью президента США является сплочение аудитории. При этом аудитория как часть образа государства максимально персонифицирована.

Сопоставимое по характеру драматичности событие в России не находит отражения в риторической деятельности президента. Обращаясь к теме, лидер государства описывает свою деятельность относительно законодательства. Судительные аргументы в речи не используются. Президент избегает личных оценок. Аудитория как часть образа государства представляется обобщенно: «наши граждане», «люди». Описываемая кризисная ситуация могла быть использована для актуализации ценностей и поддержания позитивного образа государства. Однако проанализированные материалы показывают, что эта возможность использована не была.

Необходимо отметить, что копирование американской модели публичных обращений

президента в практике президента России не кажется нам подходящим решением для формирования позитивного образа российского государства. Обращения президента Б. Обамы поддерживаются развитой национальной информационно-коммуникационной инфраструктурой и отвечают ожиданиям аудитории. В то же время, как уже было отмечено выше, выбранная президентом Д. Медведевым модель риторического представления кризисной ситуации не способствует формированию позитивного образа государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков А. А. Основы риторики. — М. : Академический Проспект, 2005.
2. Волков А. А. Теория риторической аргументации. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009.
3. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. — М. : Добросвет : Изд-во «КДУ», 2009.
4. Копнина Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2010.
5. Тазмина А. Т. Проблемы современной американской президентской риторики. — Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2001.
6. Федякин А. В. Зарубежный опыт политики формирования позитивного образа государства: сравнительный анализ теории и практики. — М. : МИИТ, 2009.
7. Федякин А. В. Образ России: национальные интересы и приоритеты. — М. : Соц.-полит. мысль, 2005.
8. Шейгал Е. И. Язык СМИ и политика в семиотическом аспекте // Язык СМИ и политика. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012.
9. Boin Arjen, Hart Paul't, Stern Eric, Sundelius Bengt. The Politics of Crisis Management: Public Leadership under Pressure. — N. Y. : Cambridge Univ. Pr., 2005
10. Lerbinger Otto. The crisis manager: facing risk and responsibility. — New Jersey : Lawrence Erlbaum Ass., 1997.
11. Little J. Introduction // Speeches of the American Presidents / ed. J. Podell S. Anzovin. — N. Y., 1988.

ИСТОЧНИКИ

12. *Weekly Address: President Obama Extends Condolences to the Fort Hood Community.* 2009. Nov. 7. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/weekly-address-president-obama-extends-condolences-fort-hood-community> (дата обращения: 01.06.13)
13. *Итоги года* с Президентом России. 2009. 24 дек. URL: <http://news.kremlin.ru/news/6450> (дата обращения: 01.06.13)

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. Н. Кузнецов

Е. В. Чумакова E. V. Chumakova
Волгоград, Россия Volgograd, Russia

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ СИТУАЦИИ
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭМБЛЕМЫ**

Аннотация. Рассматриваются прецедентные ситуации в качестве политических эмблем, однозначная интерпретация которых позволяет говорить о высоком суггестивном и манипулятивном потенциале политической риторики. Выделяется три типа таких вербальных эмблем: определяющие политические идеалы партии, определяемые тактическими предпочтениями политиков, определяемые нормами позиционирования.

Ключевые слова: политическая вербальная эмблема; прецедентная ситуация; политические идеалы; тактические предпочтения; нормы позиционирования.

Сведения об авторе: Чумакова Екатерина Викторовна, аспирант кафедры английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Контактная информация: 400066, г. Волгоград, пр-т Ленина, 27, к. 4-23.
e-mail: ekittyrina@gmail.com.

**PRECEDENT SITUATIONS AS POLITICAL
EMBLEMS**

Abstract. The article deals with the precedent situations as political emblems which definitive interpretation refers to the high suggestive and manipulative potential of political rhetoric. The three following types of verbal emblems can be derived: those determining political parties' ideals; those defined by politicians' tactical preferences, and those determined by positioning norms.

Key words: political verbal emblem; precedent situation; political ideals; tactical preferences; positioning norms.

About the author: Chumakova Ekaterina Viktorovna, Post-graduate Student of the Chair of English Philology.

Place of employment: Volgograd State Social-Pedagogical University.

Влияние массмедийных источников как одного из первенствующих каналов передачи информации заметно упрощает весь коммуникативный культурно-исторический опыт, формируя у реципиента ложное ощущение эмоционально-интеллектуального удовлетворения. Проблема использования данной особенности при интерпретации транслируемого кода адресатом в России пристально изучается такими исследователями, как В. И. Карасик, И. В. Крюкова, Н. А. Кузьмина, Е. А. Нахимова, М. С. Саломатина, И. А. Стернин, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал [Карасик 2010, 2012; Крюкова 2004; Кузьмина 2011; Нахимова 2007; Саломатина 2009; Стернин 2009; Чудинов 2003; Шейгал 2000]. Успешность суггестивного и манипулятивного воздействия на референта обуславливается насыщенностью политического дискурса разного рода семиотическими образованиями, к числу которых можно отнести и прецедентные ситуации, подробно рассматриваемые в работах Ю. Н. Караулова, В. В. Красных, С. Л. Кушнерук, Е. О. Опариной [Караулов 2010; Красных 2003; Кушнерук 2006; Опарина 2011]. Здесь следует подчеркнуть, что к одной из наиболее эффективных разновидностей лингвосемиотических образований мы относим эмблематические прецедентные ситуации как действенный способ презентации идеалов и ценностей в политической риторике. Предложенная Ю. Н. Карауловым и детально разработанная

В. В. Красных теория прецедентности позволяет говорить о прецедентном феномене как о «имеющем сверхличностный характер» [Караулов 2010: 216] для референта, как о единице, «актуальной для него в когнитивном плане и постоянно возобновляемой в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2003: 170]. Прецедентную ситуацию принято рассматривать как «эталонное», «идеальное» [Гудков 2003: 170], «хорошо известное историческое событие, яркие признаки которого запечатлены в народном сознании с той или иной эмоциональной оценкой» [Чудинов 2003: 28]. Этим объясняется «высокое сигнализирующее значение» [Шейгал 2000: 137] прецедентной ситуации в качестве вербального знака. Подразумеваемая под этим однозначность интерпретации позволяет нам говорить о паролльности и статусности данной разновидности прецедентного феномена [Карасик 2012: 48], «частично нейтрализующего действие закона первичного отторжения новой информации» [Стернин, Саломатина 2009: 225], что является ключевым для эмблемы. Вслед за В. И. Карасиком мы рассматриваем коммуникативную эмблематику как совокупность «максимально однозначных сигналов», — пока еще мало освещенный аспект лингвосемиотики [Карасик 2010: 70, 72]. Как самостоятельная единица лингвистики эмблема

представляет собой контекстуальную парадигму, элементы которой являются единственными друг для друга.

Предметом исследования в данной статье является специфика актуализации прецедентных ситуаций, описываемых в обращениях лидеров партий Великобритании и США и выступающих эмблемами политической коммуникации. Проанализированные нами примеры эмблематических речений позволяют разделить прецедентные ситуации на следующие типы:

I. Прецедентные ситуации-эмблемы, определяющие политические идеалы партии:

1. Прецедентные ситуации-эмблемы, выражающие консервативные политические принципы: *We will honor America's democratic ideals because a free world is a more peaceful world. This is the bipartisan foreign policy legacy of Truman and Reagan. And under my presidency we will return to it once again* [Mitt Romney, the Republican Party]. — *Мы будем соблюдать демократические идеалы Америки, потому что страны свободного мира олицетворяют собой мир во всем мире. Это двухпартийная внешняя политика Трумэна и Рейгана. При моем президентстве мы снова к этому вернемся.*

Для американцев эмблематичность данного речения проявляется в выраженном прецедентными именами консервативном внешнеполитическом курсе на заведомо напряженные отношения США с Россией. Именованная рассмотренной прецедентной ситуации рисует в сознании носителей языка образ президентов Гарри Трумэна и Рональда Рейгана, сторонников «холодной войны». Несмотря на то что лексика «холодная война» эмблематична не только для американской лингвокультуры, у представителей других лингвокультур приведенная прецедентная ситуация не вызовет мгновенного узнавания.

2. Прецедентные ситуации-эмблемы, выражающие принципы свободы и демократии.

My faith that we can, starts with the inner strength of us as a country. You see the problem isn't the British people, just think about the Olympics and Paralympic games. It was a triumph for Britain. And why did we succeed? We succeeded because of our outstanding athletes from, Zara Phillips the grand-daughter of a parachuting Queen, to a boy born in Somalia, called Mo Farah. Mo Farah. A true Brit. And a true hero for our country [Ed Miliband]. — *Моя вера в то, что мы можем, основана на нашей внутренней силе как страны. Видите ли, проблема не в самих британцах, только подумайте об Олимпийских и Паралимпийских играх. Для Британии это было триумфом. А почему мы добились успеха? Мы добились успеха благо-*

даря нашим выдающимся спортсменам, Заре Филлипс, внучке прыгнувшей с парашютом королевы, парню, родившемуся в Сомали, по имени Мо Фарах. Мо Фарах. Истинный британец. Истинный герой нашей страны.

Вспоминая успехи британской команды на Олимпийских играх 2012 г., лидер Лейбористской партии акцентирует внимание пациенса на принципе равноправия граждан демократического государства. Подчеркивается, что консолидирующая мощь гражданственности — залог успешного функционирования либерального общества, в котором в равной степени ценятся достижения и отпрыска королевской семьи Великобритании (культурно-историческая эмблема для британцев), и спортсмена сомалийского происхождения.

II. Прецедентные ситуации-эмблемы, определяемые тактическими предпочтениями политических деятелей:

1. Прецедентные ситуации-эмблемы, описывающие культурно-исторические / значимые события страны: *We can do big things. We saw it this summer. The Jubilee, the Olympics, the Paralympics ... the best country in the world ... and let's say it: with our Queen, the finest Head of State on earth* [David Cameron]. — *Мы можем совершать значительные поступки. Мы видели это летом. Юбилей, Олимпийские игры, Паралимпийские игры ... лучшая страна в мире ... и признаем это: с нашей королевой, лучшей главой государства на земле.*

Торжества в честь бриллиантового юбилея восшествия на престол королевы Елизаветы II являются эмблематически знаковым событием для значительного большинства британцев в силу особой культурно-исторической значимости всех событий, касающихся британской королевской семьи, для жителей Великобритании. Наряду с этим, эмблематическим является и проведение в том же 2012 г. Олимпийских и Паралимпийских игр в Лондоне. Для носителей британской культуры все эти спортивные события являются не просто знаковыми, но эмблематическими, показательными, так как сигнализируют о финансовых возможностях государства, превосходящих существующие экономические проблемы. Упоминание данных событий в речи действующим премьер-министром воспринимается массовой аудиторией как положительный сигнал стабильности традиционных устоев общества с успешным прогрессивным развитием в культурно-историческом и экономическом контекстах.

2. Прецедентные ситуации-эмблемы, апеллирующие к историческим событиям, политическим режимам: *When every new wave of immigrants looked up and saw the Statue of Liberty, or knelt own and kissed the shores of freedom*

just ninety miles from Castro's tyranny, these new Americans surely had many questions. But none doubted that here in America their children would be more blessed than they [Mitt Romney]. — Когда иммигранты каждой новой волны поднимали свой взор и видели статую Свободы, или становились на колени и целовали берега свободы всего за 90 миль от тирании Кастро, те новоиспеченные американцы, конечно же, имели много вопросов. Но никто не сомневался, что здесь, в Америке, их дети будут благополучнее, чем они.

Примечательно, что для представителей многих лингвокультур лексема «тирания Кастро» — знаковая, но для граждан США она эмблематична своим противопоставлением ключевым гражданским ценностям свободы и прав личности, обладающим крайне высокой значимостью в менталитете представителей американской лингвокультуры. Фигура Фиделя Кастро и вся его политическая деятельность, характеризующая тоталитарным стилем правления и многочисленными политическими репрессиями и крайне напряженными отношениями между Кубой и США, неразрывно связана в сознании американцев с образом опасного врага. Восприятие данной лингвоэмотивной эмблематической дихотомии также определяется намеренным сигнализирующим употреблением лексем «статуя Свободы» и «за 90 миль», подчеркивающих также знаковый резкий топографический контраст между идеологиями.

3. Прецедентные ситуации-эмблемы, описывающие проблемы внутренней политики государства в следующих сферах:

а) экономики: *And of course let's not forget this tax cut wouldn't be happening without Nick Clegg and the Liberal Democrats. Isn't it shameful that the party that supported, that implemented the People's Budget of 1909, Lloyd George's budget, is supporting the millionaire's budget of 2012 [Ed Miliband]. — И, конечно же, давайте не будем забывать, что это сокращение налогов не стало бы возможным без Ника Клегга и либерал-демократов. Это позор, что партия, которая поддержала и обеспечила выполнение Народного бюджета 1909, бюджета Ллойда Джорджа, теперь поддерживает бюджет миллионеров 2012 года.*

Подобные прецедентные ситуации эмблематичны только для представителей британской лингвокультуры. Лидер оппозиционной Лейбористской партии Великобритании Эд Милибэнд обвиняет своего оппонента от Либерально-демократической партии Ника Клегга в потворстве налоговой политике, проводимой правящей Консервативной партией, что принципиально противоречит идеа-

лам возглавляемой Ником Клеггом партии, проявившимся в широком снижении налогов для среднего класса и претворении в жизнь «Народного бюджета» Ллойда Джорджа. Отметим, что для британцев политическая фигура Ллойда Джорджа эмблематична, так как его экономическая программа в должности премьер-министра Великобритании была ориентирована на поддержку среднего класса населения, сопровождалась установлением высоких налогов для обеспеченной прослойки населения;

б) образования: *The Harris Academy in Peckham has increased the number of students getting five good GCSEs — from 12 percent when it was under local authority control to almost 90 percent now. The transformation has been astonishing — and the methods have been Conservative [David Cameron]. — На сегодняшний день в школе Харрис в Пэкхеме увеличилось количество учеников, получивших аттестат зрелости, с 12 процентов под местным управлением до 90 процентов. Преображение изумительное. А методы были консервативные.*

Однозначно эмблематически прочесть данную прецедентную ситуацию могут лишь представители одной с автором высказывания лингвокультуры, понимающие, насколько значительно улучшение результатов сдачи экзаменов выпускниками общеобразовательных школ Великобритании и какова роль конкретной политической партии в полученном результате. Интерпретаторы иных лингвокультур не поддаются воздействию подобного сообщения из-за незнания или неспособности мгновенно распознать лексему «GCSE» (General Certificate of Secondary Education — аттестат об общем образовании в Великобритании);

в) иммиграции: *Now, I've cut taxes for those who need it: middle class families, small businesses. But I don't believe that another round of tax breaks for millionaires will bring good jobs to our shores or pay down our deficit. I don't believe that firing teachers or kicking students off financial aid will grow the economy or help us compete with the scientists and engineers coming out of China [Barack Obama]. — Я сократил налоги для тех, кто в этом нуждался, для семей среднего класса и для малого бизнеса. Но я не убежден, что еще одна череда налоговых послаблений для миллионеров не позволит создать хорошие рабочие места на наших берегах и не сократит дефицит бюджета. Я не думаю, что сокращение учителей или лишение студентов материальной поддержки усилит нашу экономику или поможет составить конкуренцию ученым и инженерам, приезжающим из Китая.*

Наряду с экономическими трудностями и вопросами сферы образования, политики часто в своих выступлениях затрагивают такую проблему современных развитых государств, как иммиграция. Подобные прецедентные ситуации эмблематичны в силу указания на актуальную для США проблему высококвалифицированной иммиграции и сопряженные с этим проблемы трудоустройства местного населения. Высокая степень сигнальности данного сообщения усиливается за счет указания на один из основных источников конкурентоспособной иммиграции — Китай, который является одним из главных внешнеполитических врагов США.

4. Прецедентные ситуации-эмблемы, апеллирующие к происхождению/семье адресанта, посредством которых выражаются устои, образ жизни представителей определенного лингвокультурного социума: *Like a lot of families in a new place with no family, we found kinship with a wide circle of friends through our church. When we were new to the community it was welcoming and as the years went by, it was a joy to help others who had just moved to town or just joined our church. We had remarkably vibrant and diverse congregants from all walks of life and many who were new to America. We prayed together, our kids played together and we always stood ready to help each other out in different ways* [Mitt Romney]. — *Как и многие семьи, не имевшие на новом месте жительства родственников, мы сблизились со многими из широкого круга друзей по церкви. Присоединившись к общине, мы были тепло приняты, и с годами для нас стало радостью помогать тем, кто только что приехал в наш город и пришел в нашу церковь. У нас были необыкновенно энергичные прихожане из разных прослоек общества, многие из которых только что приехали в Америку. Мы вместе молились, наши дети играли вместе, и мы всегда были готовы прийти на помощь друг другу в любой ситуации.*

Для представителей иных лингвокультур подобное политическое сообщение не несет такой мощной смысловой нагрузки, как для американского социума. Для американцев приведенная ситуация эмблематична, так как отражает характерный для США уклад жизни религиозных коммун. Эффективность подобного политического сообщения базируется на высокой сигнальной узнаваемости благодаря напоминанию о достоинствах традиционного устоя жизни американского социума.

III. Прецедентные ситуации-эмблемы, определяемые нормами позиционирования. В данной группе демонстрируются прецедентные ситуации, апеллирующие к рекламе и антирекламе:

1. Прецедентные ситуации-эмблемы самопозиционирования актуализируются не только посредством саморекламы и самокритики, но и посредством антирекламы образа своего политического противника в глазах целевой аудитории: *My late father, as some of you know, wouldn't agree with many of the things I stand for. He would've loved the idea of "Red Ed." But he would have been a little bit disappointed that it isn't true* [Ed Miliband]. — *Мой покойный отец, как некоторые из вас знают, не согласился бы со многими идеями, которые я отстаиваю. Но ему пришлось бы по душе „Красный Эд“. И его бы немного расстроило, если бы это не соответствовало правде.*

Приведенная иллюстрация эмблематична самокритикой, квалифицируемой в данном примере как умение признавать за собой определенные недостатки без отказа от своих политических принципов, что является необходимым качеством лидера. В британском лингвокультурном узусе прозвище «Red Ed» апеллирует к крайне левым политическим убеждениям Эдварда Милибэнда, лидера партии социально-демократического толка. Вербальная эмблема «Красный Эд» — производная графической эмблемы Лейбористской партии Великобритании, красной розы.

2. Прецедентные ситуации-эмблемы позиционирования оппонента сопряжены не только с отрицательной референцией, но и с акцентуацией внимания на положительных качествах противной стороны.

That business we started with 10 people has now grown into a great American success story. Some of the companies we helped start are names you know. An office supply company called Staples — where I'm pleased to see the Obama campaign has been shopping; The Sports Authority, which became a favorite of my sons. We started an early childhood learning center called Bright Horizons that First Lady Michelle Obama rightly praised [Mitt Romney]. — *Дело, которое мы основали с десятью людьми, стало настоящей американской историей успеха. Названия некоторых компаний, которые нам помогли, вам хорошо известны. Компания канцелярских товаров для офиса „Staples“, где, к моему удовольствию, предвыборный штаб Обамы делал закупки; магазин спортивных товаров „The Sports Authority“, ставший любимым у моих сыновей. Мы основали детский обучающий центр раннего развития „Bright Horizons“, который заслуженно похвалила первая леди, Мишель Обама.*

На примере данного речения мы видим позиционирование политического конкурента одновременно с отрицательной и положительной коннотацией. Митт Ромни напомина-

ет электорату об успехах хорошо известных большинству американцев компаний, в основном которых он принимал участие. Импликация успешности всех начатых Миттом Ромни дел актуализируется упоминанием о том, что даже команда его основного политического соперника, лидера Демократической партии и действующего президента США Барака Обамы, воспользовалась услугами одной из таких компаний при подготовке к одному из важнейших событий политической жизни — избранию главы государства. Положительное позиционирование своего оппонента отмечено упоминанием имени первой леди США, благородным проявлением поведения которой была похвала детского центра, основанного при участии основного конкурента ее мужа — Митта Ромни. Обратим внимание, что отсутствие подобного поступка со стороны Мишель Обамы считалось бы также эмблематичным, так как признание достоинств оппонентов является неотъемлемой составляющей западного политического дискурса.

Проанализированные примеры позволяют нам сделать следующие выводы. Эффективность политического дискурса зависит от успешного позиционирования тех или иных идеалов и ценностей, обусловленного в том числе и упоминанием прецедентных ситуаций-эмблем, к которым мы относим прецедентные ситуации с высокой степенью сигнальности. Проанализированное лингвосомиотическое явление обеспечивает непроизвольное сопоставление полученного сообщения с определенной лингвокультурной матрицей. Рассмотренные нами разновидности политических эмблем, 1) ориентирующих целевую референтную группу в идеалах партии, 2) определяющих тактические предпочтения лидеров политических партий и 3) являющихся эффективным инструментом самопозиционирования и позиционирования оппонентов, коммуникативно эффективны в силу однозначности прочтения представителями родной лингвокультуры и сложности декодирования представителями иных лингвокультурных сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М. : Гнозис, 2003.
2. Карасик В. И. Лингвосомиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. 2012. № 39.
3. Карасик В. И. Эмблематика самопрезентации в рекламном дискурсе. Рекламный дискурс и рек-

ламный текст : кол. моногр. / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. — Волгоград : Перемена, 2010.

4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. — М. : Изд-во ЛКИ, 2010.

5. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. — М. : Гнозис, 2003.

6. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : моногр. — Волгоград : Перемена, 2004.

7. Кузьмина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп : электрон. науч. журн. ф-та журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. 2011. 4 марта. URL: <http://mediascope.ru/node/755> (дата обращения: 15.08.13).

8. Кушнерук С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.

9. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : моногр. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» ; Ин-т социального образования. — Екатеринбург, 2007.

10. Опарица Е. О. Прецедентные феномены в рекламе // Рекламная коммуникация: лингвокультурный аспект : сб. обзоров / РАН, ИНИОН ; Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., отд. языкознания ; отв. ред. Трошина Н. Н. — М., 2011.

11. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. — М. : Academia, 2000.

12. Стернин И. А., Саломатина М. С. Интертекстуальность в современном политическом тексте // Современная политическая лингвистика: проблемы, перспективы : сб. науч. тр. / ВГПУ ; Волгогр. ин-т. бизнеса. — Волгоград : Перемена, 2009.

13. Чудинов А. П. Интертекстуальность политического текста. // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва. 2003. № 10.

14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000.

15. David Cameron. Leader's speech, Birmingham, 2012. 10.10.12. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=324> (дата обращения: 15.08.2013).

16. Ed Miliband. Leader's speech, Manchester, 2012. 02.10.2012. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=323> (дата обращения: 15.08.2013).

17. Barack Obama. Remarks Accepting the Presidential Nomination at the Democratic National Convention in Charlotte, North Carolina, 2012. 06.06.12. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=101968> (дата обращения: 15.08.13).

18. Mitt Romney. Address Accepting the Presidential Nomination at the Republican National Convention in Tampa, Florida, 2012. 30.08.12. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=101966> (дата обращения: 15.08.13).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. И. Карасик

Д. З. Шапиева
Москва, Россия

D. Z. Shapieva
Moscow, Russia

**ОЦЕНКА Ч. КЛОУВЕРОМ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ США И РОССИИ
В КОНЦЕ 2012 Г.**

**CH. CLOVER'S VIEW
ON RELATIONSHIP OF THE USA AND RUSSIA
IN LATE 2012**

Аннотация. Рассматривается специфика выражения оценочного мнения по поводу взаимоотношений США и России в конце 2012 г. в статье Ч. Клоувера «Clinton vows to thwart new Soviet Union», а именно роль метафоры, обусловленная коммуникативными стратегиями модальности, достоверности описания ситуации и осуждения желания В. В. Путина обеспечить возврат России к политическому и экономическому могуществу Советского Союза.

Abstract. The article deals with evaluation of relationship of the USA and Russia in the report "Clinton vows to thwart new Soviet Union" by Ch. Clover. The usage and role of metaphor linked with communicative strategies of modality, trustworthiness (when portraying political situation) and decrying of V. V. Putin's desire to make Russia restore political and economic power of the Soviet Union are studied.

Ключевые слова: метафора; политическая публицистика; СМИ; экспрессивность; коммуникативные стратегии модальности, противопоставления, достоверности описания ситуации, одобрения и осуждения.

Key words: metaphor; political journalism; mass media; expressivity; communicative strategies of modality, contrasting, trustworthiness, approving and disapproving.

Сведения об авторе: Шапиева Диляра Залимхановна, аспирант кафедры лексики английского языка.

About the author: Shapieva Dilyara Zalikhanovna, Post-graduate Student of the Chair of English Lexicology.

Место работы: Московский педагогический государственный университет.

Place of employment: Moscow Pedagogical State University.

Контактная информация: 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.
e-mail: Shapieva_dilyara@mail.ru.

Современные британские и американские средства массовой информации в последнее время все чаще обращают внимание на то, как именно тот или иной общественный деятель пытается противостоять критике со стороны других политиков, связывающих определенные политические преобразования с угрозой или экспансией.

Намерения В. В. Путина вернуть России былую экономическую и военную мощь, создать экономический и военный союз с государствами, которые раньше входили в состав Советского Союза, восстановить империю также получают в современной англоязычной прессе негативную оценку, воспринимаются как обусловленная тягой к тоталитаризму попытка повернуть историю вспять. Естественно, меры по предотвращению образования такого рода союза, принимаемые теми или иными политиками Запада, получают положительную оценку, при этом коммуникативная стратегия осуждения [Меграбова 2009] применяется по отношению к российским представителям власти, а коммуникативная стратегия одобрения — по отношению к политикам Запада.

Clinton vows to thwart new Soviet Union
The US is trying to prevent Russia from recreating a new version of the Soviet Union

under the ruse of economic integration, Hillary Clinton warned on Thursday [Clover 2012].

Топонимическая метафора **new Soviet Union**, использованная в заголовке данной статьи, мотивирована, по мнению автора, Ч. Клоувера, желанием России восстановить былую территориальную целостность и применением силового давления в отношении лидеров бывших советских республик, вынужденных обращаться к России за экономической помощью по причине высокого уровня бедности и безработицы. Глагол **vow** (= *pledge, promise, or undertake solemnly* [Collins English Dictionary 2006]), использованный в заголовке статьи, указывает на важную роль коммуникативной стратегии модальности, поскольку о том, окажутся ли усилия Хиллари Клинтон помешать России подчинить себе бывшие советские республики успешными, определить в настоящее время проблематично. Глаголы **vow** и **try**, как важные средства вербализации коммуникативной стратегии модальности, указывают на интенцию, актуализируют высокую вероятность того, что усилия Х. Клинтон добиться поставленной цели будут адекватными поставленной задаче. Существительное **ruse** (= *an action intended to mislead, deceive, or trick; stratagem* [Там же]), связанное с кон-

цептами «обман», «неискренность», указывает на то, что Россия, по мнению Запада, опирается на уловки и ухищрения, пытается обмануть своих соседей, не раскрывает своих намерений в полной мере. Таким образом, автор данной статьи подчеркивает, что нравственные принципы, на которые в свое время опирался А. Линкольн и которые стремится использовать в своей деятельности Б. Обама, российскими политическими лидерами отвергаются. Соответственно выражение **economic integration** приобретает непривычные ему имплицитные смыслы. Во-первых, возникает сомнение в том, что желание объединить государства обусловлено экономическими мотивами. Во-вторых, сам этот процесс назвать интеграцией достаточно проблематично. Существительное **integration** (=the process of getting people of different nations to live and work together instead of separately [Там же]), указывающее на добровольный характер объединения и равноправие участвующих сторон, в данном случае интерпретируется как объединение вынужденное, т. е. подчинение, диктат одного государства над другими, своего рода экономическое и политическое поглощение (**takeover** = the act of seizing or assuming power, control [Там же]).

Использование существительного **integration** в непривычном для него значении мотивируется, по мнению Хиллари, дипломатическими уловками и хитростями, нежеланием России говорить о своих намерениях искренне и открыто. Читателю предоставляется возможность самому оценить, являются ли утверждения политических лидеров России заслуживающими доверия. Таким образом, коммуникативная стратегия осуждения России стимулирует читателя к критической оценке сложных взаимоотношений США и России и сомнению в правдивости и искренности декларативных заявлений Москвы, пытающейся скрыть свои, на взгляд Х. Клинтон, если не преступные, то, во всяком случае, неблагоприятные планы.

"There is a move to re-Sovietise the region," the US secretary of state told a news conference in Dublin hours before going into a meeting with her Russian counterpart, Sergei Lavrov.

"It's not going to be called that. It's going to be called a customs union, it will be called Eurasian Union and all of that," she said, referring to various iterations of a Moscow-backed plan to deepen economic ties with its neighbours.

"But let's make no mistake about it. We know what the goal is and we are trying to figure out effective ways to slow down or prevent it."

Mrs Clinton said efforts at regional hegemony had been accompanied by new campaigns of repression from pro-Moscow regimes throughout the former Soviet Union. Her tone signalled that the US was rethinking its "reset" in relations with Russia, declared in 2009, during which criticism of its human rights record has been muted and Moscow appeared to have a freer hand in the former Soviet region [Clover 2012].

Желание журналиста убедить читателя, что угроза поворота истории вспять, возврата к холодной войне и гонке вооружений, возможности опасной и губительной для всей планеты Третьей мировой войны является актуальной, стимулирует его к цитированию заявлений Х. Клинтон, осознающей свою ответственность за те беды и несчастья, которые можно предотвратить.

Оценка Х. Клинтон желания российских властей расширить свой авторитет и влияние в мире как стремления достаточно сильного государства навязать другим, более слабым странам свою волю находит свое выражение в использовании политической метафоры **re-Sovietise**, связывающей возможное расширение Россией своих границ не с возвратом к коммунистической идеологии, а с ущемлением прав и свобод каждого отдельного гражданина и отсутствием собственного мнения и реальных рычагов управления у муниципальных и федеральных правительств.

Х. Клинтон подчеркивает, что российское руководство не называет вещи своими именами и пытается обозначить свое стремление к мировому господству, диктату, давлению на экономически слабые государства как создание таможенного союза (**customs union**). В связи с этим она, а вместе с ней и автор статьи, реализуют тактику побуждения, призывают читателя подвергать сомнению все заверения Москвы, лживые и неискренние по своему характеру: *"But let's make no mistake about it. We know what the goal is..."*

Коммуникативная стратегия осуждения «хитрой» политики Кремля связывается с желанием автора обратить внимание читателя на принудительный для бывших союзных республик характер так называемой экономической интеграции. С этим связывается и необходимость активного использования лексики, входящей в состав лексико-семантического поля «Принуждение, применение силы или хитрости / угроз»: **hegemony** (= ascendancy or domination of one power or state within a league, confederation, etc., or of one social class over others); **repression** (= the act or process of repressing or the condition of being repressed); **regime** (= a repressive sys-

tem of government); **re-Sovietise** (= *remodel a country's social, political, and economic structure on the Soviet Union, which is repressive, authoritarian and short of human rights, pro-Moscow — influenced or dictated by Moscow*) [Collins English Dictionary 2006].

С появлением у России возможности применять силу и репрессивные меры по отношению к несогласным, ущемлять права человека связано и выражение **have a free hand** (иметь свободу действий), приобретающее в данной статье свой имплицитный смысл: **free** (*able to act at will; not under compulsion or restraint > able to apply measures of compulsion and restraint*); **hand** (*the prehensile part of the body at the end of the arm, consisting of a thumb, four fingers, and a palm > ability or skill > ability or skill to use force*) [Там же].

Метафорическая и гипонимическая деривация данного выражения, метафорическое переосмысление лексем **move, re-Sovietise, deepen, way, iteration, reset, mute**, метонимическое переосмысление топонима **Moscow** делают данную статью чрезвычайно экспрессивной, помогают читателю осознать сложность и противоречивость описываемой автором ситуации, требующей от политических лидеров России и США обдуманых и взвешенных решений, отказа от лживой и неискренней риторики и желания навязать свою волю.

Слово **mute** имеет значение *to make the sound of something quieter, or make it disappear completely > to reduce the level of criticism, protest, discussion etc that is happening* [Longman Dictionary of Contemporary English 2005]. Метафора **mute**, обусловленная соотношением степени критического отношения, неприятия какой-либо идеи или стратегии с силой звука, связана в данной статье с экспрессивным выражением фрейма «ущемление свободы, нарушение прав человека», слотом «ущемление свободы слова».

*“There is **no talk of reforming the USSR in some form,**” Mr Putin said at the time. “It would be naive to **restore or copy** what has been **abandoned** in the past but close integration — on the basis of **new values, politics and economy** is the order of the day”* [Clover 2012].

Как мы видим, автор не стремится опираться на коммуникативную стратегию умолчания или игнорирования реальных фактов [Меграбова 2009]. Напротив, в его статье получают право голоса и Х. Клинтон, упрекающая Россию в желании подчинить себе своих соседей, и В. Путин, доказывающий несостоятельность и абсурдность возврата к Советскому Союзу в его новой версии.

Ч. Клоувер обращает внимание читателя на то, что, аргументируя стремление России к экономической интеграции, президент России играет словами и игнорирует реальные факты. Используя, например, глагол **abandon** (*to give up completely*) [Collins English Dictionary 2006] в Present Perfect, В. Путин многое преувеличивает и игнорирует, рассматривая как совершенное действие то, что таковым не является. Такие рудименты советского строя, которые благополучно сохранились, как коррупция, отсутствие реальных выборов, контроль власти за средствами массовой информации, оторванность власти от народа, ему, вероятно, кажутся несущественными. Таким образом, пресуппозиция, на которую опирается президент России, является спорной и сомнительной, а потому так называемая экономическая интеграция вполне может опираться не на новые ценности и новую политику, а на конгломерат новых и старых ценностей, новых и старых политических установок, причем элементы нового могут иметь фарсовый или второстепенный характер, поскольку и Советский Союз, и современная Россия являются системами авторитарными, в которых мнениями и интересами граждан открыто и регулярно манипулируют.

Читатель может заметить, что, используя широкозначные существительные (**values, politics and economy**), российский лидер не считает необходимым их идентифицировать. Референциальная специфика обозначенных этими существительными явлений и процессов остается неопределенной, а потому и версия В. Путина о том, что со всем старым и негативным покончено раз и навсегда, кажется слушателю достаточно аргументированной. Наивной, по мнению Ч. Клоувера, является не попытка восстановить или имитировать нечто несуществующее, наивно убеждение в том, что старые ценности, политика и экономика являются объектами, подлежащими обмену или устранению, как те или иные предметы быта.

*Andrew Weiss, who served on the National Security Council under President Bill Clinton and now, is at the US Rand Corporation think-tank, said Mr Putin **made clear** when he returned to the presidency this year that he **planned to focus on bolstering Russia's influence in its neighborhood.** But he added: “Elites in the neighboring states **show little enthusiasm for simply handing over their autonomy and sovereignty to Moscow**”* [Clover 2012].

Опираясь на оценочную точку зрения Эндрю Вайса, приведенную выше, журналист дает читателю понять, что российские

политики интеграцию связывают не с личной заинтересованностью (*enthusiasm*), добровольным участием и равноправием всех вовлеченных сторон, а с принуждением и подчинением. В связи с этим журналист активно использует слова, принадлежащие к лексико-семантическим группам «власть, влияние» (*presidency, influence, autonomy, sovereignty*), и доказывает, что интеграция в понимании В. Путина оказывается идентичной поглощению (властные полномочия соседей России сокращаются, властные полномочия Москвы растут). Гиперонимическое и метафорическое переосмысление лексемы *bolster* (= *to prop up with a pillow or cushion* > *to support or reinforce* > *strengthen*) [Collins English Dictionary 2006] обусловлено коммуникативной стратегией модальности и достоверности описания ситуации: соседи России — это вспомогательные средства, своего рода «подушечки», позволяющие сохранить свои силы, увеличить свое влияние.

Использование автором метафоры *think-tank* для обозначения людей мудрых, объективных, мыслителей, способных разобраться в сложной ситуации, коллектива ученых и специалистов высокой квалификации в данном случае связано с коммуникативными стратегиями стремления к достоверности и противопоставления [Меграбова 2009] мышления, основанного на словесной акробатике (неверном использовании, подмене слова), предупреждении и опоре на сомнительные факты, мышлению, основанному на критическом анализе ситуации, назывании вещей своими именами.

Progress on integration has been modest. After more than a decade of false starts, a customs union, formed in Russia, Belarus and Kazakhstan in January 2010, saw removal of tariffs and customs controls along mutual borders. This was transformed into a “common economic space” in January 2012 which should eventually ensure free movement of goods, services and capital across a single market of 165m people [Clover 2012].

Ч. Клоувер пытается оценить успехи экономической интеграции как таковой и обнаруживает, что, учитывая длительность усилий в данной сфере, успехи недостаточно велики. Скромные (*modest*) успехи в экономической интеграции, а именно отмене таможенных пошлин (*tariffs*) и таможенного контроля (*customs controls*), создании общего экономического пространства (*common economic space*), свободном перемещении товаров, услуг и капитала (*free movement of goods, services and capital*), формировании единого и достаточно огромного рынка (*single market of 165m people*),

он объясняет фальстартом, неудачным началом, фальшью, заложенной с самого начала, неверным стартом (*false starts*), отсутствием программы создания реальных экономических преимуществ для каждого участника.

Данная спортивная метафора, ассоциирующая участие стран в общей экономической программе с продолжительной эстафетой (*more than a decade*) или забегом на длинную дистанцию, указывает читателю на отсутствие единой команды, желания создать условия, выгодные для всех, для каждого по отдельности, а также на стремление получить преимущество для себя лично, использовать нечестные приемы и мотивы.

Метафорическое переосмысление лексем *see* (*to perceive with the eyes* > *to ascertain or find out (a fact)*) и *space* (*the unlimited three-dimensional expanse in which all material objects are located* > *unoccupied area or room*) [Collins English Dictionary 2006] помогает журналисту сделать свое описание ситуации более наглядным и соответствующим специфике научной экономической картины мира (*common economic space* — экономический термин, в состав которого входит когнитивная метафора).

Dmitry Peskov, Mr Putin’s press secretary, called Mrs Clinton’s comments “a completely wrong understanding” of integration efforts. “What we see on the territory of the ex-Soviet Union is a new type of integration, based only on economic integration. Any other type of integration is totally impossible in today’s world,” he said.

Mrs Clinton linked what she said was an effort at expansionism by the Kremlin to a political crackdown within Russia, which has passed repressive laws. Speaking to an audience of civil society groups from the region, she said: “It’s distressing that 20 years into the post-Soviet era... so many of the hoped-for indicators of progress are retreating... We are trying to fight that, but it is very difficult,” she said [Clover 2012].

Негативная оценка пресс-секретарем президента России взгляда США на попытку России расширить сферы своего влияния, как считает Ч. Клоувер, связана с отсутствием у данного политика либеральных взглядов, неуважением интересов каждой личности, восприятием авторитарного и деспотического стилей правления как единственно правильных и приемлемых для современной России.

Желание Х. Клинтон заступиться за права лишенных политического веса и влияния россиян в данном случае находит свое под-

тверждение в лексемах *expansionism* (= *the doctrine or practice of expanding the economy or territory of a country*), *crackdown* (= *action that is taken to deal more strictly with crime, a problem, protests*), *repressive* (= *subjecting people, a society, etc. to a state of subjugation*) [Collins English Dictionary 2006], относящихся к лексико-семантической группе «репрессия, подчинение силой, использование властных полномочий для подавления недовольства протестующих».

Данный политический текст обусловлен коммуникативной стратегией противопоставления либеральной точки зрения на исторический прогресс, которой придерживается Х. Клинтон, и желания современной политической элиты России использовать все средства для сохранения своей государственной целостности, подозрений России о вражеской угрозе.

Таким образом, дискурс современных СМИ обусловлен необходимостью критической оценки современного положения дел в мире. Ч. Клоувер обращает внимание читателя на сужение прав каждого гражданина в России и расширение влияния государства, подавление внешних (других государств) и внутренних (оппозиции и недовольного населения) врагов. Позитивная оценка журналистом Х. Клинтон и его негативное отношение к политике Кремля обусловлены

в целом ироническим отношением автора к заявлениям В. Путина о стремлении России к экономической интеграции. Желание России сохранить свой суверенитет, расширить экономическое сотрудничество журналист расценивает как внутреннюю и внешнюю экспансию, попытку возродить свое былое (советское) величие и могущество, намекая читателю на то, что необходимо вмешаться во внутренние дела России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меграбова Э. Г. Языковая репрезентация коммуникативных стратегий в дискурсе о России журнала Newsweek // Языковая репрезентация образа России в публицистическом дискурсе стран Запада и Востока. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 19—45.
2. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1.

СЛОВАРИ

3. Collins English Dictionary. — HarperCollins Publishers, 2006.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. — Longman, 2005.

ИСТОЧНИКИ

5. Clover Ch. Clinton vows to thwart new Soviet Union // Financial Times. 2012. 6 Dec. URL: <http://www.ft.com>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Ю. М. Сергеева

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1(Гуголев Ю.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-3

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.01.01

Н. В. Барковская **N. V. Barkovskaya**
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

КНИГА СТИХОВ

«КОМАНДИРОВОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ» Ю. ГУГОЛЕВА: ЛИРИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ЖАНРА «ДЕЛОВОГО ДОКУМЕНТА»

Аннотация. Анализируется книга стихов Ю. Гуголева как сложное художественное единство. Уделено внимание проблеме трансформации, претерпеваемой жанром деловых бумаг в лирике. Прослежена взаимосвязь мотивов еды и смерти. Географическая и историческая конкретика — материал для размышлений автора о личности и стране в целом.

Ключевые слова: современная поэзия; книга стихов; Гуголев; сквозной сюжет; лирический эпос.

Сведения об авторе: Барковская Нина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современной русской литературы.

Место работы: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
e-mail: n_barkovskaya@list.ru.

A BOOK OF POETRY “TRAVELLING INSTRUCTION” BY YU. GUGOLEV: LIRIC LEARNING OF A NEW GENRE OF “BUSINESS DOCUMENT”

Abstract. A book of poetry by Yu. Gugolev is studied as a complex fiction unity. Attention is paid to the problem of transformation of the genre of business documents in poetry. Interconnection of the motives of food and death is found. Geographical and historical accuracy is the basis for the thoughts of the author about personality and the country in general.

Key words: modern poetry; a book of poetry; Gugolev; a through plot; lyric epic.

About the author: Barkovskaya Nina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Modern Russian Literature.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Книга стихов как сложное сверхжанровое единство — лидирующая форма репрезентации поэзии в современной литературе. Это связано не только с требованиями книжного рынка (книгу, тем более эффектно оформленную, читатель скорее заметит, чем журнальную подборку стихов или отдельно опубликованную поэму), но и с тем обстоятельством, что в «нулевые» годы лирика взяла на себя такие функции эпоса, как анализ актуальной социокультурной ситуации, проблематизацию новой (постсоветской) идентичности, опровержение/восстановление традиций, проработку исторических травм. Не случайно в критике появился термин «лирический эпос», применяемый по отношению к книгам стихов Марии Степановой, Елены Фанайловой, Андрея Родионова и др. Обсуждается феномен «персонажной лирики», «лирики Другого»; все чаще публикуются «монтажные» книги, включающие и стихи, и прозу; активно развивается промежуточная форма «стихопрозы». Возникает вопрос: каким образом эпический материал ассимилируется лирикой? Какой концептуальный смысл (помимо идейно-тематического) имеет такая «трансгрессия» родовых границ лирики?

Наиболее показательны в избранном аспекте книги стихов, в названии которых присутствует указание на дискурс деловых бумаг, официального документа: «Семейный архив» Бориса Херсонского, «Командировочное предписание» Юлия Гуголева, «Объяснительная» Катерины Зыковой. Такого рода названия говорят о том, что подобные книги как бы не искусство, это факт, документ (бытовой, канцелярский, административный) не художественного, а делового стиля речи (как известно, для данного дискурса характерна формульность, содержательный, композиционный и лексический алгоритм, образец). (В качестве примера игры с фактом реальности можно назвать стихотворение Вл. Жбанкова «Общение с космосом». Это анкета или автобиография некоего человека, явно сумасшедшего, что передает «смещенное» сознание современного общества. По признанию автора, лично он не написал ни одного слова: данное речевое послание регулярно появлялось на уличном столбе, автор читал его по пути на работу.)

Обратимся к книге стихов Юлия Гуголева «Командировочное предписание».

Для книги как художественного феномена важны такие «внешние» компоненты, как

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-24-01001 «Книга стихов как культурный феномен России и Беларуси».

© Барковская Н. В., 2013

название и оформление обложки. Название «Командировочное предписание» имеет смысл официального приказа отправиться в дорогу с целью выполнения какого-то задания от начальства. Мы привыкли к словосочетанию «командировочное удостоверение», слово «предписание» имеет оттенок именно приказа, возможно, оно характерно не для гражданской, а для армейской среды. На обложке изображен падающий стакан в подстаканнике, такой, какой бывает в поездах. Мотив железной дороги, сам по себе с богатой культурной традицией (Н. Некрасов, А. Блок и мн. др.) конкретизируется: поезд резко повернул, или произошло крушение состава, или пассажир весьма нетрезв/неловок и уронил стакан. В любом случае, такая картинка, вопреки уюту купе, акцентирует момент сбоя, нарушения порядка, отклонения от нормы. Путешествие, речь о котором пойдет в книге, будет протекать не по ровной дороге, это будет путь с крутыми поворотами, авариями, заносами.

С внутренней стороны обложки, как и во всех книгах «Новой серии» (дизайн Анатолия Гусева), помещена маленькая фотография автора. Она создает у читателя предварительный образ лирического героя, напрямую соотносимого с автором биографическим. Например, в книге Е. Фанайловой «Лена и люди» дана фотография Фанайловой, внимательно смотрящей сквозь очки, тогда как на обложке изображены снятые очки, что может символизировать либо крупный план действительности, рассматриваемой в упор (в случае близорукости), либо обращенность взгляда внутрь себя, поскольку в названии присутствуют и «Лена», и «люди». Гуголев сфотографирован с маленьким серым кроликом, который тянется мордочкой к лицу, а Юлий его почти целует. Во-первых, создается контраст с «предписанием» в названии: кролика в командировку не возьмешь, во-вторых, контраст с мотивом приказа: тут сам Гуголев в роли главного, он хозяин маленького животного, находящегося полностью в его власти. Далее у читателя возникают ассоциации, навеянные видом кролика: нежный, беззащитный, пугливый, легкая добыча хищника, в то же время и плодовитый, кроме того — возможный продукт питания. В одном из стихотворений книги герой в привокзальном буфете «ощупывает губами, то есть — почти целует» котлету [Гуголев 2006: 49]. Все качества, названные по ассоциации выше, станут в книге характерными чертами самого лирического героя.

Повествование везде ведется от «я», сохранено и собственное имя — ласково-фамильное, дурашливое «Юляша» (ср.:

«*поэт Владимир Маяковский*», переживший летом необычайное приключение). Следовательно, читателю не помешает узнать факты биографии Гуголева, например то, что он родился в 1964 г., работал фельдшером «Скорой помощи» (профессионально описано вскрытие в одном из стихотворений), был региональным представителем Международного комитета Красного Креста в России (командировки его в Чечню — «по предписанию»), а также то, что Гуголев — ведущий кулинарной программы «Москва в своей тарелке» (мотив еды — сквозной в книге). Парадоксальный треугольник «смерть — война — еда» задан читателю с самого начала, что настораживает, как и падающий со столика стакан.

В названии книги не менее важно слово «командировка». Мотив пути, случайных встреч и дорожных приключений, рассказов попутчиков или местных жителей, новых впечатлений, а также мотив дорожных раздумий о судьбе страны и своей собственной судьбе, идущий от Гоголя, — эти мотивы формируют облик книги как путевых заметок, дорожного дневника, заготовок корреспондентских репортажей, отчета о командировке. Поэтическое пространство в книге достаточно широко, хотя не выходит за границы бывшего СССР. Пути героя лежат в Ярославль, Тверь, Казань, Бурятию, Тбилиси, Таджикистан, Чечню (три последние региона — «горячие точки»). Создается собирательный образ России, например, в первой строфе одного из стихотворений герой восклицает: *Здрасьте, родные просторы! / Как без меня живете? / Вот я приехал в область. / Новгородскую. / Что? Тверскую?* [Гуголев 2006: 49]. Так начинается первое стихотворение из цикла «Впечатления из другой области», т. е. не из Московской (родной) и не из Новгородской (ошибка), а из «другой», где живут «другие», о которых и пойдет речь в цикле. Вместе с тем «другие области» — это не только реальная Тверь, выражение напоминает «иные области» из поэмы «Капитаны» другого путешественника, Н. Гумилева — «области» таинственные, загадочные, неподвластные воле и разуму человека. В данном цикле есть почти документальные зарисовки жизни (бывших) рабочих с деревообрабатывающего комбината: фотография бывшего передовика с Доски почета, который *сошел на нет. / Ушел под лед, / не вышел на работу* [Гуголев 2006: 51]; два пьяницы-инвалида, беспальные, получившие, как и многие, производственную травму на комбинате, а на лицах их читается «я убит подо Ржевом» [Гуголев 2006: 54]; бедность Тверской области не по-

лучает объяснения, жители молчат: А, *вы ж пишите... / Вы ж не видели...* [Гуголев 2006: 50]. Однако в этой Тверской области много непонятного, пугающего, колдовского: «*снить, любисток да борец с крапивой*», «*Брага да чага, вода из ручья, / птичка из швабры да прах из ружья. / Гостеприимные бомжи*», дремучий лес и болота, деревья машут приветливо <...> *слишком приветливо машут, — с каким-то замахом* [Гуголев 2006: 54; 61]. Названия гостиниц в Ярославле также обыгрываются в экзистенциальном плане личной судьбы: *Ждут нас в гостинице „Юность“; / ждут в „Юбилейной“ с „Медведем“ <...> / Ведь не сбежит „Юбилейная“, / ведь не спешит наша „Юность“*, герои направляются *к медведям — / вот наш гостиничный тотем* [Гуголев 2006: 11]. (Ср.: у А. Родионова в одном из стихотворений корреспондент приезжает в Тулу, чтобы написать репортаж об убийстве — пьяный отец дал пива шестимесячному сыну: *Майским вечером поздним в гостинице Тулы / В день президента Медведева инаугурации / в углу гостиничного бара сидел сутуло / корреспондент одной московской редакции...* [Родионов 2010: 8]. Впрочем, корреспондент понял, что пиво ребенку дала мать, чтобы тот не мешал спать уставшему на работе отцу, а отец взял вину на себя. И финал: *Так создавались репортажи Третьего Рима, / двадцать первого века, / в преддверии войны в Осетии / и пекинских олимпийских игр*. В данном случае присутствует тот же тематический комплекс: имперскость, пафосность официальных событий, убогая жизнь несчастных полунищих людей, неизбежное пьянство. Таким образом, наблюдение конкретных фактов и их обобщение до образа страны в целом, нелепой и трагической судьбы всех и каждого — характерная черта современной так называемой «социальной поэзии», ставящей диагноз обществу.)

Итак, герой книги Гуголева явно автобиографичен. В критике были высказаны две прямо противоположные точки зрения: если Андрей Грицман полагает, что в книге звучит «искренняя прямая речь рассказчика „о времени и о себе“» [Грицман 2007], то в другой рецензии утверждается, что «поэтика прямоговорения и не ночевала» в книге [Панн 2007]. Вероятно, прав первый критик, поскольку сам Гуголев в одном из интервью, говоря о стихах Ф. Сваровского, подчеркивал, что все якобы эпическое в современной поэзии нужно только для того, «чтобы усилить окончательное лирическое воздействие» [Гуголев 2010]. Во втором случае автор рецензии имел в виду, наверное, многозначность поэтического слова у Гуголева. Кроме

того, 52 стихотворения книги (некоторые из них объединены в циклы) развивают сквозной «метасюжет», помимо частных сюжетов отдельных стихотворений. Первые два десятка текстов герой больше говорит о себе, вторая половина книги в основном содержит рассказы о других людях. Переломным является, на наш взгляд, 22-е стихотворение («Мне кажется в году так семьдесят четвертом...» [Гуголев 2006: 39]. Вполне возможно, что не сам Гуголев составлял книгу стихов, а Михаил Айзенберг (его фамилия указана в качестве «составителя» среди авторов проекта «Новая серия») — замечательный профессионал, несомненно понимающий разницу между сборником и книгой. Доказательством может служить явно не случайная «рифма» первого и последнего стихотворений.

Образ лирического героя представлен в гротескно-карнавальном, раблезианском ключе. Это гедонист, не знающий меры в удовольствиях, прежде всего в выпивке и еде. Вот шуточное стихотворение «Стансы»:

*Как средь пустыни туарег
бьет верблюда, представив речку,
так я, завидев чебурек,
ударить рад по чебуречку.*

*И чебурек как будто рад:
так наслаждается ударом
как бы в бессмертие снаряд,
запущенный как бы радаром;*

*Так радуется маниак
последним хрипам жертвы милой,
которую он — так! — и так! —
над свежевырытой могилой;*

*так жертв умученных в лесу
уж не страшит земля сырая;
так я гляжу на колбасу,
ее подравнивая с края.*
[Гуголев 2006: 33]

Шутовство проявляется и в дурашливом травестировании цитат из классических текстов, и в пародировании жанров, например, «мантрой» назван следующий текст:

*Польём-м
8-го марта
с бабьём-м
8-го марта
польём-м
8-го марта
с бабьём-м...
[Гуголев 2006: 67]*

Во второй половине книги трагические судьбы других почти все связаны с войной и смертью. Так, в Чечне запомнилась надпись

белой краской на воротах: «Здесь живут люди». А через двадцать минут — зачистка, сорок семь чуть теплых гильз [Гуголев 2006: 62—63]. Герой ощущает свою вину (подобно герою стихотворения И. Анненского «Старые эстонки»).

*Когда в день Страшного суда,
помимо всего прочего,
они нас приведут сюда
с соизволенья Отчего,*

*мы все почувствуем сильней,
что небо кажется синей
в пустых глазницах окон.*

*Мы все воскликнем: Оба-на!
А кем тут все раскопано?
И кто тут кем закопан?*

*Любому — ангел-археолог
ответит: Сам подумай, олух, —
в грустных и веселых
городах и селах.*

[Гуголев 2006: 64]

Можно объяснить парадоксальное сочетание гедонизма, раблезианского чревоугодия с темой смерти двойственностью лирического героя и амбивалентностью мира в целом.

*Говорит Христос: Пора!
Нету худа без добра.*

*Думает Иуда:
— И добра без худа...*

Я ж стою с раскрытым ртом.

.....

Так вот и живем втроем.

[Гуголев 2006: 15]

Но связь темы еды с темой смерти существует изначально, что уже не раз становилось предметом художественной рефлексии («Трагический зверинец» Л. Зиновьевой-Аннибал, ранний Заболоцкий и др.). Животные, в том числе и человек, потребляют в пищу другие живые существа. В стихах Гуголева этот факт означает единство всего живого, вечный обмен веществ; более того, поскольку душа человека бессмертна, то съеденное, войдя в плоть и кровь съедающего, как бы тоже приобщается к бессмертию. В шутовском ключе об этом идет речь в стихотворении «Диалог с шашлычной колбаской»:

<...>

*Скажи мне, кусок чуждой мышцы,
от бывших свиной и коров*

*зачем в мое чрево стремишься,
не сбросивши прежних черев?*

<...>

*Ты из мяса, я из мяса,
пусть колбаски к нам стремятся...*

<...>

*И он отвечает: — А чтобы
дождавшийся Судного дня
Спаситель из брэнной утробы
в жизнь вечную взял и меня...*

[Гуголев 2006: 36]

Там же, где Гуголев не дурачится, связь еды и смерти, смертности плоти решается более трагично. Так, в одном из стихотворений рассказывается о бабушке, которая привыкла готовить обед из скудных запасов, старалась, чтобы ни грамма из приготавливаемых продуктов не пропало зря. Из куриной кожи она готовила шейку, наполняя ее мукой и жареным луком. А дальше из немногих подробностей (табуретка у подъезда, справка, покупка закуски) становится ясно, что умер дед. И Гуголев передает диалог в морге при вскрытии — там звучат те же слова, какие бабушка приговаривала, готовя шейку, но теперь это — *Серая шейка на смертном одре* [Гуголев 2006: 10]. Не выдержав, внук наорал на бабушку, прогнал ее спать, и старуха у себя в комнате с обидой (как «суриковская боярыня») кричала: *Каждый из многого приготовит!!* Данное стихотворение, при всей деликатности в подаче натуралистических подробностей, несколько шокирующе-гротескно раскрывает тему.

Более тонко и многозначно связь еды и смерти раскрывается в стихотворении «Тбилиси, 9 апреля, 2003 г.»:

*Мы так давно, мы так давно
не отдыхали.*

*Мы т а к , действительно,
давно не отдыхали:*

*харчо, кубдари, абхазури, пхали,
мужужи, гочи, чкмерули и хинкали.
Могу еще перечислять. Не стану!*

*А после обеда настала весна.
Сонце пригрело
гирлянды носков и пеленок.
Куда ни посмотришь, — по направлению
к свану,
к мингрелу,
видишь какие-то
два-три десятка вечнозеленых,
вай ме,
ну, их-то
вид узнаваем:
ели... ну, пихта...
короче, сосна.*

*Вечнозеленых два-три десятка, —
так, не лесочек,
но чувствуют, чуют,
где тот топорик, где тут лопатка,
и если танцуют, то не вприсядку,
скорее, лезгинку, —
тянут мысочек,
всё еще держат спинку.*

[Гуголев 2006: 33]

Первая строка — из песни на слова Михаила Ножкина (фильм «Освобождение»). Сразу задается тема войны вдали от дома, тяжелых военных будней. Во второй строке слово «отдыхать» означает пикник, «отдохнуть» — выпить и закусить. Далее и перечисляются экзотические блюда, без заминок и ошибок (в отличие от породы «вечнозеленых»), характеризующие знаменитое грузинское гостеприимство, умение пировать и веселиться, прямо в духе картин Пиросманишвили. Следующая строфа рисует мирную картину весеннего солнца, на веревках сушатся носки и, что важно, пеленки. «По направлению к Свану» — роман М. Пруста (из цикла «В поисках утраченного времени»), но в данном случае имеются в виду сваны как одна из кавказских народностей, так же, как и мингрелы. Последняя строфа рисует деревья (возможно, действительно сосны): под ветром они словно танцуют лезгинку (стволто неподвижен), «тянут мысочек, держат спинку». Но это танец в предчувствии смерти («чувствуют, чуют»). Казалось бы, им грозит «топорик» в руках кого-то из «отдыхающих», ради шашлыка готового погубить дерево. Но название стихотворения не случайно указывает точную дату (такая точность не нужна, если бы речь шла об обычном пикнике). 9 апреля 1989 г. силами Советской армии был разогнан оппозиционный митинг перед Домом правительства Грузии в Тбилиси. 9 апреля 2003 г. Тбилисский суд выпустил из-под стражи двух террористов-чеченцев. В ноябре 2003 г. в результате «цветной революции» Шеварднадзе ушел в отставку, правительство возглавил Саакашвили, в стране произошли коренные реформы, резко ухудшились отношения с Россией. Вскоре началась война с Абхазией. Если учесть исторический контекст, то беспечный праздник чревоугодия напоминает пир во время чумы или похоронную тризну (ведь не только «топорик», но и «лопатка» упомянуты: саперная? для рытья могилы?). В любом случае, образ прямоствольных сосен воспринимается как символ гордости и непокорности грузин.

Итак, если связь еды и смерти столь прочна, и это заложено самой природой, то в чем заключается собственно челове-

ское, не-животное в человеке? Личностная идентичность не тождественна национальной принадлежности. Гуголеву явно неприятна идея «титულიной нации», не свойственно, как он утверждает, «всё это татарское ханжество, какой-то прям хамство монгольское» — после не вполне приятной беседы с выяснением национальности в тамбуре поезда при подъезде к Казани. Герой восклицает: *Дались мне поездки в незанятое! / И я обещаю себе в который / раз не шастать впотымах, / не называться евреем, / кушать один пиремяч-ишпишмак* [Гуголев 2006: 28]. В другом стихотворении герой, слыша спросонья, как таджик орудует *то скребком, а то лопатой*, думает, что это *возле самого одра, / по касательной пока, / да с улыбочкой страшноватой* [Гуголев 2006: 72].

Конфессиональная принадлежность героя также не составляет его сути, хотя одной из сквозных тем в книге является тема бессмертия. Возможно, герой верит в существование души и загробного мира, но в его сознании смешаны догматы разных религий — например, в тексте под названием **«Ногти ходжи Даниёра»** (где будет рассказана легенда про Тамерлана) герои под вечер едут из Самарканда в Афросиаб:

*Что это тут? Равнина?
Пустыня? Долина?*

*Где тут буква Закона?
Свет Ислама?
Строка Корана?*

<...>

*Где тут у вас могила
Ходжи Даниёра, —
Даниила, -
пророка?*

[Гуголев 2006: 42]

В стихотворении «Исповедь» герой молится на Страстной неделе: *Господи, по щучьему веленью... / Господи, ах, боже, боже мой...*, боясь командировки в Чечню. Свою исповедь начинает словами: *Mea culpa! Извиняюсь, — каюсь!* [Гуголев 2006: 74]. Стихотворение «Река Хаим» построено на омонимии еврейского имени и названии реки в Бурятии. В другом стихотворении (о Тверской области) по поводу смутно назревающего абсурда действительности сказано: *ни курицы, ни иудея, / ни эллина, ни яйца* [Гуголев 2006: 52].

Страдание, несчастье, смерть — и доброта, сочувствие, шутка не знают национальной или религиозной «закрепленности», присущи людям как таковым. Не случайно, хотя опять-таки иронично, утверждает Гуголев в одном из стихотворений тождество

танки Басё *Бросил на миг / обмолачивать рис крестьянин, / глядит на луну и песни на слова Л. Дербенёва Призрачно всё / в этом мире бушующем, / есть только миг...* [Гуголев 2006: 65]. Таким образом, главное — быть человеком в этой, земной жизни, что и утверждается в первом и в последнем стихотворениях книги. Первое («**Театр юного зрителя**») посвящено Тимуру Юрьевичу Запоеву, как известно, порицающему в последнее десятилетие постмодернистские игры, «наступление вселенского зла», поколение «покемонов». Герой стихотворения согласен: да, «время медленных танцев прошло», но по поводу «юных друзей покемонов» задает риторический вопрос, звучащий в известной элегической песне советских лет: *Может мы это, только молоде. / Не всегда мы себя узнаем.* Завершается стихотворение восклицанием:

*Если спросит мой старший товарищ:
— Ну, а ты чем тут можешь помочь?
Посоветуешь что? Позабавишь? —*

*у меня есть отличный совет:
— Не терять человеческий облик.
Потому что есть образ!
и свет!*

[Гуголев 2006: 7]

Правда, финальное смешное обыгрывание брюсовского «Коня блед» снимает излишнюю пафосность. Замыкает книгу стихотворение «**Исповедь**», в котором герой перед опасной командировкой в Чечню кается перед батюшкой в грехах (чревоугодии, суесловии, гневе, унынии, сребролюбии, гордыне и пр., и пр.), вещая прописные истины неистового ревнителя православия, т. е. как бы становясь на позицию адресата первого стихотворения. Инквизиторское доктринерство опровергается простыми словами священника:

*<...>
Сроки ж настают! Уже борьба
достигает своего предела!
Ну, а нам-то что же, нет и дела?
Суеверие, кощунство и божба —*

*вот, что многих занимает нынче!
Пагубна для нас сия стезя!
Вот уже написан „Код Да Винчи“!
Ничего откладывать нельзя!*

*Кровь Христова и Христово тело!..»
Я чуть не залял под конец.
Сам себя я как-то стал накачивать
и уже не мог остановиться:
«— Надо жизнь бесовскую
заканчивать!!»*

*«— Ну, так что мы будем
с вами делать?! —
вновь переспросил святой отец. —
Будем человеком становиться?!»
[Гуголев 2006: 75]*

Смысловым центром книги является, на наш взгляд, следующее стихотворение, в котором разговор о себе переходит в разговор об эпохе (не случайно названа точная дата):

*Мне кажется в году так
семьдесят четвертом
услышал песню я, там был
такой куплет,
что хоть не понимал я,
пелось в ней чего там,
ведь было мне тогда ещё совсем
немного лет,*

*я чувствовал, что в ней — про все мои
мытарства:
наличие ремня, отсутствие свобод;
что „Let my people go...“ лиловый
Луи Армстронг
не то, что для меня, но обо мне поёт:*

*про детский рабский труд и пение
в неволе,
про малый септаккорд, про горечь жизни
всей,
про пытки на дому и в музыкальной школе.
Аккорд, ещё аккорд! Бассейн, опять
бассейн,*

*где вольный стиль и брасс в соседстве
с баттерфляем,
где сверстники свою показывают
прыть;
где я стою на дне — лишь так
не потопляем,
мне ног не оторвать, какой там,
к чёрту, плыть.*

*Вот делаю я шаг трусливый и неловкий,
как поздний лист, кружа
на москворецкий лед
(кто б пожалел меня?); ячменный,
жигулевский
(не многого ль хочу?) Бадаевский завод*

*так чёрен, так лилов, так полон
сам собою,
но что ещё важней, но что важней
всего, —
так увлечён своей заоблачной трубой,
что как тут не просить: „Ну, let
my people go...“*

*Но тут один мотив к другому
прилипают:
чуть зазвучит один, — эмиг слышится
другой.*

*Заезжий музыкант над нами
проплывает.*

*Сиреневый туман целуется с трубой.
[Гуголев 2006: 39—40]*

Армстронг исполняет спиричуэлс — народные христианские песнопения афроамериканцев; цитируемая строка может быть переведена как «Отпусти мой народ», «Пусть мой народ идет» — идет, чтобы обрести свободу от рабства. Джаз в 1960—1970-х гг. официальной идеологией не приветствовался, поскольку обладал аурой капиталистического западного мира, а *лиловый негр* напоминает «эмигрантскую» песню А. Вертинского, посвященную Вере Холодной. Гуголев не пишет о брежневском застое, перечисляет «беды» мальчика из благополучной семьи, но монотонные анафоры отчетливо передают скуку существования ребенка, лишённого права выбора, послушно выполняющего чужие предписания. В пятой строфе время переносится как минимум лет на пятнадцать вперед — к концу советской эпохи. Труба «лилового» Армстронга трансформируется для героя в трубу «лилового» пивного завода (в чем можно усмотреть косвенное указание на повальное пьянство «эпохи застолия»), выпивший и скользкий на льду герой вспоминает «для подмоги» призыв-просьбу Армстронга. В последней строфе спиричуэлс сливается с меланхоличным, грустным танго «Сиреневый туман». Существует несколько версий авторства этой песни, возникшей, видимо, в конце 1930-х гг. или во время войны. Песня всегда была широко известна, особенно в студенческой и интеллигентской (туристской) среде, т. е. по характеру бытования тоже может считаться народной, как и спиричуэлс. Хрущев запретил исполнять песню как «слащавую», напоминающую эмигрантские ностальгические песни Вертинского. В начале 1990-х гг. песня вернулась к слушателям в исполнении Владимира Маркина. В стихотворении Гуголева судьба угнетаемого черного населения Америки проецируется на судьбу советского народа (как и в книге стихов Бориса Херсонского «Спиричуэлс» [Херсонский 2009]). Страстная просьба Армстронга сменяется элегической нотой, насы-

щенный лиловый цвет переходит в размытый сиреневый. Звучит не столько твердая вера в возможность изжить рабство, сколько мечта о желанной свободе. Нечто подобное происходит и в стихотворении Андрея Родионова «Он радость дарил седокам ресторанов...» из книги «Люди безнадежно устаревших профессий». Бродячий музыкант («не местный» — «нездешний», похожий на Кюхельбекера) играет на кларнете в электричке, контаминируя две мелодии: российский гимн «Союз нерушимый...» и «Из края в край перехожу» Бетховена. В целом стихотворение Родионова горько-ироничное, но в нем звучит и щемящая нота: *жива так где-то укрытая горем / Россия священная, мой сурок* [Родионов 2008: 22].

Подводя итог, скажем, что прямой смысл названия книги стихов Гуголева сохраняется: герой ездит в командировки в разные области, рассказывает о других людях, о событиях, пережитых им в пути. Вместе с тем анализ ключевых мотивов позволяет увидеть в основе сквозного сюжета духовную традицию «странничества» или даже «хождения по мукам» в «иные области», и тогда книга прочитывается не как путевой дневник, а как исповедь лирического героя, грустная, несмотря на преобладающий шуточный тон и разговорный стиль. «Командировочное предписание» герою дано не только служебным начальством, но и собственной совестью, судьбой, историей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грицман А.* Командировочные предписания Юлия Гуголева // Интерпоэзия. 2007. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2007/1/gr19.html> (дата обращения: 19.08.2013).
2. *Гуголев Ю.* Командировочное предписание. — М.: Новое издательство, 2006.
3. *Гуголев Ю.* Интервью // Полит.ру. Нейтральная территория. Позиция 201 с Леонидом Костюковым. 2010. 24 сент. URL: http://polit.ru/article/2010/09/24/videon_gugolev/ (дата обращения: 19.08.2013).
4. *Панн Л.* Впечатления из другой области: о стихах Юлия Гуголева // Новый мир. 2007. № 11. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/11/pa15.html (дата обращения: 19.08.2013).
5. *Родионов А.* Люди безнадежно устаревших профессий. — М.: Новое литературное обозрение, 2008.
6. *Родионов А.* Новая драматургия. — М.: Новое литературное обозрение, 2010.
7. *Херсонский Б.* Спиричуэлс. — М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 659.181+81'27
ББК С524.224.67+Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

О. Н. Горбачева **O. N. Gorbacheva**
В. А. Каменева **V. A. Kameneva**
Кемерово, Россия Кемерово, Russia

**КОНВЕРГЕНЦИЯ
ВЕРБАЛЬНЫХ И ВИЗУАЛЬНЫХ
СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
В СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЕ
КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ
СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ**

Аннотация. Анализируется гетерогенная и гомогенная конвергенция языковых и визуальных стилистических средств социальной интернет-рекламы. Рассматривается потенциал воздействия текстов социальной рекламы на пользователей Всемирной паутины с позиций вербального и визуального кодирования информации.

Ключевые слова: социальная реклама; воздействие; стилистические средства; визуальный код.

Сведения об авторе: Горбачева Ольга Николаевна, учитель иностранного языка (средняя общеобразовательная школа № 19, Кемерово), соискатель кафедры английской филологии № 1 (Кемеровский государственный университет).

Место работы: МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 19» (г. Кемерово).

Контактная информация: 650001, г. Кемерово, ул. Назарова, 8.
e-mail: olga-go2005@yandex.ru.

Сведения об авторе: Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии № 1.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6413.
e-mail: russia_science@mail.ru.

**CONVERGENCE
OF VERBAL AND VISUAL
STYLISTIC MEANS
IN SOCIAL INTERNET ADVERTISING
AS A WAY
OF EFFECTIVE INFLUENCE**

Abstract. Heterogeneous and homogeneous types of convergence of verbal and visual stylistic means of social Internet advertising are analyzed in this article. It allows us to examine influential potential of social advertising texts aimed at Web users in terms of verbal and visual information coding.

Key words: social advertising; influence; lexical stylistic means; visual code.

About the author: Gorbacheva Olga Nikolaevna, Teacher of Foreign Languages (School № 19, Kemerovo), Competitor for a Degree of the Chair of English Philology № 1 at Kemerovo State University.

Place of employment: Comprehensive School № 19, Kemerovo.

About the author: Kameneva Veronika Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of English Philology № 1.

Place of employment: Kemerovo State University.

Известно, что «термин и понятие конвергенции введены М. Риффатером. Конвергенцией называется схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции» [Арнольд 2002: 80]. Анализ текстов социальной рекламы позволил выявить наличие визуально объективируемых стилистических приемов, которые как накладывались на те же вербальные приемы, образуя гомогенную конвергенцию, так и сочетались с другими вербальными стилистическими приемами, создавая гетерогенную конвергенцию.

Материал исследования составили 887 текстов социальной рекламы, взятых с ряда сайтов [AdMe; Social Advertising; The world of creative advertising; Ads of the World; Ad Sora; Eroglamour.com; Adland.tv; Design You Trust; Social Ads; Daily News America; Fast Company; Stopgreenwash.com; Let's Go Public!; W. U. K; Best Ads; Coloribus Advertising

© Горбачева О. Н., Каменева В. А., 2013

Archive; Elephant; Act Responsible; Enpundit; Wonderful Machine Photography Blog].

Следует пояснить, что под гомогенной вербально-визуальной конвергенцией мы понимаем сочетание одного и того же вербального и визуального стилистического приема, которые, дополняя друг друга, создают один и тот же образ в восприятии реципиента. В отличие от гомогенной конвергенции, в основе гетерогенной конвергенции лежит сочетание разных вербальных и визуальных приемов.

Рассмотрим рекламу, направленную на борьбу с алкоголизмом (рис. 1). Здесь мы видим два приема — вербальную аллитерацию «Don't drink and drive» и визуальное олицетворение: бутылка вермута перебинтована, словно травмированный человек. Является ли сочетание этих приемов гетерогенной конвергенцией? Нет, потому что они не способствуют созданию единого образа. Представим ту же рекламу, но с другим тек-

стом: «If you drive drunk, you will break into pieces». В данном случае актуализировалось бы сравнение хрупкости человеческой жизни и стекла, что в сочетании с визуальным олицетворением создало бы общий образ, т. е. можно было бы говорить о наличии гетерогенной вербально-визуальной конвергенции.

Рис. 1

Приведем данные, полученные в ходе анализа гомогенной и гетерогенной вербально-визуальной конвергенции в социальной рекламе (см. табл.).

Таблица

Соотношение гомогенной и гетерогенной конвергенции в социальной рекламе

Блок рекламы	Общее число	
	Гомогенная конвергенция	Гетерогенная конвергенция
	96	82
против курения	26 (27,1 %)	7 (8,6 %)
защита окружающей среды	22 (22,9 %)	34 (41,5 %)
безопасность на дорогах	8 (8,3 %)	17 (20,7 %)
борьба с преступностью	8 (8,3 %)	7 (8,6 %)
помощь неимущим	7 (7,3 %)	2 (2,4 %)
предупреждение заболеваний	7 (7,3 %)	1 (1,2 %)
борьба с алкоголизмом	4 (4,3 %)	8 (9,8 %)
борьба с наркоманией	3 (3,1 %)	0
пропаганда донорства	3 (3,1 %)	0

Окончание таблицы

Блок рекламы	Гомогенная конвергенция	Гетерогенная конвергенция
призыв к толерантности	2 (2,1 %)	2 (2,4 %)
соблюдение техники безопасности	2 (2,1 %)	2 (2,4 %)
борьба с ВИЧ и СПИДом	2 (2,1 %)	1 (1,2 %)
пропаганда получения образования	1 (1 %)	0
пропаганда миротворческих идей	1 (1 %)	0
профилактика бытовых пожаров	0	1 (1,2 %)

В текстах социальной рекламы почти в равной степени представлена как гомогенная, так и гетерогенная конвергенция. Наиболее распространенным является сочетание вербальной и визуальной метафоры (55 из 96 случаев гомогенной конвергенции), на втором месте по частотности стоит сравнение (15 из 96), затем аллюзия (10) и в равной степени присутствуют дисфемизм, градация, овеществление и блендинг (по 3 из 96). Рассмотрим несколько примеров.

Рис. 2

Текст рекламы (рис. 2), выпущенной в Соединенных Штатах Америки, гласит: «Passive smoke kills your dearest first». Выбор в качестве метафоризатора слова «kill» позволяет возложить на курильщиков вину за вред, приносимый не только самим себе, но и близким и окружающим их людям. Это связано с тем, что, как известно, людей больше беспокоит состояние здоровья родственников, чем свое собственное, и такая реклама более эффективна. Примеров использования подобного приема довольно много, причем вербальная метафора дополняется визуальным метафорическим образом.

В нашем примере дым, идущий от сигареты, изображен в виде пистолета, угрожающего ребенку. Разумеется, изображение детей в качестве подкрепления данной ви-

зуальной метафоры является наиболее распространенным и указывает на то, что в результате принятия неверного решения страдают невинные. Преобладающее число визуальных метафор, сопровождающих рекламу этого блока, относится к сферисточнику «Убийство»: сигареты или дым изображены как оружие.

В следующем примере рекламы, посвященной защите окружающей среды, изображено дерево, держащее плакат с надписью: «Need money for my family in the rainforest» (рис. 3). Таким образом, вербальное олицетворение дополняется визуальным, что делает образ завершенным.

Рис. 3

Согласно проведенному исследованию, сочетание вербальной и визуальной градации используется в рекламе, направленной на борьбу с алкоголизмом и пропаганду толерантности (рис. 4). Например, в рекламе

«Let's do something against discrimination» посредством вербальной градации «1 police check a year. 25 police checks a year. 52 police checks a year. 117 police checks a year» и визуальной показано, что чем темнее кожа человека, тем чаще его проверяет полиция.

Гетерогенная конвергенция более разнородна. Она представлена в текстах англоязычной социальной интернет-рекламы в виде сочетания вербальной метафоры и таких визуальных приемов, как синекдоха, овеществление, гипербола, градация, олицетворение и др. Кроме того, в ходе анализа обнаружены другие типы конвергенции, например: вербально — игра слов, визуально — аллюзия; вербально — граффон, визуально — метафора; вербально — риторический вопрос, визуально — гипербола; вербально — сравнение, визуально — олицетворение.

Рассмотрим несколько примеров. В тексте социальной рекламы, призывающей не допускать бытового насилия, находим метафору: «Let's denounce hidden violence». Метафора «hidden violence» усиливается визуальной синекдохой. Одна рука изображенного мужчины принадлежит оборотню, существу агрессивному и обладающему огромной силой, что символизирует двуличность человека, призывает не доверять внешности и быть бдительными, сообщать полиции об известных случаях насилия (см. рис. 5).

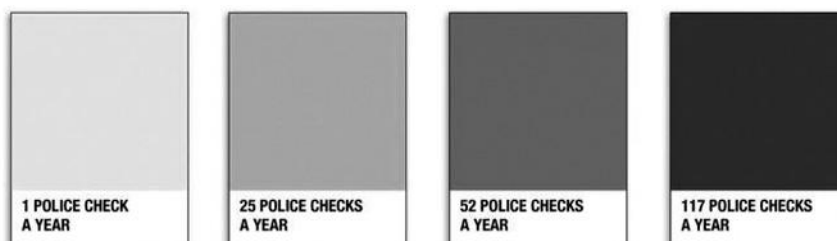

Рис. 4

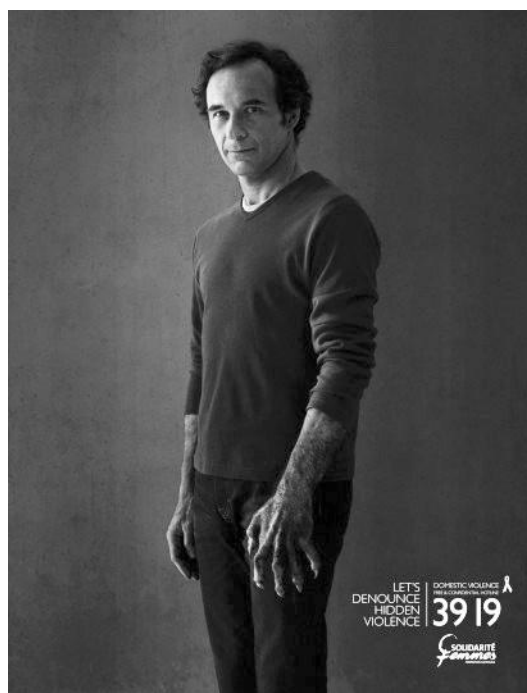

Рис. 5

Рис. 6

На рис. 6 дана реклама, призывающая заботиться о животных. Здесь мы видим сочетание вербального сравнения: «Food they eat is not equal your left over» — и визуальной гиперболы: кость в несколько раз крупнее, чем собаки.

Итак, как показал анализ, визуальные стилистические приемы активно эксплуатируются в текстах социальной интернет-рекламы, что создает необходимый эмоциональный настрой у адресата, закрепляет требуемые ассоциации и формирует должное отношение к поднимаемым социальным

проблемам. Предположительно массированное применение различных визуальных стилистических средств обусловлено тем, что анализируемые тексты создавались для интернет-пользователей, для которых английский язык не всегда является родным, а визуальная информация позволяет преодолеть языковые барьеры и достичь поставленных целей. Это подтверждается тем, что на сайтах, где размещены данные тексты, часто указано, в какой стране они были созданы. В завершение приведем список стран, активно создававших анализируемые

тексты социальной рекламы: США, Австралия, Новая Зеландия, Польша, Чехия, Таиланд, Великобритания, Ирландия, Индия, Канада, Филиппины, Греция, Германия, ЮАР, Бразилия, Франция, Бельгия, Испания, Швейцария, Швеция, ОАЭ, Нидерланды, Финляндия, Ливан, Хорватия, Грузия, Израиль, Россия, Украина, Словакия, Румыния, Чили, Мозамбик, Сербия, Турция, Ирак, Португалия, Венгрия, Аргентина, Малайзия, Уругвай, Испания, Италия, Сингапур, Кения, Колумбия, Венесуэла, Египет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов. 4-е изд., испр. и доп. — М. : Флинта : Наука, 2002.

ИСТОЧНИКИ

2. *AdMe* : сайт о творчестве. URL: <http://www.adme.ru/>.
3. *Social Advertising*. URL: <http://www.social-advertising.info/>.
4. *The world of creative advertising*. URL: <http://creativeadvertisingworld.com/>.
5. *Ads of the World* : an All Creative World Site. URL: <http://adsoftheworld.com/>.
6. *Ad Sora*. URL: <http://www.adsora.com/>.

7. *Eroglamour.com*. URL: <http://www.eroglamour.com/2012/05/12/social-advertising.html>.

8. *Adland.tv* : all the adnews not fit to print. URL: <http://www.adland.tv/>.

9. *Design You Trust*. URL: <http://designyoutrust.com/>.

10. *Social Ads* : Social Advertising Campaigns. URL: <http://www.socialads.blogspot.ru/>.

11. *Daily News America*. URL: <http://www.nydailynews.com/>.

12. *Fast Company*. URL: <http://www.fastcreate.com/>.

13. *Stopgreenwash.com*. URL: <http://www.stopgreenwash.org/>.

14. *Let's Go Public!* : Ad Contest Gallery. URL: <http://arcticready.com/social/gallery>.

15. *W. U. K.* URL: <http://whatsupkuwait.com/>.

16. *Best Ads*. URL: <http://www.bestadsonline.com/>.

17. *Coloribus Advertising Archive*. URL: <http://www.coloribus.com/>.

18. *Elephant* : dedicated to the mindful life. URL: <http://www.elephantjournal.com/>.

19. *Act Responsible*. URL: <http://www.act-responsible.org/ACT/ACTEXPO2013/CANNES.htm>.

20. *Enpundit*. URL: <http://enpundit.com/>.

21. *Wonderful Machine Photography Blog*. URL: <http://blog.wonderfulmachine.com/>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

УДК 821.161.1.09(Ватутина М.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ГСНТИ 17.82.10

Код ВАК 10.01.01

Л. Д. Гутрина Л. D. Gutrina
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

«ЭТО НАША РОДИНА, РАЗРЕЗ...»:
ДРАМАТИЗМ ИСТОРИИ
В ЛИРИЧЕСКОЙ КНИГЕ М. ВАТУТИНОЙ
«НА ТОЙ ТЕРРИТОРИИ»

“THIS IS OUR HOMELAND, A CUT SET...”:
DRAMA OF THE HISTORY
IN LYRICAL BOOK BY M. VATUTINA
“ON THAT TERRITORY”

Аннотация. Метасюжет лирической книги современной поэтессы Марии Ватутиной, связанный с осмыслением автором конфликта «человек и история», выявляется через обращение к элементам рамочного комплекса, мотивной структуре книги (мотивы сожжения, сгорания, болезни, праха, урны), образу лирического субъекта.

Abstract. Metaplot of the lyrical book by the modern poetess Marya Vatutina, connected with the interpretation of the conflict “human being and history” by the author, is revealed by means of reference to the elements of the frame complex, motive structure of the book (motive of burning, illness, ashes, urn), image of a lyrical subject.

Ключевые слова: М. Ватутина; современная поэзия; женская поэзия; Советская эпоха; лирическая книга; человек и история.

Key words: M. Vatutina; modern poetry; female poetry; Soviet epoch; lyrical book; human being and history.

Сведения об авторе: Гутрина Лилия Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы.

About the author: Gutrina Liliya Dmitrievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Modern Russian Literature.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 279.
e-mail: gutrina@bk.ru.

Один из первых исследователей лирической книги как феномена, поэт и филолог А. Кушнер считал именно время главным героем поэтической книги [Кушнер 1975: 75]. Речь идет о времени лирического субъекта, осмысляющего вопросы частного и общего существования, и это осмысление продемонстрировано автором посредством особой организации текстов, моделирующей своего рода «кусочек судьбы».

Она, чье возмужание совпало с сокрушенным и сокрушаемым временем... И еще одно обстоятельство: Мария Ватутина как поэт укоренена в этом времени, она чувствует то, что можно назвать социальным драматизмом и — шире — „трагической подосновой мира“ (Е. Винокуров)» [Волгин 2006].

Книга М. Ватутиной «На той территории» [Ватутина 2010], автора пяти лирических книг и поэтических сборников, юриста, журналиста, воспринимается не только как высказывание о себе и только поэтому и о времени тоже, — она воспринимается именно как книга, посвященная *теме времени*.

В. Гандельсман в предисловии к книге «На той территории» фиксирует: «По стихам Марии Ватутиной можно восстанавливать генеалогию — столько там поименованных родственников: баба Мотря, дед Иван, Петр Буряк, Городничкие... А можно — географические реалии — мелькают вокзалы, населенные пункты, улицы, больницы, реки, Ноев ковчег, Тайнинская, Ярославка, Остроумовка, Яуза, Казанский, Фундуклеевка... Именно так: от Ноева ковчега до Фундуклеевки» [Гандельсман 2010: 4]. Н. Явлюхина считает, что «Ватутина изучает прошлое — пристально и подробно, как место катастрофы» [Явлюхина 2010].

Острое переживание времени — черта, определяющая индивидуальность поэтессы. Вот фрагмент рецензии И. Волгина на книгу М. Ватутиной «Перемена **времен**»: «Мы имеем дело (именно дело, которое необходимо исполнить) с очень современным поэтом, чья лирическая память отнюдь не свободна от наследственного груза истории и культуры. Именно они, история и культура, есть способ существования этого поэтического мира, обладающего чутким и преемственным лингвистическим слухом и в то же время говорящего с нами на собственном художественном языке... Это голос поколе-

О значимости темы времени в книге «На той территории» свидетельствуют названия поименованных стихотворений — «Абсолютное время», «Часы», «Малая история Спасо-Андроникова монастыря», «Памяти отца (4 сентября)», «18 мая», «2008», «Високосный год».

Статья выполнена в рамках проекта «Книга стихов как культурный феномен России и Беларуси», грант РГНФ-БРФФИ № 13-24-01001.

В первом разделе книги на одном развороте расположены два стихотворения, ука-

зывающие на специфику понимания Ватутиной времени, — это стихотворения «Абсолютное время» [Ватутина 2010: 20] и «Часы» [Там же: 21]. В первом создается модель времени, которое течет без внесенных человеком мер (лет, дней, часов, минут, секунд, а также добра и зла), это чистое — «абсолютное» — время кур, уток, шмелей, кроликов, смысл существования которых — в насыщении и размножении:

*Купались курочки в пыли
Нырjali утки в местных лужах
Сновали ленные шмели
На лесопилке возле стружек.*

*И кролик за ухом чесал
И мир существовал без правил
Как будто в собранных часах
Никто пружинку не поставил*

*Как будто время в них текло
Само собой как шмель летает...*

[Там же: 20]

Существование человека подразумевается (лесопилка, стружки, собранные часы), но его время течет параллельно времени насекомых и животных. Антитеза «звери — люди» намечается, но пока безоценочно; эта антитеза станет значимой для книги в дальнейшем.

Стихотворение «Часы» вводит в книгу историческое время: автор повествует о возвращении из Германии в 1947 г. родственника, везущего среди купленного подешевке скарба часы, «выменянные на говяжье сердце»:

*Приступы у часов каждые полчаса,
Каждые двадцать минут, каждые десять.
Боже, прости меня за непрекращающийся
Этот бой часов, этот вой часов
сквозь города и веси.*

[Там же: 21]

Если в «Абсолютном времени» время стояло на месте, то историческое время движется стремительно, лихорадочно, постоянно меняя ритм (полчаса, двадцать, десять минут); бой часов превращается в вой — метафору страдания, которое может лишить человеческого облика (антитеза «люди — звери» подразумевается). Может быть, поэтому так неровна ритмика стихотворений М. Ватутиной: она тяготеет к тоническому стиху, к такой его разновидности, как акцентный стих. В. Гандельсман пишет: «Истоки говора-говорка, столь часто встречающиеся в стихах Марии, — в русском фольклоре, в раешнике, ... в современных и по-разному преображенных формах такого рода поэзии: у Пушкина, Некрасова, Хлебнико-

ва, Белого, Блока и многих других» [Гандельсман 2010: 5].

В книге М. Ватутиной в избытке упоминаются страшные исторические события и периоды: первые годы советской власти («Концлагерь» [Ватутина 2010: 36]; «Гужон» [Там же: 36]; «Колония» [Там же: 37]), Великая Отечественная война («Бабка красит седину...» [Там же: 26]), уничтожение евреев («Феодосия. Фиделев» [Там же: 24]) и Большой террор («18 мая» [Там же: 58]), перестроечное время, 1980-е гг. («Симиренко» [Там же: 15]; «Шел трамвай. Ужасный номер...» [Там же: 59]), чернобыльская трагедия [Там же: 45], теракт в Беслане в 2004 г. («Памяти отца» [Там же: 47]).

Метафорой исторического времени в книге становится високосный год: и 2004-й (год теракта в Беслане), и дважды упомянутый 2008-й, — високосные годы. Високосный год, своего рода аномалия, ассоциативно притягивает мотивы болезни. Кроме того что в художественном мире книги очень много больных людей (героиня стихотворения «Матершинница, поздняя мать, за кавказца замуж...» — жена чернобыльца, «двух мертвеньких» родила [Там же: 45]; лирической героине поставлен диагноз «бесплодие» [Там же: 116], Сафроныч «слег и бросил пищу принимать» («Сафроныч» [Там же: 61]), одинокая старуха-врач «жалуется на ноги», «Старухе страшно, у неё диабет, как у Нонны» [Там же: 83]), само движение исторического времени сродни заболеванию — оккупация Феодосии характеризуется так: в девятой дивизии двинулся комиссар / распространяется пандемия / расстрелов / заразны все и млад и стар / Россия / имя тебе карантин / зверь поселился в каждом [Там же: 23]. В заявленной антитезе «люди — звери» звериное воспринимается как разрушительное, страшное, противоположное разумному, человеческому.

В начале и финале стихотворения «Памяти отца» [Там же: 47], в основе которого лежат события бесланского теракта в сентябре 2004 г., возникает «телесная» метафора — сопоставление времени с расплывающейся от боли сердечной мышцей:

*Так закручено время, как будто его
отжимали.
Первый раз в первый класс мы отца
провожали.
А три года назад провожали отца...*

*Это в памяти насмерть заело, застряло,
С этой болью не спрятаться под одеяло,
Это выело напрочь всю радужку глаз.
И бесланский сентябрь в задымлённе
и саже,*

*И отца, что смотрел по Москве
репортажи,
Поминаю совместно в назначенный час.*

*Кто сидит в мастерской перед пыльным
экраном:
В спайки мозга вплетается рой
над Бесланом?
Не вживайся, иди мастеру!
Нет, сидит умирает, снаружи дымится.
И по швам расползаясь,
сердечная мышца*

Замирает внутри.

Образ расползающегося времени сродни порванной «дней связующей нити» Шекспира, что придает поэтическому высказыванию измерение трагедии. Бесланский теракт поражает зрение («выело радужку глаз»), мозг («в спайки мозга вплетается рой над Бесланом»), приводит к сгоранию человека.

От данного стихотворения две смысловые ветви ведут к другим текстам книги: *кавказская тема* объединяет его со стихотворением «Билал» (*Семилетний чеченец в московской школе / грозит зарезать соседа по парте / И проводит ребром ладони себе по шее* [Там же: 46]), а тема *сгорания, трансформированная в тему сожжения*, — со стихотворением «Печь», коллизия которого разворачивается вокруг того, что беременная женщина внезапно узнает о лютой ненависти, питаемой ее мужем к евреям:

*Тысяча алых гвоздик засыпана в печь.
Огонь расплавляет живое
Не хуже, чем мертвое — книгу там
или речь.*

*Лепестки лопаются. Наши дни. Двое
Сидят в Савое. Он говорит: — Война
Сожрала пархатых, но можно было бы
и побольше.*

*Они снова во всех щелях. Она
Молчит. У нее прабабка из Польши.
Страшно его, но она молчит ему.
Потому что вдоволь под сердцем сына...
Гвоздики трещат по швам. Этим
треском*

*Глохнут уши мертвому малышу
В бараке детском.
Красные лепестки: ушные раковины,
ноготочки,
Веки, тонкие. Как паутина, пальцы,
мошонка.
Она встает и уходит в матери-одиночки.
[Там же: 54]*

Три рассмотренных стихотворения объединяются мотивами дискриминации и экстремизма, ненависти человека к непохожему, Другому. По Ватутиной, именно религиозный и идеологический экстремизм — бич време-

ни, его фатум. Финальные слова стихотворения «Билал» — «не по-людски» — вновь подчеркивают противопоставленность людей и зверей в художественном мире книги, но теперь речь идет об озверении человека:

*У Билала глаза, полные злой тоски,
Словно бог, заведующий всем известной
частью Кавказа,
Распахнул вручную два эти глаза,
Да уж больно резко, больно и резко,
не по-людски.*

Интерес к истории реализуется в книге в *мотиве раскопок*, возникающем в стихотворении «На той территории». Мотив *погружения в землю* является для стихотворения центральным: *а эти живут здесь, как вкопанные в чернозем; спускаясь в низину; погружаясь в низину; увидишь какой сообразный скелет; забьешься в такую-то дачу и вылезти лень*. Этот мотив может быть интерпретирован двояко: во-первых, как умирание человека, что поддерживается упоминанием гробницы и червей в предпоследней строфе (*На той территории лишь продолженья Ли-Шань, / Гробница, в червивое чрево которой нас всех закатали*); кроме того, лирическое «Я» осознает себя частью «мы», причем мы неоднократно названы «терракотовыми», а терракота — буквально обожженная глина, что объясняет акцентирование в книге мотива сожжения («Печь», «Гужон», «Памяти отца»). Ватутина видит людей терракотовыми фигурками, воинами «Терракотовой армии», часть фото которых и опубликована на обложке разбираемой книги. Терракотовая армия — захоронение более 8000 терракотовых статуй китайских воинов (пехотинцев, лучников и конников) и лошадей, найденное рядом с гробницей китайского императора Цинь Шихауди (210 г. до н. э.) неподалеку от горы Лишань в 1974 г. (раскопки ведутся до сих пор). Огромное количество драгоценностей и изделий ремесленников было захоронено вместе с императором. Фигуры солдат отличаются друг от друга лицом, облачением, даже техникой изготовления — знак того, что статуи изготавливались в разных районах Китая. «С 1987 года Терракотовая армия внесена в список мирового культурного наследия. Цинь Шихуанди, которому в 221 году до н. э. удалось объединить Китай, стал первым императором государства. Он приказал изготовить статуи воинов этой армии, чтобы они последовали за ним в потусторонний мир» [Петрова 2010]. Тогда «та территория» — это прошлое человечества, связанное со смертями и насилием, подчинением тирану, замураванностью в земле, похо-

роненностью заживо (вместе с императором были похоронены и живые люди), которое — парадоксально — оказывается и настоящим. В промежуточном варианте стихотворения финал был таким:

*На той территории вечером танцы
и смех,
Как будто раскопки закончились в той
половине гробницы.
Но воины здесь оживут, лишь когда
раскопают нас всех,
И с той, и с другой стороны
неприступной границы.
[Блог Н. Горбаневской]*

Лирическая героиня в данном варианте стихотворения мыслит и себя частью гробницы и Терракотовой армии, археологическим экспонатом — из-за своей принадлежности Советской эпохе.

Во-вторых, мотив погружения в землю связан с темой раскопок, с активным отношением человека к истории. Очень важно, что для лирической книги «На той территории» Ватутина выбирает иной вариант окончания стихотворения:

*Таксист вынимает багаж и дает по газам.
Вот лом и кирка. Переходим овраг
и по тропке.
Там конь не валялся. Зарыт
среднерусский сезам,
В нем тьма истуканов. Идут полевые
раскопки.*

Здесь героиня не объект археологической экспедиции, но ее субъект, именно она намерена отыскать «Терракотовую армию» на территории России. Этому посвящен, в частности, цикл «Малая история Спасо-Андроникова монастыря».

Цикл строится как движение от старины к современности, когда «расписались в книге соборной / ты отец я мать» [Ватутина 2010: 38]. В девяти стихотворениях цикла Ватутина воссоздала вехи истории древнейшего московского монастыря: его возникновение в XIV в. благодаря чудесному спасению митрополита Московского Алексия во время путешествия по Черному морю («Золотой рожок»); приглашение Алексием Сергия Радонежского для строительства монастыря и благословение, данное Сергием любимому ученику Андронику («Андроник»); прощание Сергия и Андроника («Проща»); приглашение иконописцев Андрея Рублева и Даниила Черного для росписи храмов («Молитва Андрею»); трехдневное заточение в монастыре Аввакума («Аввакум»); создание в монастыре по желанию царицы Евдокии Лопухиной в конце XVII в. (1691 г.) семейной усыпаль-

ницы Лопухиных, которая была уничтожена вместе с монастырским кладбищем в 1928 г. («Колония»); в 1922 г. в монастыре был создан первый концлагерь ВЧК, в котором отбывали наказание враги советской власти, в 1928 г. открыта колония для беспризорных, а затем — общежитие для рабочих завода «Серп и молот» («Концлагерь», «Гужон»).

Советский период существования монастыря связан с разорением кладбищ и экспериментами над живыми:

*Сколько сколков насыпали тут в тенечке
Прикопали переворошили прошлые кости
Подвинься кто там с красками в туесочке
Ты тут не на погосте
Принимай буржуев в горести и коросте...*

[Там же: 36]

*И выходят толпой на улицу
Федор Волков, Лопухины,
За Андреем Толстые хмурятся,
За Толстыми Аладьины
Опустела телом скудельница
С мясом вырвали из земли
Ты кацея моя медведица
Беспризорники вы мои.*

[Там же: 37]

В стихотворении «Гужон» Ватутина обновляет страшную метафору из тихоновской лирики — метафору человека-гвоздя (уже упоминалось, что в конце 1920-х гг. в монастыре размещалось общежитие рабочих завода «Серп и молот»): в ее стихотворении человек, отдавший жизнь социалистическому труду, — это человек-гужон («Гужон — болт с винтовой нарезкой и с квадратом на головке для ввинчивания ключом. Употребляется для соединения листов со стальными отливками или поковками. После ввинчивания квадратная головка срубается» [Самойлов 1941]):

*А вот кому трубы стальные новые
и лежалые
А вот кому гвозди из этих людей
живущих без жалобы
Без жалобы и без жалости
в мартеновской печи плавленных
Из людей обезглавленных.*

[Ватутина 2010: 36]

Мотив печи, сожжения, обжига сближает советскую эпоху с теми явлениями экстремизма и дискриминации, которые уже были упомянуты, с древними захоронениями в гробницах.

Образ людей «расплавленных», людей без воли создается и в «Колыбельной» [Там же: 44]. Вместо мира классической колыбельной — уютного мира дома, комнаты, колыбельки — в стихотворении перед читателем

«ночлежка на краю»; пространство характеризуется так: *на конюшне страшно и темно; вокруг левады гниль и нищета, вся левада топкая с ладошку; мокрым сеном тянет от тюков; во дворе заблеваный верстак; загон.* У Ватутиной не прочерчена жесткая граница между надежным миром дома и тем, что за его пределами, — весь мир страшен и убог. Люди здесь не живут, а «преют»:

*Мокрым сеном тянет от тюков.
— Лошади — тупые, — гнет хозяйка.
Ад животных именно таков.
Спи, мы в этой жизни — люди, заяк.
Хоть и преем в этих же местах...*

В этих строчках слышен отголосок образа тютчевского человека-тростника:

*Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.
Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И роцет мыслящий тростник?*
[Тютчев 1987: 220]

Высокое представление о человеке как мыслящем тростнике, противостоящем всему остальному миру разумом и стремлением к свободе, дискредитировано у Ватутиной: человек низведен до состояния прелой, гниющей соломы, поэтому животные в художественном мире стихотворения оказываются куда симпатичнее, разумнее человека:

*Все пришли в ночлежку на краю:
И овечка, и верблюду, и пони.
Спи, ребенок, баюшки-баю,
Сухо и тепло у нас в загоне.*

Существование, которое ведут герои стихотворения, названо «адам животных», и в этом контексте возникает тема родины и эпохи:

*Это наша родина, разрез.
От соседки пук чертополоха.
Если очень плохо, можно в лес.
Спи, сынок, такая уж эпоха.*

Представление о *такой* родине внушается малышу песней матери — его также готовят к бессловесному, убогому, несвободному существованию.

Тема *раскопок* продолжается в начале второго раздела книги — в стихотворении «Вот страна моя, картой на стенке...»:

*Помнишь, эти обои клеила мама прошлой
эпохе в тон.
Под обоями слой за слоем: „Правда“,
труха, бетон.*

*За бетоном деревянные перекрытия,
клад под бревном.
Много красного в новостийной заставке,
много черного за окном...
Так и чудится, за последним слоем
на деревянном столе
Прадед Иван лежит посредине комнаты,
на челе
У него испарина. Он назвал свой
последний час.
Попрощается и умрет, не дождавись
нас.
[Ватутина 2010: 43]*

Слои наклеенных на стены дома газет и обоев оказываются слоями истории, а сдирание этих слоев в преддверии ремонта — углублением в нее. Созерцание каждого слоя рождает в героине воспоминания; стена родного жилища оказывается стеной, в которой собраны прах эпохи («труха») и ее суть («бетон»). Это своего рода аналог Кремлевской стены с той лишь разницей, что в стене Кремля — официального символа СССР — захоронены урны с прахом героев, а в стене частного дома похоронена история. Каждая семья, каждое жилище становятся хранением праха и сути эпохи. Финальные строки стихотворения вновь возвращают к «кавказской» теме через фигуру «азиата»:

*...А в конце июля нанятый азиат
Залатал все щели. Выровнял стены.
Ничто не цепляет взгляд.
[Там же: 43]*

Экспансия «азиатчины» в жизнь современной России опасна, по Ватутиной, тем, что уничтожается память: сносятся старые здания — хранители истории страны, а это то же самое кощунство, которое было описано в цикле «Малая история Спасо-Андроникова монастыря».

Итак, по сравнению с «абсолютным временем» животных, время истории, в котором живет человек, наполнено страданием, болью, ненавистью, дискриминацией.

Но не только боль и зло вносит в мир человек: не случайно в книге Ватутиной много стихотворений, в которых осмысливается тема отношений родителей и детей. В стихотворении «Глечик» старик («выглядит человеком, но пахнет смертно») везет в душном вагоне глиняный кувшин с прахом отца для захоронения возле могилы матери [Там же: 17]; в стихотворении «Не боюсь дары приносящих...» героиня вспоминает любовь к себе своей многочисленной семьи, еще в детстве убеждается в том, что «человек — это хранилище для даров» [Там же: 84]; понимание «ужасов глубины» жизни приходит

к человеку именно из связи с предками. В одном из стихотворений внука, обливаясь слезами, ест бабушкин борщ:

*Не трави мне душу прошедшим временем
времени нет вообще
Время плавает черным семенем
В бабушкином борще*

[Там же: 95],

в другом разбирает вместе с бабушкой гречку:

*Стар и млад. Сидят напротив.
Все им мало.*

*На работе остальная их семья.
Горка ядрицы одна у них сначала.*

А потом у каждой черная, своя.

[Там же: 57]

Объединяет стихотворения образ «черных точек» — это то семена, то крупинки неочищенной гречки; эта деталь связана с осознанием времени и жизненного пути: человеческое время — это боль, ответственность и память:

*И готовлю, и батрачу, и шарманю.
Как там с крупами у вас на небесах?
...Видит гречку — непременно бабу Маню
Вспоминает — точки черные в глазах.*

[Там же: 57];

*Ешь и учись тоже будешь женщиной
Маленький мой мятеж
Подавляет лихой затрепещиной
Не выйдешь пока не съешь.*

[Там же: 95]

Ватутина пишет о том, как трудно складываются отношения между родными («Два зеркала» [Там же: 96]; «Все! Все! Все!..» [Там же: 121]), но и о самоотверженности в семейных отношениях: в стихотворении «Крестная» четырехлетняя девочка счастлива в доме крестной, во время войны потерявшей маленького сына:

*Постукиванье ветки о стекло,
Свеченье ночника и дребезжанье
Посуды в горке. Крестной ремесло
Ревнивое, слепое обожанье
Четырехлетней крестницы. Родня
И рада сбавить девочку, покуда
Дежурства и разводы, и грызня,
Тем более у девочки простуда...*

[Там же: 99]

С учетом этого нельзя согласиться с Н. Ярохиной, охарактеризовавшей мир книги Ватутиной как «ад» («Жизнь, вернее, женская жизнь, пронизанная пульсацией греха и страха, простреленная маточной болью, сбита в мясной ком из старух и младенцев, в трактовке Ватутиной — нехороший циничный обряд, проводящийся над теми, кто во-

обще-то далек от религии» [Ярохина 2010]). В этой книге тема исцеления от болезни истории звучит — и довольно явственно — в уже хорошо знакомой больничной метафорике:

*Ничего, что дождь и на поезд — нет,
Ничего, что биржа затмила свет,
Свет и так приглушен был изначально.
Кто-то малыми дозами до сих пор
В нас вливает счастье,*

*как физраствор,
И глядит сиделкой на нас печально.*

[Ватутина 2010: 62]

К финалу книги появляются упоминания Христа («рыба рыба с розовым животом» [Там же: 109]), Богородицы («Полон не ответов, но вопросов...» [Там же: 104], «Крестная» [Там же: 99]), ангелов и Италии [Там же: 80, 87], все отчетливее звучит тема поэтов и поэзии [Там же: 74—78, 89, 91], как будто пределы российского пространства преодолеваются, высветляется основное настроение — от отчаяния и страха к надежде и жалости.

Важным для понимания этих изменений становится цикл «Памяти Сергея Лукницкого» [Там же: 76—78] в третьей части книги. Некролог С. Лукницкому, ушедшему в високосном 2008 г., М. Ватутина опубликовала в журнале «Новый берег»: «Год назад ушел из жизни Сергей Лукницкий, великий романтик, талантливый писатель, последний отпрыск древних дворянских родов, сын выдающегося литературоведа, писателя Павла Николаевича Лукницкого, того самого человека, который был первым исследователем творчества Н. С. Гумилева и долгие годы спутником Анны Андреевны Ахматовой. Сергей Лукницкий был кандидатом географических и доктором социологических наук, действительным членом Русского географического общества РАН и целого ряда академий, журналистом, ученым энциклопедического масштаба... Павел Лукницкий завещал сыну продолжить то, что он не успел завершить, и довести дело реабилитации Николая Гумилева до конца... После окончания университета Сергей был приглашен в „Литературную газету“ специальным корреспондентом по РСФСР. Появилась возможность новых поездок, впечатлений, встреч с интересными людьми, но он все время помнил об обещании, данном отцу, очень трудному и опасному в то время делу реабилитации. Чтобы восполнить недостающее образование, С. П. Лукницкий поступил в Московскую юридическую академию... Из записей Сергея Лукницкого: „Занятие Гумилевым — судьба нашей семьи. А от судьбы, как известно, не уйдешь. Я прятался от нее четы-

режды: в „Литературной газете“, в Прокуратуре СССР, в МВД СССР, в Советском фонде культуры, но везде меня настигал рок, и я принужден был снова возвращаться к Гумилеву. Чтобы доискаться до правды, мне понадобился 21 год“ (использован материал интернет-издания „Аргументы недели“ 36 (122) от 4 сентября 2008 года) [Ватутина 2009]. Слово С. Лукницкого «доискаться» рифмуется с позицией лирической героини книги, ее желанием найти, откопать Терракотовую армию на территории России.

Во втором стихотворении цикла появляется образ, роднящий его с прежде рассмотренными стихотворениями:

*Я стану мудрее на треть,
Научена этим уроком.
Училка ботаники смерть
Рассыплет пыльцу над востоком.*

*Се пепел, казенный кувшин,
Пробившийся в темечко опыт...*

Образ «кувшина с прахом» ведет к стихотворению «Глечик» из самого начала книги, пепел-пыльца, оставшиеся от человека, — к черным точкам-семенам, символизирующим в книге Ватутиной память, преемственность и боль. Таким образом, *урна с прахом становится для книги одним из центральных структурирующих образов*, но Ватутина подчеркивает, что на этом человеческое бытие не заканчивается, что «это истина не вся».

В первом стихотворении цикла поэтесса размышляет о том, что происходит с миром после ухода мыслящего человека, каковым был Лукницкий:

*...Преображенный силой августа,
Теперь и с мертвенных орбит
Ты видишь: смерть — всегда
пожалуйста,*

Но ведь и после все болит.

*Болит пространство опустелое,
Откуда ты изъят, как тот
Сосуд из горки, чашка белая,
Что с детства в памяти живет.*

*И кажется, как в тихом омуте,
Вот-вот покажутся огни,
И закричит пространство в комнате,
Лишь только руку протяни.*

[Ватутина 2010: 76]

Ватутина подчеркивает, что после исчезновения человека его способность чувствовать сохраняется в пространстве, которое было занято им; присутствие человека в пространстве и времени, таким образом, словно меняет саму структуру, механику этого пространства, а значит, не только истори-

ческое время воздействует на личность, уничтожая ее, наполняя мир звериным воем страдания, но и сам человек благотворно воздействует на мир. И здесь, очевидно, можно говорить, что кроме абсолютного времени — без внесенных человеком мер, — кроме исторического времени, в книге присутствует и духовное время личности. В финальном стихотворении третьего раздела книги автор заключает: «Всякий всходит посвоему к бессмертию своему», что свидетельствует о серьезном изменении общего пафоса произведения — от страха и отчаяния к убеждению в присутствии в бытии смысла. Последние стихотворения книги — «Мне припомнилась тут картинка...» и «Всем! Всем! Всем!» — говорят о внутренней силе человека, его отваге в сражении с мороком социального устройства и судьбой.

В заключение вернемся к вопросу о названии книги. При том что сквозной для книги является тема времени, в заглавие вынесено пространственное обозначение: речь идет о *территории*. Полагаем, что «территория» здесь нужна прежде всего для того, чтоб акцентировать тему земли-могилы-гробницы, в которой захоронены терракотовые воины, и земли — хранительницы слоев истории. «Та территория» в книге — это, разумеется, прежде всего прошлое: и глубокое прошлое династии Цинь, и прошлое советской истории, и настоящее России, похожие отношением к человеку как глине, которую следует обжечь и использовать, как к гвоздю, который следует забить, сняв с плеч не только шляпку, но и голову. Движение сквозь времена придает книге пространственное измерение, подчеркнутое образом гумилевского трамвая, заблудившегося «в бездне времен», — так Ватутина еще раз вспоминает о Сергее Лукницком:

*Шел трамвай. Ужасный номер.
Вез меня и пару из
Вот таких же, кто не помер,
Но конкретный эпикриз...*

*— Осторожно, закрываю,
Двери, — гаркнул рулевой,
Но челночная, чумная
Баба бьется за кормой.*

*— Всё! — кричит в свой репродуктор
Наш кондуктор, мне то что,
Что зашелся твой редуктор,
Инвалид — купи авто...*

*И, рычаг сжимая властно,
Погнала она трамвай —
Номер все-таки ужасный,
Цвет дурацкий, звонкий лай.*

[Там же: 59]

Конечно, более очевидным подтекстом, лежащим на поверхности, оказывается песня Аркадия Северного «Шел трамвай десятый номер. На площадке кто-то помер...», главный герой которой — подвыпивший человек — оказывается в вырезивеле. Данный подтекст, безусловно, поддерживает линию исторического бытия, бесправного и задавленного социумом человека. С гумилевским стихотворением текст М. Ватутиной тоже многое сближает: и образ рулевого — «вагоновожатого», и скорость трамвая («летел трамвай» у Гумилева, «погнала трамвай» женщина-водитель у Ватутиной), особый резкий звук, издаваемый трамваем («грай» у Гумилева, «звонкий лай» у Ватутиной).

Итак, лирическая книга М. Ватутиной «На той территории» в качестве центральной разрабатывает тему времени и памяти. Рамочный комплекс книги — названия стихотворений, ее обложка — задают тему времени как сквозную.

В первой части книги задана тема погружения в землю, которая, во-первых, связана со значением смерти и захоронения, во-вторых, с темой раскопок — аналитического взгляда на историческую действительность. Ставится вопрос о том, что делает историческое время с человеком; Ватутина отвечает на него в последних стихотворениях раздела: время превращает человека в терракотового воина, раба системы/вождя, глину и гужон — новый извод человека-гвоздя. Основной пафос раздела, в котором есть и экспозиция, и завязка, и кульминация, и развязка, — трагический. Образы кладбища, урны с прахом появляются именно в этой части и сохраняются до конца книги, меняя семантику, т. е. обретая статус лейтмотива.

Во второй части книги М. Ватутина исследует не столь далекое прошлое, как в первой: это советское время и живая современность. Обнаруживается, что прошлое и настоящее одинаково жестоки, наполнены экстремизмом, дискриминацией; в качестве примеров названы кавказский религиозный экстремизм, нацизм, советская идеология.

Узловым для третьей части книги является цикл «Памяти Сергея Лукницкого». Поэтесса ставит вопрос о роли мыслящей личности в истории и приходит к выводу о том, что человек способен изменять механику исторического времени, оживлять, одухотворять его. В данном разделе пафос книги высветляется, появляются стихи об ангелах-хранителях, о творчестве, о друзьях-поэтах, преодолеваются границы Российского пространства (стихи об Италии).

Наконец, в четвертом разделе лирическая героиня предается воспоминаниям —

о детстве, юности, первой любви, о родных, подругах, которые своей жизнью демонстрировали, по мере возможностей каждого, отвагу и силу духа; повествование об историческом времени переходит в чистую лирику — в историю души.

Сильной скрепой для лирической книги Ватутиной становится мотивный комплекс. Мотивы, работающие на создание образа исторического времени, — мотивы болезни, огня пожирающего, земли, праха, трухи, железа/бетона, антитеза «люди — звери». Образ человеческого, или духовного времени создается с помощью мотивов боли, памяти, родства, сверхтекстовых отсылок к семье Лукницких.

Образы гробницы и урны соединяют темы исторического и духовного времени, поскольку не только говорят о конечности человеческого существования, но и о памяти, почтении к предкам, боли от расставания с близкими.

Образ лирической героини центрирует книгу М. Ватутиной. Не только тем, что героиня осознает себя частью социального порядка, жертвой советского режима, плотью его, «терракотовым человеком», но еще и тем, что именно ей принадлежит мысль о необходимости активного отношения к истории и прошлому: из объекта археологических раскопок она становится субъектом истории. Лирическая героиня выступает в книге дочерью, внучкой — частью своей семьи, страны, — но важнее, что она понимает свою роль как материнскую: она и мама поздно родившегося желанного сына, и мать поэтов-«детушек», ушедших и пока живущих, и всех тех, кто был лишен жилищ и могил в разные эпохи нашей истории. В этом смысле очень значим финал книги, неоднократно цитируемый в рецензиях. Финальная строфа стихотворения «Всем! Всем! Всем!» представляет собой обращение лирической героини к советской девочке, обделенной и маминым вниманием, и маминой любовью — просто потому, что была «такая уж эпоха»; эти слова обращены к целому поколению, которое вполне могла ожидать участь солдата «Терракотовой армии»:

*Не умела сказать наша девочка,
что в условиях нелюбви
Человек сам себя не любит, и любить-то
бывает нечего — не завезли.
Не возлелеяли, не созрели, не счистили
скорлупу до белка, до любви.
Девочка, ты наша девочка, нелюбимая
наша девочка, плыви, плыви.*

[Там же: 122]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артис Д.* Мария Ватутина. Ничья. — СПб. : Геликон-плюс, 2011 [Рецензия] // Поэтоград. 2012. № 15 (30). URL: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=4891&PHPSESSID=08dfb88ac49c141c0de1be92fe2c4fbd> Дата обращения: 20.08.2013.
2. *Блог Натальи Горбаневской.* URL: <http://ng68.livejournal.com/433105.html> (дата обращения: 20.08.2013).
3. *Ватутина М.* На той территории. — М. : Арт Хаус медиа, 2010.
4. *Ватутина М.* Памяти Сергея Лукницкого // Новый берег. 2009. № 24. URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2009/24/va9.html> (дата обращения: 20.08.2013).
5. *Волгин И.* «Времена наступают другие...» (послесловие к книге М. Ватутиной) // Перемена времен / М. Ватутина. — М. : Русский двор, 2006. URL: <http://www.volgin.ru/public/1252.html> (дата обращения: 20.08.2013).
6. *Гандельсман В.* «Так красиво. Глаз не отвесь» // На той территории / М. Ватутина. — М. : Арт Хаус медиа, 2010. С. 3—9.
7. *Кушнер А.* Книга стихов // Вопросы литературы. 1975. № 3.
8. *Петрова С.* Китайская Терракотовая армия: археологи нашли еще 100 статуй терракотовых воинов. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/63439/86/> (дата обращения: 20.08.2013).
9. *Самойлов К. И.* Морской словарь. — М. ; Л. : Государственное Военно-Морское издательство НКВМФ Союза ССР, 1941. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sea/2403/%D0%93%D0%A3%D0%96%D0%9E%D0%9D> (дата обращения: 20.08.2013).
10. *Северный А.* Шел трамвай десятый номер. URL: http://www.shansonprofi.ru/person/severnyi/lyrics/severnyi_shel_tramvay_desyatyy_nomer_.html (дата обращения: 20.08.2013).
11. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений. — Л. : Советский писатель, 1987.
12. *Явлюхина Н.* Ток-шоу про ад // Знамя. 2010. № 6. — Рец. на кн.: На той территории / Мария Ватутина. — М. : Арт Хаус медиа, 2010. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/6/ia18.html> (дата обращения: 20.08.2013).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

УДК 81'374
ББК Ш141.2-4

ГСНТИ 16.21.65

Код ВАК 10.02.19; 10.01.10.

О. Г. Орлова О. G. Orlova
Кемерово, Россия Кемерово, Russia

**СОСТАВЛЕНИЕ СЛОВАРЯ
СТЕРЕОТИПОВ О РУССКИХ:
СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА**

**RUSSIA STEREOTYPES GLOSSARY:
MANNER AND MATTER**

Аннотация. В статье стереотип понимается как типичная ассоциация к концепту, заключенная в терминал фрейма. Тематически близкие стереотипы формируют в дискурсе своеобразные кластеры; принцип кластерности составления словаря стереотипов о русских положен в основу его формы. Содержание словарной статьи — это разные признаки, актуализированные стереотипом.

Abstract. In the paper stereotypes are viewed as typical associations to the concept enclosed in the frame terminals. The thematically close stereotypes form clusters (or groups) of stereotypes. This principle is laid down in the basis of 'Russia stereotypes glossary manner'. 'Russia stereotypes glossary matter' is formed by various stereotype meanings.

Ключевые слова: стереотип; концепт; словарь стереотипов.

Key words: stereotype; concept; stereotype glossary.

Сведения об авторе: Орлова Олеся Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века, начальник отдела аспирантуры и докторантуры.

About the author: Orlova Olesya Gennadievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Russian Literature and Journalism, Head of Postgraduate Department.

Место работы: ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

Place of employment: Kemerovo State University.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 1226.
e-mail: orlovaog@mail.ru.

Явление стереотипизации опыта социальной жизнедеятельности всегда привлекало внимание как отдельных индивидов, так и государственных элит. Это, в свою очередь, обусловило необходимость представить данный объект в общенаучном ракурсе. Очевидно, что рассмотрение стереотипов в рамках одной научной дисциплины не представляется возможным, а требует междисциплинарного подхода. Данная статья посвящена систематизации некоторых стереотипных представлений о России (стереотипу «Россия — коммунизм») и возможности обобщения этих представлений в виде словаря стереотипов.

Стереотипы аккумулируют опыт общения индивида и позволяют принимать стандартные решения в типовых ситуациях, экономя время и мыслительные усилия: «Явление стереотипизации можно с полной вероятностью считать результатом работы центральной нервной системы, для которой характерно превалирование процессов генерализации над детализацией. Нейрофизиологами был установлен факт того, что головной мозг в обычном состоянии „игнорирует большую часть визуальной информации, собранной с помощью зрения <...> он отсеивает ту информацию, которую считает излишней“ [Krages 2005], и воспринимает только ту, которая ему необходима в данный момент времени. В противном случае, головной мозг оказался бы перегруженным всевозможными данными» [Садуов 2010].

Помимо этого, решение мозгом одинаковых задач происходит по принципу так называемых «меченых линий», т. е. «путем минимального использования территорий, когда все остальное поле предназначено для мышления» [Бехтерева 2007]. Таким образом, «стереотип представляет собой упрощенную схему, фиксирующую лишь некоторые, легко различимые черты явления, на основе которых производится приблизительная группировка объектов <...> Стереотип позволяет несколько грубо, но быстро, просто и в типичных случаях достаточно надежно категоризовать социальное окружение индивида <...> стереотип выполняет объективно необходимую и полезную функцию — функцию оперативного построения образа, позволяющего адекватно отреагировать на ситуацию даже человеку, не обладающему богатым социальным опытом и не способному самостоятельно правильно интерпретировать сложный социальный объект. Использование группового опыта даже без его сознательного анализа позволяет повысить степень адаптации индивида в большинстве обыденных ситуаций» [Полев 2009].

В соответствии с современными представлениями стереотипы — это регулярно повторяющиеся элементы образа жизни (мыслительные, или ментальные, поведенческие), которые можно отнести к видам (поведения, коммуникативные (общения), образы и пр.) [Суходольская 2007; Конева, По-

темкина 2010]. П. Н. Донец предлагает следующую классификацию стереотипов: личностные, имеющие отношение к лицам как членам определенных социальных сообществ, и вещественные, событийные и т. д., объектом которых являются вещи, события, страны и т. д.; прагматические, связанные с отражением эмоций, оценок и т. п., и когнитивные, отражающие чисто вещественную, рациональную информацию; гетеростереотипы, т. е. представления о других, образы «чужого», и автостереотипы, т. е. представления о самом себе как члене некоторого этноса или носителя некоторой культуры, образы «себя»; интенциональные (целенаправленные) и спонтанные; позитивные и негативные; интенсивные и медиальные [Донец 2001].

Один и тот же стереотип может быть охарактеризован с разных точек зрения: например, этнокультурный стереотип может реализовывать себя и в нормах общения, и в нормах поведения [Щекотихина 2008]. Стереотипы обладают известной культурной обусловленностью: так, выделяются этнокультурные и культурные стереотипы, определяющие стандартные образцы поведения представителей разных культур и содержательно представляющие собой обобщенные представления о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ [Маслова 2008; Садуов 2010].

С позиций когнитивной лингвистики стереотип может быть понят как ментально-лингвальный конструкт, формируемый «инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих концепт феномена, стоящего за данной единицей...» [Красных 1998]. В этом смысле стереотип является когнитивной единицей, сопоставимой с концептом, однако, в отличие от концепта, соотношение компонентов (когнитивного, оценочного и поведенческого) в нем иное. Так, отмечается деятельностная ориентированность стереотипа: содержащееся в нем одобрение/неодобрение определенных поведенческих реакций принуждает личность к определенному поведению [Пищальникова 1999].

И. Н. Щекотихина полагает, что стереотип формируется на основе образной и оценочной составляющих концепта, при этом образный компонент может быть представлен перцептивными и метафорическими образами, а оценочный — различными видами оценки. В процессе стереотипизации происходит обобщение и схематизация образов и оценок; стереотип приписывает референту набор признаков и предписывает нормы поведения с ним и отношения к нему. «Таким образом, стереотипизация концепта связана с „гипертрофией“ определенных концепту-

альных признаков, их обобщением и стандартизацией в сознании представителей определенного сообщества. Концепт, подвергшийся таким когнитивным операциям, становится стереотипом» [Щекотихина 2008: 75].

Е. О. Омеличкина под стереотипом понимает «лингво-ментальный феномен, двусторонний знак, означаемое которого — когнитивная единица, ментальный стереотип, а означающее — языковая единица, вербальный, текстовый стереотип» [Омеличкина 2012]. Ю. А. Сорокин определяет стереотип как некоторый процесс и результат общения (поведения) согласно определенным семиотическим моделям [Сорокин 1998]. Е. Ю. Прохоров утверждает, что стереотип принадлежит «наивному», обыденному сознанию [Прохоров 1996]. В. А. Маслова признает свойство стереотипа быть частотной ассоциацией в стандартной для данной культуры ситуации [Маслова 2008].

В нашем понимании стереотип включается в структуру концепта (фрейм) как один из его терминалов (слот), причем этот слот отличает (помимо вышеперечисленных признаков) некоторая «априорность» (или, наоборот, «конечность»), поскольку он является «значением по умолчанию» [Minsky 1975]. Такое представление о сути стереотипа согласуется с концепциями фрейма М. Минского (1975) и стереотипа Х. Патнэма (1975): «Фреймы Минского содержали значения по умолчанию (defaultvalues). Это значения, приписываемые слотам в случаях отсутствия конкретной контекстуальной информации. Например, значения по умолчанию для тигров — это то, что они имеют полосы. <...> Хилари Патнэм использовал термин *стереотип* приблизительно для тех же случаев, которые Минский описывал как фреймы со значениями по умолчанию. *Стереотип* по Патнэму — это идеализированная ментальная репрезентация нормального случая, которая может быть и неточной. <...> В стереотипном представлении тигр имеет полосы, а цвет золота — желтый, несмотря на то, что в реальном мире есть тигры без полосок и белое золото» [Лакофф 2011: 160—161].

Стереотип является дискурсно обусловленным ментально-лингвальным конструктом. Определенный вид дискурса порождает особые, свойственные только этому дискурсу стереотипы. Такая точка зрения находит подтверждение в концепции дискурса (и дискурсного процесса) М. Пешё: дискурс является материальным воплощением идеологической формации и определяется парафрастическими отношениями (интердискурсивными процессами) в матрице смысла, присутствующей данной дискурсной формации [Пешё,

Фукс 1999: 109—111]. «Матрицу смысла» создают прекопструкты, ранее высказанные смыслы, материализующиеся в виде цитат, аллюзий, парафраз, пресуппозиций. Стереотипы, на наш взгляд, также создают для дискурса определенные опоры, своеобразные прекопструкты. Стереотипы обеспечивают дискурсу рекуррентность: новое знание, чтобы закрепиться в национальной памяти и вырасти до статуса стереотипа, должно пройти длительный путь неоднократной повторяемости в дискурсах. Новый дискурс в новой ситуации общения должен с чего-то начинаться или на что-то опираться. Этими опорами часто являются традиции: установившиеся представления о предметах и явлениях и их свойствах, оценки, идеи и другое, т. е. стереотипы.

Теперь обратимся к проекту словаря стереотипов о русских. В качестве материалов при составлении словаря стереотипов о русских предлагается использовать русские и американские публицистические тексты, толковые, этимологические и прочие словари, справочные материалы.

В основу составления словаря положена разработанная нами методика вычленения стереотипа в тексте. Стереотип в текстах реализуется в устойчивых языковых единицах и маркируется определенными лексическими (как принято считать; все понимают, что и пр.) и синтаксическими средствами (простое нераспространенное предложение, в том числе синтаксис по схеме «подлежащее — это сказуемое»; пресуппозиция). Стереотип в разных типах дискурса реализуется с помощью одних и тех языковых средств, однако в незначительном количестве фрагментов текста может происходить синонимическая замена лексических единиц, репрезентирующих стереотип. Данные положения (регулярность воспроизведения в дискурсе и устойчивость языковых средств выражения стереотипа, схематичность, обобщенность, упрощенность и оценочность образа, маркированность определенными языковыми средствами), а также верификация предположения о статусе стереотипа с помощью обращения к научным источникам помогают вычленить стереотип в тексте и сформировать словарную статью.

Словарная статья традиционно озаглавляется заголовочным словом. В качестве заголовочного слова словарной статьи предложена та языковая единица, которая в своем кластере текстов (типе субдискурса) является ядерной и репрезентирует стереотип.

Стереотипы, в свою очередь, по отношению к изученному дискурсу группируются по кластерному принципу. Кластеры (в на-

шей методике) — это субдискурсы (встроенные в публицистический дискурс политический, геополитический, бытовой и прочие субдискурсы), в которых предсказуемо реализуются фреймы и субфреймы концепта «Россия». Например, стереотип «Russia — communism» является терминалом субфрейма «политика» фрейма «Россия — государство» и предсказуемо встречается в публицистическом дискурсе (политическом субдискурсе). Для словаря стереотипов вполне применима тематическая рубрикация: разделы будут озаглавлены в соответствии с типом реализуемого субдискурса, стереотипы, включенные в раздел, будут объединяться единым фреймом или субфреймом. Данный принцип составления словаря (кластерный, состоящий в тематической рубрикации) является в современной лексикографии эффективным и востребованным [Арсентьева Е., Арсентьева Ю. 2010: 61—69].

Разработана четкая и единообразная структура словарной статьи. Традиционно, как уже было отмечено, заголовком словарной статьи является заголовочное слово [Рылов 2001: 81—85; Филиппова 2011: 196—201]. В словаре предлагается давать для него фонетические и этимологические сведения (раздел I предлагаемой словарной статьи). Разделы словарной статьи для стереотипа — понятийные (раздел II), образные (раздел III), символические концептуальные признаки (раздел IV), охватывающие широкий круг дифференциальных семантических признаков — компонентов смысла данного стереотипа в изучаемых дискурсах. Каждый из разделов словарной статьи содержит текстовые примеры, иллюстрирующие случаи употребления стереотипа в дискурсе. Это продиктовано следующими соображениями: «...мы, опираясь на герменевтическую точку зрения, считаем анализ языковых условий появления тех или иных дискурсивных форм предпочтительным путем к постижению их исторического содержания. В категориях анализа дискурса мы можем говорить о том, что определенное концептуальное высказывание, однажды включенное в определенную дискурсивную конфигурацию и таким образом зафиксированное в архиве, описывается через конкретизацию различных способов употребления в том пространстве, рамки которого очерчивают контекст, источники и темы социально-политического дискурса» [Гийому 2010: 93]. Расположение материала словарной статьи в двух столбцах позволяет проводить беспрепятственное сопоставление актуализации стереотипов в русском и английском языках.

Приведем примеры параллельных словарных статей.

КОММУНИЗМ [komunizm]	COMMUNISM [kom-yuh-niz-uh m]
<p style="text-align: center;">I</p> <ul style="list-style-type: none"> ● Из нем. <i>Kommunismus</i> (Гейне — в 1841 г., Гущков — в 1842 г.); коммунист — из нем. <i>Kommunist</i> от франц. <i>Communiste</i> (Э. Кабэ, 1840 г., см. Шульц-Баслер 1, 366) [Этимологический словарь Фасмера]. ● Заимств. в 40-х гг. XIX в. из франц. яз., где <i>communisme</i> — суф. производное от <i>commun</i> «общий, общественный» [Шанский 2004]. ● В латинско-русском словаре: – <i>commūnis, e</i> — 1) общий; 2) обыкновенный, обычный, общеупотребительный, общепринятый; 3) общительный, доступный, обходительный, ласковый; 4) нечистый; – <i>com</i> (вместе) + <i>munus</i> (обязанность, бремя) [Abby Lingvo]. 	<p style="text-align: center;">I</p> <ul style="list-style-type: none"> ● 1835—45; <French><i>communisme</i> [Dictionary.com 2013]. ● 1843, from Fr. Communism (c.1840) from commun (O. Fr. comun; see common) + -isme. Originally a theory of society; as name of a political system, 1850, a translation of Ger. Kommunismus, in Marx and Engels «Manifesto of the German Communist Party» [Online Etymology Dictionary 2010].
<p style="text-align: center;">II Идеология, теория</p> <ul style="list-style-type: none"> ● Коммунизм — политическая теория, основанием которой является идея общественной организации, позволяющей всем людям всесторонне развивать свои способности в условиях свободы и господства общественной пользы, а также политическая практика попытки создания подобных отношений в форме социализма [Коновалов 2010]. ● <i>И коммунизм — самая утопическая идея человечества, такой системы быть не может в принципе</i> [Труд-7. 2010.09.01]. ● <i>Я понял, что писатель заглянул в будущее, перепрыгнул через 400 лет и отобразил в романе то, что случилось с нами: коммунизм, общая и единая идеология</i> [РИА Новости. 2010.07.19]. 	<p style="text-align: center;">II A theory</p> <p><i>Everybody wanted to live without the czar, but they had a completely different idea about the future,” he said. “Nobody likes Putin, but the liberals and the Communists have absolutely different ideas about the future”</i> [NYT 2011. Dec. 20].</p>
<p style="text-align: center;">Общее владение средствами производства и равное распределение материальных благ</p> <p><i>Коммунизм — это равенство всех людей, нацизм — превосходство одних людей, «правильной» нации над остальными, часть из которых просто уничтожается, а другие становятся рабами, скотом</i> [Известия. 2009.10.13].</p>	<p style="text-align: center;">All property is held by a community; no ownership</p> <p>A theory or system of social organization based on the holding of all property in common, actual ownership being ascribed to the community as a whole or to the state [Dictionary.com 2013].</p>
<p style="text-align: center;">Общественное устройство</p> <p>Обе эти системы — и коллективизм, и коммунизм, признают необходимость планомерной организации общественного труда и производства, причем организация эта должна иметь более или менее принудительный характер, то есть общественная власть должна иметь силу охранять и осуществлять установленный ею порядок производства независимо от усмотрения отдельных лиц [Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона].</p>	<p style="text-align: center;">A system of political organization</p> <p>A system of social organization in which all economic and social activity is controlled by a totalitarian state dominated by a single and self-perpetuating political party [Dictionary.com 2013].</p>
<p style="text-align: center;">Отсутствие личного дохода от труда</p> <p>При коммунистическом строе отсутствует категория личного дохода от труда. Все трудящиеся независимо от размеров и интенсивности своего участия в общественном труде имеют равное и свободное право участия в потреблении [Брокгауз, Ефрон].</p>	
<p style="text-align: center;">Планирование экономики</p> <p>Обе эти системы — и коллективизм, и коммунизм, признают необходимость планомерной организации общественного труда и производства... [Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона].</p>	

<p style="text-align: center;">Принуждение к такому строю, диктатура пролетариата</p> <p>Обе эти системы — и коллективизм, и коммунизм, признают необходимость планомерной организации общественного труда и производства, причем организация эта должна иметь более или менее принудительный характер... [Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона].</p>	<p style="text-align: center;">Dictatorship, single party control</p> <ul style="list-style-type: none"> • A social order or system of government established by a ruling Communist Party, esp. in the former Soviet Union [Collins English Dictionary 2009]. • <i>He had irritated the country's dominant institutions — the Communist Party, the K.G.B. and the military — but had merely trimmed their capacity to retaliate</i> [NYT. 2011. Dec. 23]. <p><i>They had long been cynical about Communist leaders, and the trauma of the arrests and executions during Stalin's Great Terror of the late 1930s had made them wary about taking part in politics</i> [NYT. 2011. Dec. 23].</p>
<p style="text-align: center;">Противопоставлен капитализму</p> <p>Оппозиция «коммунизм — антикоммунизм» снялась, но широко объявленный конец истории не состоялся: оказалось, что у цивилизации есть намного более страшные враги, чем сдвигавшаяся в сторону Запада, почти ручная советская геронтократия [Труд-7. 2010.05.13].</p>	
<p style="text-align: center;">Оформлен как идеология в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина</p> <p>В 1970-е Каддафи сформулировал Третью всемирную теорию (первая и вторая — капитализм Адама Смита и коммунизм Карла Маркса), которую изложил в «Зеленой книге» [Труд-7. 2008.04. 18].</p>	<p style="text-align: center;">A political movement based upon the writings of Marx</p> <p>Marxism-Leninism — a political movement based upon the writings of Marx that considers history in terms of class conflict and revolutionary struggle, resulting eventually in the victory of the proletariat and the establishment of a socialist order based on public ownership of the means of production [Collins English Dictionary 2009].</p>
<p style="text-align: center;">Утопия, нереализуемое будущее</p> <ul style="list-style-type: none"> • Обещания поднять полицейским зарплату, улучшить соцгарантии — пока маячат где-то на горизонте. Примерно там же, где и коммунизм. Об этом полицейские не хотят трезвонить на каждом шагу по понятным причинам [Комсомольская правда. 2011.03.01]. • Он до последнего времени писал статьи в своей партийной газете о том, что коммунизм еще вернется, это временная заминка, будущее все равно за коммунизмом... [Известия. 2010.07.22]. • А все эти спектакли, о которых мы говорим, зовут человека в даль светлую — не в коммунизм или социализм с человеческим лицом, а в мир красоты, высоких человеческих взаимоотношений и истинных чувств [РИА Новости. 2010.04.26]. 	<p style="text-align: center;">Political system of the former Soviet Union and the contemporary China</p> <ul style="list-style-type: none"> • A social order or system of government established by a ruling Communist Party, esp. in the former Soviet Union [Collins English Dictionary — Complete & Unabridged 10th Edition 2009]. • In the twentieth century, communism was associated with the economic and political systems of China and the Soviet Union and of the satellites of the Soviet Union [The American Heritage].
<p style="text-align: center;">III Строение, порядок</p> <ul style="list-style-type: none"> • Иерей кафедрального собора Александра Невского в Ижевске Александр Малых, настоятель Свято-Никольского храма села Завьялова протоиерей Сергей Кондаков и настоятель храма Преображения Господня села Ягул протоиерей Михаил Карпеев заявляют, что «Милостью Божией рухнул богоборческий коммунизм, и миллионы людей пришли в лоно церкви» [Новый регион 2. 2011.04.07]. • Но так же, как невозможно построить коммунизм в отдельно взятом городе, невозможно построить гражданское общество только в отношении милиции [Известия. 2010.08.23]. 	<p style="text-align: center;">III Building, order</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>These protesters have planned what is expected to be the biggest demonstration since the fall of Communism for Saturday in Moscow. Vladimir V. Putin, the once and future president, is at last facing trouble from the streets</i> [NYT. 2011. Dec. 23]. • <i>For anyone who covered the slow-motion collapse of Communism here, this moment feels familiar</i> [NYT. 2012. Jan. 13]. • <i>But he distinguishes “television Russia” — the older generation that experienced the fall of Communism — from “Internet Russia,” the people age 25 to 35 who are the main organizers, partly via Facebook, of the recent demon-</i>

● *Ведь после этого страна продолжала **строить коммунизм** под песни о стремительно уходящем в прошлое «пролетариате»* [Комсомольская правда. 2010.07.12].

● *Это будет означать, в частности, что и **коммунизм** построить возможно* [Советский спорт. 2010.05.14].

● *Полвека назад мы верили, что в 2010 году будем жить не меньше 100 лет, поселимся на Марсе и построим **коммунизм*** [Комсомольская правда. 2009.12.30].

● ***Коммунизм** как политическая модель рассыпался (в 1990 и 2000-е годы этот распад продолжался — не без участия предельно неадекватного зюгановского руководства КПРФ)* [Новый регион 2. 2010.01.21].

*strations <...> Getting there will undoubtedly be a struggle. What seems certain now is that history's clock is ticking for the "managed democracy" of Vladimir Putin, as it once did for the **Communist order of Vladimir Lenin**. The Lubyanka may end up as just a museum after all* [NYT. 2012. Jan. 13].

● *Nearly two decades after **the collapse of the Communist Party**, Russia's rulers have hit upon a model for future success: the Communist Party* [NYT. 2009. Oct. 17].

● *It is precisely Cohen's insight about the Soviet system's deep roots in Russia's past — an insight that in the 1980's helped blind him **to Communism's irredeemable failure** — that has allowed him since the early 1990's to see that capitalist shock therapy would ultimately fail* [NYT. 2000. Oct. 8].

Богатство

*Ирония же ситуации заключается в том, что если на мировой арене Пхеньян практически ходит с протянутой рукой, то своим гражданам власти КНДР пообещали чуть ли не **коммунизм**, причем очень скоро* [Новый регион 2. 2011.03.09].

Death, nightmare

*He and his supporters saw Russia as a slumbering giant with a future of enormous potential if the encumbrance of the other Soviet republics was removed. He saw **Communism as a dead end and a totalitarian nightmare**. And unlike Mr. Gorbachev, he was willing to say this openly and without equivocation* [NYT. 2011. Dec. 23].

Трофей

● *Коммунисты, все советские люди знают Константина Устиновича Черненко как стойкого **борца за коммунизм** и мир, испытанного руководителя-ленинца, обладающего выдающимися политическими и организаторскими способностями, громадным жизненным опытом* [Труд-7. 2010.08.24].

● *Меня учили, что мир заселен существами двух видов — **борцами за коммунизм** и социальное равенство, а также злокозненными империалистами, которые насаждают колониальный гнет и порабащают рабочих* [Известия. 2010.07.01].

● *...основным направлением явилось нравственное воспитание советских людей, формирование сознательного и активного **борца за коммунизм**, всесторонне развитого, нового человека, свободного от пороков и пережитков старого общества* [Комсомольская правда. 2009.08.11].

Way, path

● *But Russians, having **sleepwalked away from Communism**, are awakening to the idea that if they want democracy and social justice, they need to engage in active struggle. Quiescent 20 years ago during Soviet Communism's final days, they may at last be about to stand up for their rights* [NYT. 2011. Dec. 23].

● *In truth, the Russians express **no desire to return to Communism as a far-reaching Marxist-Leninist ideology**, whether the Soviet version or the much attenuated one in Beijing. What they admire, it seems, is the Chinese ability to use a one-party system to keep tight control over the country while still driving significant economic growth* [NYT. 2009. Oct. 17].

● *And whereas reformers such as Anatoly Chubais, the darling of America's Russia experts, were despised throughout Russia for colluding with the oligarchs to destroy living standards, Primakov, hated in Washington, was popular at home for **steering between radical reform and Communism**, in order to alleviate the suffering of ordinary people* [NYT. 2000. Oct. 8].

<p style="text-align: center;">Воин</p> <ul style="list-style-type: none"> • Многие инициативы остаются лишь на бумаге. Кто из нас не помнит, как в советские годы высшие партийные чиновники кормили народ обещаниями: «В 2000 году победит коммунизм!» [Комсомольская правда. 2010.08.24]. • «Россия — христианская страна, через которую коммунизм прошелся танками» [Новый регион 2. 2009.12.21]. 	<p style="text-align: center;">Epoch</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>The terminal crisis of Communism, by contrast, was a quiet affair. The end of the Soviet Union was revolutionary, but it did not involve a crowd storming the walls of the Kremlin, an attack on the K.G.B. headquarters or calling up the Moscow army garrisons. Indeed the final days of the Communist era were remarkable for the low intensity of political activity of any kind</i> [NYT. 2011. Dec. 23]. • <i>When German officials began their efforts to integrate 17 million former East Germans into the West following four decades of Communism, American diplomats and economists hoped to do likewise with over 140 million Russians, spread over seven time zones, after seven decades of Communism</i> [NYT. 2000. Oct. 8].
<p style="text-align: center;">IV Советская власть, Россия</p> <p>22 декабря 1920 года на VIII Всероссийском съезде Советов Ленин, назвав план ГОЭЛРО второй программой партии, выдвинул формулу «Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны» [РИА Новости. 2010.02.21].</p>	<p style="text-align: center;">IV The Soviet Union</p> <p><i>Cohen attacks people — including Richard Pipes and Zbigniew Brzezinski — who understood in the 1980's, as he did not, that Soviet Communism could not be salvaged</i> [NYT. 2000. Oct. 8].</p>
<p style="text-align: center;">Красное</p> <p>А потому большинство качественных прилагательных следует вычеркнуть из языка, удалив также почти все цветовые: красное намекает на коммунизм, голубое — понятно на что, черное — на афроамериканцев, белое — на расистов, зеленое — на экологов, а коричневое — на то, что я обо всем этом думаю [Труд-7. 2010.09.08].</p>	

В процессе формирования макетов словарных статей (в том числе для стереотипа «коммунизм») мы отметили некоторые тенденции, демонстрирующие особенности разных видов стереотипов. Так, стереотипы, репрезентирующие явления, могущие быть «опредмеченными» (*снег, баня*), или идеологии, имеющие автора-создателя и конкретную историческую отнесенность (*коммунизм*), вербализуются во всех мини-дискурсах при помощи одного и того языкового средства (в русском языке — словом «коммунизм», в английском — «communism»).

При соотношении содержания автостереотипов и гетеростереотипов становится очевидной разная признаковая наполненность концептов. Это валидно как для понятийных признаков, так и для образных. Так, разный состав образных признаков стереотипа «коммунизм» в русской и англоязычной языковых картинах мира объясняется разницей в истории идеологий государств. Это не относится к мотивирующим признакам: как для русского, так и для английского концепта характерно наличие в их составе указания на заимствование из немецкого (через немецкие либерально-демократические учения) и французского языков (значение корня *commun(e)* 'общий' вошло в состав понятий-

ных признаков через признак 'общее владение материальными благами').

В понятийные признаки концептов в обоих языках входят значения 'идеология', 'общественное устройство', 'общее владение собственностью', 'принуждение', 'автор идеи — Маркс'. В понятийные признаки русского концепта входят значения 'планирование', 'отсутствие личного дохода', 'противопоставлен капитализму', 'будущее', в то время как в структуре английского концепта находим 'относится к СССР и Китаю'. Такие различия объясняются разными ценностными представлениями о сути коммунизма: если для советских граждан социализм так и остался в светлом будущем, то для американцев коммунизм — это страшная реалья советского прошлого нашей страны и настоящего Китая.

В структуру образных признаков концептов в русской и англо-американской языковых картинах мира также входят признаки, различие которых объясняется разными идеологическими воззрениями носителей этих картин мира. При том что в структурах и русского, и американского концептов присутствует образный признак 'строение' с сопровождающим его значением 'рухнуло', мы тем не менее видим, что для носителей русского языкового сознания характерно ассоцииро-

вание коммунизма с 'богатством', 'воином' и 'трофеем', в то время как для носителей англо-американского языкового сознания характерно приписывание коммунизму пространственно-временных ('время', 'путь') и эмоциональных признаков ('ужас').

Символические признаки не демонстрируют значительной разницы: и русский, и американский концепты символизируют СССР; для русского языкового сознания валиден символ «красный».

Таким образом, планируемый к составлению словарь русских стереотипов является словарем контаминированным [Бойко 2010: 95—98], т. е. передающим сведения о содержании самого стереотипа и о слове, репрезентирующем стереотип, разнообразного характера: лексического, фонетического и пр. Новизной такой работы является указание в словарной статье на фрейм (субфрейм), в котором данный стереотип реализуется в дискурсе. Словарь стереотипов русской жизни, составленный на материале русских и американских публицистических текстов с использованием разных справочников, может быть словарем нового типа, который, во-первых, актуализирует внимание к вопросам национальной идентичности, во-вторых, снимает сложившееся в науке и в обиходе предвзятое отношение к стереотипу как языковому и ментальному явлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсентьева Е. Ф., Арсентьева Ю. С.* Словари эвфемизмов: общие принципы составления и представленность в них фразеологического фонда английского и русского языков // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 6.
2. *Бехтерева Н. П.* Магия мозга и лабиринты жизни. — М., 2007.
3. *Бойко Е. С.* Контаминированный подход при составлении церковнославянского словаря // Вестн. Омск. ун-та. 2010. №1. С. 95—98.
4. *Гийому Ж.* Лингвистическая история концептуальных словоупотреблений, проверенная на опыте лингвистических событий // История понятий, история дискурса, история метафор. — М., 2010.
5. *Донец П. Н.* К типологии стереотипов // Социальная власть языка. — Воронеж, 2001.
6. *Конева Е. В., Потемкина А. С.* Представления о социокультурных стереотипах делового общения // Вестн. ЯрГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2010. № 4 (14).
7. *Коновалов В. Н.* Политология : словарь. — М., 2010.
8. *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? — М., 1998.
9. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. 1. Разум вне машины. — М., 2011.

10. *Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* — СПб., 1907—1909.

11. *Маслова В. А.* Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка // Вестн. СогУ. 2008. № 4.

12. *Омелечкина Е. О.* Дискурсивная реализация стереотипа «HÉROS-COMBATTANT» // Вестн. КемГУКИ. 2012. № 18.

13. *Пешё М., Фукс К.* Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М., 1999.

14. *Пищальникова В. А.* Психопэтика. — Барнаул, 1999.

15. *Полев Д. М.* Эталон, прототип и стереотип как механизмы восприятия человека человеком // Вестн. ЮУрГУ. 2009. № 18. (Сер. «Психология»; вып. 5).

16. *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев. — М., 1996.

17. *Рылов А. С.* Принципы составления словаря терминов журналистики // Вестн. ННГУ. Сер. «Филология». 2001. Вып. 1 (3).

18. *Садуов Р. Т.* Стереотипы в политическом дискурсе Барака Обамы // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 11 (192). (Филология. Искусствоведение; вып. 42).

19. *Сорокин Ю. А.* Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические проблемы. — М., 1998.

20. *Суходольская Н. П.* Социальный стереотип в жизнедеятельности людей // Философия и общество. 2007. № 3.

21. *Филиппова Ю. Ф.* Лексикографический подход в изучении фольклорной лексики этнических немцев // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2011. № 1.

22. *Шанский Н. М.* Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. — М., 2004.

23. *Щекотихина И. Н.* Актуальные проблемы исследования концепта в современной лингвистике // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2008. № 5 (19).

24. *Этимологический словарь Фасмера.* URL: <http://vasmer.narod.ru>.

25. *Abby Lingvo* : сайт. URL: <http://lingvopro.abbyonline.com>.

26. *Collins English Dictionary — Complete & Unabridged 10th Edition.* — 2009 (© William Collins Sons & Co. Ltd. 1979, 1986 © HarperCollins).

27. *Dictionary.com Unabridged Based on the Random House Dictionary / Random House, Inc.* — 2013.

28. *Krages B. P.* Photography: the art of composition. — N. Y., 2005.

29. *Minsky M.* A Framework for Representing knowledge // Winston P. H. The Psychology of Computer Vision. — N. Y., 1975.

30. *Online Etymology Dictionary / Douglas Harper Collins English.* — 2010.

31. *The American Heritage® New Dictionary of Cultural Literacy, Third Edition / Copyright © 2005 by Houghton Mifflin Company.*

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. Г. Фомин

УДК 327.7+81'272
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.31.02; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Т. П. Смирнова
Нижний Новгород, Россия
**СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

T. P. Smirnova
Nizhny Novgorod, Russia
**CONTEMPORARY LANGUAGE POLICY
OF THE EUROPEAN UNION
AND RUSSIAN FEDERATION:
COMPARATIVE ANALYSIS**

Аннотация. Проведен сравнительный анализ европейской языковой политика мультилингвизма и ее аналога в Российской Федерации с использованием системного подхода к исследованию нормативно-правовой базы и практической реализации. В результате выявлены как общие черты, так и очевидные различия, свойственные указанным политическим образованиям.

Abstract. The main issue of the article is the comparative analysis of language policy of multilingualism in the European Union and Russian Federation based on the system approach to the research of the documents and its practical implementation. The result shows the common features and evident differences of these political formations.

Ключевые слова: языковая политика; мультилингвизм; Европейский союз; Российская Федерация; национальная идентичность.

Key words: language policy; multilingualism; European Union; Russian Federation; national identity.

Сведения об авторе: Смирнова Татьяна Павловна, аспирант факультета международных отношений.

About the author: Smirnova Tatiana Pavlovna, Postgraduate Student of the Faculty of International Relations.

Место работы: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

Place of employment: N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Контактная информация: 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, к. 14.
e-mail: tatyanasemenycheva@yandex.ru.

В современном мире в условиях глобализации во всех сферах человеческой деятельности языковая политика в государстве или надгосударственном образовании тесно связана с политическими и экономическими тенденциями и событиями. Соответственно она занимает все более заметное место на всех уровнях осмысления политики — от теоретического обобщения до прикладного анализа. Объективная сложность в проведении языковой политики связана с противоречием, заложенным в основной функции языка: язык — это прежде всего способ общения, но в то же время главный признак национальной идентичности. Вследствие этого язык может выступать не только как средство для объединения людей в рамках социального субъекта, но и быть причиной социально-языковой разобщенности, вплоть до дискриминации по языковому признаку. Языковая политика как совокупность мер, принимаемых государством, классом, партией, этносом для изменения или сохранения существующего функционального распределения **языковых** образований, для введения новых и консервации употребляемых **языковых** норм, является предметом самого широкого обсуждения [БСЭ].

Целью данной статьи является проведение сравнительного анализа языковой политики Европейского союза (ЕС) и Российской Федерации (РФ), в том числе нормативно-

правовых основ и мероприятий по воплощению и развитию языковой политики в этих образованиях.

Объектом исследования в статье неслучайно выступают именно ЕС и РФ: оба этих правовых субъекта являются достаточно новыми образованиями, одновременно имеющими необходимый опыт своих предшественников и фундамент для создания и проведения языковой политики, направленной на укрепление мультилингвизма.

Анализ государственных и международных документов, научной и публицистической литературы позволяет выделить как общие черты, так и заметные различия в языковой политике ЕС и РФ.

Общим, безусловно, является «основание» для развития языковой политики: как РФ является исторически сложившимся многонациональным, мультикультурным и многоязычным государственным образованием, так и ЕС объединяет европейские государства, внутри каждого из которых есть национальные образования.

Основные принципы языковой политики РФ изложены в федеральных законах [О государственном языке Российской Федерации 2005; О языках народов Российской Федерации 1998] и конституции [Конституция Российской Федерации 1993: 17—64], а основные мероприятия по развитию и воплощению языковой политики России проводят-

ся не только в целом по России, но и в отдельно взятых республиках. В то же время реализация политики мультилингвизма является одной из первоочередных задач в развитии ЕС, так как в последнее время Европа столкнулась с различными вызовами и угрозами в части сохранения культуры каждого государства-члена. Чаще всего принятые по этому поводу документы не имеют обязательной силы с точки зрения международного права, не подлежат ратификации в парламентах, но обязывают государства политически и морально, поскольку подписываются их первыми официальными лицами и таким образом оказывают ощутимое влияние на различные сферы жизни [Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств 1992; Мустафина 2011: 62—70; Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 1995].

Интенсивность обращения к проблемам языковых меньшинств в последние годы свидетельствует о возросшем внимании мирового сообщества к их положению. В значительной степени это было вызвано переменами, происходящими в Европе. Авторитетные международные институты почти на каждом своем форуме считали необходимым обсудить проблемы языковых меньшинств [Мустафина 2011: 62—70].

Отправным пунктом для развития языковой политики является следующее противоречие: с одной стороны, неизбежность общего языка как средства общения, а с другой стороны, необходимость развития языков меньшинств, как первичных признаков национальной идентичности.

В Российской Федерации только один официальный государственный язык — русский, установленный в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законом «О государственном языке» от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ [О языках народов Российской Федерации 1998; О государственном языке Российской Федерации 2005]. Наряду с этими документами, основные принципы и направления развития языковой политики Российской Федерации закреплены в «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» от 15 июня 1996 г. [Концепция национальной политики Российской Федерации 1996].

Кроме того, наряду с русским языком, в республиках Российской Федерации используются их титульные языки, официально закрепленные в конституциях республик. Таким образом, в России 23 официальных языка субъектов РФ, 10 языков с официальным статусом и один государственный язык — русский.

В противоположность этому, в Европейском союзе насчитывается 23 официальных языка [The European Commission Website], а в каждом из государств-членов конституцией или другим законом закреплены свои государственные языки. Нельзя не отметить тот факт, что некоторые государства, входящие в состав Европейского союза, уже исторически сложились как мультилингвистические страны, и в них может быть официальным не один, а сразу несколько языков, в том числе и так называемые языки меньшинств. К подобным государствам относится, например, Испания, в которой наряду с испанским официальными языками являются галисийский, каталанский, баскский и аранский, используемые на автономных территориях [Wikipedia; Riagain 2006].

Таким образом, пути решения общей проблемы языковой политики в ЕС и РФ различны. В то же время необходимо отметить, что термин «мультилингвизм» используется для объяснения сосуществования различных языковых сообществ на одной географической, геополитической территории или в рамках одного политического образования. Под *мультилингвизмом* понимается возможность сообществ, групп, институтов и граждан владеть на постоянной основе более чем одним языком в повседневной жизни. Изучение жителями европейских государств, в том числе и гражданами РФ, второго языка в дополнение к своему родному должно помогать людям становиться более открытыми к другим взглядам и культурам; совершенствовать познавательные способности и укреплять знание своего родного языка, а также давать людям свободу в выборе места работы или обучения в любой стране-члене ЕС [Смирнова 2007: 94—100; Коржакова 2010: 72—75; High level group of multilingualism 2007; Пелагеша 2008].

На уровне европейского общества гражданами, проживающими в разных странах, воплощаются различные проекты Еврокомиссии, направленные на благоприятствование изучению иностранных языков. В связи с этим особое внимание в языковой политике, в частности ЕС и государств-членов, уделяется именно воплощению инновационных технологий в изучении европейских языков. Благоприятствование изучению иностранных языков приобрело особый статус, стало одним из важнейших направлений в деятельности Еврокомиссии и других институтов ЕС и оформилось в политику в сфере обучения иностранным языкам («Language Learning Policies»). Первая программа «Lingua» была введена в 1989 г., а уже в 2001 г., по завершении Европейского

года языков, языковая проблематика нашла свое отражение в резолюциях Европейского парламента и Европейского совета, призывающих Европейскую комиссию разработать и ввести ряд мер, направленных на благоприятствование изучению иностранных языков. По данным Евробарометра, 67 % европейцев считают политически приоритетным преподавание иностранных языков, а 29 % определяют это как абсолютную необходимость. При этом 84 % европейцев считают, что каждый гражданин в ЕС должен владеть как минимум одним языком, кроме своего родного [High level group of multilingualism 2007; Пелагеша 2008; Смирнова 2012: 153—157].

Одним из важнейших этапов в развитии европейской языковой политики стал Барселонский саммит Европейского союза, который прошел в 2002 г.: на нем главы государств или правительств объявили о внедрении в образовательные системы стран-членов принципа «родной язык плюс два иностранных» и «индикатора лингвистической компетентности» [Пелагеша 2008; Language Planning and Policy in Europe 2005]. Такое важное и символическое решение предусматривает изучение как минимум двух иностранных языков с раннего возраста, что должно стать частью деятельности учреждений школьного, университетского и профессионально-технического образования ЕС. В соответствии с резолюциями ЕС был принят план действий под названием «Благоприятствование изучению иностранных языков и лингвистическому разнообразию 2004—2006», направленный на развитие трех стратегических направлений: изучения иностранных языков в течение жизни, улучшения преподавания иностранных языков, создания благоприятной среды для изучения языков. В этом плане указано 47 конкретных предложений по деятельности Европейской комиссии на протяжении 2004—2006 гг. В соответствии с данными рекомендациями проводились общеевропейские научные исследования, конференции, семинары и информационные кампании, посвященные языковым проблемам; спонсировалось посещение студентами курсов языковой подготовки; предоставлялись гранты учителям иностранных языков, был реконструирован языковой портал «Европа» и т. п. Для благоприятствования изучению иностранных языков были значительно углублены программы «Socrates» и «Leonardo», для реального воплощения которых было инвестировано около 150 млн. евро, что на 66 % больше по сравнению с 2000—2002 гг. [Riagain 2006]. Языковая политика стала одним из значимых, важных, приоритетных направлений

в новых программах ЕС на 2007—2013 гг. Нельзя не отметить тот факт, что ЕС является свободной зоной для перемещения внутри, в том числе работников и работодателей. Меры Европейской комиссии, направленные на улучшение условий для трудовых мигрантов, являются необходимыми и заслуживают особого внимания. Это проявляется в том, что в России по образцу Европейского языкового портфеля создан Российский языковой портфель, призванный служить тем же целям [Пелагеша 2008; Мансилла 2007].

Важным отличием при реализации языковой политики в двух рассматриваемых политических субъектах является то, что ЕС и РФ являются образованиями с разным политическим устройством и процессом принятия внутренних решений, а также с различными нормативно-правовыми базами.

Европейский союз — политическое и экономическое объединение 27 государств, нацеленное на региональную интеграцию, сочетающее в себе признаки международной организации (межгосударственность) и государства (надгосударственность), но фактически не являющееся ни тем, ни другим. Решения принимаются наднациональными институтами либо посредством переговоров со странами-членами.

Российская Федерация — государство, по форме административно-территориального устройства — федерация, по форме правления — президентская республика. Российская Федерация состоит из 83 субъектов, в том числе 46 областей, 21 республики, 9 краев, 2 городов федерального значения, 4 автономных округов и 1 автономной области [Смирнова 2007: 94—100].

Однако анализ языковой политики в РФ и ЕС наглядно демонстрирует, что некоторые процессы в этой области, как подчеркивается в данной статье, совершенно не зависят от общественного устройства. В условиях западной демократии идет процесс глобального распространения английского языка, полностью аналогичный тому, который шел в Советском Союзе и продолжается в РФ: наиболее удобный для общения язык занимает всё новые позиции, удовлетворяя потребности людей во взаимопонимании. При этом характерно, что английский теснит языки, некоторые из которых еще недавно были ему функционально равнозначны [Крючкова 2010: 30—34; Смирнова 2004: 233—240].

Необходимо также отметить совершенно различный экономический потенциал ЕС и РФ. Исходя из этого, а также из того факта, что государства-члены ЕС обладают гораздо

большей самостоятельностью в политической, экономической, социальной и других сферах, чем субъекты РФ, можно сделать вывод, что в Европейском союзе есть возможность уделять языковой политике большее внимание, чем в России.

Таким образом, европейская языковая политика мультилингвизма нацелена на создание внутри ЕС многонационального, мультикультурного и многоязычного общества, характеризующегося, с одной стороны, сохранением титульной культуры каждого государства-члена ЕС, с другой — благоприятствованием изучению иностранных языков во всех странах. В области языковой политики в РФ в связи с аналогичными проблемами должны приниматься определенные меры с целью сохранения и укрепления русского языка в мировом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большая советская энциклопедия* = БСЭ. URL: <http://bse.sci-lib.com> (дата обращения: 15.03.2013).
2. *Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств*. 1992. URL: http://www.coe.ru/doc/JP_minorities/Public%20debate/Charter_v%20pechat.pdf (дата обращения: 02.04.2013).
3. *Конституция Российской Федерации*. 1993. Гл. 2. С. 17—64. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 15.03.2013).
4. *Концепция национальной политики Российской Федерации от 15 июня 1996 г.* URL: <http://elabuga.egpu.ru/legal/nazpolitikRF.aspx> (дата обращения: 15.02.2013).
5. *Коржакова М. А.* Мультилингвизм в образовательной политике Евросоюза // *Образование и воспитание*. 2010. № 9. С. 72—75.
6. *Крючкова Т. Б.* Языковая политика и реальность // *Вопросы филологии*. 2010. № 34. С. 30—34.
7. *Мансилла П. У., Рьехос А. М.* Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: пилотный образец межкультурной стратегии. 2007. URL: http://logosbook.ru/educational_book/pdf/2-3_07/08.pdf (дата обращения: 15.03.2013).
8. *Мустафина Д. Н.* К вопросу подготовки ратификации Европейской Хартии региональных языков

и языков меньшинств в Российской Федерации // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2011 № 14. С. 62—70 (Политические науки. Востоковедение; вып. 4).

9. *О государственном языке Российской Федерации*. Федеральный закон Российской Федерации N 53-ФЗ от 1.06.2005 г. URL: <http://www.rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html> (дата обращения: 5.02.2013).

10. *О языках народов Российской Федерации*. Федеральный закон № 126-ФЗ от 24.07.1998 г. URL: <http://www.internet-law.ru/law/smi/iazyk.htm> (дата обращения: 15.02.2013).

11. *Пелагеева Н. Э.* Языковая политика ЕС: язык родной и два иностранных // *Зеркало недели*. 2008. № 25. URL: http://zn.ua/EDUCATION/yazyk_rodnoy_i_dva_inostrannyh-54180.html (дата обращения: 12.02.2013).

12. *Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств*. 1995. URL: http://www.ifapcom.ru/files/Projects/conv_nat_mensh.pdf. (дата обращения: 15.02.2013).

13. *Смирнова О. А.* Европейский мультилингвизм // *Иностранные языки в школе*. 2007. № 3. С. 94—100.

14. *Смирнова О. А.* Французский язык в современном мире // *Вестн. ННГУ. Сер. «Международные отношения. Политология. Регионоведение»*. 2004. Вып. 1 (2). С. 233—240.

15. *Смирнова Т. П.* Основные тенденции развития европейской языковой политики и пути ее реализации // *Политическая лингвистика*. 2012. № 2. С. 153—157.

16. *A Common European Framework of Reference for Languages Learning, Teaching, Assessment*. 2003. URL: eur-op.eu.int (дата обращения: 11.03.2013).

17. *High level group of multilingualism*. Comission of the European Communities : Final Report. 2007.

18. *Language Planning and Policy in Europe/ ed. by R. B. Baldauf Jr., R. B. Kaplan*. 2005. V. 1—3.

19. *Riagain D.* Voces Diversae: Lesser-Used Language Education in Europe. Belfast : Series Belfast Studies in Language, Culture and Politics, 2006. V. 15.

20. *The European Commission Website*. URL: http://ec.europa.eu/education/languages/languages-of-europe/doc141_en.htm (дата обращения: 12.03.2013).

21. *Wikipedia* : the free encyclopedia. URL: <http://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 17.02.2013).

Статью рекомендует к публикации д-р ист. наук, проф. И. В. Рыжов

УДК 004.738.5
ББК Ш100.4

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55
В. Н. Сурина V. N. Surina
Кемерово, Россия Kemerovo, Russia

Код ВАК 10.02.19

**ПОЛИКОДОВОЕ
МАРКИРОВАНИЕ ГИПЕРССЫЛОК
САЙТОВЫХ ГИПЕРТЕКСТОВ
КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ГЛОБАЛЬНОГО РЕЦИПИЕНТА**

Аннотация. Проводится анализ по выявлению семиотических кодов, при помощи которых в таком структурном элементе гипертекста, как гиперссылка, транслируется информация. На материале гиперссылок сайтовых гипертекстов американских медицинских учреждений выявляется, какие коды более продуктивны, а какие — менее продуктивны. Затрагивается вопрос об обязательной поликодовой подаче информации, предназначенной для глобального реципиента.

Ключевые слова: воздействие; гипертекст; гиперссылка; глобализация; поликодовая подача информации.

Сведения об авторе: Сурина Вера Николаевна, преподаватель английского языка.

Место работы: Кемеровская государственная медицинская академия.

Контактная информация: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 22а.
e-mail: vsurina@hotmail.com.

**POLYCODE
MARKING OF HYPERLINKS
OF WEBSITE HYPERTEXT
AS A MEANS OF INFLUENCE
ON A GLOBAL RECIPIENT**

Abstract. Analysis of determination of semiotic codes is undertaken, which provide the transmission of information in such website component as hyperlink. On the basis of hypertext hyperlinks of American medical institution websites more and less efficient codes are determined. The question is raised about obligatory polycode presentation of information, oriented on a global recipient.

Key words: influence; hypertext; hyperlink; globalization; polycode presentation of information.

About the author: Surina Vera Nikolaevna, Teacher of English.

Place of employment: Kemerovo State Medical Academy.

Как известно, «в массовой коммуникации иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования. Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и электронных изданий весьма высок» [Березин 2003].

Однако обращение к материалу исследования позволило установить, что не только иллюстрирование, но и другие коды трансляции информации активно участвуют в образовании сайтовых гипертекстов. Как известно, «код — это совокупность знаков и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из этих знаков для ее передачи, обработки и хранения» [Яковлев 2011]. По нашему мнению, поликодовость может быть обусловлена тем, что сайтовый гипертекст, как и многие другие формы и виды опосредованной Интернетом коммуникации, предназначен для глобального пользователя. Опосредованная Интернетом коммуникация позволяет, например, рекламодателям привлекать иностранных потребителей из разных стран мира. Поскольку рекламодателям не приходится рассчитывать на то, что глобальный потребитель или реципиент владе-

ет английским языком на высоком уровне, в рекламных сайтовых гипертекстах эксплуатируется воздействующий потенциал других знаковых систем.

При классификации кодов, основываясь на теоретических положениях, выдвинутых Ч. Пирсом относительно иконы, индекса и символа, мы сознательно и несколько искусственно разграничили языковой и символический коды. Как утверждал Ч. С. Пирс, «икона» есть знак, который обладал бы своим характерным свойством, собственно и делающим его значимым, даже если б его объект и не имел существования; такова графитовая черта, представляющая геометрическую линию. **Индекс** есть знак, который бы сразу утратил свое характерное свойство, делающее его знаком, если убрать его объект, но не утратил бы этого свойства, если бы не было интерпретанты. Таков, например, какой-нибудь предмет с дырой от пули в качестве знака выстрела; ибо без выстрела не было бы никакой дыры, но сама дыра там есть, неважно, достанет ли у кого-нибудь умственных способностей связать ее с выстрелом или нет. **Символ** есть знак, который утратил бы характерное свойство, делающее его знаком, если бы не было интерпретанты. Таково любое речевое высказывание, которое значит то, что значит,

только в силу того, что его понимают как имеющее именно такую значимость» [Пирс 2000].

В нашем исследовании под символами или символьным кодом мы понимаем математические знаки («+», «-»), символы сторонних сайтов. Например, символ условно обозначает сайт социальной сети «Твиттер».

Проведенный анализ позволил классифицировать все коды, которые встречаются в сайтовом гипертексте, по следующим группам: 1) вербальные англоязычные; 2) цветовые; 3) графические (шрифты, выделения); 4) визуально-изобразительные (фотография и т. д.); 5) вербальные иноязычные; 6) буквенные; 7) цифровые; 8) индексные; 9) иконические; 10) символьные; 11) звуковые; 12) видеозвуковые.

Поскольку объем статьи ограничен, представим только результаты исследования поликодового маркирования гиперссылок — структурных элементов сайтовых гипертекстов американских медицинских учреждений. Проведенный анализ позволил установить, что при номинировании гиперссылок не прибегают к подаче информации звуковым и видеозвуковым кодами. Рассмотрим подробнее каждый используемый код.

I. ВЕРБАЛЬНЫЙ (АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ) КОД

Было установлено, что единицы вербального кода можно классифицировать в зависимости от их синтаксической сущности. Так, гиперссылки номинируются: 1) словом, 2) словосочетанием, 3) предложением.

Под словом, вслед за В. В. Бурлаковой, мы понимаем «наименьшую единицу, способную к синтаксическому функционированию, и самую крупную единицу морфологии» [Иванова 1981].

Определение словосочетания вызывает разногласия. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой словосочетание — «это любая синтаксически организованная группа, состоящая из комбинации либо знаменательных слов типа *to disregard the remark, busy life, very new*, либо служебного и знаменательного слов типа *on the beach, under the net, in the corner*, связанных любым из существующих типов синтаксической связи» [Там же].

Предложение — минимальная синтаксическая конструкция, используемая в актах речевой коммуникации, характеризующаяся предикативностью и реализующая определенную структурную схему [Там же].

Существует большое количество классификаций предложений английского языка,

строющихся на различных аспектах. Поскольку главным в нашей работе является функциональный аспект, мы рассматривает классификацию предложений по цели высказывания.

По цели высказывания предложения делят на повествовательные, вопросительные, восклицательные и повелительные [Halliday 2004; Иванова 1981; Ganshina 1951]. В свою очередь, А. И. Смирницкий считает нецелесообразным выделять восклицательные предложения в отдельный тип, так как главную роль в их определении играет интонация, а не особенности построения: «Восклицательные предложения не стоят в одном ряду с предложениями повествовательными (декларативными), вопросительными и повелительными, так как любое из вышеперечисленных предложений может быть восклицательным, если оно оформлено интонацией, присущей восклицательному предложению. В грамматике М. Ганшиной и Н. Василевской совершенно правильно подчеркивается, что любое из трех перечисленных типов предложений может быть восклицательным. Но если это так, то, следовательно, нет основания для того, чтобы выделять восклицательные предложения в особый тип, соотносительный с тремя первыми» [Смирницкий 1957].

В связи со спецификой исследуемого материала мы не рассматриваем восклицательные предложения при анализе гиперссылок сайтов медицинских учреждений, кодированных вербальным кодом.

Согласно А. И. Смирницкому, «основной целевой установкой повествовательного предложения является заявление о чем-то, безотносительно к указанию на действительность, желательность или предположительность сообщаемого факта. Русский термин „повествовательное“ менее точно передает характер этого типа предложения, чем английский термин *declarative* („декларативное“), который показывает, что речь идет о заявлении, декларации» [Смирницкий 1957].

Целевую установку вопросительного предложения тот же автор характеризует так: «Основной целевой установкой вопросительного предложения является непосредственное побуждение слушателя (читателя) к ответу, к известному речевому акту, связанному с содержанием данного вопросительного предложения. Иначе говоря, целевая направленность такого предложения — вызвать ответ, соотносительный с вопросом» [Там же].

Напомним основные формальные показатели вопросительных предложений: «Таковыми важнейшими формальными признака-

ми, по-разному комбинирующимися в разных типах вопросительных предложений, являются инверсивный порядок слов и наличие вопросительных местоимений. Что касается содержания, то вопросительные предложения характеризуются выраженной в них структурно (не лексически, ср. повествовательное предложение I don't know what time it is) идеей информационной лакуны в знаниях говорящего относительно денотата высказывания: What time is it?» [Иванова 2004]; «Thus, an interrogative sentence is a sentence whose grammatical form indicates that it is a question. Such sentences are sometimes said to exhibit an interrogative mood — thus treating interrogative as one of the grammatical moods, specifically a type of epistemic mood» (Таким образом, вопросительное предложение — это предложение, чья грамматическая форма указывает на то, что это вопрос. Такие предложения, как иногда считается, употребляются для того, чтобы выразить вопросительное наклонение, тем самым вопросительность трактуется в качестве грамматического наклонения, в особенности как тип эпистемологического наклонения) [Loos, Eugene 2009].

К повелительным предложениям относятся те, которые побуждают адресата к действию: «Основной целью повелительного предложения является побуждение слушателя к действию, например: Come!; Go. Так же как и вопросительное предложение, повелительное предложение может быть направлено на то, чтобы вызвать у слушателя реакцию в виде речевого акта, например: Talk!; Say!; Tell me! Однако содержание этого речевого акта не будет соотноситься с содержанием повелительного предложения и не будет ответом на него, как в случае с вопросительным предложением» [Смирницкий 1957].

В результате анализа было выявлено, что из 5384 гиперссылок обозначены при помощи:

- 1) слова — 621 гиперссылка (11,5 %);
- 2) словосочетания — 3333 (61,9 %);
- 3) повествовательного предложения — 221 (4,1 %);
- 4) вопросительного предложения — 78 (1,5 %);
- 5) повелительного предложения — 1131 (21 %).

Как видно из приведенных данных, наиболее распространенной является номинация гиперссылок посредством словосочетаний.

Приведем несколько примеров. На домашней странице «New York Downtown Hospital» мы видим следующие гиперссылки,

оформленные в виде словосочетания: «For Physicians», «About us», «Ways to Give», «Emergency Services», «your own private physician», «Preventive Medicine», «Breast Health», «Maternal Health», «Internal Medicine» и др.

На втором месте по частотности находится кодирование гиперссылок посредством повелительного предложения. Рассмотрим домашнюю страницу сайта «HSC Pediatric Center». Примерами гиперссылок, кодированных посредством повелительных предложений, служат: «Contact us», «Donate», «Skip to content».

621 гиперссылка обозначена отдельным словом. Как правило, это простые слова, например: «Doctors», «Services», «Patients», «Giving», «Media», «Governance», «Leadership», «Volunteers», «Research», «Alliances», «Events» и др.

Среди гиперссылок, выводящих реципиента на новостные статьи о конкретном медицинском учреждении либо часто задаваемые вопросы, наиболее распространено кодирование посредством повествовательных (гиперссылки на новостные статьи) и вопросительных предложений (часто задаваемые вопросы).

В результате проведенного анализа были выявлены следующие закономерности. Наиболее распространенным средством при языковом кодировании является словосочетание, а самым редким — вопросительное предложение. Повествовательное предложение чаще всего используется для обозначения гиперссылок сайтов медицинских учреждений, направляющих реципиента на новостные статьи о конкретном учреждении, а вопросительное — для обозначения гиперссылок, размещенных в разделе «Часто задаваемые вопросы» (FAQ). Кроме того, при проведении анализа было зафиксировано, что вербальное кодирование в сайтовом гипертексте медицинских учреждений США может выступать как в сочетании с другими кодами, так и в чистом виде. Например, на сайте «Los Angeles Orthopedic Hospital» гиперссылки «Home», «Find a Doctor», «Locations», «Directions», «Services», «Patients», «Volunteering», «About Us» и другие ничем не выделены в гипотексте, их наличие можно определить только при наведении курсора.

II. ЦВЕТОВОЙ КОД

Как известно, «цвет, как языковой, так и культурный, исторический и психологический носитель информации, обременен множеством объективных и субъективных значений и коннотаций, накопившихся за многие века существования народов» [Нарлох 2004: 61;

цит. по: Печенникова 2006]. Как отмечают исследователи, «восприятие цвета не у всех народов одинаково и зависит от универсальных психофизиологических, национально-культурных, отчасти политических и экономических факторов» [Там же]. «Цвет является визуальной коммуникацией вообще и хроматической коммуникацией в частности. Хроматическая коммуникация представляет собой совокупность внутренних (психических) реакций, связанных с визуальным восприятием. Цвет в системе визуальной коммуникации является абстрактным средством невербального сообщения и знаковой системой с определенным количеством потенциальных значений в рамках той или иной культуры, актуализируемых в конкретном визуальном сообщении» [Бакеева 2013]. Таким образом, проблема цветового кодирования рекламной информации остро встает, если речь идет об интернет-рекламе, не просто доступной представителям различных лингвокультур, но и рассчитанной на некоего глобального потребителя. Материал нашей работы — реклама американских медицинских учреждений в виде сайтовых гипертекстов — подтверждает установку на подобную глобальную целевую аудиторию еще и наличием гиперссылок, позволяющих менять язык всего гипертекста медицинского учреждения.

Можно предположить, что при составлении анализируемых сайтовых гипертекстов цветовой код, скорее всего, использовался для привлечения внимания к гиперссылкам с учетом универсальных психофизиологических реакций, но не передавал культурноносную информацию.

Говоря о влиянии цвета на реципиента рекламы, исследователи утверждают, что «синий цвет способствует снятию нервного напряжения, помогает в концентрации внимания; красный цвет, ассоциируясь с активностью, позволяет активировать эмоциональное состояние реципиента рекламного материала; коричневый, с одной стороны, соотносится с понятием слабости, пассивности, зависимости, с другой — со спокойствием и добросовестностью; бежевый цвет в рекламе может вызывать ассоциации с теплом, сухостью, расслабленностью и спокойствием» [Ягодкина 2009]; «Голубой цвет — успокаивает; желтый — возбуждает желание действовать, прилагать усилия; оранжевый — вызывает радость; зеленый — создает приятное настроение; черный — угнетает, вызывает печаль; белый — утомляет, вызывает усталость» [Шейнов 2006].

Известно, что «четырёхцветная реклама привлекает в полтора раза больше покупателей (потребителей), чем черно-белая.

Наиболее броские сочетания цветов, используемых в рекламных шрифтах (в порядке убывания): черный шрифт на желтом фоне; зеленый на красном; красный на белом; зеленый на белом; синий на белом» [Шейнов 2006].

Обратимся к материалу анализа. Мы посчитали целесообразным рассмотреть отдельно маркировку гиперссылок, имеющих свой фон, ограниченный рамкой, и гиперссылок, выделенных в тексте на общем фоне гипотекста.

Как показал анализ цветового кодирования гиперссылок сайтовых гипертекстов американских медицинских учреждений первого указанного типа, самым распространенным цветом фона является светло-серый, на котором гиперссылки обозначены белым, темно-синим, темно-серым и черным шрифтами. Следующим по частотности применения является синий фон с белыми гиперссылками, реже встречается белый фон, на котором гиперссылки обозначены черным и коричневым шрифтом. Согласно материалу исследования, зеленый фон сочетается как с белым, так и с черным шрифтом, а красный — с белым.

Как видно, цветовое маркирование гиперссылок в гипертексте отличается доминантой неброского цвета — светло-серого. Это можно объяснить тем, что, в отличие от рекламных объявлений, гипертексты сайтов медицинских учреждений передают большой объем информации, рассчитаны на длительную работу реципиента с информационными массивами без отвлечения внимания на яркие цветовые раздражители.

Что касается гиперссылок, выделенных в тексте на общем фоне гипотекста, было установлено, что в текстах с черным шрифтом гиперссылки выделяют синим, красным, коричневым, темно-серым и зеленым шрифтами, а в текстах с синим шрифтом — красным.

В заключение укажем, что наиболее распространенной цветовой комбинацией является белый фон гипотекста, на котором в тексте, напечатанном черным шрифтом, гиперссылки выделены синим цветом. Как указывалось выше, это может быть объяснено тем, что синий цвет позволяет адресату долго концентрировать внимание, а это особенно важно при работе с объемными сайтовыми гипертекстами.

III. ГРАФИЧЕСКИЙ КОД

Как известно, для того чтобы маркировать необходимую информацию в тексте, прибегают к графическим выделениям. Как правило, используются жирный шрифт, выделение курсивом и подчеркивание.

Как показало исследование, самым частотным средством воздействия при использовании графического кода в сайтовых гипертекстах американских медицинских учреждений является подчеркивание (3031 пример, т. е. 56,3 % из 5384 гиперссылок).

Говоря о шрифтовом воздействии в рекламе, ученые отмечают, что «более толстый и жирный шрифты подсознательно ассоциируются с надежностью, мощностью рекламируемого изделия. Тонкий шрифт воспринимается как отражение изящества товара. Если есть соответствие между желаемыми потенциальным покупателем свойствами и соответствующим написанием текста, то это усиливает его воздействие за счет скрытой составляющей; если нет, то ослабляет. Оптимальным является отношение толщины к высоте 1:5» [Шейнов 2006].

Как показал анализ, гиперссылки на стартовой странице гипертекста многих американских больниц выделены крупным и жирным шрифтом, ассоциирующимся, как было указано, с надежностью, а в нашем материале — с надежностью медицинского учреждения, что, на наш взгляд, является одним из главных критериев при выборе подобных учреждений.

Наименее продуктивным средством при применении графического кода можно считать использование курсива. Кроме того, если выделение жирным шрифтом и подчеркивание встречались не только в комбинациях (жирный + подчеркивание), но и в чистом виде (только жирный, только подчеркнутый), то выделение курсивом сопровождается дополнительным средством выделения, а именно подчеркиванием, жирным шрифтом или геометрическими символами. Выделение курсивом встречается гораздо реже — в 37 (0,7 %) случаях из всех 5384 гиперссылок (ср.: подчеркивание — 3031 (56,3 %), жирный шрифт — 162 (3 %)).

В заключение отметим, что в сайтовом гипертексте американских медицинских учреждений применяются все средства графического кодирования (жирный шрифт, курсив и подчеркивание) для номинации гиперссылок, однако с разной частотностью. Согласно проведенному анализу, наиболее распространено подчеркивание.

IV. Иконические, индексные и символные коды

Приемом направленной выборки из гипотекстов и гиперкаркаса сайтовых гипертекстов мы отобрали 1038 гиперссылок, маркированных иконическим, индексным, символным и визуально-изобразительным кодами.

Как свидетельствуют полученные данные, из 1038 гиперссылок, взятых для анализа, 295 (28,4 %) гиперссылок характерен визуально-изобразительный код маркировки, 107 (10,3 %) гиперссылок — символный, 105 (10,1 %) — иконический, 92 (8,9 %) — индексный. Оставшиеся 439 (42,3 %) гиперссылок маркированы с применением нескольких вышеуказанных кодов.

В качестве примера гиперссылок, маркированных только изображением, можно рассмотреть фотографии сотрудников такого учреждения, как «Regional West Physicians Clinic». Данные снимки при наведении курсора переводят реципиента на страницу с подробной информацией о конкретном враче.

В ходе проведения анализа было обнаружено применение 107 различных символов для маркирования гиперссылок. К ним, как указывалось, мы относим математические знаки «+» (8 гиперссылок) и «-» (5 гиперссылок), при активации которых соответственно увеличивается или уменьшается шрифт гипотекста сайта. Также символы используются для номинации гиперссылок, переводящих реципиента на другие сайты. В качестве примера приведем самые распространенные:

(www.facebook.com),

(twitter.com),

(www.youtube.com),

(www.linkedin.com).

В некоторых гипертекстах в качестве гиперссылок, обозначающих разные языки гипотекстов, используют изображения флагов соответствующих стран. Например, сайт «The HSC Health Care System» предлагает адресату перевод гипотекстов на разные языки, причем гиперссылки-символы дублируются поясняющими гиперссылками с вербальной маркировкой.

Иконы представлены схематичными изображениями лупы, подразумевающей поиск информации; принтера — вывод текста на печать; конверта — отправка электронного письма; телефона — онлайн-звонок или список телефонных номеров; компаса — адрес; часов — время работы медицинского учреждения; газеты — новостные статьи; икона файла формата PDF; изображение динамика на фоне листа бумаги, подразумевающее наличие аудиофайла, и изображение календаря, указывающее на список и даты проведения мероприятий.

В количественном соотношении иконы представлены следующим образом (всего их 105): аудиофайл — 59, файл формата PDF — 21, лупа — 7, принтер — 5, конверт — 5, телефон — 4, компас — 1, часы — 1, газета — 1, календарь — 1.

В ходе исследования было обнаружено, что гиперссылки-иконы встроены в гиперкаркас сайта и, в связи с этим, отображаются при каждом переходе на следующий гипотекст сайта. К индексам мы отнесли стрелки вправо и влево, предлагающие соответственно перейти на следующий гипотекст либо вернуться на предыдущий.

Отметим, что монокодовое маркирование гиперссылок менее характерно, чем поликодовое (смешанное) кодирование, которое представляет собой сочетание двух и более кодов подачи информации. Наиболее широко представлены гиперссылки, маркированные сочетанием «изображение + текст/икона/индекс» (из 1038 единиц таковых 439 (42,3 %)).

V. ВЕРБАЛЬНЫЙ (ИНОЯЗЫЧНЫЙ) КОД, БУКВЕННЫЙ И ЦИФРОВОЙ

К наименее продуктивным кодам в сайтовом гипертексте американских учреждений, как было установлено в ходе исследования, можно отнести буквенный, цифровой и вербальный иноязычный.

Использование букв для обозначения гиперссылок позволяет найти необходимую информацию по первой букве названия ее темы. Например, на сайте «Detroit Medical Center» гиперссылки на сведения о различных заболеваниях построены в виде алфавитного указателя, в котором каждой ссылке-букве соответствует набор гиперссылок, начинающихся с этой буквы. На сайте «MedStar Washington Center» в разделе новостей гиперссылки на новостные статьи распределены по годам, т. е. гиперссылка, обозначенная цифровым кодом, связана с прочими ссылками, направляющими на новостные статьи того же года, что упрощает навигацию по сайту.

Обращение к материалу исследования позволило установить, что маркирование гиперссылок на иностранных языках в сайтовых гипертекстах американских медицинских учреждений встречается редко, только в 0,07 % случаев. Нами были отмечены испанский, китайский и русский языки. Гиперссылки на испанском и китайском языках позволяют реципиенту активировать переключение необходимых гипотекстов гипертекста на указанные три языка. При этом английский язык гиперкаркаса гипертекста медицинского учреждения не меняется.

Предположительно, маркирование гиперссылок средствами иностранных языков позволяет привлечь клиентов указанных лингвокультур, не владеющих английским языком на достаточном уровне.

Также на анализируемых сайтовых гипертекстах встречаются «ссылки-переключатели», которые переключают содержание необходимых гипотекстов на требуемый язык, однако сами гиперссылки выполнены на английском языке и снабжены изображением флага страны, на язык которой они переводят. При этом гиперкаркас сайтового гипертекста также переводится на требуемый язык, английский язык сохраняется только в названии медицинского учреждения.

Предположительно, такая подача информации на сайтовом гипертексте медицинского учреждения может помочь тем реципиентам, которые только на элементарном уровне владеют английским языком.

В заключение отметим, что, согласно результатам исследования, вербальный (иноязычный), буквенный и цифровой коды малопродуктивны при номинировании гиперссылок сайтов медицинских учреждений США (об этом свидетельствуют приведенные выше количественные данные).

Подводя итог по анализу применения различных кодов для маркирования гиперссылок, отметим, что к наиболее продуктивным кодам подачи информации в американских сайтовых гипертекстах медицинских учреждений можно отнести вербальный (англоязычный), цветовой, графический, визуально-изобразительный, индексный, иконический и символный, к наименее продуктивным — вербальный (иноязычный), буквенный, цифровой. Все выявленные коды позволяют доносить желаемую информацию до глобального потребителя и оказывать желаемое воздействие, нивелируя, насколько это возможно, неверное толкование рекламной информации. В перспективе представляется целесообразным рассмотреть коды подачи информации и их варьирование или константность в остальных структурных элементах сайтового гипертекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакеева Д. А. Цвет в рекламной коммуникации: особенности, функции, символика : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. — Саранск, 2013.
2. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. — М. : РИП-холдинг, 2003.
3. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка : учеб. — М. : Высш. школа, 1981.
4. Нарлох А. Развитие категории цветообозначений в современном русском языке // Вопросы лингвистики.

гвистики и лингводидактики / под ред. Ежи Калишана. — Познань, 2004. С. 61—67.

5. *Печеникова Л. В.* Цветовые обозначения в рекламном дискурсе: на материале англо-американской и российской рекламы предметов быта : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Саратов, 2006.

6. *Пирс Ч. С.* Название. Избранные философские произведения. — М. : Логос, 2000.

7. *Смирницкий А. И.* Стилистика английского языка. — М., 1957.

8. *Шейнов В. П.* Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). — М. : АСТ Харвест, 2006.

9. *Ягодкина М. В.* Язык рекламы как средство формирования виртуальной реальности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 — СПб., 2009.

10. *Яковлев И. П.* Основы теории коммуникации. — СПб., 2011.

11. *Ganshina M., Vasilevskaya N.* English Grammar. — Moscow : Foreign Languages Publishing House, 1951.

12. *Halliday M. A. K., Matthiessen C. M. I. M.* An Introduction to Functional Grammar (Third Edition). — L. : Arnold, 2004.

13. *Loos E. E., Anderson S., Dwight H. D., Jr., Jordan P. C., Wingate J. D.* "What is interrogative mood?". Glossary of linguistic terms. SIL International. Retrieved 2009.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. А. Каменева

Е. А. Чувильская **E. A. Chuvilskaya**
К. С. Шестакова **K. S. Shestakova**
Н. А. Логинова **N. A. Loginova**
Р. Р. Насырова **R. R. Nasyrova**
Тюмень, Россия Tyumen, Russia

**ОБРАЗ РУССКОГО ТУРИСТА
ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ**

Аннотация. Рассматривается образ русского туриста, сформированный в сознании немецкого общества в результате познания русских в рамках чуждой культуры и на территории Германии. Раскрываются причины сложившегося поведения русского туриста и обозначаются возможные перспективы реконструкции образа.

Ключевые слова: образ; русский турист; стереотип; постсоветская Россия; советское время; туризм.

Сведения об авторе: Чувильская Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Институт истории и политических наук.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, к. 405.
e-mail: ETshuvilskaja@yandex.ru.

Сведения об авторе: Шестакова Ксения Сергеевна, студентка, Институт истории и политических наук.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, к. 405.
e-mail: skondratiev@utmn.ru.

Сведения об авторе: Логинова Наталья Анатольевна, студентка, Институт истории и политических наук.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, к. 405.
e-mail: skondratiev@utmn.ru.

Сведения об авторе: Насырова Розалия Рауиловна, студентка, Институт истории и политических наук.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, к. 405.
e-mail: skondratiev@utmn.ru.

**IMAGE OF THE RUSSIAN TOURIST
THROUGH THE EYES OF THE GERMANS**

Abstract. The following article describes the image of the Russian tourist formed in the German society consciousness as a result of the perception of Russians in a foreign culture and in Germany. The author reveals the causes of the Russian tourist's behavior and designates possible future trends of the image reconstruction.

Key words: image; Russian tourist; stereotype; Post-Soviet Russia; Soviet time; tourism.

About the author: Chuvilskaya Elena Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor at the Institute of History and Political Sciences.

Place of employment: Tyumen State University.

625003, Tyumen, Lenin St. 23, 405.

About the author: Shestakova Ksenia Sergeevna, Student at the Institute of History and Political Sciences.

Place of employment: Tyumen State University.

About the author: Loginova Natalia Anatolievna, Student at the Institute of History and Political Sciences.

Place of employment: Tyumen State University.

About the author: Nasyrova Rosalia Rauilovna, Student at the Institute of History and Political Sciences.

Place of employment: Tyumen State University.

Образ русского туриста представляет собой многоликий, сложный и неоднозначный феномен и является своеобразной проекцией, неотъемлемой составляющей того пучка стереотипов и предрассудков, которые укоренились в сознании немцев по отношению к России на протяжении всей истории. Прежде чем перейти непосредственно к рас-

смотрению образа русского туриста, обратимся к стереотипам, которые заложены в немецкой литературе, СМИ и общественном сознании.

Какие образы возникают в сознании немцев при упоминании России? Водка, матрешка, медведь, икра, самовар, блины, балалайка и гармонь, хохломская роспись,

Статья подготовлена в рамках проведения поисковых научно-исследовательских работ по государственному заказу Министерства образования и науки РФ, федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы (мероприятие 1.2.2 — IV очередь). Госконтракт № 14.740.11.1387.

© Чувильская Е. А., Шестакова К. С., Логинова Н. А., Насырова Р. Р., 2013

валенки, ушанка, лапти, газ и нефть, алмаз, ружье, Челси...?

В одном из университетов Германии был проведен опрос на тему «Что вы знаете о России?». Согласно результатам, которые в собственном блоге приводит пользователь ВОИКА, в своем большинстве немецкое общество мало знает о России. Наиболее часто встречаются следующие мнения:

«— Там пьют много водки. Это русский национальный напиток. Вообще, русские очень бурно празднуют (о водке написали абсолютно все).

— Русские гостеприимные и открытые люди.

— В России есть очень богатые люди, но большинство живёт бедно. Причиной этого является коррупция и преступность. Почти все вопросы можно решить с помощью взяток.

— Знаю, что есть Русская Мафия, которая беспощадно со всеми разделяется.

— Путин контролирует всё в стране. Демократии в России нет. Москва — огромный город и высоким уровнем жизни, а в остальной России живут намного хуже, в основном в домах деревенского типа.

— В России очень холодно.

— Русские сильны в математике и физике.

— Русский балет и театр ценятся во всём мире.

— У русских своеобразные буквы — кириллица.

— Многие знают по-русски: *Vodka, Nasdorovje, Gorbatschow, Putin, Matroschka, Tolstoi, Dostojevski, Kasatschok, Babuschka...*» [Boika 2007].

Все названные ассоциации с Россией тем или иным способом отражены в образе русского туриста. Как же происходит познание русского туриста немцами?

С тех пор, как Россия перешла в новую историческую эпоху, которая началась после перестройки, открылись границы к новой российской действительности. И это позволило немцам посмотреть на Россию через «прозрачный, незапыленный „железным занавесом“ зрачок».

В настоящее время граждане Германии могут познать и оценить русского человека как туриста в двух перспективах: в рамках чужой культуры (на курортах Турции, Кипра, Египта, обычно с системой «все включено») и на территории самой Германии, когда русские приезжают в Германию в качестве туристов.

Данные перспективы познания раскрывают совершенно разные стороны образа русского туриста и имеют разный оценочный аспект. Рассмотрим каждый подробнее.

В 2012 г. количество иностранных посетителей, прибывающих в Турцию из Герма-

нии, составило 1 млн 924 тыс. чел. Вслед за Германией наибольшее число туристов в количестве 1 млн 430 тыс. чел. прибыло из России. Встреча немцев и русских в местах отдыха оставляет в немецком сознании далеко не положительный образ, который закрепляется не только в личном восприятии, но и тиражируется СМИ, Интернетом и литературой. Русские туристы «оккупируют берега Антальи и отправляют немцам отпуск» [Huren und Wodka... 2010] — это яркое высказывание в газете «Bild» характеризует общее отношение немцев к русскому туристу.

Первые следы своего пребывания на европейских курортах оставили «новые русские», устремившиеся в 1990-х гг. на Запад. Этот образ великолепно описала Клаудия Зиберт в произведении «Der Auslandskorrespondent» (1997). Автор предлагает местами жесткую сатиру на российскую действительность 1990-х гг.: «новые русские, отдыхающие на Кипре по системе „все включено“, „бомбят помещения“, лапают все подряд, каждый день опустошают бар в комнате и не пропускают возможности выпить, удивляясь всему новому и обилию и пытаются его присвоить себе, ведут себя как ненасытные дети» [Siebert 1997: 28]. Не остаются без внимания и русские женщины, предстающие в образе «намалеванных» красоток-соблазнительниц.

Если обратиться к СМИ, газетам, журналам, материалам Интернета, то здесь создается яркий негативный и обескураживающий образ русского туриста, нарисованный в результате randevу немцев и русских в местах отдыха «по соседству».

Только одно пребывание русских на месте отдыха немцы отмечают как минус и выражают им недовольство, что проследживается в большинстве отзывов об отелях Турции (туристический портал «HolidayCheck.de»). Приведем самые безобидные отзывы — об отеле «Sea Gull» (Кемер): «...в отеле почти только русские, из 300 гостей только 15 немцев, и персонал ориентирован только на русских»; «...место очень милое, но рекомендуется только для любителей русско-немецкой дружбы»; «...как мы узнали, все отельеры на Турецкой Ривьере ориентированы на русских туристов. Вот и перегружены эти места русским менталитетом. Мы не ждали того, что будем в отпуске только с немцами. Но когда число гостей настолько представлено одной нацией (90 %), это не так прекрасно. Русские полностью подтвердили все относящиеся к ним клише»; «...во время нашего отпуска было, к сожалению, 85 % гостей из стран Восточного блока, что очень нас напрягало» [Hotel Sea Gull 2005].

Образ русского туриста в рамках чужой культуры можно разделить на несколько аспектов:

1. Отношение к алкоголю и еде.

Относительно данного параметра русский турист представляется «ненасытным голодным существом»: «...во время еды нужно было торопиться, так как русские накладывают полные тарелки, и тогда ничего не остается»; «...русские все съедают за завтраком и еще берут с собой»; «...все, что там происходило, не лезло ни в какие ворота: попойка, крик, обжорство»; «...кроме того, как напиться и забыться, русской нации на отдыхе больше ничего и не надо» [Там же].

2. Поведение в общественных местах.

В отношении данного аспекта упоминаются такие характеристики русского туриста, как «бесстыдные и наглые русские», вульгарные, «русские девушки легкого поведения стараются возместить расходы на отпуск и пристаю к немцам» (как отмечает немка, отдыхавшая в «Торкагi», Белек); «...русские ведут себя ненадлежащим образом» [Hugen und Wodka... 2010], «...русские очень открытые, шумные и прямые: им всегда надо показать, что они лучше (громче и т. д.), что-то доказать, и если он услышит громко смеющегося немца, подумает: „Ага, я ему покажу сейчас, не зря мой дед сражался у Рейхстага“. Таинственная русская душа» [Maximova 2009]. Русские также не выполняют установленные правила, часто решают вопросы скандалом и готовы поставить всех на голову. Однако в противовес вышесказанному стоит отметить позитивный момент, в котором просматривается будущий (на сегодняшний день латентный) образ русского туриста: новое поколение получило хорошее образование, а с ним и умение общаться.

3. Запросы, требования к обслуживанию.

Всем известно, что русские, с одной стороны, часто жалуются на то, что с ними обращаются как с людьми второго сорта, их поселяют в более дешевые номера, опасаясь, что русские всё съедят; с другой стороны, русские очень требовательны, хотят всё и сразу и самое лучшее (первые места, лучшие номера, лучший загар до обгорания и т. д.). Немцы находят этому свое объяснение: «„Кто платит, тот и заказывает музыку!“ (согласно Московским финансовым агентствам русские туристы тратят в 8 раз больше, чем немцы)» [Там же].

4. Знание иностранного языка и другие способности к адаптации в новой среде.

Большинство проблем русского туриста возникает из-за плохого знания языков и низкой коммуникативности. Русские счита-

ют, что ВЕСЬ МИР просто обязан знать русский. 88 % туристов твердо уверены: русский и есть язык международного общения. Светлый путь в будущее образа русского туриста прокладывают представители нового поколения русского общества, которые превосходно владеют иностранными языками и выступают в местах отдыха в роли переводчиков, в том числе для своих родителей.

5. Внешний вид.

На фотографиях, помещенных в немецких СМИ, в образе русских туристов акцентируется следующее: в девушках-женщинах — вульгарность, стремление показать роскошь, безвкусице, излишне открытые купальники (хотя и сами немцы нередко загорают топлес), полнота, золото, макияж, каблуки (которые можно использовать как смертельное оружие), вызывающая длина юбки. Другими словами, создается образ девушки-соблазнительницы, имеющей цель поразить и «убить» своим видом возможного партнера [Там же]. Русского мужчину сопровождают (при взгляде на него через призму немецкого сознания) «зажиточный живот», золото и «милые дамы».

Видя и осознавая типичный образ русского туриста, многие россияне сами сторонятся и стесняются своих соотечественников. В целом образ русского туриста совсем не положительный, но в чем причины выделения названных особенностей русского туриста?

Стереотипы об «ужасных» русских туристах по просьбе немецкого издания «Die Welt» прокомментировал российский эксперт по туризму Ангелина Николаенко, поддерживающая русскоязычную версию портала [Die Welt изучила стереотипы... 2011].

Россияне никак не могут избавиться от наследия социалистической эпохи: в 2010 г. при исследовании выяснилось, что половина русских туристов, приезжающих в Европу, ворует в отелях, точнее сказать, туристы «берут как бы на память». А. Николаенко согласна, что россияне во время отпуска предпочитают поглощать пищу в чудовищных объемах. По версии эксперта, причина этого заключается не только в системе «все включено», при которой еда доступна практически круглосуточно и в неограниченных количествах, но и в памяти о голодных советских временах как периоде дефицита продуктов.

В качестве объяснения феномена жадности русских туристов по отношению к еде А. Николаенко также отмечает, что еда в русской традиции имеет высокую ценность. Так, в России принято на праздники накрывать ломящиеся от яств столы, что указывает на жизнь в достатке. То, что рос-

сияне не знают меры и при употреблении алкоголя, также уходит глубоко корнями в историю.

Проявлением русской смекалки является наличие в арсенале постояльцев из России определенных хитростей, позволяющих обмануть отельера и «разжиться лишней порцией подарков». Так, распространенный способ получения скидок и сувениров от отеля — представиться молодоженами.

Несмотря на стойкое неприятие многими туристами из Германии российских отдыхающих, которые на зарубежных курортах пугают постояльцев отелей шумными пьяными застольями и вызывающим поведением, контингент приезжающих из России постепенно становится качественно другим, выяснила немецкая газета «Die Welt» [Was an den Klischees... 2011]. Прежний тип туристов начинает вымирать, как динозавры, хотя в немецком сознании до сих пор закреплены традиционные представления. Кто же придет на смену «ужасному» русскому туристу? Интеллигентная молодая публика, которая устремилась на Запад с появлением возможности для этого, или...? Качественно новый турист не бросается в глаза, он скрывается за занавесом сложившихся стереотипов и соответствующему им, на данный момент превалирующему большинству туристов.

Именно русский турист другого качества приезжает в Германию. В 2012 г. в Германию прибыло 625 тыс. граждан России, из них 335 тыс. провели здесь отпуск. По сравнению с 2011 г. число русских туристов в Германии увеличилось на 3 %. По мнению газеты «Süddeutsche» [Neshitov 2012], русский турист в самой Германии — это уже, как правило, человек, работающий в крупной фирме, говорящий по меньшей мере на английском языке и знающий немного фраз на немецком (*Oleg spricht etwas Deutsch, hat es im Selbststudium gelernt. Guten Tag, danke schön, wunderbar...* [Там же]), посещающий самые дорогие магазины и тратящий много денег на брендовые вещи. Действительно, цель приезда в Германию в основном шопинг, прежде всего в магазинах, которые привлекают не низкими ценами, а эксклюзивностью. В качестве примера приведем популярность портного из Мюнхена Макса Дитла, который уже имеет признание в России; русскоговорящие туристы доставляют ему половину оборота. У него можно купить кожаную куртку из крокодила за 50 000 евро, кашемировые рубашки за 3000 евро или заказать эксклюзивный костюм итальянской марки «Kiton» за 50 000 евро. Русские покупатели очень любимы, «немцы более ра-

зумны, русские умеют радоваться покупкам и живут в настоящем», отмечает М. Дитл [Там же]. Данный факт позволяет проследить стремление русского человека показать свой статус, наличие денег и снова обращает наш взгляд к советским временам, характеризующимся одинаковостью и отсутствием вещей. Согласно немецкой статистике шопинга в Германии, русские стоят на втором месте после китайцев, перед арабами, оставляя в магазинах Мюнхена около 100 млн евро (по данным с января по сентябрь 2012 г.), в среднем 351 евро (1350 евро за украшение) за покупку в одном магазине [Там же]. Размер инвестиций русских туристов настолько привлекает немцев, что они ориентируют свои предприятия на русских: трудоустраивают русскоговорящих продавцов, консьержей в пятизвездочных отелях. Русских любят, и они приезжают все охотнее, но в действительности их «терпят» только из-за денег. Особо внимательные русские туристы заметят: по отношению к русским видно колебание между любовью и ненавистью, которое обуславливается отпечатком традиционных негативных стереотипов.

Конечно, образ воплощает черты большинства. Безусловно, есть русские туристы, имеющие другие цели (познание культуры, языка, экскурсии и т. д.), но они незаметны. Как говорит москвичка Екатерина Максимова в своем анализе поведения русских туристов, «число таких туристов, кто себя „хорошо ведет“, приближается к размеру скрытой части айсберга, русские туристы не такие уж и плохие» [Mavimova 2009].

Любят ли наших соотечественников за рубежом или нет, какой бы негативный образ за ними ни был закреплен, реальностью является только то, что русские туристы — это самые выгодные туристы, тратящие гораздо больше денег. Посмотрим, что покажет будущее, но пока остается фактом: ранее созданные (в период до перелома 1990-х г.) представления о России («архаические стереотипы» (термин С. В. Оболенской) [Оболенская 2000]) не исчезают, а наслаиваются или проецируются на новые образы, участвуя в динамическом процессе построения характерных для определенного времени аспектов общего образа. В зависимости от того, какой путь развития выберет Россия в будущем и как будут меняться реалии жизни общества, будет происходить дальнейшая реконструкция имиджа туриста постсоветской России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). — М., 2000.

2. *Boika*. Что думают немцы о России // gloBal Blog. 2007. 29 мая. URL: <http://my.opera.com/boika/blog/2007/05/29/was-denken-wissen-deutsche-ueber-russland#comments> (дата обращения: 27.06.2013).

3. *Die Welt* изучила стереотипы об ужасных русских туристах: все объясняется традициями и прошлым // News.ru. 2011. 25 февр. URL: <http://www.newsru.com/russia/25feb2011/tourists.html> (дата обращения: 27.06.2013).

4. *Hotel Sea Gull/Seagull* Hotel Sea Gull/Seagull // HolidayCheck.de. URL: http://www.holidaycheck.de/hotelbewertung-Hotel+Sea+Gull+Seagull+Wer+russisch+versteht+ist+klar+im+Vorteil-ch_hb-id_3974333.html (дата обращения: 27.06.2013).

5. *Huren* und Wodka erobern Antalya. So versauen uns die Russen den Türkei-Urlaub // Bild. 2010. 21 Apr. URL: <http://www.bild.de/news/vermishtes/tuerkei/versauen-deutschen-den-urlaub-5399914.bild.html> (дата обращения: 27.06.2013).

6. *Maximova Ekaterina*. Wer will schon mit Russen Urlaub machen? // Die Welt. 2009. 26 Oct. URL: <http://www.welt.de/reise/article4980769/Wer-will-schon-mit-Russen-Urlaub-machen.html> (дата обращения: 27.06.2013).

7. *Neshitov Tim*. Russische Touristen in München Bratwürste und ein Anzug für 50.000 Euro // Süddeutsche.de. 2012. 16 Dez. URL: <http://www.sueddeutsche.de/muenchen/russische-touristen-in-muenchen-bratwuerste-und-ein-anzug-fuer-euro-1.1551767> (дата обращения: 27.06.2013).

8. Siebert Claudia. Der Auslandskorrespondent. — Köln : Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1997.

9. *Was* an den Klischees über Russen im Urlaub dran ist // Die Welt. 2011. 24 Feb. URL: <http://www.welt.de/reise/nah/article12627789/Was-an-den-Klischees-ueber-Russen-im-Urlaub-dran-ist.html> (дата обращения: 27.06.2013).

Статью рекомендует к публикации д-р ист. наук, проф. С. В. Кондратьев

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 29+81'27
ББК Ш100.4

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

Н. А. Балукова N. A. Balukova

Л. Е. Веснина L. E. Vesnina

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ТЕКСТАХ РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

«ВЕЛИКОЕ БЕЛОЕ БРАТСТВО „ЮСМАЛОС“»

Аннотация. Рассматриваются ведущие коммуникативные стратегии и тактики, используемые в текстах религиозной тоталитарной секты «Великое Белое Братство „ЮСМАЛОС“». Анализируемые тексты взяты с официального сайта организации и рассчитаны на массовую аудиторию.

Ключевые слова: речевое воздействие; коммуникативные стратегии и тактики; речевые ходы; стратегия дискредитации; стратегия императивности; стратегия запугивания; стратегия угаваривания; тоталитарная секта.

Сведения об авторе: Балукова Наталья Андреевна, студентка 5 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: nata_balukova@mail.ru.

Сведения об авторе: Веснина Людмила Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: levesna@yandex.ru.

COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS IN THE TEXTS OF RELIGIOUS GROUP

«GREAT WHITE FRATERNITY “USMALOS”»

Abstract. The main communicative strategies and tactics used in the texts of religious totalitarian sect “Great White Fraternity USMALOS” are discussed. Texts found on the official web site of the group addressed to the mass audience are analysed.

Key words: verbal influence; communicative strategies and tactics; speech act; discreditation strategy; strategy of imperative; strategy of intimidation; strategy of persuasion; totalitarian sect.

About the author: Balukova Natalia Andreevna, 5th Year Student of the Institute of Philology, Culture Study and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

620017, Ekaterinburg, pr-t Kosmonavtov, 26, k. 285.

About the author: Vesnina Liudmila Evgenienva, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

В современном обществе много говорят об отрицательном воздействии на человека алкоголя, наркотиков и прочих физических зависимостях, но о «духовных» наркотиках мы информированы недостаточно, а между тем молитвы-наркотики также ведут к разрушению психического здоровья личности. Духовно зависимый человек не способен продуманно выстроить свое адекватное поведение, предугадать его результаты, осмыслить свой круг интересов и соотнести его с интересами и желаниями общества, наладить взаимоотношения с миром, воспринимать нужную информацию. В России насчитывается от 300 до 500 сект различного толка. Численность людей, вовлеченных в деструктивные и оккультные религиозные организации, достигает 1 миллиона человек, причем 70 % из них — это молодые люди в возрасте от 18

до 27 лет. По расчетам президента Центра религиоведческих исследований и автора термина «тоталитарная секта» Александра Дворкина, только «штатных» сектантов насчитывается минимум 600—800 тысяч.

Несмотря на опасность подобного рода сообществ, количество их растет, а люди по-прежнему вовлекаются в деятельность таких организаций. Самая серьезная и опасная разновидность секты — тоталитарная: она характеризуется жестким порядком, материальными взысканиями с последователей, принуждением и обязанностью следовать заповедям и выполнять ритуалы, часто — проповедью нетерпимости к окружающим, пропагандированием неминуемого конца света и т. п. Тоталитарные секты используют обман, умолчания и навязчивую пропаганду для привлечения новых членов, цензуриру-

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность».

© Балукова Н. А., Веснина Л. Е., 2013

ют информацию, поступающую к последователям, прибегают к другим неэтичным способам контроля над личностью, к психологическому давлению, запугиванию и прочим формам удержания членов в организации.

Наше внимание привлекла деятельность религиозной организации «Великое Белое Братство ЮСМАЛОС». Дадим краткую справку о данном сообществе. Возникшее на Украине в 1989—1990 гг. «Великое Белое Братство» является одним из наиболее скандально известных новых религиозных движений в России и странах СНГ. Оно относится к «доморощенным» культам, т. е. не привнесенным из-за границы, а созданным в самой России, и характеризуется наличием значительных финансовых средств.

Во главе движения до конца 1993 — начала 1994 г. стоял киевлянин Ю. А. Кривоногов. Далее вся власть перешла к Цвигун. В мае 1991 г. Кривоногов, выступая с лекцией по экстрасенсорике, получил записку от женщины, которая писала, что имела опыт общения с Богом. Эта женщина впоследствии стала «живым богом» новой религии, созданной Кривоноговым. Ее имя — Марина Мамонтова (в замужестве Цвигун). После встречи с Кривоноговым она оставляет семью, уезжает в Киев и начинает «служение» в качестве «богородицы» и «живого боговоплощения».

Иерархическую структуру можно упрощенно описать следующим образом. За первыми тремя лицами (Кривоногов — до 1994 г., Цвигун и Ковальчук) следует звено «сефиротов» из числа самых доверенных и приближенных, затем — звено апостолов (по некоторым данным, их двенадцать), далее — «воины Ильи и Еноха — рыцари»; это рядовые юсмалиане, которые делятся на категории «крестителей», вербовщиков и прочих, разбиваются на группы со старшими во главе. Еще одна категория — сочувствующие, но колеблющиеся юсмалиане, так называемые «крысы».

Средний возраст адептов — 20 лет, это юноши и девушки гуманитарного склада ума.

«Белое Братство» является крайне опасной для психического здоровья адептов сектой. Для выздоровления покинувшему «Белое Братство» требуется в среднем 2 года. Адепт может подвергаться культовому воздействию и вне общения с другими членами секты путем регулярного прослушивания культовых аудиокассет.

Учение «Белого Братства» называется «ЮСМАЛОС». Это аббревиатура, которая расшифровывается белыми братьями следующим образом: Юс — Юоанн Свами, искаженное в псевдовосточном духе «Иоанн Святой» (Креститель), т. е. лидер учения,

Кривоногов («свами» — получивший посвящение и давший обет отречения); Ма — Мария Дэви Христос, видоизменение имени «Дева Мария», она же — живое воплощение Иисуса Христа, одновременно его мать и невеста (Марина Цвигун); Лос — сокращение от слова «Логос» (греч. «слово») — одна из ипостасей Бога. Таким образом, название включает в себя идею новой божественной Троицы. Оно также используется в качестве мантры (мистической формулы), при длительном ритмическом повторении которой адепт впадает в транс, что расценивается как слияние с Богом и растворение в божественной сути [Великое Белое Братство «ЮСМАЛОС»: офиц. сайт].

Одним из основных средств воздействия в подобного рода организациях является речь. В данной статье представлены результаты анализа 150 текстов религиозного сообщества «Великое Белое Братство». В ходе анализа выявлены 4 основные коммуникативные стратегии, используемые в текстах обозначенной организации: уговаривания, дискредитации, императивности, запугивания.

Под *речевой стратегией* мы понимаем совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего. *Речевая тактика* — одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. *Коммуникативный ход* мы будем рассматривать как прием, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики [Иссерс 2008: 117].

Каждая из четырех стратегий характеризуется по трем параметрам: 1) цель; 2) мотивы; 3) коммуникативные тактики и ходы, реализующие стратегию.

I. СТРАТЕГИЯ УГОВАРИВАНИЯ

В первую очередь необходимо определить специфику речевой стратегии уговаривания и найти отличия между просьбой, уговором и убеждением.

Уговоры от просьб отличает «количественный» признак: стратегия уговоров не может быть реализована посредством одного коммуникативного хода. В отличие от просьб, уговоры характеризуются множественностью аргументов. Сравнивая стратегии уговаривания и убеждения, мы, вслед за М. Ю. Федосюком, пришли к выводу, что уговаривание воздействует не столько на разум и логику, сколько на чувства и эмоциональный мир адресата, в то время как убеждение направлено именно на разум человека. При уговаривании могут использоваться логические доводы, но они выступают как вспомогательное средство [Федосюк 1997].

1. Цель стратегии — добиться подчинения, побудить партнера совершить определенные действия. Говорящий исходит из того, что некоторые когнитивные пресуппозиции у участников коммуникативного акта не совпадают, и партнер не хочет делать того, что ему предлагается. Поэтому предполагается, что первоначальной реакцией на речевые действия инициатора будет отказ.

2. Мотивы: привлечение большего числа адептов и получение от них материальной и духовной выгоды.

3. Анализ фактологического материала позволил выделить следующие тактики, реализующие стратегию уговаривания:

- **Апелляция к чувствам, отношениям адресата.** Когнитивной посылкой данного хода является представление о чувствах коммуникантов друг к другу, которые эти стороны находят ценными.

В учении секты «Великое Белое Братство» великое множество текстов направлено на то, чтобы привлечь в секту людей с использованием апелляции к чувствам адресата и разделяемым им общечеловеческим ценностям (например, чувству патриотизма, любви к родине). Ср.: *Родина есть нечто от духа и для духа. И тот, кто не живёт духом, тот не будет иметь Родины; и она останется для него тёмною загадкою и странною ненужностью. На безродность обречён тот, у кого душа закрыта для Божественного, глуха и слепа для него* [Виктория Ра. 2011. № 2]; *Славянская Земля — Избранная Богом территория, откуда происходит древнейший исток развития современной цивилизации* [Страгой 2005].

В тестах представлены многочисленные примеры апелляций к общечеловеческим ценностям, таким, как красота, любовь, добро и т. д., ср.: *Но наступила Космическая Эпоха Водолея. А это — эпоха Великой Женственности, Воздуха, Света, Гармонии, КРАсоты, постижения Духовности, которая была утрачена человечеством Земли. И вскоре земляне вновь заговорят на едином планетарном языке, ибо Земля ПреобРАзится Светом* [Преображенская 1995]. Другой пример: *В одухотворенном Космосе уже никогда не будет места бездуховности и всем порокам уходящего мира: алчности, зависти, блуду, ненависти, эгоизму, невежественности и т. д. Не будет войн и болезней, не будет голода и нищеты, не будет предательства и несправедливости* [Страгой 2012]. Повтор «не будет» эффективно действует на последователей, они беззаветно верят в то, что скоро мир будет освобожден от пороков.

Как утверждает сама «Мать Мира», только с ее помощью мир обретет гармонию

и счастье, что вселяет уверенность в адептов касательно ее незаменимости в спасении славянского народа, даже всех жителей земли: *без Духовного Зрения и Духовного Водителя всякий путь о б р е ч ё н на погильель... Так-то, земляне!* [Преображенская 2012б].

Существование Бога для всех религиозных людей является неоспоримым фактом. Пользуясь этим, наставники секты говорят: *К Богу Живому идут живые, не входящие в бездушную инертную массу. К Богу идут Ангелы с белыми крыльями, чистые, добрые, открытые. Беззащитные идут к Богу... Ибо Бог — их Покров и Защита, ЛЮБОВЬ и СПАСЕНИЕ!* [Мария Дэви Христос 2004]. Такой прием апелляции к вере в Бога действует безотказно, так как адепты не могут не согласиться с этой истиной.

Широко распространен прием риторических восклицаний, которые придают патетический тон всем высказываниям: *Великая Благодарность и Любовь ко Всевышней Матери Мира Марии ДЭВИ ХРИСТОС наполняет сердце!!! Её Вселенскими Трудами приближается Час Победы Света во Вселенной! Да разрушатся планы тёмных сил!!! Да Воссияет Слава Матери Мира Марии ДЭВИ ХРИСТОС во всех мирах и пространствах!!! УРА!!! АУМ РА!!!* [Трикреста 2013]; *Коварные планы рептилоидов — Разрушены ВОЛЕЙ СОФИИ-СОТИС* [Преображенская 2012в].

Регулярно используются сакральные формулировки-заклинания типа *Ура! Аум Ра!*

Особое значение в религии Белого братства придается учению о женщине и ее месте в современном мире. Как говорит Мать мира, женщины поддались разврату, опустили себя в своем духовном развитии, унизили сами себя: *...было унижено святое человеческое тело, а особенно женское — превращено в нечто постыдное... Хульные слова назвали в честь матери — „матерными“, т. е. грязными, вульгарными, непристойными, ругательскими* [Мария Дэви Христос 2005].

Следует отметить, что для секты характерны следующие формулы, свидетельствующие об огромном значении женщины не только как объекта уважения и почитания, но и как высшего существа, идола для поклонения, Бога: *«Бог — Есть Мать!»; Мать Мира Мария ДЭВИ ХРИСТОС — „Жена, Облечённая в Солнце“, Совершает Победу над „Зверем“!* [Мария Дэви Христос 1999]; *Наступила Космическая Эпоха Водолея. А это — эпоха Великой Женственности, Воздуха, Света, Гармонии, КРАсоты, постижения Духовности* [Преображенская 1995]; *Мария Дэви Христос — сама мать мира!*

- **Апелляция к качествам партнера / «Комплимент».** Используя данную тактику,

говорящий может выделять качества слушающего, которые позволяют адресату выполнить то, к чему склоняет его говорящий. Он может использовать манипулятивное воздействие, при котором языковыми средствами добиваются у объекта чувства стыда за приписываемые ему негативные качества, ср.: *Человек уходящей эпохи лжи и безнравственности — человек падший* [Преображенская 2012а]; *Ничтожно человек повлиял и на окружающий его, некогда, прекрасный мир Природы, Созданной для него Единосушной Матерью Софией* [Там же]. Говорящий ожидает согласия партнера вследствие его установки на положительную самопрезентацию, т. е. отказ не принимается априори.

Современный человек представляется в религиозном учении Белого братства опасным существом, совершающим грехи: *Человечество, пройдя свой вековой путь, подошло к новой Эпохе — Эре Света Матери Мира, как убийца, как планетарный убийца, Вселенский убийца, грехи которого изошли от нелюбви к Богу, и в совокупности своей составили единый грех: убийцы всего живого!* [Воамил 2002] — лексический повтор слова *убийца* вызывает у адептов чувство стыда и страха за содеянное.

- **Апелляция к разуму.** Она осуществляется посредством использования средств, указывающих на разумность, компетентность адресата, например: *...уразуметь, осознать, вместить Великое Слово Матери Мира, Её ЛЮБОВЬ и Знание о Ней, влейся в Макрокосм и стать составляющей Светополотна Матери Света, Ткущей Мироздание и всё, что в Нём* [Мария Дэви Христос 1996а]. Апелляция к разуму обычно сопровождается маркерами, указывающими на очевидность аргумента и объективность аргументатора. Акцент может делаться на гипотетический вред для адресата, при этом аргументами служат речевые высказывания со значением угрозы. Однако это большей частью относится к стратегии запугивания, к которой мы обратимся чуть позже.

- **Апелляция к авторитету.** Ссылка на источник аргументации, являющийся авторитетным для собеседника, — традиционный риторический прием, известный как одна из уловок полемики. Учет и активное использование авторитетов являются одними из ключевых способов манипуляции сознанием.

Мы выявили случаи использования апелляции к положительному авторитету или, наоборот, к отрицательному образу. Ср.: *Философ и публицист конца XIX — начала XX века Иван Ильин в своих работах дал четкое определение тоталитарному режиму. Приведу его изречения на эту тему:*

Тоталитарное государство — есть всеобъемлющее государство. Оно отправляется от того, что самодеятельность граждан не нужна и вредна, а свобода граждан опасна и нетерпима... Обычное государство разрешает: думай сам, веруй свободно, строй свою внутреннюю жизнь, как хочешь; тоталитарное государство требует: думай предписанное, не веруй совсем, строй свою внутреннюю жизнь по указу. Иными словами: здесь управление — всеобъемлющее; человек всесторонне порабощён; свобода становится преступной и наказуемой [Мария Дэви Христос 2004].

Таким образом, адептам сообщается, что тоталитарное государство, в котором они живут, подавляет их сознание и ведет к полному закрепощению личности. Поэтому государство опасно для жизни личности. Здесь, кроме отсылки к авторитету, коим является философ и публицист Иван Ильин, явно прослеживается и другой вид стратегии — стратегия дискредитации, которую мы рассмотрим ниже.

Анализ фактологического материала показывает, что коммуникативная стратегия уговаривания, как правило, не сводится к использованию одного коммуникативного хода. При необходимости она включает в себя такие речевые тактики, как угрозу, упрек, дискредитацию, позволяющие расширить прагматическое воздействие на адресата.

II. СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ

1. Цель — подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо или чего-либо, не имеющего отношения к организации.

2. Мотив — завлечь человека в секту прежде, чем он что-нибудь о ней узнал, и извлечь из него материальную и духовную выгоду.

3. Тактика оскорбления и издевки. Одной из коммуникативных задач является формирование об отрицательной оценке какого-либо лица. Реализуется тактика с помощью следующих коммуникативных ходов:

- **Прямая негативная характеристика.** Данный ход предполагает умаление интеллектуальных, нравственных, профессиональных, физических качеств оппонента. Так, в текстах учений секты часто подвергаются дискредитации ученые, которые называли Белое братство сектой и утверждали, что ее нужно искоренить как несущую зло и вред для человеческого общества. Подчеркивается то, что мнение этих ученых совсем не авторитетно, и вообще люди эти «на стороне темных сил», например: *Наверное, стоит возблагодарить всех православных батюшек, дворкиных и шестёркиных за то,*

что помогают людям сделать свой выбор: за ними в Ад, или к Богу Живому в Вечный Мир Царствия Света! [Там же].

Дискредитируется Европейский союз, а в большей степени политический деятель Украины Юлия Тимошенко: *Пресловутый ЕС затягивает всех скопом в лапы Антихриста. И его сподручная на Украине Тимошенко-Капительман, „мать“ оранжевой революции, проплаченная мировым правительством, демоническая рептилия, выдающая себя за „спасительницу“. Нет у неё ни силы, ни власти против Силы и Духовной Власти Самой Матери Мира Марию ДЭВИ ХРИСТОС! Ибо посягнула на Недостигаемое и совратила пол-Украины во Тьму!* [Преображенская 2012б].

Нужно отметить, что в учениях Белого братства Юлия Тимошенко чаще всего подвергается жесткой критике, ей посвящены целые статьи последователей секты. Нельзя не заметить, что приведенная нами цитата весьма богата на выразительные средства: *сподручная ЕвроСоюза, „мать“ оранжевой революции, демоническая рептилия* — всё это яркие примеры использования другой тактики — метафоризации, которую мы рассмотрим ниже.

Авторы статей секты «Белое Братство» не обошли стороной и нынешнего президента США — Барака Обамы, которого они в своих текстах сравнивают с Антихристом, аргументируя это фактами биографии политика. Например, мать Обамы — еврейка «нетяжелого» поведения (блудница). Подчеркивается и то, что Обама зачат за два месяца до бракосочетания своих родителей: он родился 4 августа 1961 г., а его родители расписались 2 февраля 1961 г., т. е. он зачат в грехе. Не упустили из виду и следующее: *На инаугурации Обама единственный был в чёрных перчатках, а про антихриста сказано, что венчаться на царство он будет в перчатках, чтобы скрыть когти* [Манягин 2013]. В конце своего рассуждения автор задается вопросом, на который сам отвечает: *Антихрист ли он? Стопроцентно ручаться за это нельзя, но уж больно всё сходится* [Там же].

Все опубликованные статьи, посвященные Бараку Обаме, пронизаны, мягко говоря, неприязнью к нему и неприятием его появления на политической арене. Как отмечалось выше, большинство материала составляет информация о происхождении президента США. Помимо этого, наличествуют фрагменты, которые дискредитируют его как политика, ср.: *Обещает справиться с экономическим кризисом, разрешить исследования на стволовых клетках, сочувствует*

и христианам, и мусульманам, и сексуальным меньшинствам одновременно, поддерживает аборты и однополые браки. Он считает, что не должно быть „стен расовых и религиозных различий между людьми“ — пусть все будут приятно смуглявенькими единоверцами, как и он сам [Там же]. В текстах постоянно подчеркивается тот факт, что Обама, с одной стороны, является приверженцем всех религий, с другой — покровителем всех грешников, т. е. он якобы старается угодить абсолютно всем, чтобы стать главой не только США, но и всего мира.

• **Метафорическая негативная характеристика.** Цель этого хода — создание желательных для говорящего ассоциаций, сравнений, что позволяет перенести негативную оценку из одной когнитивной области в другую. В текстах секты «Белое Братство» великое множество устойчивых метафорических моделей, например: *служители церкви сатаны, чёрные слуги Антихриста, чернушники, рептилоиды, псевдоучителя, волки в овечьих шкурах.* Метафоры, используемые в текстах, выразительны и несут в себе оценку дискредитируемых лиц.

Таким образом, дискредитируется всё и вся, не имеющее отношения к организации, ее деятельности и руководству. Применяются как прямые обвинения и оскорбления, так и метафорические характеристики оппонентов. Чаще всего метафора для более эффективного воздействия на адресата используется в совокупности с красочным эпитетом (см. выше).

III. СТРАТЕГИЯ ЗАПУГИВАНИЯ

1. Цель — внушить адресату мысль о грядущем страшном конце света, открыть глаза на то, как страшна и жестока окружающая действительность, а если адресат уже является членом организации, убедить его, что он обязан беспрекословно подчиняться всем правилам общего порядка в секте, исполнять все требования, предъявляемые к нему руководством, под страхом серьезного наказания.

2. Мотив — увеличение количества членов организации с целью извлечения руководством материальной и духовной выгоды.

3. Стратегия запугивания реализуется с помощью следующих коммуникативных тактик и ходов:

• **Тактика апелляции к Библии.** Несомненно, что для всех верующих христиан самой авторитетной книгой является Библия. Христиане обращаются к Священному Писанию в поисках истины, ответов на главные вопросы. В заповедях секты «Белое Братство» можно встретить много вырванных из контекста или искаженных цитат из

Библии. В учении белых братьев особое место занимают десять основных заповедей завета жизни вечной Матери мира Марии Дэви Христос: 1. *Возлюби Матерь Света — всем сердцем, душою и сознанием своим!* 2. *Возлюби Человечество — ЛЮБОВЬЮ Матери Света!* 3. *Возлюби врага своего!* 4. *Не убей ничего дышащего!* 5. *Не прояви насилия над всяким телом, душою, сознанием и духом!* 6. *Не кради у человека, не кради у Природы, не кради в атмосфере, не кради во Вселенной!* и др. [Мария Дэви Христос 1996а]. Все они отсылают нас к основным заповедям Божиим, прописанным в Библии.

В публикациях секты обозначено, что так называемая Матерь мира — жена Иисуса Христа, что, разумеется, вводит в заблуждение послушников Белого братства и вселяет в них уверенность в том, что они имеют дело с божественным существом.

Так, на основе фрагментов из «Откровения Иоанна Богослова» в секте сложилось целое учение о метке зверя 666, о котором речь пойдет ниже; приведем отрывки из Библии: *И он (сатана — прим.) сделает то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть* [Откровение 13:16—18; цит. по: Марк 1999].

• **Тактика апелляции к идее апокалипсиса.** Самая распространенная тактика, используемая в сектах тоталитарного типа, в частности в Белом братстве — это апелляция к идее апокалипсиса.

В истории существования рассматриваемой секты апокалипсис должен был состояться в 1993 г., но этого не случилось. Вот как это объясняется: *В 1993-м Апокалиптическом году Земле грозила глобальная катастрофа, но Милостью Матери Мира этот рок для землян был отодвинут ещё на определённый период, дабы Совершить планету к Преображению. Ибо Матерь Мира не была принята на Земле Славянской, а приняли Её лишь немногие Избранные* [Мария Дэви Христос 2005].

Таким образом, адепты должны чувствовать благодарность по отношению к почитаемой ими Матери, обязаны больше проповедовать, чтобы число «Избранных» увеличилось. Сейчас же точная дата следующего конца света не определена однозначно, но тексты учений буквально запугивают послушников представлениями об апокалипсисе:

Болеют, умирают люди, дети рождаются уже больными. Потому, что чернушники, рептилоиды давно и всеми методами вытравливают нашу Природу и человека. Прозападная массовая „культура“ уподобила Славян — животным, люди деградировали, живут низменными инстинктами. Дети ведут себя, как взрослые. И окружающий мир уже походит на один из 28 адских миров нижних планетных систем. Это — печальные симптомы конца жизни, краха земного мира, где привольно себя чувствует зло, обман, цинизм, коварство, воровство, хищничество, блуд, ложь, безумие, грязь... [ВВП 2011]. Изображенная картина словно подготавливает адептов к неизбежному краху грешного темного мира: *Это — крах вашей цивилизации, земляне, это — полная деградация вашего мира, за который вы все так держитесь... Конец ему пришёл! Конец!!!* [Преображенская 2012б]. Идея апокалипсиса вселяет жуткое чувство страха и уверенность в том, что возможность обрести гармонию, мир и спасение можно получить, только если стать послушником секты.

• **Тактика создания образа врага.**

Основными врагами для любой секты являются другие религиозные течения и внешний мир, который «погряз в пороках». Проанализировав тексты, мы можем сделать вывод о том, что самыми главными противниками являются официальные религии, которые сами члены организации называют сектами, ср.: *Православные и католики и являются самыми многочисленными и опасными христианскими сектами. Ведь в иудовизантийском христианстве не было никакого „православия“ или „левославия“, а вот сект всегда было множество* [Преображенская, Чернецкая 2013].

Мы встретили со множеством оскорблений служителей церкви, в которых подчеркивается не только бездейственность священников, но и их опасность, например: *Печально, что православие — мафиозная структура государства, паразитирующая на теле непросвещённого, погрязшего в духовном невежестве, народа, — захватила в свои руки информационное пространство планеты* [Мария Дэви Христос 2004].

Сравнение православия с мафией и паразитом создает образ чего-то фальшивого и отвратительного, вызывающий у адептов отторжение.

Образ православия, сопряженный с неприятностью и паразитизмом, создается и в следующем примере: *Псевдодуховность говорит сама за себя: как грибы после дождя, растут православные храмы с золочёными куполами, а народ, тем временем,*

деградирует и вымирает. И это очень угодно повелителю Тьмы [Там же]. Авторы демонстрируют то, как ошибочный выбор верования может привести к катастрофе.

Враждебно члены организации относятся и к журналистам, «ославляющим» секту, в частности их предводительницу. Так, в марте этого года, после выхода на украинском телевидении репортажа о Марии Дэви Христос, на сайте секты появилась статья, в которой утверждается, что вся информация, донесенная до зрителей, является циничной ложью. Ответ на этот «лживый пасквиль» содержит не только опровержение выпущенного материала, но и гневное обращение к тележурналистам: *Полная безответственность, безграмотность, глупость и ничемность обывательского мышления! Это говорит о том, что у самих журналистов очень низкое дырявое сознание, а сами они зазомбированы на штампы и фобии, моральное и духовное падение, кои они успешно распространяют, как заразу, среди населения* [Преображенская, Чернецкая 2013].

Встречаются в других текстах и более грубые образные формулировки: *карманная пресса, толпа бездушная и необразованная, неуважаемые журналюшки-рептилоиды!, рептилоидная шавка* — вот самые красочные из обращений, используемых в текстах.

Нельзя не отметить разработанное учение членов организации о Метке зверя 666 или, иначе, чипизации. По их словам, в тело каждого непосвященного человека будет вживлен чип, для того чтобы государство смогло полностью контролировать сознание и поведение людей. Выше мы приводили цитату из Откровения о числе 666 — разумеется, ни о каких микрочипах в Откровении речи не идет, это всего лишь бурная фантазия авторов учений секты. Они настолько умело запугивали членов организации, что те отказывались получать новые паспорта, фактически нарушая закон, только из-за того, что в них якобы был вживлен микрочип, который поработит владельцев. Также их пугало и наличие в паспорте трех завитков, напоминающих символы 666.

Ср.: *Вживление чипов в тело человека — это, фактически, больше чем убийство, — это полное разрушение психики и Духовной сферы человека, превращение человека в раба-зомби, — это полное разрушение самой главной живой связью человека, его Души — с Источником Жизни во Вселенной...* [Соколов 2011].

Авторы текстов упорно подчеркивают губительность вмешательства в тело человека микрочипа. Здесь очень эффективно работает прием лексического повтора (*полное*

разрушение) и, разумеется, гиперболы (*больше, чем убийство*). Ср.: *Гигантский суперкомпьютер будет контролировать каждого имеющего метку. <...> Нетрудно догадаться, кто стоит за всем этим и кому это нужно. И не случайно, силы всего „цивилизованного“ мира направлены на компьютеризацию и подключение к международным компьютерным сетям отсталых в этом смысле славянских стран и, прежде всего, Украины и России. Уже давно известно, что существует некая тайная организация — держащая в своих руках все ключевые механизмы управления во всём мире. Члены этой организации — президенты многих стран, влиятельные бизнесмены, банкиры и т. д.* [Марк 1999]. За счет использования гиперболы члены организации рассчитывают вызвать в людях страх из-за того, что они скоро перестанут принадлежать себе, а управлять ими будет машина. Это очень эффективный способ создания образа опасного для гармоничной жизни людей мира.

• *Угроза экологической катастрофы.*

В последнее время все больше внимания уделяется вопросу об апокалипсисе. Волнения по этому поводу небезосновательны, ведь на протяжении ряда десятилетий человечеству всерьез грозила гибель в атомной войне. После окончания холодной войны и существенного сокращения численности ядерного вооружения боязнь гибели всего живого на земле отошла на второй план. Однако на первый план выдвинулась угроза экологической катастрофы. Авторы текстов используют этот фактор в качестве инструмента для запугивания. Они утверждают, что гонка за технологиями губительно влияет на окружающую среду. Так, сообщается, что с середины XX в. американское правительство начало регулярно распылять ядовитый аэрозоль. Для этого применяются химтрейлы (т. е. следы, которые остаются в небе после самолетов, так называемые облака, парящие в атмосфере от нескольких минут до нескольких часов). Ср.: *Во время полета над населенными пунктами, бассейнами рек, крупными водоемами (озера, водохранилища) включается система распыления — раствор распыляется через форсунки, расположенные рядом с соплами двигателей, для маскировки „хвостов“* [Соколов, Светлицкий 2012].

Американские экологи провели химические анализы грунтов и вод, в результате которых выявили необычайно высокое содержание в них алюминия, бария, стронция, превышающее максимально допустимый уровень в десятки раз. По словам авторов статей, правительство США целенаправленно

но идет на уничтожение природных ресурсов. Отравив почву и воду, «биологические агенты» отравляют и человека, лишая его здоровья и возможности нормально функционировать в обществе. Таким образом, осуществляется самая главная цель — стремительное сокращение числа населения на планете: *Распыленный цианид бария, попадая в воду, а также на растения, начинает свой смертоносный путь к человеку, животному или птице... Первыми погибают клетки головного и спинного мозга и нервной системы* [Там же].

В учениях секты находит отражение и представление о специальных организациях-распространителях угрожающих человечеству вирусов: *Создание же, на Украине мирового склада по хранению особо опасных вирусов (планируется создать порядка 9 таких станций) — есть не что иное, как один из пунктов плана по уничтожению Славянской РАСы. В США имеется только одна такая лаборатория, в других странах подобных смертоносных рассадников нет вообще. А в Украине станции по хранению вирусов и изучению особо опасных инфекций открывают с радостью — торжественно!* [Уралия 2011]. Любопытен и тот факт, что украинский народ кажется создателям Белого братства самым наивным, самым безответственным. Это может быть объяснено тем, что большинство адептов — граждане Украины, соответственно именно на их сознание нужно оказывать основное воздействие.

На наш взгляд, стратегия запугивания является наиболее эффективной для достижения целей идеологов секты, поскольку, как мы полагаем, оказывает большее воздействие на действительных и потенциальных членов организации. Данное заключение основывается на том факте, что страх — это одно из сильнейших эмоциональных состояний человека. Страх отражает естественную защитную биологическую реакцию, поэтому самый сильный инстинкт, свойственный человеку, — это инстинкт самосохранения. Запугивание позволяет медленно, но верно разрушать личность и, манипулируя мыслями, чувствами и поведением последователей, реформировать их сознание, что является основной целью организаторов секты. Активно воздействуя на сознание и подсознание людей с помощью ряда специальных тактик, последователям прививают фобии и зависимости, лишаящие их возможности покинуть секту и адекватно оценивать ситуацию.

IV. СТРАТЕГИЯ ИМПЕРАТИВНОСТИ

1. Цель — убедить адептов в величии и авторитетности организации, создать ситуацию,

при которой у последователей секты не возникнет сомнений в правильности своего выбора.

2. Мотив — привлечение большего числа адептов с целью получения материальной и духовной выгоды.

3. Способы реализации этой стратегии мы объединили в одну тактику, название которой отражает суть самой стратегии — **тактика возвеличивания**.

Для создателей секты тоталитарного типа важно в первую очередь заманить как можно больше людей в организацию. С этой целью используется прием идеализации своей религии и Бога, которому принято поклоняться в данной секте, например: *Моя Религия — с Небес! Явление Моё — Свыше! Церковь Моя Великое Белое Братство — Рождена Мною и Являет Собой — ЛЮБОВЬ Божью. Меня и Церковь Мою мир возненавидел за Истинное Слово, Истинную Веру, Истинную Любовь и Чистоту* [Мария Дэви Христос. Кассационная жалоба Марии ДЭВИ ХРИСТОС. 1996].

Основного создателя религиозной организации, Марию Дэви Христос, последователи боготворят и возвеличивают: *Мир сотворён Женщиной! Великой Женщиной Матерью! Она Сотворила Мир для Счастья, чтобы Все были в Нём Счастливы! Ведь счастье всегда творит Женщина, ради этого живёт. Создаёт вокруг себя Идиллию, Уют, Мир, в котором было бы Радостно и Благодатно жить всему Живому, Рождённому Ею* [Тавифа, Велисвет 2013].

Авторы статей намеренно формируют условия, при которых у человека возникает чувство принадлежности к «великому» делу: *Поэтому, пробудитесь, истинные Дочери и Сыновья Света, будущие Логосы Любви Матери Мира! От вас зависит Спасение человечества Земли, Преображение этой сферы Бытия!* [Русинов 2013].

Не менее существенной является необходимость удержать последователей, ср.: *Неужели вы думаете, что Бог настолько неизобретателен, чтобы Являться постоянно в одном и том же Образе? Или во второй раз такая же мать Мария должна родить такого же Иисуса? Не слишком ли просто будет тогда демонам узнать Мессию? В том-то и смысл, чтобы каждый почувствовал сердцем, а не принял Бога только потому, что так издавна записано в Слове Божьем* [Мария Дэви Христос 1993].

С помощью такого коммуникативного хода, как нанизывание риторических вопросов, на которые последователи учения никогда не ответят «да», авторы пытаются отсеять лишние сомнения среди адептов в правильности выбора религии.

Члены организации, ощущая присутствие покровителя, который их оберегает, любит и заботится о них, разумеется, ценят такую опеку, и это является еще одним из эффективных приемов, направленных на то, чтобы привлечь и удержать в организации большее число адептов: *Я очень Люблю вас! Ибо вы — Моя Святая Церковь, Моя Жизнь, Моё Страдание, Весь Смысл Моего Нисхождения на Землю!... Дети Мои! Как Я Страдаю за вами! Как Я Люблю вас! Рвётся Сердце Моё из груди, зная, что вы, как овцы, разбрелись, без Пастыря Своего, Терпящего во Имя Спасения вашего!* [Мария Дэви Христос 1994].

Огромное количество статей, разъясняющих учение Великого Белого братства, адресовано конкретным лицам. Все подобные тексты называются по одной модели, ср.: *«Мир тебе, Любимый Мой Израэль!»*, *«Мир тебе, Милая Моя Малахия!»*, *«Мир тебе, Никодимушка!»*, *«Мои Любимые, Лучезарные Доченьки! Ария и Наталья!»*, *«Родненький Мой Марк!»*, *«Мир Вам, Дети Мои Эмилия и Татьяна!»* и т. д.

Вот выдержка из одного послания, типичная для всех вышеупомянутых текстов: *Детка Моя Золотая, Ария!... У тебя очень тонкая Душа и, Дай Боже, Ей Воссиять Огнями Любви Превечной. Не бойся Меня, Доченька, делись самым сокровенным, и Дух Мой Поможет пережить тебе все тяготы и невзгоды, Укрепит и Созидет тебя изнутри* [Мария Дэви Христос 1996в]. Наставники секты, проявляя внимание к отдельным лицам, подчеркивают значимость каждого из своих последователей, поэтому у членов организации складывается ощущение собственной необходимости.

Таким образом, при возвеличивании деятельности организации «Белое Братство» и её руководителей авторы осуществляют настоящую атаку любовью с помощью следующих языковых средств: эпитетов (*лучезарные, милые, любимые, сокровенные* и др.); слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*доченьки, родненькие, сыночки, детка, деточка* и др.); библеизмов (*Пастыря Своего, Мир тебе, Во имя Спасения нашего* и др.); инверсий (*Рвётся Сердце Моё из груди; Являет собой Любовь Божию* и др.); устаревшей лексики (*созидет, превечный, воссиять* и др.). Кроме того, нельзя не заметить обилие восклицательных конструкций, передающих восторженность, восхищение, приводящих адресатов к экзальтированности и эмоционально приподнятому фанатизму.

Подчеркнуть значимость и истинность учения, руководителей секты и самих адептов в глазах руководства призвано широкое ис-

пользование прописных букв. Встречаются тексты, в которых практически каждое слово начинается с заглавной буквы: *Меня и Церковь Мою мир возненавидел за Истинное Слово, Истинную Веру, Истинную Любовь и Чистоту* [Мария Дэви Христос 1996б] и т. п.

Отличительной особенностью текстов рассматриваемой организации является апелляция к таким понятиям, как *вера, любовь, вечность, конец света* и др. Ключевой фигурой является *Матерь Мира Мария ДЭВИ ХРИСТОС* — образ, актуализирующий в сознании адресата сразу несколько сакральных имен: *Богородица Мария* и *Иисус Христос*. Подчеркнуть избранность и правоту *Матери Мира Марии ДЭВИ ХРИСТОС* помогает принцип контраста, по которому строится большинство текстов организации: *Она*, избранная и богоданная, противопоставляется всем прочим, порочным и недостойным (официальной религии, современному обществу, журналистам, политикам и др.).

Такой набор коммуникативных стратегий и реализующих их тактик обусловлен самой спецификой организации: «Великое Белое Братство „ЮСМАЛОС“» — это деструктивный религиозный культ, в котором ведущими средствами воздействия на сознание оказываются обращение к непреходящим духовным ценностям, атака любовью, апелляция к тексту Библии, критика официальной церкви, культивирование чувства страха и вины среди адептов, а также превознесение личности и непререкаемость авторитета лидера сообщества и неоспоримость истинности проповедуемого учения.

Мы не беремся оценивать деятельность организации с морально-этической точки зрения, однако анализ текстов «Великого Белого Братства» продемонстрировал явную пропаганду крайне негативного отношения ко всему, что не относится к сути идеологии сообщества и лидерам учения. Данный факт означает, что врагами для действующих или потенциальных адептов секты являются не только современный мир с его явными и скрытыми угрозами, но и официальные религии, а также родные, близкие, не разделяющие воззрений «белых братьев».

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические с параллельными местами. — М. : Библейская Лига, 2002.
2. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. — Н. Новгород : Христианская библиотека, 2006.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
4. Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. — Саратов, 1997. С. 66—87.

ИСТОЧНИКИ

5. *ВВП*. Русы, Победим Дракона! 2011. 16 дек. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=printpage&pid=154>.
6. *Великое Белое Братство «ЮСМАЛОС»* : офиц. сайт. URL: <http://usmalos.com/>.
7. *Виктория РА* : духовное издание. 2011. № 2. URL: http://victoriara.com/files/pdf/VictoriaRA_2011-02_view.pdf.
8. *Воамил*. Современные технологии на службе у Антихриста. 30 апр. 2002. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=UsmalosWorld&pa=showpage&pid=14>.
9. *Манягин В.* [и др.]. Весь мир — барак. Обама : [подборка статей]. 2013. 6 февр. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=UsmalosWorld&pa=printpage&pid=180>.
10. *Мария Дэви Христос*. Я Борюсь за каждого грешника! 1993. 17 июля. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=printpage&pid=21>.
11. *Мария Дэви Христос*. Мир вам, Дети Мои! 1994. 26 апр. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=printpage&pid=119>.
12. *Мария Дэви Христос*. Основные Заповеди Завета Жизни Вечной Матери Мира Марии ДЭВИ ХРИСТОС. 1996a. 22 мая. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=Pages&pa=printpage&pid=1>.
13. *Мария Дэви Христос*. Кассационная жалоба Марии ДЭВИ ХРИСТОС. 1996b. 30 июня. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=UsmalosWorld&pa=printpage&pid=2>.
14. *Мария Дэви Христос*. Мои Любимые, Лучезарные Доченьки! Ария и Наталья! 1996в. 13 июля. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=showpage&pid=47>.
15. *Мария Дэви Христос*. ЮСМАЛОС: Спасение Человечества. Благой Нектар ЛЮБВИ. 1999. 9 апр. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=printpage&pid=3>.
16. *Мария Дэви Христос*. Тоталитарная идеология — мёртвое православие порождает потенциальных рабов... (Доколе рептилии будут управлять миром?). 2004. 19 марта. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=showpage&pid=33>.
17. *Мария Дэви Христос*. Тайна Марии «Магдалинь», или кто управляет сознанием землян. 2005. 5 февр. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=showpage&pid=36>.
18. *Мария Дэви Христос*. Интервью с Викторией Викторовной Преображенской, Основательницей «Космического Полиискусства Третьего Тысячелетия» (Марией ДЭВИ ХРИСТОС). 2011. 13 сент. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=showpage&pid=28>.
19. *Марк*. Новые деньги?.. 1999. 21 мая. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=UsmalosWorld&pa=showpage&pid=9>.
20. *Преображенская В.* Слово о КРАСОТЕ. 1995. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=printpage&pid=179>.
21. *Преображенская В.* Пред Лицом Вечности. 2012a. 18 марта. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=printpage&pid=159>.
22. *Преображенская В.* 22 аркана света. 2012б. 4 апр. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=printpage&pid=160>.
23. *Преображенская В.* Коварные планы рептилоидов — Разрушены ВОЛЕЙ СОФИИ-СОТИС! 2012в. 19 авг. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=showpage&pid=163>.
24. *Преображенская В., Чернецкая С.* Ответ телеканалу Интер на лживый пасквиль о Виктории Преображенской от 20.03.2013. Интервью Викторией Преображенской. 2013. 24 марта. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=printpage&pid=173>.
25. *Русинов В.* Люди будут Спасены, когда соберутся 144 тысячи будущих Логосов Матери Мира! 2013. 28 марта. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=UsmalosWorld&pa=showpage&pid=194>.
26. *Соколов Н., Светлицкий А.* «Принудительный трансгуманизм» — бездарная попытка оправдания «конца игры» — последних преступлений агонизирующей «элиты». 2012. 14 окт. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=UsmalosWorld&pa=showpage&pid=162>.
27. *Соколов Никита*. Чипизация и нанотехнологии. 2011. 8 нояб. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=UsmalosWorld&pa=printpage&pid=123>.
28. *Страгой*. Тайна Явления Матери Мира. 2005. 29 мая. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=UsmalosWorld&pa=printpage&pid=81>.
29. *Страгой*. Путь осилит ИДУЩИЙ! 2012. 13 апр. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=UsmalosWorld&pa=printpage&pid=139>.
30. *Тавифа, Велисвет*. Мир спасёт осознание Явления Матери Мира. 2013. 7 февр. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=UsmalosWorld&pa=showpage&pid=183>.
31. *Трикреста*. ЗаРАастризм — Учение древних Ариев, возвестившее Приход Спасителя Эпохи разделения Добра и Зла — Матери Мира МАРИИ ДЭВИ ХРИСТОС! 2013. 5 февр. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=UsmalosWorld&pa=showpage&pid=177>.
32. *Урания*. Славяне, откройте глаза! 2011. 27 авг. URL: <http://usmalos.com/modules.php?name=ЕpoHaSveta&pa=printpage&pid=151>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

УДК 81'276.5
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.31.61

Код ВАК 10.02.01, 10.02.21

О. В. Барабаш **O. V. Barabash**
Пенза, Россия Penza, Russia

**К ПРОБЛЕМЕ ТОЛКОВАНИЯ
ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТОВ:
АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В настоящее время практического решения и теоретического осмысления требует проблема противодействия коррупции, возникающей в зоне пересечения политического и правового дискурса. В статье рассматривается проблема толкования правовых актов с точки зрения выявления в них коррупционного потенциала, анализируются причины неоднозначного толкования официальных документов. Выдвигается предположение о том, что одним из условий эффективного правового регулирования и правоприменения должен стать такой подход к созданию и толкованию нормативно-правовых актов и иных официальных документов, при котором происходит смещение акцента на адресата в акте правовой коммуникации.

Ключевые слова: политический дискурс; правовой дискурс; толкование; правовой акт; официальный документ; язык; коррупциогенный фактор.

Сведения об авторе: Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной педагогики и психологии.

Место работы: ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет».

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
e-mail: olphil@mail.ru.

**TO THE PROBLEM OF INTERPRETATION
OF LEGAL DOCUMENTS:
ANTICORRUPTION ASPECT**

Abstract. Nowadays there is a necessity to find a solution to the problem of corruption in an intersection of political and legislative discourses. The article runs about the interpretation of legal acts in an effort to find corruptogenic factors. The author analyses reasons for ambiguous interpretation of legal acts. The researcher makes a supposition that it is necessary to move the accent to an addressee of legal communication acts during the processes of adoption and interpretation of legal acts and official records. It allows to achieve an effective regulation of legal relationship.

Key words: political discourse; legislative discourse; interpretation; legal act; official record; language; corruptogenic factor.

About the author: Barabash Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Professional Pedagogy and Psychology.

Place of employment: Penza State University.

Процесс реализации права требует прежде всего осмысления правовой нормы, уяснения и разъяснения воли законодателя, иными словами, осуществления толкования правового предписания. Как таковая проблема толкования правовых норм не нова: теоретико-правовому изучению толкования права посвящены труды Г. Гроция, Х.-Г. Гадамера, П. Рикера, Э. Бетти, ставшие основой теоретических построений более поздних разработчиков юридической герменевтики. Однако в настоящее время как для юристов-практиков, так и для ученых, в центре внимания которых находится сфера взаимодействия языка и права, проблема толкования правовых норм приобретает особую актуальность. Это связано с многочисленными обновлениями в российском законодательстве, увеличением объема нормативно-правового массива, расширением и в то же время недостаточной унификацией терминологического аппарата права, наличием бланкетных и отсылочных норм.

Указанные факторы обуславливают необходимость совершенствования юридической техники, поиска новых подходов к проблеме толкования нормативных правовых актов, к осуществлению экспертизы их проектов. Кроме того, как отметил на заседании коллегии Генеральной прокуратуры 5 марта 2013 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин, политическая система в нашей стране находится в состоянии становления, в связи с чем «появляется очень много лазеек для коррупции и использования в неблагоприятных целях служебного положения» [Российская газета. 2013. 5 марта]. Таким образом, становится очевидным, что практического решения и теоретического осмысления требует также проблема противодействия коррупции, возникающая в зоне пересечения политического и правового дискурса.

Целью настоящей статьи является рассмотрение проблемы толкования официальных документов с точки зрения выявления в них коррупционного потенциала. Актуаль-

Данное исследование проводится в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы, государственный контракт № 16.740.11.0708.

© Барабаш О. В., 2013

ность исследования обусловлена наличием спорных моментов в изучении проблемы толкования правового текста, решение которых имеет важное значение для проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Кроме того, в качестве фактического материала используются новейшие нормативно-правовые акты, а также постановления муниципального уровня, размещенные на официальных сайтах в 2013 г.

Обратимся к закрепленным в науке определениям толкования права. А. С. Пиголкин характеризует толкование как «деятельность органов государства, должностных лиц, общественных организаций, отдельных граждан, направленную на установление содержания норм права, на раскрытие выраженной в них воли социальных сил, стоящих у власти» [Пиголкин 1998: 112].

А. Ф. Черданцев выделяет в толковании права, «с одной стороны, определенный мыслительный (познавательный) процесс, направленный на объяснение знаковой системы, а с другой — результат этого процесса, выраженный в совокупности высказываний естественного языка, придающих указанной системе определенное значение (смысл)» [Черданцев 2003: 108]. Действительно, толкование выступает как сложный, многоступенчатый и многосторонний процесс. Уяснение смысла правовой нормы (толкование «для себя») объективируется в процессе разъяснения (толкования «для другого») путем создания устного или письменного высказывания.

С. С. Алексеев указывает на взаимосвязь юридической техники с толкованием права как ее продолжением, называя последнее «техникой, выраженной в деятельности по установлению действительного содержания юридических норм» [Алексеев 2008: 486]. В подобном подходе подчеркивается, что правотолкование как техника установления смысла правовой нормы должно осуществляться в соответствии с четкими правилами.

Многие современные исследователи (А. В. Васюк, А. И. Овчинников, А. Е. Писаревский и др.) рассматривают толкование права с позиций юридической герменевтики, понимая ее профессиональное предназначение в поиске и реализации смысла законодательного текста, определении семантических приемов его формулирования и восприятия.

Таким образом, ученые сходятся во мнении о том, что толкование есть сложный интеллектуально-волевой процесс установления точного смысла правовой нормы, ее цели

и социальной направленности, возможных последствий действия толкуемого акта.

В то же время открытым остается вопрос об объекте толкования: что должно стать результатом уяснения и разъяснения нормативного правового акта — «буква» закона (формальное языковое выражение смысла правового акта) или «дух» закона (воля законодателя)? О. М. Беляева, указывая на то, что объектом толкования является текст закона, видит главную задачу толкования в выяснении смысла того, что сформулировал законодатель, а не того, что он хотел выразить [Беляева 2010: 104—108]. Не подвергается сомнению тот факт, что цель толкования заключается в точном, единообразном понимании и применении закона, в установлении его подлинной сути, словесно оформленной законодателем. При этом «толкование не вносит и не может вносить поправок и дополнений в действующие нормы. Оно призвано лишь объяснять и уточнять то, что сформулировано в законе» [Хропанюк 1998: 276].

Однако, как показывает анализ действующих законодательных актов, а также многих других юридических документов (договоров, судебных решений, постановлений регионального уровня и т. д.), одной из проблем, возникающих в процессе толкования и затрудняющих его, выступает именно противоречие воли и волеизъявления. Сложность и недостаточная четкость выражения мысли, отсутствие необходимых дефиниций, полисемия языковых формул становятся причинами неоднозначного толкования текста правового документа.

Особую остроту в связи с указанной проблемой приобретает вопрос о коррупционном потенциале правового текста. Если в законодательном акте содержится противоречие воли и волеизъявления, т. е. формы и того смысла, который подразумевал законодатель, то неоднозначное толкование — в пользу «буквы» либо «духа» закона — может служить причиной коррупционных действий правоприменителя.

Интересным представляется утверждение Е. А. Кусовой о том, что толкование норм — «это не только и не столько их понимание и объяснение как таковых, сколько интерпретация с точки зрения диатомии „право — факт“, т. е. потребностей юридической оценки конкретных фактических случаев» [Кусова 2010: 101]. Иными словами, исследователь акцентирует внимание на казуальном аспекте правотолкования, в связи с чем закономерно возникает необходимость обозначить круг его возможных участников. Принципиальным в связи с этим представ-

ляется поставленный Н. Д. Голевым вопрос о роли обыденного филологического толкования на фоне актуализации аутентичного толкования, дающего исключительное право толкования уполномоченному на то субъекту [Голев 2006: 6-36; Голев 2013: 85—92].

На наш взгляд, в настоящее время происходит расширение границ правотолкования: необходимость интерпретации вызывают не только нормативно-правовые акты, регулирующие определенную сферу общественных отношений, но и индивидуальные правовые акты, которые порождают права и обязанности только у тех субъектов, которым они адресованы [Барабаш 2012: 15]. Таким образом круг участников толкования юридических текстов (в широком значении) раздвигается и включает всех участников правовой коммуникации. Однако именно в таком случае нередко возникает несоответствие толкования уполномоченного органа и исполнителя правового предписания, причем «принцип аутентичности толкования, закрепляющий толкование за законодателем, решает это противоречие с позицией приоритета власти, которая всегда права, даже если не права» [Голев 2013: 87].

Следует в то же время отметить, что очищение российского законодательства от положений, обладающих коррупционным потенциалом, в настоящее время является одним из приоритетных направлений совершенствования правового поля в Российской Федерации. Основные принципы антикоррупционной политики закреплены в федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В соответствии со статьей 6 указанного закона основной мерой профилактики коррупционных нарушений является антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов.

Согласно Методике, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», одним из коррупционных факторов является определение компетенции формулой «вправе», которое влечет «диспозитивное установление возможности совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций» [Методика от 26 февраля 2010 г. № 96].

Например, пункт 3 статьи 39 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» гласит: «Размер платы за пользование жилым помещением и коммунальные услуги в общежитии для обучающихся

определяется локальными нормативными актами, принимаемыми с учетом мнения советов обучающихся и представительных органов обучающихся в организации, осуществляющей образовательную деятельность (при их наличии). Организация, осуществляющая образовательную деятельность, вправе снизить размер платы за пользование жилым помещением и коммунальные услуги в общежитии для обучающихся или не взимать ее с отдельных категорий обучающихся в определяемых ею случаях и порядке» [СЗ РФ от 31 декабря 2012 г. № 53 (часть I), ст. 7598]. На наш взгляд, данная правовая норма содержит коррупциогенный фактор, устанавливающий для правоприменителя возможность необоснованного применения исключений из общих правил для граждан («отдельных категорий обучающихся»), так как определение случаев и порядка снижения размера платы за пользование жилым помещением и коммунальные услуги полностью отдано на усмотрение организации.

Примером возможности неоднозначного толкования текста законодательного акта может служить, на наш взгляд, пункт 2 статьи 7 действующего федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», в котором устанавливается состав комиссии по размещению заказов: «Заказчик, уполномоченный орган вправе включать в состав комиссии преимущественно лиц, прошедших профессиональную переподготовку или повышение квалификации в сфере размещения заказов для нужд заказчиков» [ФЗ от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ]. Определение полномочий заказчика формулой «вправе» предоставляет ему возможность формировать состав комиссии по своему усмотрению, что по сути является диспозитивным установлением возможности совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций, т. е. коррупциогенным фактором. Однако если допустить, что законодатель подразумевал именно право заказчика на формирование комиссии установленным в данном пункте образом, то вытекающая отсюда необязательность включения в состав комиссии лиц, прошедших профессиональную переподготовку или повышение квалификации в сфере размещения заказов, вступает в противоречие с требованием, выраженным наречием «преимущественно».

С 1 января 2014 г. вступает в силу федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ

«О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в котором рассмотренное выше противоречие снимается благодаря исключению из положения закона формулы «вправе». В то же время неясными остаются критерии, по которым необходимо судить об уровне квалификации участников комиссии по размещению заказов, а также требования к уровню профессиональной компетенции заказчика.

Кроме того, в пункте 6 статьи 39 обнаруживается такой коррупциогенный фактор, как юридико-лингвистическая неопределенность. Так, использование категории оценочного характера *незамедлительно* не позволяет точно определить срок, в течение которого указанная в правовой норме обязанность должна быть исполнена: «В случае выявления в составе комиссии указанных лиц заказчик, принявший решение о создании комиссии, обязан незамедлительно заменить их другими физическими лицами, которые лично не заинтересованы в результатах определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и на которых не способны оказывать влияние участники закупок...» [ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ]. Указание конкретного срока для замены членов комиссии позволит снять юридико-лингвистическую неопределенность и сделает выражение воли законодателя точным и однозначным.

Рассматриваемый закон содержит также большое количество отсылочных норм, приводящих к перераспределению полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти и затрудняющих правоприменение. Представляется необходимым проведение повторной антикоррупционной и лингвистической экспертиз данного нормативно-правового акта, направленного, согласно пункту 1 статьи 1, на «обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок» [ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ].

Следует отметить, что в действительности юридико-лингвистическая неопределенность порождается не только употреблением неустоявшихся терминов и категорий оценочного характера. Причиной ее возникновения может стать как неверное употребление формы слова, так и структура целого предложения, иными словами, нарушение языковых норм как следствие недостаточно-

го владения юридическим языком, основами юридической техники [Барабаш 2013: 14]. Так, возможность двоякого толкования волеизъявления может возникнуть при употреблении глагольно-именных сочетаний в тексте официальных документов без учета видовой принадлежности глагола, например:

Администрация рабочего поселка Колышлей постановляет:

1. *Разрешить вырубку сухостоя и аварийных деревьев, вырубку сухих и поломанных кустарников на территории муниципального образования „Рабочий поселок Колышлей“ в районе улицы 70 лет Октября.*

2. *Рекомендовать индивидуальному предпринимателю Акимовой М. Н. провести санитарную очистку захлапленности лесополосы и в соответствии с правилами благоустройства населенных пунктов производить уборку и вывоз образовавшегося мусора* [Постановление... Колышлей... 2013].

В пункте 2 данного постановления содержится несогласованность форм сказуемых, которая приводит к юридико-лингвистической неопределенности высказывания: глагол совершенного вида «провести» (отвечающий на вопрос «Что сделать?») стоит в однородном ряду с глаголом несовершенного вида «производить» («Что делать?»). В связи с этим возникает вопрос, следует ли индивидуальному предпринимателю М. Н. Акимовой регулярно производить уборку и вывоз образовавшегося мусора (тогда нужно указать степень этой регулярности и посвятить этому моменту отдельный пункт), или (что, скорее всего, подразумевал автор текста) убрать и вывезти мусор необходимо только после вырубки сухостоя, о чем говорится в пункте 1 данного постановления. В таком случае следует употребить глагол совершенного вида «произвести».

Юридико-лингвистическая неопределенность может возникать и при употреблении личных местоимений, заменяющих существительное, например: *В случае если для подготовки ответа требуется более продолжительное время, специалист администрации, осуществляющий индивидуальное устное информирование, может предложить заявителю обратиться за необходимой информацией в письменном виде либо назначить другое удобное для него время для устного информирования* [Проект постановления... 2013].

В данном предложении местоимение с предлогом «для него» создает юридико-лингвистическую неопределенность, так как из предложения не ясно, к кому указанное местоимение относится: к заявителю или

специалисту. В официальных документах не следует избегать тавтологии с помощью личных местоимений, поэтому в данном предложении необходимо употребить формулировку «удобное для заявителя время».

Императивность официально-деловой речи, предполагающая последующие обязательные действия адресата, требует точности выражения мысли, полноты высказывания. Данное требование находит свое отражение и в синтаксических особенностях правовых документов. Так, усложненность синтаксиса, тенденция к рубрикации текста обусловлены необходимостью детализации правовых норм. Сложные рубрицированные перечисления дают возможность формализовать передачу однотипной информации. При этом важным организующим средством на уровне предложения выступает порядок слов.

К сожалению, авторы официальных документов не всегда уделяют достаточно внимания порядку слов при построении предложений. Неудачный порядок частей предложения может не только затруднять возможность понимания правовой нормы, но и создавать условия для ее двоякого толкования, т. е. порождать коррупциогенность текста. Приведем пример: *Постановка на учет детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не имеющих закрепленного жилья* [Постановление... Ульяновского сельсовета... 2013].

Данное предложение взято из постановления, в котором утверждаются административные регламенты исполнения муниципальных функций (предоставления муниципальных услуг) администрацией. Формулировка представляется не совсем удачной, так как не ясно, к кому относится информация из причастного оборота «не имеющих закрепленного жилья» — к детям или к родителям. Здесь в сокращенном виде приводятся положения Жилищного кодекса Российской Федерации и федерального закона от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», поэтому речь идет, конечно, о детях. В связи с этим предложение следует перестроить следующим образом: «Постановка на учет детей-сирот, а также детей, оставшихся без попечения родителей и не имеющих закрепленного жилья». В таком случае языковое выражение правовой нормы становится более четким, а правотолкование — однозначным.

Подведем итоги. Очевидно, что причины неоднозначного толкования текста закона могут иметь как естественно-языковой (богатство языка, лексическая полисемия), так

и юридико-технический характер. В соответствии с этим при толковании правовых текстов, в том числе с целью выявления в них коррупционного потенциала, первостепенное значение имеет план их языкового выражения. Это связано, на наш взгляд с тем, что с момента официального опубликования смысл правовой нормы перестает принадлежать законотворцу, происходит так называемое отчуждение текста от автора, и все участвующие в правовой коммуникации субъекты осуществляют интерпретацию (неофициальное толкование) правового акта исходя из того, что в нем написано. Если придерживаться такой точки зрения, нельзя не согласиться с утверждением Н. Д. Голева о том, что «признание верховенства „буквы закона“ в толковании правовых текстов существенно меняет традиционное представление о субъектности толкования текста закона и сущности правовой коммуникации вообще». Как отмечает ученый, при таком подходе усиливается позиция обыденного филологического толкования, которое «переходит из области юридико-герменевтической периферии в сущностные категории правовой коммуникации в формате диалога власти и народа (законопослушных граждан)» [Голев 2013: 88]. В связи с этим одним из условий эффективного правового регулирования и правоприменения представляется такой подход к созданию и толкованию нормативно-правовых актов и иных официальных документов, при котором в акте правовой коммуникации происходит смещение акцента в сторону адресата, что особенно важно при рассмотрении толкования текста правового документа в антикоррупционном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С. Общая теория права. — М. : Проспект, 2008.
2. Барабаш О. В. Язык и стиль официальных документов: антикоррупционные требования // Язык. Право. Общество : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 23—24 апр. 2013 г.) / под. ред. О. В. Барабаш, Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2013. С. 6—17.
3. Барабаш О. В., Мартынова О. А. Юридическая герменевтика и проблемы толкования правовых норм // Вестник МГОУ. 2012. № 4. С. 14—19.
4. Беляева О. М. Объект толкования права: воля закона («буква» закона) или воля законодателя («дух» закона)? // Законы России: опыт анализа, практика / Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. 2010. № 11. С. 104—108.
5. Голев Н. Д. Об обыденном филологическом толковании и уяснении текста закона // Язык. Право. Общество : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 23—24 апр. 2013 г.) / под. ред. О. В. Ба-

рабаш, Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2013. С. 85—92.

6. *Голев Н. Д.* От редактора. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрлингвистика-7. Язык как феномен правовой коммуникации / под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005.

7. *Кусова Е. А.* Проблемы правотолкования информационного законодательства: к постановке проблемы // Вектор науки ТГУ. 2010. № 2 (2). С. 100—102.

8. *Методика* проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96). URL: http://base.garant.ru/197633/#block_2000 (дата обращения: 10.03.2013).

9. *Пиголкин А. С.* Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. — М. : Спирк, 1998.

10. *Постановление* Администрации рабочего поселка Колышлей Колышлейского района Пензенской области от 12.03.2013 года № 26 «О разрешении на вырубку сухостоя и аварийных деревьев на территории муниципального образования „Рабочий поселок Колышлей“». URL: <http://kol.kolyshley.pnzreg.ru/ndocs/2013/03/13> (дата обращения: 15.03.2013).

11. *Постановление* Администрации Ульяновского сельсовета Тамалинского района Пензенской области от 25.02.2013 №11 «Об утверждении административных регламентов исполнения муниципальных функций (предоставления муниципальных услуг) администрацией Ульяновского сельсовета Тамалинского района Пензенской области». URL: <http://ulynovsky.tamala.pnzreg.ru/ndocs/2013/03/12/7572952> (дата обращения: 20.03.2013).

12. *Проект постановления* «Об утверждении административного регламента администрации Суляевского сельсовета Лопатинского района Пензенской области по предоставлению муниципальной услуги по обеспечению своевременного и полного рассмотрения устных и письменных обращений граждан, принятию по ним решений и направлению ответов заявителям в установленный законодательством Российской Федерации срок». URL: <http://sulyaevka.lopatino.pnzreg.ru/ndocs/2013/03/13/17201389> (дата обращения: 20.03.2013).

13. *Российская газета*. URL: <http://www.rg.ru/2013/03/05/prokuratura-site.html> (дата обращения: 20.06.2013).

14. *Федеральный закон* от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL: <http://www.rg.ru/2008/12/30/korruptcia-fz-dok.html> (дата обращения: 22.05.2013).

15. *Федеральный закон* от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. № 53 (часть I). Ст. 7598.

16. *Федеральный закон* от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». URL: <http://www.rg.ru/2005/07/28/goszakaz.html> (дата обращения: 03.06.2013).

17. *Федеральный закон* от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: <http://www.rg.ru/2013/04/12/goszakupki-dok.html> (дата обращения: 03.06.2013).

18. *Хропанюк В. Н.* Теория государства и права : хрестоматия : учеб. пособие. — М., 1998.

19. *Черданцев А. Ф.* Толкование права и договора : учеб. пособие. — М. : Юнити-Дана, 2003.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Д. Голев

УДК 159.923+81'27
ББК Ш100.3+Ю952

ГСНТИ 15.41.21; 16.21.29

Код ВАК 19.00.05; 10.02.21

К. В. Злоказов К. V. Zlokazov

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ТЕКСТ И СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Анализируются особенности личности в связи с восприятием экстремистского текста деструктивной направленности. Обсуждаются результаты эмпирического исследования фанатических, националистических, ксенофобических и авторитарных психологических установок и их связи с экстремистскими высказываниями. Приводится регрессионное уравнение прогноза согласия с экстремистским текстом.

Ключевые слова: экстремистский текст; личность; подростки и молодежь; деструктивность личности; прогнозирование.

Сведения об авторе: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии.

Место работы: Уральский юридический институт (Екатеринбург).

Контактная информация: 620057, г. Екатеринбург, ул. Копеева, 66, к. 325.
e-mail: zkkrivit@yandex.ru.

EXTREMIST TEXT AND TRAITS OF PERSONALITY

Abstract. The article presents features of personality traits in relation to the perception of an extremist text destructive direction. The results of empirical research of fanatic, nationalistic, xenophobic and authoritarian attitudes and their links with extremist statements are discussed. Regressive equation of the consensus forecast with extremist theses is carried out.

Key words: extremist text; personality; teenagers and youth; destructive personality; prognosis.

About the author: Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogy Psychology.

Place of employment: the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ekaterinburg).

Множественность информационных потоков и совершенствование форм их агрегирования — одна из черт современного информационного пространства. Отличие восприятия интернет-информации от информации, представленной другими способами (печатной, на телевидении и радио) видится в саморегулирующей роли субъекта восприятия в этом процессе. В самом деле, при использовании телевизионных и печатных источников субъект не способен ориентироваться в потоке информации, отбирать значимые для себя сведения в той степени, в какой это ему позволяет делать информационное пространство Интернета. Благодаря способности к селекции, структурированию и агрегации информации воспринимающим, подтверждение реальности идей, социальных групп и движений осуществляется гораздо более эффективно, чем это предполагали П. Лазарсфельд и Р. Мертон [Lazarsfeld, Merton 1960]. Соответственно процесс формирования убеждений происходит в настоящее время во взаимоотношающей форме взаимодействия «субъект — текст» и «текст — субъект». Сложность моделирования этого процесса в психолингвистическом исследовании обратно пропорциональна его результативности. Исследование процессов восприятия текста раскрывает не только лингвистические или психологиче-

ские особенности автора и читателя, но и кумулятивные эффекты группового обсуждения, социально-психологические факторы коммуникации в сети Интернет. Особое значение изучению эффектов взаимодействия текста и реципиента придается при прогнозировании деятельности, удовлетворяющей асоциальные и деструктивные потребности современного человека. В данной статье под видом деструктивной активности подразумевается экстремизм — один из актуальных аспектов социально-политической жизни современного российского общества. Деструктивная составляющая экстремистской деятельности заключается в направленности на уничтожение, разрушение социальных структур и институтов. Законодатель определяет формы экстремистской деятельности так: публичное оправдание терроризма; возбуждение социальной, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека в зависимости от его принадлежности к определенному этносу, расе, от его вероисповедания, от его родного языка; публичные призывы, провоцирующие рознь и ненависть, призывы к насилию [О противодействии экстремистской деятельности 2002].

В современной отечественной лингвистике активно осмысливается влияние экстремистского текста на реципиента [Голиков

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность».

© Злоказов К. В., 2013

2012]. Выделяются различные формы речевого воздействия: «призыв — побуждение — пропаганда» [Иваненко 2008], а также систематизированные по характеру средств реализации (лозунг, апелляция, обращение, воззвание) [Баранов 2007: 424—431]. Экстремистский текст содержит идеи отрицания, уничтожения (разрушения) определенной социальной группы (или ее представителей), признаки которой отрицаются вплоть до противопоставления. Нужно отметить, что ксенофобия по национальному, политическому и религиозному признаку в современном информационном пространстве России достаточно высока. Так, введение в заголовок поисковой машины («Яндекс», «Google» и т. д.) типа национальности уже ориентирует читателя на оценку и категоризацию текста, в котором конкретизируется образ представителя названной национальности. Результаты могут быть такими: «Пьяный „...“ напугал мам расстегнутой ширинкой...» [Колосова 2013], «Московского стилиста Любашенко убил молодой „...“» [Московского стилиста Любашенко...], «„...“ изнасиловал беспомощную 11-летнюю девочку...» [Таджик изнасиловал беспомощную...]. С одной стороны, подобные информационные теги не разжигают межнациональную вражду, однако базируются на привычном контексте восприятия, уточняют и упрощают уже сформированный у реципиента образ «иного». Упрощение происходит до наиболее простой конструкции: «Иной — преступник (враг)». Следует согласиться с М. Б. Ворошиловой, отмечающей классифицирующий признак экстремистского текста — наличие образа врага [Ворошилова 2012]. Ксенофобическая установка «„иной“ — враг» традиционна не только для националистического, но и религиозного, политического, социального экстремистского дискурса. Таким образом, информационное сообщение с указанием классифицирующего признака и преступного деяния переходит в разряд пропаганды. Каков критерий различения информирования и пропаганды? Вероятно, эффект возникновения установки реципиента на схему «восприятие — суждение» будет свидетельствовать о пропагандистском потенциале текста. Например, результатом чтения информационных сообщений, приведенных выше, будет идея о том, что все представители названной национальности совершают преступления. Этот тезис возникает у читателя в субъективно-конкретной форме, в виде оценочной категории, а его следствием, эффектом является отчуждение читателя от представителей социальной группы с определенными признаками.

Следовательно, важность в *психологическом* аспекте исследования экстремистского текста приобретает поиск и обоснование ксенофобического эффекта — отчуждения от представителей социальной группы-«мишени». Отчуждение может осуществляться в активной (агрессия, деструкция, обесценивание) и пассивной (избегание, дистанцирование) форме, выражаться в рефлексивно-оценочных, поведенческих и эмоционально-аффективных реакциях опрашиваемого.

Вторым аспектом психологического исследования выступает оценка психологических особенностей реципиента, оказывающих влияние на реконструкцию смысла текста. К ним можно отнести индивидуально-психологические свойства личности читателя, например нейро- и психофизиологические процессы, возникающие в связи с восприятием [Злоказов 2011]. Следует принимать во внимание и знание (опыт интерпретации) символической составляющей экстремистского текста. Поскольку экстремистский текст предполагает использование аудиовизуальной стимуляции, рассчитанной в том числе и на лиц, не знакомых со знаковой составляющей сообщения [Баранов 2007: 419], знание экстремистской символики (например, рун, цифровой записи, знаков, ритуалов) позволяет субъекту точнее интерпретировать смысл текста, полнее воспринимать идеи автора.

В зарубежной психологии известен ряд измерительных средств, направленных на изучение социально-психологических установок и свойств личности, склонных к экстремизму. К ним относится «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса [Bogardus 1922], характеризующая стремление респондента отдалиться от представителя иной национальности, вероисповедания, политических взглядов и направленная на определение свойств личности экстремиста; «Шкала фашизма», предложенная Т. Адорно с соавторами [Adorno, Frenkel-Brunswik, Levinson, Sanford 1950]; «Шкала социальных установок» Г. Ю. Айзенка [Eysenck 1957].

В анализе психологических особенностей политических деятелей США и Национал-социалистической партии Германии Т. Адорно приходит к выводу о том, что авторитарная личность — это определенный психологический феномен, в котором объединяются социальный консерватизм, потребность в иерархии и уважение силы, ригидность, негибкость установок, стереотипный стиль мышления, стадная враждебность и агрессивность, иногда вплоть до садизма, тревожность по отношению к другим и не-

возможность устанавливать с ними доверительные отношения [Адорно 2001: 8—12].

Г. Айзенк отмечал совпадение свойств личности убежденных фашистов и коммунистов в части авторитарности, ригидности мышления, жесткости и категоричности сознания, повышенной религиозности, склонности к мифологизации и мистицизму. Интересно, что коммунисты, по Айзенку, более радикальны, а фашисты — консервативны, однако и те, и другие в значительной степени авторитарны по сравнению с либералами [Eysenck 1957]. В современных отечественных исследованиях толерантности как свойства личности и социально-психологической установки также измеряются проявления авторитарности, ригидности, консерватизма и нетерпимости во взаимоотношениях с окружающими [Психодиагностика толерантности личности 2008].

Обобщая, отметим, что в процессе психологического анализа экстремистского текста актуальным является изучение эффекта отчуждения, проявляющегося в отрицании представителей социальной группы, отличающейся по национальному, политическому, религиозному, социальному и иным признакам, сопровождающееся анализом установок личности и знанием респондентом символики экстремистского текста.

Для эмпирической проверки сформулированных предположений в 2012—2013 гг. нами было проведено исследование, ход и результаты которого обсуждаются далее в статье.

Цель эмпирического исследования заключалась в установлении связи между степенью согласия респондента с экстремистско-ксенофобическими высказываниями, его отношением к националистической, политической и религиозной символике, а также разделяемыми им экстремистскими установками.

Испытуемыми были старшеклассники 9—12 классов учреждений среднего образования, профессиональных училищ и техникумов таких городов, как Екатеринбург, Ревада, Каменск-Уральский, Реж, Полевской, — всего 1630 человек. Возраст, образовательный уровень, социальный статус опрошенных были выбраны в соответствии с криминологической характеристикой лиц, обвиняемых и осужденных по статье 282 УК РФ, а также состоящих в группировках экстремистской направленности [См., напр.: Меркурьев, Агапов 2013]. Полностью и корректно заполненными оказались 1529 анкет, из них по возрастному критерию мы отобрали работы учащихся 15—20 лет. В выборку исследования вошел 1441 человек.

Таблица 1

Половозрастной состав выборки

Возраст, лет	Пол	
	Юноши	Девушки
15—16	301	186
17—18	729	346
19—20	411	290

Для изучения свойств выборки, ее устойчивости и гомогенности использовались методы расщепления выборки с равным и неравным числом испытуемых с последующей статистической обработкой данных по критериям d и λ Колмогорова — Смирнова. Анализ показал отсутствие значимых различий между четными и нечетными испытуемыми по анализируемым показателям. Утверждения из набора тезисов, не отвечающие данным критериям, были отброшены. Математико-статистический анализ подтвердил репрезентативность, гомогенность выборки и нормальность распределения ответов испытуемых по шкалам методик, используемых в исследовании.

МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы исследования включали стандартизованный самоотчет выборки испытуемых, математико-статистический анализ эмпирических данных. Использовались следующие методики:

1. *Шкала социальной дистанции* (Э. Богардус, 1920 г.) в модифицированном и сокращенном нами варианте. Шкала оценивает степень социально-психологического принятия людьми друг друга, степень психологической близости людей, способствующей легкости их взаимодействия. В исследовании использовались позиции (ранги) оценки испытуемыми представителей другой национальности, культуры, религии, политических взглядов. Оценка социальной приемлемости и экспансивности респондентов намеренно не проводилась.

2. *Анкета социально-психологического анализа экстремистско-деструктивной направленности молодежи* (К. В. Злоказов, П. Е. Сулонов; 2012 г.), включающая в себя 14 основных вопросов, объединенных по результатам конфирматорного факторного анализа в 4 шкалы (фанатизм, национализм, ксенофобия, авторитаризм). Применялись следующие показатели конфирматорных моделей: χ^2 — значение статистики «хи-квадрат»; df — число степеней свободы; p — значение вероятности статистической ошибки; RMSEA — квадратичная усредненная ошибка аппроксимации (root mean-square error

of approximation), RMR — корень среднего остатка; CFI — сравнительный индекс соответствия Бентлера. Статистики модели были такими: $\chi^2 = 55,26$, $df = 29$, $p < 0,004$, $RMSEA = 0,04$; $CFI = 0,976$, $RMR = 0,027$. В соответствии с логикой изложения прокомментируем интерпретацию высоких значений показателей по шкалам.

Высокие значения по шкале «*Фанатизм*» предполагают сосредоточенность на религиозных идеях, увлеченность религией, наличие представлений о преимущественной роли религиозных норм в жизни испытуемого и его ближайшего окружения, использование религиозных канонов для объяснения жизненных событий.

Высокие значения по шкале «*Национализм*» предполагают дискриминирующую установку респондента по отношению к представителям других национальностей, нетерпимость к иным культурам и социальным нормам. Актуальна деструктивная составляющая национализма — идея о зле с лозунгом «Добро должно быть с кулаками», одобрение репрессивных методов управления, призывы к радикальным решениям в отношении представителей других национальностей.

Высокие значения по шкале «*Ксенофобия*» характеризуют стремление отвечающего избегать контакта с представителями других национальностей, религии и, вероятно, убеждений. Нежелание контактировать с другими представителями общества может быть обусловлено негативным опытом взаимодействия (например, агрессией и дискриминацией со стороны представителей иных религиозных групп, национальностей) либо агрессивно-защитной позицией вытеснения, выдавливания за пределы своего круга социальных контактов.

Высокие значения по шкале «*Авторитаризм*» можно интерпретировать как представления о необходимости стойкости и твердости в отношениях с окружающими. Также содержание шкалы характеризует ригидность личности через констатацию таких признаков, как категоричность суждений, твердость убеждений и неизменность решений. Авторитаризм как свойство личности описывает своеобразный фундамент, связанный с готовностью придерживаться принятого решения, в том числе противоречащего социальным нормам и общественным интересам.

3. *Набор тезисов*, формулируемых в видеофрагментах экстремистской направленности, являвшихся предметом судебной психолого-лингвистической экспертизы (62 видеофрагмента, 2006—2013 гг.). Мы отобрали

12 тезисов, наиболее часто встречающихся в видеофрагментах. По результатам психометрической оценки (частоты выбора, понятности испытуемому) в исследование были включены следующие пять утверждений:

- «Думаю, что большинство преступлений в нашем регионе совершается иностранными мигрантами».
- «Знаю, что мигрантам никогда не привыкнуть к нашему образу жизни, порядкам и культуре».
- «Считаю, что в ситуации кризиса в нашей стране вину за него следует возлагать на захватившие власть социальные (национальные) меньшинства».
- «Думаю, что основными проблемами русского народа являются пьянство и деградация».
- «Думаю, что для решения многих социальных проблем было бы неплохо выгнать всех мигрантов и переселенцев».

Текст и смысл утверждений оценивался 25 экспертами, в числе которых были сотрудники центров противодействия экстремизму У(ГУ) МВД России различных федеральных округов. Согласованность мнений экспертов о направленности утверждений составила 0,91 (применялся коэффициент α Кронбаха), что является достаточным для утверждения о непротиворечивости содержания суждений и соответствия их экстремистскому дискурсу. В процессе анкетирования испытуемым предлагалось выразить свое согласие с утверждениями. В случае согласия начислялся один балл, несогласия — ноль. Согласие со всеми пятью утверждениями предполагает оценку 5 баллов, полное несогласие — ноль баллов. Данный показатель рассчитывался по всему массиву обследованных и подвергался математико-статистическим преобразованиям.

При разработке стимульного материала возникла необходимость применения стимулов, не связанных с процедурами опроса и самоотчета и характеризующих установку испытуемого в иных модальностях восприятия. В соответствии с высказанными предположениями при изучении и оценки валидности применялись *оценка субъективного принятия/отрицания политической (религиозной) символики и оценка выбора вида системы государственного управления*. Данные процедуры оценки позволили уточнить и расширить представление об особенностях экстремистско-националистических установок опрошенных.

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ**

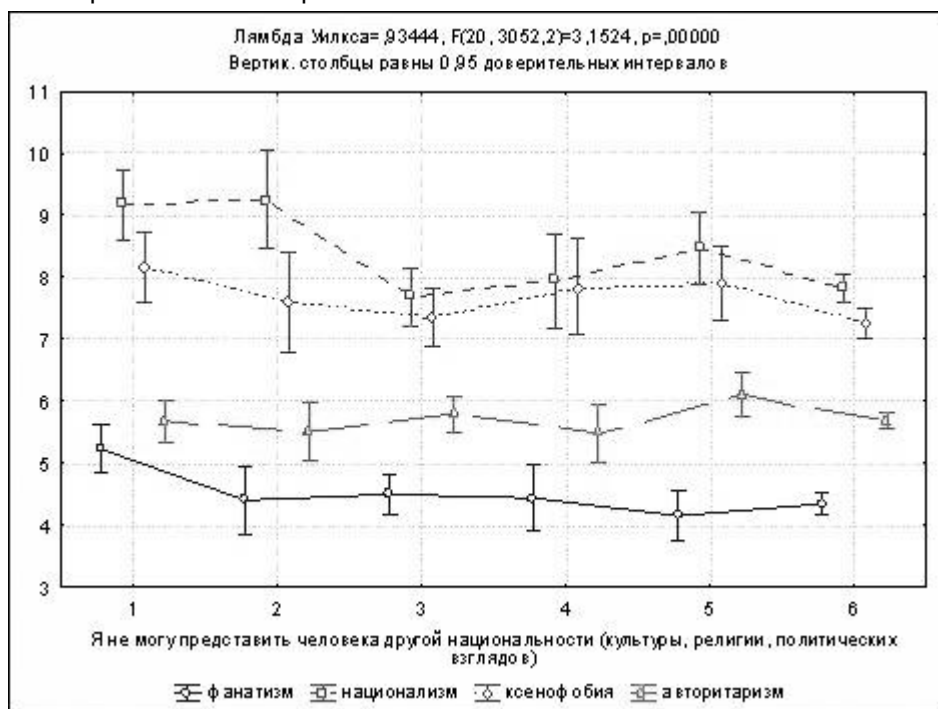
Применение однофакторного дисперсионного анализа показателя шкалы социальной дистанции Богардуса позволило определить уровень социальной дистанции для испытуемых различных типов экстремистско-деструктивной направленности.

Респондентам предлагалось оценить, насколько допустимым для них будет близость человека другой национальности (культуры, религии, политических взглядов). В работе применялся модифицированный (подробнее о необходимости модификации см.: [Сергеев 2008]) и сокращенный нами вариант шкалы Богардуса [Bogardus 1922]. Так, был изменен диапазон шкалы — с 7 градаций до 6 (в нашем исследовании отсутствовало измерение «would have live outside of my country»). Модифицированы в ходе перевода дистракторы шкалы (так, для опрашиваемых школьников критерий близости 6 («would marry» был переведен как «В качестве близкого (любимого) человека»). Изменен объект оценивания — респондентам предлагалось выразить степень дистанции человека, отличающегося по национальным признакам, религиозным убеждениям или политическим взглядам. Испытуемому приходилось самостоятельно определять критерий дистанцирования — национальность, религия, политические взгляды или убеждения. Поскольку целью измерения был уровень выраженности экстремистской

направленности, сопровождающейся ксенофобией, в эмпирическом анализе задача детализации признака — национальность, религия или политические взгляды, — испытуемому не ставилась. Модификация также позволила избежать навязывания категорий, о которых испытуемые в силу их возраста, политической и социально-экономической ситуации обследования не были достаточно осведомлены, упростить процедуру обследования за счет сокращения времени на ответ. Полученные результаты были подвергнуты дисперсионному анализу (см. рис. 1).

Максимальная степень дистанции характерна для высокого уровня показателей шкал «Национализм», «Ксенофобия», «Фанатизм». Данные различия статистически значимы по показателям «Фанатизм» ($F = 3,564, p < 0,0013$), «Национализм» ($F = 5,587, p < 0,0000$), «Ксенофобия» ($F = 2,263, p < 0,035$), «Авторитаризм» ($F = 2,492, p < 0,021$). Наибольший уровень социального удаления (избегания) характерен для шкал «Ксенофобия» и «Национализм».

У опрошенных с высокими показателями по этим шкалам отмечается стремление максимально дистанцироваться от представителей иных национальностей, религиозных или политических взглядов; имеющие низкие значения, наоборот, допускают социальное сближение до уровня проживающего по соседству, одноклассника или одноклассника, близкого (любимого) человека.

Рис. 1. Вид социальной дистанции в зависимости от позиции (ранга) шкалы

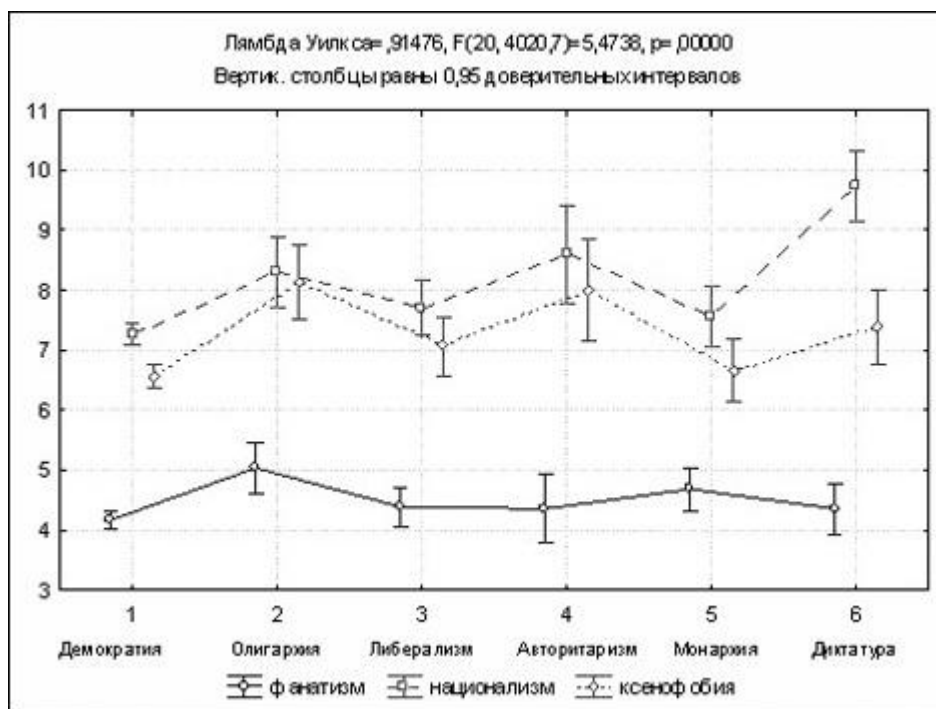
Примечание. 1. Проживающего отдаленно от меня (в другой части города). 2. Проживающего в моем квартале (улице). 3. Проживающего по соседству. 4. Учащегося в моем классе (моей группе). 5. В качестве моего друга. 6. В качестве близкого (любимого) человека.

Для содержательного анализа нами была разработана и применялась шкала выбора предпочитаемой формы государственного управления. Ее цель заключалась в определении предпочтений формы управления в зависимости от уровня выраженности установок. В настоящее время экстремистская активность в российском информационном пространстве сопровождается призывами к изменению государственного устройства, формы правления, конституционного строя. Формы государственного управления были выбраны по результатам контент-анализа образцов экстремистских текстов, явившихся материалами судебной психолого-лингвистической экспертизы. Наиболее часто предлагаемыми формами управления в экстремистском призыве выступают диктатура, монархия, авторитаризм, а наиболее критикуемыми — демократия и либерализм. В анкете эти формы были сгруппированы в шкалу и респонденту предлагалось выбрать наиболее предпочитаемый вид управления государством. Полученные результаты обрабатывались однофакторным дисперсион-

ным анализом (ANOVA). Средние и дисперсии по каждой из форм управления представлены на рис. 2.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что выбор диктатуры в качестве механизма государственного управления статистически значимо определяет высокий уровень выраженности показателя по шкале «Национализм» ($F = 14,661$, $p < 0,00001$). Испытуемые, предпочитающие авторитарный и олигархический виды государственного управления, отличаются повышенным уровнем значения показателя «Ксенофобия» ($F = 7,054$, $p < 0,00001$). Для испытуемых с высоким значением показателя «Фанатизм» предпочтительнее других становится форма олигархического управления ($F = 4,085$, $p < 0,001$).

Следовательно, высокие значения показателей отражают позицию опрашиваемого в части выбора механизмов государственного управления, коррелируют с предпочтениями директивных и карательных форм управления у испытуемых с высокими значениями показателей шкал «Национализм» и «Ксенофобия».

Рис. 2. Форма государственного управления в зависимости от выраженности показателей шкал экстремистских установок

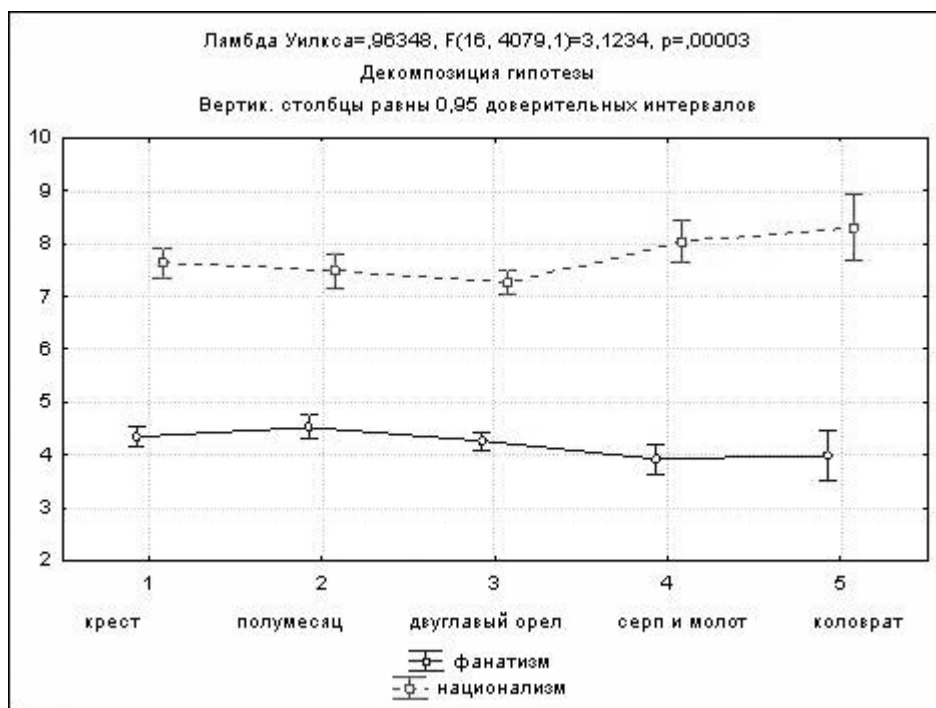
Примечание. По горизонтали перечислены формы государственного управления, по вертикали — уровень выраженности установки, общий для шкал «Фанатизма», «Национализма», «Авторитаризма». Точками на кривых отмечены средние значения показателей, вертикальные линии — 95 % дисперсии ответов опрошенных.

Также в исследовании содержания шкал анкеты нами была разработана и применялась шкала предпочтения и отрицания политической и религиозной символики. Теоретические основания разработки подобной шкалы обоснованы в ряде исследований по проблемам политической лингвистики [Скочило 2012]. В шкале использовались вербальные стимулы «Крест», «Полумесяц», «Двухглавый орел», «Серп и молот», «Коловрат». Выбор символов обусловлен типами политических идеологий, распространенных в современном российском социально-политическом и информационном пространстве. Символы не были представлены в графическом виде, поскольку обозначение «коловрат» не является достаточно распространенным, в отличие от изображения, следовательно, его выбор предполагает знакомство опрашиваемого с его современными репрезентациями (экстремистской нагруженностью).

При выполнении задания испытуемому предлагалось обвести предпочитаемый символ и зачеркнуть отвергаемый. В процессе обработки результатов учитывались только те ответы, в которых испытуемый четко фиксировал свой выбор, обводя и подчеркивая по одному символу. Результаты выбора и

значения показателей анкеты по выборке были подвергнуты однофакторному анализу ANOVA (см. рис. 3).

Дисперсионный анализ уточнил характер влияния. Было установлено, что выбор символа «Коловрат» характеризует высокий уровень показателя шкалы «Национализм» ($F = 4,582$, $p < 0,0011$), выбор символа «Полумесяц» — значительную выраженность показателя шкалы «Фанатизм» ($F = 3,0376$, $p < 0,01$). Показатели шкал «Авторитаризм» и «Ксенофобия» статистически значимого влияния на предпочтения символов не оказали. Высокий уровень националистической установки может проявляться и в символической составляющей — выборе свастики, серпа и молота как знаках особого типа политической культуры и социального устройства с отрицанием отдельных национальностей, социальных групп, культур. Интересно, что символ «Полумесяц» предпочитается испытуемыми с повышенным уровнем значения по шкале «Фанатизм». Здесь тип установки, вероятно, раскрывается содержанием символа. Также нами изучалось отрицание символов опрашиваемыми. Результаты ANOVA по статистически значимым результатам графически представлены на рис. 4.

Рис. 3. Выбор символа в связи с различным уровнем показателей по шкалам «Фанатизм» и «Национализм»
 Примечание. По горизонтали перечислены политические и религиозные символы, по вертикали — уровень выраженности установки, общий для шкал «Фанатизм», «Национализм». Точками на кривых отмечены средние значения показателей, вертикальные линии — 95 % дисперсии ответов опрошенных.

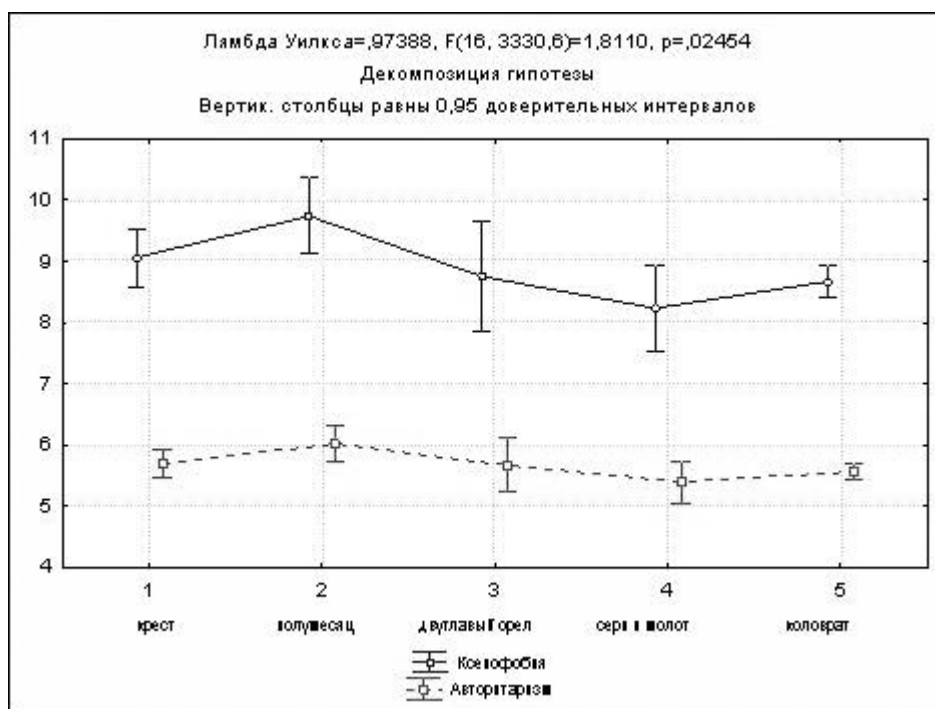

Рис. 4. Отрицание символа в связи с различным уровнем показателей по шкалам «Ксенофобия» и «Авторитаризм»

Примечание. По горизонтали перечислены политические и религиозные символы, по вертикали — уровень выраженности установки, общий для шкал «Фанатизм», «Национализм». Точками на кривых отмечены средние значения показателей, вертикальные линии — 95 % дисперсии ответов опрошенных.

Дисперсионный анализ показал статистически значимое влияние отрицаемых символов на показатели шкал «Ксенофобия» ($F = 3,317, p < 0,0013$) и «Авторитаризм» ($F = 2,444, p < 0,0449$). Символы «Полумесяц» и «Крест» отрицаются опрашиваемыми с высоким уровнем показателей по шкалам «Ксенофобия» и «Авторитаризм». Выражение негативизма испытуемых объясняется перечнем предпочитаемых и отрицаемых символов.

Для выявления особенностей оценки испытуемыми образцов экстремистских текстов выборка была разделена нами на две группы (с высокими и низкими значениями по шкалам анкеты). Для первичной оценки был проведен анализ ANOVA, показавший, что по всем утверждениям в совокупности обследуемые с высоким уровнем экстремистской установки склонны давать утвердительные ответы, а с низким — отрицательные ($F = 1,909$ при $p < 0,0061$). Как было установлено на материале всей выборки исследования, статистически значимо коррелируют с баллом оценки согласия (несогласия) с утверждениями показатели всех шкал, что говорит о связи экстремистской установки и экстремистского текста. Специфический характер связи прослеживается на полярных

группах. Так, у группы с высоким уровнем экстремистской установки степень согласия с утверждениями статистически значимо коррелирует с показателями шкал «Национализм» ($\tau = 0,47$ при $p < 0,0053$) и «Ксенофобия» ($\tau = 0,55$ при $p < 0,0053$). Вероятно, в восприятии утверждений определенную роль играют установки националистического и ксенофобического оттенка, определяющие мнение исследуемых. У группы с низким уровнем экстремистской установки согласие с утверждениями отрицательно связано со значением шкалы авторитаризма ($\tau = -0,25$ при $p < 0,0059$). Остальные шкалы не продемонстрировали значимых корреляций, что свидетельствует об отсутствии националистических, ксенофобических установок у испытуемых в оценке экстремистского текста.

Для определения особенностей группирования утверждений в группах испытуемых с высоким и низким уровнем экстремистских установок был проведен кластерный анализ, позволивший выделить специфические особенности принятия либо отрицания образцов текста испытуемыми. Кластерный анализ проводился методом расчета полной связи (Complete linkage) с учетом евклидовой дистанции.

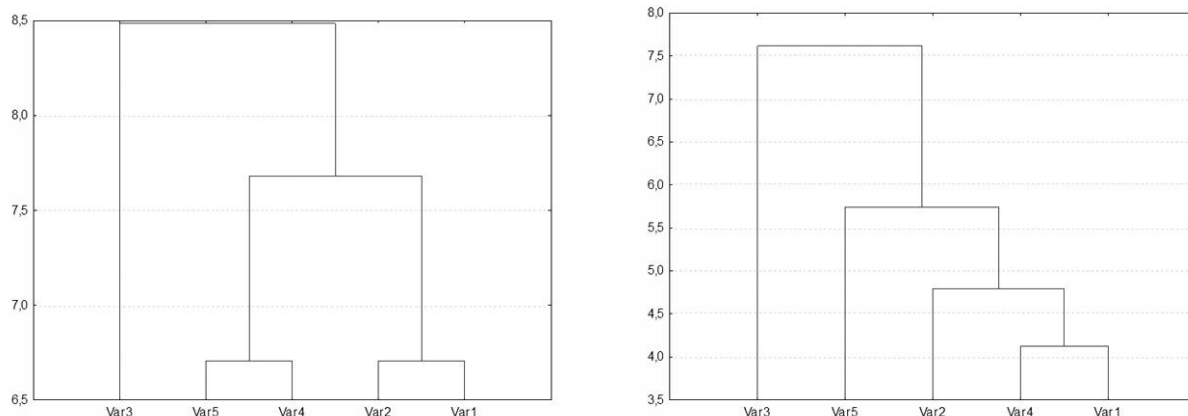

Рис. 5. Дендрограммы группирования утверждений экстремистского характера

Примечание. Левая группа — высокий уровень, правая — низкий уровень экстремистской установки. Утверждения: var1 — «Думаю, что большинство преступлений в нашем регионе совершается иностранными мигрантами»; var 2 — «Знаю, что мигрантам никогда не привыкнуть к нашему образу жизни, порядкам и культуре»; var3 — «Считаю, что в ситуации кризиса в нашей стране вину за него следует возлагать на захватившие власть социальные (национальные) меньшинства»; var4 — «Думаю, что основными проблемами русского народа являются пьянство и деградация»; var 5 — «Думаю, что для решения многих социальных проблем было бы неплохо выгнать всех мигрантов и переселенцев».

Сопоставление кластерных структур показывает, что в ядре кластеров для испытуемых с высоким уровнем экстремистской установки объединяются утверждения о криминальности и потенциальной неадаптивности «мигрантов», второй кластер объединяет часто встречающиеся в националистической среде идеи о пьянстве и деградации русского народа с представлением о необходимости изгнания всех мигрантов (последнее утверждение эксплуатируется одной из партий, участвующих в выборах в органы местного самоуправления в г. Екатеринбурге и Свердловской области). Идея переноса вины за «развал» страны (var3) выходит за пределы кластеризации и является наиболее дистанцированной от сформированных кластерных структур. Данная особенность наблюдается и в выборке опрошенных с низким уровнем экстремистской установки. В этой группе в ядро кластерной структуры включены утверждения о криминальности иностранных мигрантов и деградации русского народа. В дальнейшем, на третьем шаге кластеризации, к ним примыкает утверждение о необходимости изгнания мигрантов и переселенцев.

Обобщая сказанное, отметим, что различия в кластерных моделях демонстрируют как порядок объединения, так и основания классификации. Высокий уровень экстремистской установки проявляется в активном и агрессивном отрицании представителей иных национальностей, низкий — в объединении идей слабой нации и негативного влияния других национальностей. Безусловно, в методологии исследования невозможно определить иную систему координат, по-

мимо уже существующей, заданной; в реальной ситуации палитра взглядов, без сомнения, богаче. В то же время определение смысловых элементов экстремистской установки позволяет нам разобраться в уровне их выраженности. Так, с помощью процедур регрессионного анализа можно предсказать степень согласия обследуемых с перечнем экстремистских утверждений, опираясь на уровень экстремистской установки. Для этого нами применялась множественная регрессионная модель, рассчитанная методом гребневой регрессии с $\lambda = 0,1$. Гребневая регрессия позволяет уточнить вероятность прогноза в ситуации высокой связи анализируемых переменных. Действительно, социально-психологические показатели анкеты высоко коррелируют друг с другом ($r > 0,70$ при $p < 0,001$). Свободный член модели нами исключен, поскольку линия регрессии должна проходить через начало координат, ведь отсутствие согласия с утверждениями в нашем случае статистически значимо связано с низкими значениями показателей анкеты. Полученное на третьем шаге регрессионное уравнение имеет следующий вид:

$$\text{Согласие} = 0,12 * \text{«Ксенофобия»} + 0,09 * \text{«Национализм»} + 0,11 * \text{«Авторитаризм»}.$$

Параметры уравнения: $R = 0,84$; $R^2 = 0,72$; скорректированное $R^2 = 0,71$, $F(3,248) = 213,36$; $p < 0,0001$; стандартная ошибка оценки: 1,517. Полученное уравнение позволяет объяснить 72 % дисперсии переменной «Согласие с утверждениями», что говорит о достаточно уверенном прогнозировании уровня согласия испытуемых с экстремистскими утверждениями. Опишем уровни наблюдаемых и предсказанных значений (см. табл. 2).

Таблица 2

Наблюдаемые и предсказанные значения по полученному регрессионному уравнению

Уровень	Значения		Остатки	Махаланобиса расстояние	Кука расстояние
	Наблюдаемые	Предсказанные			
Минимум	0,00	0,88	- 3,57	0,23	0,00
Максимум	5,00	3,99	+ 4,00	7,56	0,02
Среднее	2,48	2,25	+ 0,23	1,88	0,00
Медиана	2,00	2,18	+ 0,23	1,78	0,00

Примечание. «Наблюдаемые»: 0 — не согласен со всеми утверждениями, 5 — согласен со всеми утверждениями. «Предсказанные» — усредненное значение согласия в соответствии с показателями шкал «Национализм», «Ксенофобия», «Авторитаризм». Остатки — разности между наблюдаемыми значениями и значениями, предсказанными изучаемой моделью. Чем лучше модель согласуется с данными, тем меньше величина остатков.

Расстояние Махаланобиса свидетельствует о значимом отклонении независимых переменных от средних значений по выборке, хотя расстояния Кука варьируются незначительно. В целом уравнение предсказывает уровень согласия респондентов с минимальными и средними значениями экстремистской установки, у опрошенных с высоким уровнем погрешность (дисперсия) оценок обусловлена выбросами. Наличие выбросов характеризует, по всей видимости, парадокс Р. Лапьера, показавшего, что согласие испытуемого с определенными идеями вовсе не означает готовность к действиям для их реализации [Степанов 2005: 346—347]. Так, из 250 опрошенных с высокими и низкими уровнями националистической и ксенофобической установки шестеро согласны с представленными утверждениями, однако не продемонстрировали достаточный уровень выраженности по шкалам методики.

Психологический смысл полученного уравнения заключается в том, что согласие респондента с экстремистскими высказываниями прямо обусловлено ксенофобическими, националистическими установками и уровнем авторитарности.

Обсуждение результатов и выводы

Восприятие текста сопровождается не только формированием его смысловой картины, но и актуализацией смыслов у реципиента, уточнением или модификацией образа. Экстремистский текст нагружен эмоциональными и мотивирующими реципиента формулами (призывами и пропагандистскими высказываниями), восприятие которых не может не задействовать когнитивную и рефлексивную составляющие самосознания. В использованных нами исследованиях показано, что восприятие эмоционально значимого текста связано с оценочно-идентифицирующими механизмами самосознания

воспринимающего, в частности с активизацией в сознании категорий «свой» и «иной». Ксенофобическая идея экстремистского текста структурирует «образ Я» слушателя, идентифицируемый с латентными категориями социально-психологической общности — нацией, религиозными или политическими взглядами социальной группы. У подростков и молодежи экстремистский текст не только формирует отклик в эмоциональных процессах и состояниях воспринимающего субъекта, но и влияет на культуру повседневности, структурируя ее в виде опыта жизнедеятельности, ценностей и норм. Если рассуждать в пессимистическом ключе, следует отметить, что с насыщением информационного пространства аудиовизуальная культура экстремистского текста трансформируется в повседневную культуру современной молодежи.

Исследование базировалось на идее о взаимообусловливании воспринимающего и воспринимаемого в современном информационном пространстве, о неразрывности развития интерпретационных возможностей субъекта, формирования самосознания субъекта и совершенствования текста. Цель исследования охватывала лишь часть сформулированных в теоретическом анализе гипотез и была направлена на описание и уточнение роли психологических особенностей реципиента в репрезентации экстремистского текста.

Полученные с помощью методов математико-статистического анализа выводы свидетельствуют об успешной детализации исходных положений исследования. Так, националистически и ксенофобически ориентированные участники опроса предпочитают символику коловрата, серпа и молота, подчеркивая стремление к тотальности собственного сознания и самосознания, выбирают формы государственного управления (монархия, авторитарность) в соответствии с тенденциями доминирующих экстремистских установок.

Оценка методом социальной дистанции по Богардусу показывает, что испытуемые с преобладанием националистических и ксенофобических идей стремятся максимально отдалиться от представителей других наций, политических и религиозных взглядов.

При определении степени согласия с экстремистским текстом корреляционный и дисперсионный анализ обнаруживает связь мнения испытуемых с уровнем выраженности установок, а различия в кластерных структурах характеризуют деструктивный (активно-агрессивный) либо отчуждающий (пассивно-агрессивный) тип категоризации утверждений.

Регрессионный анализ демонстрирует зависимость согласия испытуемых с утверждениями экстремистской направленности от уровня ксенофобических, националистических и авторитарных установок и с определенной степенью точности позволяет предсказать ассимиляцию смысловых единиц экстремистского текста.

Полученные выводы предполагают дальнейшее движение исследовательских интересов — к вопросу о динамике самосознания реципиента в связи с восприятием экстремистского текста, качестве изменений в категориях интерпретации текста, эффектах экстремистского призыва и пропаганды, формировании когнитивных структур и саморазвития субъекта в аспекте экстремистского дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / под общ. ред. д-ра филос. наук В. П. Култыгина. — М. : Серебряные нити, 2001.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2007.
3. Ворошилова М. Б. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика : вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/voroshilova_m_b_chernaja_chuma_nominacii_vraga_v_ekstremistskom_tekste/5-1-0-119 (дата обращения: 21.08.2013).
4. Голиков Л. М. Семиотика экстремистского текста // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридиколингвистическая герменевтика : вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_l_m_semiotika_ekstremistskogo_teksta/5-1-0-137 (дата обращения: 21.08.2013).
5. Злоказов К. В. Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-

экстремистской направленности // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 210—216.

6. Иваненко Г. С. Анализ формы речевого воздействия на адресата как аспект судебного исследования экстремистского текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2008. С. 82—87.

7. Колосова О. Пьяный таджик напугал мам растегнутой шириной // KP40.Ru : сайт / ИД «КП-Калуга». 2013. 20 авг. URL: http://www.kp40.ru/news/gorod_oblast/21657 (дата обращения: 21.08.2013).

8. Меркурьев В. В., Аганов П. В. Криминологическая характеристика преступности, связанной с организацией экстремистского сообщества // Криминологический журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2013. № 1. С. 26—35.

9. Московского стилиста Любашенко убил молодой таджик // Mosday.ru : сайт. 2013. 21 июня. URL: <http://mosday.ru/news/item.php?190625> (дата обращения: 21.08.2013).

10. О противодействии экстремистской деятельности = Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 29.04.2008) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. № 138—139. 30 июля.

11. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. — М. : Смысл, 2008.

12. Сергеев В. Социальная дистанция и национальные установки // Телескоп. 2008. № 2. С. 57—61.

13. Скочилова В. Г. Символические структуры политической идеологии в ценностном измерении // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3. С. 93—102.

14. Степанов С. С. Популярная психологическая энциклопедия. — М. : Эксмо, 2005.

15. Таджик изнасиловал беспомощную 11-летнюю девочку в Череповце // Правые новости : сайт. 2013. 25 июля. URL: <http://pn14.info/?p=137055> (дата обращения: 21.08.2013).

16. Adorno T., Frenkel-Brunswick E., Levinson D., Sanford R. N. The authoritarian personality. — N. Y. : Harper, 1950.

17. Bogardus E. S. Psycho-Sociological Thought // History of Social Thought. — Los Angeles : Univ. of Southern California, 1922. P. 366—388. URL: http://www.brocku.ca/Mead_Project/Bogardus/1922/1922_22.html. (дата обращения: 23.08.2013).

18. Eysenck H. J. Sense and nonsense in psychology. — Harmondsworth : Penguin, 1957. URL: <http://www.ditext.com/eysenck/politics.html> (дата обращения: 23.08.2013).

19. Lazarsfeld P., Merton R. Mass Communication: Popular Taste and Organized Social Action // Mass Communications / Urbana. 1960. URL: http://www.journalism.wisc.edu/~downey/courses/j201/pdf/readings/LazarsfeldP.etal_201948.pdf (дата обращения: 21.08.2013).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.133.1 (Мазон А.)
ББК Ш5(4Фра)

ГСНТИ 16.01.09; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

А. Мазон
Страсбург, Франция
Пер. с фр. К. Л. Филатовой, Д. В. Спиридонова
**ЛЕКСИКА ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ
В РОССИИ (1914—1918).
ИМЕННАЯ ДЕРИВАЦИЯ**

A. Mazon
Strasbourg, France
Translated from French by K. L. Filatova, D. V. Spiridonov
**LEXIS OF WAR AND REVOLUTION
IN RUSSIA (1914—1918).
NAME DERIVATION**

Аннотация. Перевод раздела «Иноязычные слова» знаменитой книги выдающегося французского лингвиста Андре Мазона «Лексика войны и революции в России (1914—1918)» («Lexique de la guerre et de la revolution en Russie (1914—1918)»). Оригинальный текст был опубликован в 1920 году.

Abstract. This is a translation of the part: “Name Derivation”, of the book written by the famous French linguist Andre Mazon “Lexis of War and Revolution in Russia (1914—1918)”. («Lexique de la guerre et de la revolution en Russie (1914—1918)»). The original was published in 1920.

Ключевые слова: язык революции; лексика; политическая лингвистика; история русского языка; лингвистическая советология; заимствование; французский славист Андре Мазон.

Key words: language of revolution; lexis; political linguistics; history of the Russian Language; linguistic Sovietology; derivation; French Slavist Andre Mazon.

Сведения об авторе: Андре Мазон (1881—1967), доцент филологического факультета.

About the author: Andre Mazon (1881—1967) Associate Professor of the Faculty of Philology.

Место работы: Страсбургский университет.

Place of employment: Strasbourg University.

Сведения о переводчиках:

About the translators:

Филатова Ксения Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках.

Filatova Ksenya Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages.

Место работы: Уральский федеральный университет.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Контактная информация: 620083, Екатеринбург, Тургенева, 4, к. 390.

e-mail: ksenya.filatova@gmail.com.

Спиридонов Дмитрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания.

Spiridonov Dmitry Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Romance Linguistics.

Место работы: Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, ком. 111.

e-mail: dspiridonov@mail.ru.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

1. ИМЕННАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Суффиксы прилагательных и существительных можно разделить на две основные смысловые группы: *суффиксы наименований людей* и *суффиксы наименований вещей или абстрактных существительных*.

А. Суффиксы наименований людей

Номинативный суффикс -ецъ и адъективные суффиксы -скій, -ескій

Номинативный суффикс *-ецъ* и адъективные суффиксы *-скій, -ескій* относятся

к наиболее продуктивным, как обозначающие принадлежность к партии или группе, приверженность человеку или программе (вроде *петрашевцы* и *чернопередельцы*).

Так, война, с одной стороны, отметила последние годы старого режима наименованием *распутинецъ*, «почитатель или сторонник Распутина», в то время как, с другой стороны, задолго до Февральской революции она вынуждала русских социалистов занимать ту или иную позицию, в зависимости от того, были ли они *оборонцы*, от абстрактного существительного *оборона*, или же *пораженцы*, от абстрактного существительного *поражение*.

Продолжение. Предыдущий раздел, «Новые основы», публиковался ранее: *Политическая лингвистика*. 2013. № 1 (43). С. 205—210. № 2 (44). С. 186—190. 2009. № 2 (28). С. 152.

© Мазон А., 1920

© Филатова К. Л., Спиридонов Д. В., перевод на русский язык, 2013

Внутренние разногласия в социалистических фракциях также уже давно привели к появлению наименований *ленинцы*, «социал-демократы из группы Ленина», *плекхановцы*, «те же из группы Плеханова», *мартовцы*, «те же из группы Мартова», *вперёдovцы*, «те же из группы „Вперёд“»^[1], *голосовцы*, «те же из группы „Голос“»^[2], *партийцы* или *примиренцы*, «сторонники примирения между всеми группами ради объединения партии», *пелёсовцы*, «люди из P. P. S., т. е. Польской социалистической партии (*Polska partja socialistyczna*)», — все эти наименования появились до 1914 г.^[3], в войну к ним добавились *контральцы*^[4] и *циммервальдцы* или *циммервальденцы*^[5].

Далее революция вызвала появление следующих наименований примерно в таком хронологическом порядке:

- вскоре после Февральской революции: *романовцы*, «люди или сторонники Романо-ва», *керенцы*, «сторонники Керенского», *либерданы*, «сторонники лидеров меньшевиков Либера и Дана» (прозвище, которое большевики образовали от имен символической пары, ранее обозначенной словом *либердан*), *объединенцы*, «сторонники политики объединения различных социалистических фракций», *кронштадтцы*, «люди из Кронштадта»;

- в августе 1917 г.: *корниловцы*, «сторонники генерала Корнилова»^[6];

- за зиму 1917—1918 гг.: *алексеевцы*, «сторонники генерала Алексева»^[7], *каледины*, «сторонники Каледина»^[8];

- весной и летом 1918 г.: *дутовцы*, «люди Дутова»^[9]; *скоропадцы*, «сторонники гетмана Скоропадского»; *красновцы*, «люди Краснова»^[10], которых также называли *донцы*, «люди с Дона»; *Возрожденцы*, «фракция центральных и правых социал-революционеров, объединившихся вокруг московской ежедневной газеты „Возрождение“»^[11];

- в течение осени 1918 г.: *деникинцы*, «сторонники генерала Деникина»^[12], *гетманцы*, «сторонники гетмана Скоропадского»^[13], *петлюры*, «сторонники Петлюры»^[14], *независимцы*, «независимые немецкие социалисты»^[15];

- за зиму 1918—1919 гг.: *григорьевцы*, «солдаты генерала Григорьева»^[16].

Поскольку большое число этих производных форм было образовано от имен собственных с суффиксом *-овъ* (или *-евъ*), в некоторых производных формах этот же суффикс возникает как вставка между корневым элементом и суффиксом *-ецъ* (ср.: *вперёдovцы*). Так произошло в следующих случаях: *илиодоровцы* (слово это сформировалось во время войны как некое противопос-

тавление *распутинцам* со значением «сторонники монаха Илиодора», противостоящие сторонникам Распутина)^[17]; *бундовцы*, «еврейские социалисты Бунда» (слово старое, однако ставшее в это время особенно популярным)^[18]; *учреділовцы*, «члены Учредительного собрания и его сторонники» (слово образовано от уничижительной формы *учреділка*, см. далее); *радовцы*, «сторонники Украинской рады»^[19]; *мирбаховцы*, «люди, выполняющие приказы графа Мирбаха»^[20], представители Германской империи в Москве (оскорбление, которое бросили большевикам левые социал-революционеры в ходе первого заседания Пятого съезда Советов в июле 1918 г.); *блүхеровцы* (Из., 29 ноября 1918; «венгерские военнопленные под командованием австрийца Блюхера», разбившие отряды чехословаков на Урале и в Западной Сибири летом 1918 г.^[21]); *спартаковцы*^[22], *шейдемановцы*^[23]; *левицовцы*, «члены или сторонники польских левых социалистов, *levica*»; дублиеты *петлюровцы* (Пр., 23 ноября 1918 г.) и *петлюры* (Из., 23 ноября 1918 г.); *махновцы*, «люди из шайки Махно» (которая свирепствовала в районе Екатеринослава в конце 1918 г. и в течение всего 1919 г.)^[24].

Перед суффиксом *-ецъ* ставится элемент *-ан* (ср.: *гегельянцы*) в слове *каутскианцы*, «социалисты из группы Каутского»^[25].

Большей части этих существительных на *-ецъ* соответствуют в употреблении (без наличия деривационной связи) формы прилагательных с суффиксом *-скій*. Например: *распутинскій* («распутинский срам»), *ленинскій* («трехмиллионная ленинская армия», Пр., 6 ноября 1918), *плекхановскій* («из плехановского лагеря», Из., 4 декабря 1918), *дутовскій* («дутовские банды» — часто встречающееся в большевистских газетах выражение), *деникинскій*, *красновскій* («деникинские и красновские ударники»), *петлюрскій* («петлюрские молодцы», Из., 23 ноября 1918), и со вставным суффиксом *-ов*: *учреділовскій* («советская власть и учреділовская», Из., 17 октября 1918), *петлюровскій* (Из., 5 декабря 1918). Все эти формы образуются напрямую от имени собственного, без опосредующего участия существительного на *-ецъ*. Имена на *-н-ец*, образованные от абстрактных существительных, напротив, порождают адъективные формы с палатальным согласным в суффиксе *-н-ч-ескій*, например: *оборн-ч-ескій*, *поражен-ч-ескій*, *примирен-ч-ескій* («...если мелкая буржуазия относится к нам более примиренчески», Пр., 5 декабря 1918).

Бывают такие же адъективные формы на *-скій*, которые появляются при отсутствии соответствующего им существительного на

-ецъ. Образованные от имен собственных или нарицательных, они также обозначают принадлежность к партии или политическому институту. Так, от антропонимов образованы следующие слова: *милюковскій, вильсоновскій* (в последнем по аналогии всегда присутствует суффикс *-ов-*); от названий партий — *эсерскій* и дублет *эсеровскій, имперіалістскій, коммунистскій*; от названия института, Совета народного хозяйства, — *совнархозскій* (Из., 21 ноября 1918, фельетон П. Стучки^[26]). Дериваты *большевистскій* и *меньшевистскій* сложились под влиянием суффикса существительного *-истъ*, фигурирующего в словах *имперіалістъ* или *троцкістъ*, «член фракции Троцкого», или *правдистъ*, «сторонник группы старой „Правды“ из Вены»; то же самое демонстрирует слово *вечекістскій* (Из., фельетон от 21 ноября 1918), соответствующее аббревиатуре В. Ч. К. (Всероссийская чрезвычайная комиссия), и слово *викжелістый* (от *викжель*) — это изолированный представитель другого типа прилагательных. Употребление слова *керенскій* в функции прилагательного, соответствующего аналогичной фамилии *Керенскій*, — не более чем смелая и любопытная игра, которая, однако, не имела продолжения: «Это не царская, и не керенская армии...» (Пр., 6 ноября 1918).

Суффикс существительного *-икъ, -ичка, -ица* и адъективный суффикс *-скій*

Суффиксу существительного *-икъ*, выражающему качество личности, предшествует либо элемент *-ов-* (или в мягкой форме, *-ев-*), либо элемент *-н-*, позаимствованный из адъективной формы, от которой образуется слово (как *народникъ* от прилагательного *народный*).

Следующий за элементом *-ов-* (*-ев-*) и всегда находящийся под ударением, этот суффикс с 1903 г. принес в политический словарь такие единицы, как *большевик* (жен. *большевичка*), — русифицированную форму слов *большинствистъ, большевистъ*, «российский социал-демократ большинства», — и *меньшевикъ* (жен. *меньшевичка*), «российский социал-демократ меньшинства», — русифицированную форму слов *меньшинствистъ, меньшевистъ*. В войну появилось слово *тыловикъ*, «человек тыла», противопоставленное *фронтвику*, «человеку фронта» (Голос минувшего. 1918. № 4—6. С. 161). Другие подобные слова: *центровикъ*, «социалист центра», либо русский социалист-революционер из группы Чернова^[27], либо иностранный социалист, партия которого в целом занимает центральную позицию; *пищевикъ*, «человек, работающий в пищевой промышленности или в торговле продукта-

ми». Если существуют соответствующие этим дериватам формы женского рода, они получают суффикс *-ичка*.

Следующий за элементом *-н-*, как правило, в безударной позиции, если только он не происходит из адъективной формы с ударением на последний слог, этот же суффикс получил развитие в последние годы: *безгосударственникъ* («Всѣ подлинно русскіе, національные наши писатели, мыслители, публицисты, всѣ были безгосударственниками, своеобразными анархистами». Н. Бердяевъ. Судьба России. М., 1918. С. 4); *внѣшкольникъ*, «всякий сотрудник учреждений внешкольного образования» (см. историю этого слова, которое, видимо, возникло в 1911 г., здесь: Е. А. Звягинцевъ. Словарь внѣшкольнаго образования. М., 1918. С. 18); *дошкольникъ*, «человек, имеющий отношение к дошкольному образованию» (см. статью, озаглавленную «Дошкольное воспитание», в Первом народном календаре на 1919 г. Р. С. Ф. С. Р., Петроград, 1919. С. 115—116); *заграничникъ*, «революционер, проживающий за границей» (С. И. Мельгунов и М. Я. Цявловский. Большевики. 2-е изд. М., 1918. С. 185); *областникъ* («сибирские областники», Пр., 4 декабря 1918); *полупорапудникъ*, «член некой профессиональной ассоциации, имеющий поэтому право перевозить при определенных условиях полтора пуда муки»; *районникъ*, «директор районной библиотеки или районного внешкольного учреждения» (Е. А. Звягинцевъ. Op. cit. С. 65), *ударникъ*, «солдат ударного батальона»; *саботажникъ*, ругательство в адрес представителей буржуазии, которое широко распространили большевики (см. дублиеты этого деривата ниже); *стихийникъ*, «человек, признающий некоторые политические или общественные движения силой природы, перед которой невозможно устоять, и подчиняющийся им» (Голос минувшего. 1918. № 4—6. С. 146); *сыпникъ*, «больной тифом».

Дериват *молчальникъ* (например, как прозвище, которое большевики давали немецкому независимому социалисту Газе^[28]: «великий молчальникъ», Из., 15 декабря 1918) образован от глагола *молчать*, так же как и старый административный термин *цѣловальникъ* от глагола *цѣловать* (в значении «целовать крест при произнесении клятвы»).

Суффиксу *-икъ* предшествует элемент *-ч-* (как в слове *извозчикъ*) в слове *лѣтчикъ*, а также в шуточном производном слове *компродчик* — «человек, относящийся к комисариату по продовольствию» («коммуна компродчиков»; ср.: Дм. Грейцер. Пролетарствующие, повесть конца 1917 и начала 1918 г., Петроград, 1919. С. 3), — которое

было создано на основе разговорной аббревиатуры *компрóд* (комиссариат по продовольствию)^[29].

Производные слова мужского рода с суффиксом *-н-икъ* могут образовывать формы женского рода на *-н-ица*, такие как *саботáжница*, *удáрница*. Они могут также образовывать прилагательные с суффиксом *-еский*, равные прилагательным на *-ьский* и при образовании палатализирующие финаль *-икъ* (ср. *наро́днический* от *наро́дникъ*), например *областни́ческий* от *областни́къ* («сибирская областническая интеллигенция народнического толка», Пр., 4 декабря 1918).

*Суффикс существительного
-тель (-тельница)
и адъективный суффикс -ский*

Одновременно с выражением *углублять революцию* во время революции возникло новое производное слово *углубитель* («углубитель революции». Голос минувшего. 1918. № 4—6. С. 169). Одновременно в статьях и в боевых речах большевиков оживилось старое слово *соглашатель*, которое до этого существовало скорее в словарях, чем в реальном употреблении: *соглашателем* стали называть «социалиста, идущего на примирение», который в определенных условиях готов сотрудничать с буржуазией.

Формы женского рода, соответствующие этому типу словообразования, получают при замене суффикса *-тель* на суффикс *-н-ица*, например: *соглашательница* («Спиридонова, эсерка-соглашательница», Из., 17 ноября 1918»); формы прилагательных прибавляют суффикс *-ский* к суффиксу *-тель*, например: *соглашательский* («соглашательские иллюзии еще не изжились», Пр., 26 ноября 1918).

*Суффиксы существительного
-ачь, -якъ, -áнтъ (или -янтъ),
-ústь и -áторь, -óнерь*

Русские суффиксы *-ачь* и *-якъ*. Старый суффикс *-ачь* встречается в слове *слухачь*, «прослушивающий телефонный разговор». На фоне слова *бѣднякъ*, «бедный крестьянин», одного из тех, вокруг которых объединялась большевистская политика («деревенские бедняки»), в период Октябрьской революции стал популярным построенный по той же модели термин *середнякъ*, «средний крестьянин», тот, кто находится посередине между кулаком и бедняком.

Суффиксы иностранного происхождения *-áнтъ (-янтъ)*, *-ústь*, *-áторь* и *-óнерь*. Тип дериватов с ударным суффиксом *-áнтъ* (или в форме *-янтъ* после мягкого) обогатился следующими словами: *курсáнт* (Из., 22 декабря 1918), который служит формой муж-

ского рода по отношению к старому существительному *курсíстка*; *саботáнт*, менее распространенный дублет существительного *саботáжник*; *спекулáнт*, наименование, получившее, как мы знаем, большое распространение со времен войны.

Ударный суффикс *-ústь* в военной области произвел такое слово, как *ландштурмíсть*, «военнослужащий ландштурма»^[30], в политической области — *саботажíст*, *жоресíст*^[31], *лонгэ́тíст*^[32] (Н. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Кауцкий. М., 1918. С. 81), *эрве́ст*^[33] (Г. Зиновьев. Второй Интернационал и проблема войны. Петроград, 1918. С. 44) и т. д. От аббревиатуры *цекá* (см. ранее) было образовано *цекíст*, «член Центрального комитета».

От суффикса *-áторь* с ударением на предпоследний слог были образованы такие слова, как *украинизáторь* и прилагательное *украинизáторский* («украинизаторская деятельность»); к этому типу относятся *ликвидáторь*, «сторонник ликвидации подпольных революционных организаций», и *агитáторь*, *агитáторский*, уже старые слова, ставшие расхожими во время революции («агитаторская школа», школа большевистской пропаганды).

Суффикс *-онéрь* с ударением на последний слог появляется в дериватах, соответствующих абстрактным существительным на *-iя* с прилагательными на *-юнный* (таким, как *револю́ция*, *револю́ционный*, *револю́ционерь*). Он был задействован в образовании слова *легио́нерь* во время войны, в значении «доброволец французского Иностранного легиона», и во время революции — в образовании слова *милио́нерь*, которое народное остроумие иногда заменяет на *милице́йский*, употребляющееся в шутку как существительное по аналогии со словом *полице́йский*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Группа «Вперед» (Г. А. Алексинский, А. А. Богданов, М. Н. Покровский и др.) — эмигрантская группа социал-демократов, организаторы партийных школ РСДРП в Болонье и на Капри. — *Прим. перев.*

[2]. Имеется в виду группа меньшевиков (Ю. О. Мартов, Ф. И. Дан и др.), сформировавшаяся в эмиграции вокруг журнала «Голос социал-демократа» (Париж). — *Прим. перев.*

[3]. С. И. Мельгунов и М. А. Цявловский. Большевики. — 2-е изд. — М., 1918. — С. 48 и далее; см. особенно на с. 58 таблицу фракций Российской социал-демократической партии в 1911 г.

[4]. Делегаты Второй Циммервальдской международной социалистической конференции

(см. ниже), прошедшей в 1916 г. в швейцарском городке Кинталь. По результатам конференции было принято обращение, в котором содержался призыв «сложить оружие, обратить его против общего врага — капиталистических правительств», а также указывалось, что единственное средство помешать войнам — это завоевание власти рабочим классом. — *Прим. перев.*

[5]. Социалисты-интернационалисты, сторонники и участники так называемого Циммервальдского союза, провозглашенного на Международной социалистической конференции в Циммервальде (1915) и объединившего более двадцати социалистических партий. В результате конференции был принят написанный Л. Троцким пацифистский манифест, в котором содержался призыв начать борьбу за «мир без аннексий и контрибуций». Более радикальные делегаты во главе с В. И. Лениным, Г. Е. Зиновьевым и К. Радеком («циммервальдская левая») выступили за форсирование социальной революции, в том числе путем гражданской войны. Циммервальдский союз был распущен в 1919 г. на I Конгрессе Коминтерна. — *Прим. перев.*

[6]. Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — русский военный, генерал, в Гражданскую войну руководитель белого движения на Юге России. — *Прим. перев.*

[7]. Алексеев Михаил Алексеевич (1857—1918) — русский военный, генерал-адъютант, в Гражданскую войну создатель и руководитель Добровольческой армии, крупного объединения белогвардейских войск на Юге России. — *Прим. перев.*

[8]. Каледин Алексей Максимович (1861—1918) — русский военный, генерал, после революции избран донским атаманом, руководитель Войскового правительства Донской области. — *Прим. перев.*

[9]. Дутов Александр Ильич (1879—1921) — русский военный, генерал-лейтенант, после Февральской революции избран председателем Всероссийского союза казачьего войска, атаман Оренбургского казачества. Один из лидеров антибольшевистского движения. — *Прим. перев.*

[10]. Краснов Пётр Николаевич (1869—1947) — русский генерал, атаман Великого Войска Донского. После Октябрьской революции по приказу Керенского возглавил поход на Петроград, однако в силу малочисленности своих сил сдался большевикам. Был отпущен ими на Дон, где продолжал антибольшевистскую деятельность. С 1920 г. — в эмиграции. — *Прим. перев.*

[11]. Имеется в виду «Союз возрождения» (Н. Н. Щепкин, С. П. Мельгунов, А. Р. Гоц и др.) — политическая организация, выступавшая за «свержение немецкого ига», большевистской власти и «вводление демократизма»; объединяла отдельных социал-революционеров, кадетов, меньшевиков. «Союз» под прикрытием эсеров издавал

легальную газету «Возрождение», официально значившуюся беспартийной. — *Прим. перев.*

[12]. Деникин Антон Иванович (1872—1947) — русский военный, генерал-лейтенант, в Гражданскую войну один из руководителей белого движения, заместитель Верховного правителя России (титул адмирала А. В. Колчака) и Верховного главнокомандующего Русской армией. С 1920 г. — в эмиграции. — *Прим. перев.*

[13]. Скоропадский Павел Петрович (1873—1945) — российский военный, генерал-адъютант Николая II, во время Гражданской войны при поддержке немецких оккупационных войск совершил государственный переворот, был избран гетманом Украины, упразднил Украинскую Народную Республику, установил Украинскую Державу. С 1918 г. — в эмиграции. — *Прим. перев.*

[14]. Петлюра Симон Васильевич (1879—1926) — украинский политический деятель, один из лидеров украинских социал-демократов, после провозглашения Украинской Народной Республики стал военным секретарем нового правительства. После установления Украинской Державы ушел в оппозицию, организовал восстание против режима Скоропадского, восстановившее УНР. После отставки Винниченко стал фактическим диктатором Украины. С 1921 г. — в эмиграции. — *Прим. перев.*

[15]. Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ) — политическая партия в Германской империи, основанная в 1917 г. в результате раскола Социал-демократической партии Германии (СПДГ); представляла левое крыло немецких социалистов (Г. Гаазе, К. Каутский, В. Дитман, Э. Барт и др.). — *Прим. перев.*

[16]. Григорьев Николай Александрович (1885—1919) — украинский партизан, самопровозглашенный «атаман партизан Херсонщины и Таврии». — *Прим. перев.*

[17]. Илиодор (в миру Сергей Михайлович Труфанов, 1880—1952) — иеромонах (затем расстрига), духовный и политический деятель, придерживался крайне правых взглядов. Благодаря содействию Г. Распутина нашёл покровителей в государственных сферах, однако тут же начал бороться с ним. Считается вероятным организатором покушения Гусевой на жизнь Распутина. Став известным проповедником и целителем, был лишен сана, отрекся от церкви, затем сотрудничал с большевиками. С 1914 г. — в эмиграции. — *Прим. перев.*

[18]. Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) — еврейская социалистическая партия, выступавшая с идеями демократического марксизма. Действовала с начала 1890-х гг. — *Прим. перев.*

[19]. Украинская центральная рада — один из органов государственной власти на Украине, созданный в Киеве по инициативе украинских «прогрессистов», Украинской социал-демокра-

тической рабочей партии и др. политических сил. Упразднена в результате переворота гетмана Скоропадского. — *Прим. перев.*

[20]. Вильгельм Мирбах (1871—1918) — немецкий дипломат, посол Германии в Москве, убит левыми эсерами, которые таким образом пытались развязать новую войну с Германией. — *Прим. перев.*

[21]. Имеется в виду поход отряда Василия Блюхера (1889—1938, очевидно по ошибке названного здесь австрийцем), посланного на Южный Урал для борьбы с частями генерала А. И. Дутова и оказавшегося, вследствие восстания Чехословацкого корпуса и оренбургских казаков, отрезанным от снабжения. В результате прорыва блюхеровцев соединения интервентов были дезорганизованы, прервано сообщение с белогвардейским тылом, что ускорило наступление на Урал и Западную Сибирь войск Восточного фронта осенью 1918 г. В отряд Блюхера и братьев Кашириных (так называемый южноуральский партизанский отряд) входили, помимо русских, бывшие пленные венгры, отпущенные большевиками по условиям Брестского мирного договора, а также немцы, австрийцы, китайцы, украинцы, эстонцы, латыши и мн. др. — *Прим. перев.*

[22]. «Союз Спартака» (Р. Люксембург, К. Либкнехт и др.) — марксистская организация в Германии, изначально в составе СДПГ как оппозиционная группа «Интернационал», затем, после раскола СДПГ, левое крыло НСДПГ. Выступала за разоружение войск и установление в Германии советской республики. После провозглашения Веймарской республики «Союз» вошел в состав оппозиционной Коммунистической партии Германии. — *Прим. перев.*

[23]. Филипп Шейдеман (1865—1939) — немецкий социал-демократ, председатель социалистической фракции в парламенте, затем, после отречения Вильгельма II, член правительства и первый канцлер Веймарской республики, один из лидеров правого крыла СДПГ, пришедшей к власти в результате Ноябрьской революции 1918 г. и противостоявшей НСДПГ и «Союзу Спартака». — *Прим. перев.*

[24]. Махно Нестор Иванович (1888—1934) — анархист-коммунист, предводитель отрядов, действовавших во время Гражданской войны на юге России. — *Прим. перев.*

[25]. Карл Каутский (1854—1938) — немецкий экономист, теоретик марксизма, один из лидеров немецкого социал-демократического движения. «Каутскианцы», сторонники ортодоксального марксизма, противостояли отколовшейся группе «бернштейнианцев», сторонников Э. Бернштейна, отрицавшего историческую необходимость революции и выступавшего за эволюционные социальные преобразования. — *Прим. перев.*

[26]. Стучка Петр Иванович (1865—1932) — латышский революционер, после Февральской революции занимал различные должности в правительстве большевиков. В ноябре 1918 г. — заместитель наркома иностранных дел. Статьи Стучки регулярно печатались в «Правде» и «Известиях». — *Прим. перев.*

[27]. Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) — русский политический деятель, основатель партии Социалистов-революционеров, министр Временного правительства, председатель Учредительного собрания, после роспуска которого ушел в оппозицию большевистскому режиму. С 1920 г. — в эмиграции. — *Прим. перев.*

[28]. Вероятно, имеется в виду Гуго Гаазе (1863—1919) — немецкий политик, основатель Независимой социал-демократической партии Германии. Прозвище «великий молчальник» (нем. Der große Schweiger) изначально употреблялось по отношению к Хельмуту Мольтке (1800—1891), германскому военачальнику и военному теоретику, считающемуся, наряду с Бисмарком, одним из основателей Германской империи. — *Прим. перев.*

[29]. *Addenda*: Элемент *-ч-* также предшествует суффиксу *-икъ* в иронической номинации *комитётчикъ*, «член политического комитета».

[30]. Ландштурм (нем. Landsturm) — в Австрии и Германии резерв вооруженных сил, мобилизуемый только во время войны из числа отбывших срочную службу или освобожденных от нее и выполняющий исключительно вспомогательные функции. — *Прим. перев.*

[31]. Производное от имени французского социалиста Жана Жореса (1859—1914); образовано на французской почве и в русском языке является заимствованием (*jaressiste*). — *Прим. перев.*

[32]. Производное от имени французского журналиста и революционера, члена Международного товарищества рабочих Шарля Лонге (1839—1903); образовано на французской почве и в русском языке является заимствованием (*longuétiste*). — *Прим. перев.*

[33]. Производное от имени французского социалиста Гюстава Эрве (1871—1944), который на Штутгартском конгрессе 2-го Интернационала (1907) предложил проект антимилитаристской резолюции, призывавшей к отказу от мобилизации и восстанию против любой войны; слово образовано на французской почве (*hervéiste*) от *hervéisme*, названия антимилитаристской доктрины Эрве, появившегося в начале 1900-х гг. и также воспринятого русским языком: в частности, Ленин, участвовавший в Штутгартском съезде, уже в 1907 г. резко критиковал «полуанархические нелепости эрвеизма» (Полн. собр. соч. Т. 16. С. 72). — *Прим. перев.*

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

Дискуссии. Раздел предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

1. Теория политической лингвистики. Этот раздел предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т. е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.

3. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в предыдущий раздел.

4. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.

5. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение — статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров. С аспирантов плата за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника не взимается.

С 2012 г. все присылаемые материалы проверяются в системе «Антиплагиат». В случае заимствования чужих идей без указания источника цитирования в соответствии с принятыми в научном сообществе нормами статьи возвращаются авторам.

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера — не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А. П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ar_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати, и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень;
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно);
- подразделение организации;
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей;
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. №. 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).